

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»**

Институт иностранных языков

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

Сборник научных трудов

V Международной научно-практической конференции
14-15 октября 2021 года, г. Орёл

ОГУ имени И.С. Тургенева

Орёл 2021

УДК 811.15 (08)

ББК 81.2

Я 41

Рецензенты:

Абакумова О.Б.

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Шашкова В.Н.

кандидат филологических наук, профессор Орловского юридического института
министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова

Я 41 Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение.

Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции (14-15 октября 2021 г., г. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева). – Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, издательство «Картуш», 2021. с. 544

ISBN 978-5-9708-0947-1

Сборник научных трудов отечественных и зарубежных ученых посвящен актуальным проблемам лингвистики в аспекте взаимосвязи языка, культуры, коммуникации, проблемам обучения иностранному языку и переводу, проблемам когниции, коммуникации и анализа дискурса.

Издание адресовано лингвистам, филологам, специалистам в области методики, перевода, межкультурной коммуникации, студентам, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется проблемами языка, культуры, коммуникации в их взаимодействии.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 811.15 (08)

ББК 81.2

ISBN 978-5-9708-0947-1

© Коллектив авторов, 2021
© ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021

Редакционная коллегия:

- Якушев Максим Валерьевич – директор Института иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
- Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Бакина Анна Дмитриевна – заведующий кафедрой английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Иванова Оксана Юрьевна – заведующий кафедрой иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
- Клочков Алексей Валерьевич – заведующий кафедрой немецкого языка,
кандидат филологических наук, доцент
- Ретинская Татьяна Ивановна – заведующий кафедрой романской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Макарова Наталья Анатольевна – заведующий кафедрой иностранных языков
сфере в профессиональной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент
- Щекотихина Ирина Николаевна – заведующий кафедрой английского языка,
кандидат филологических наук, доцент
- Калашникова Лариса Валентиновна – профессор кафедры английского языка,
доктор филологических наук, профессор
- Новикова Татьяна Васильевна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Александрова Анжелика Паруйровна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Комарова Алла Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Иванишин Дмитрий Александрович – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Яковлева Юлия Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат педагогических наук, доцент
- Тимошенко Ирина Владимировна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук
- Кирюхина Надежда Владимировна – ассистент кафедры английской филологии
Дормидонтова Екатерина Валерьевна – специалист
по учебно-методической работе

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА	10
Бриз Эндрю Чарльз, профессор, Наваррский университет (Памплона, Испания) THE RUSSIAN SUITORS IN SHAKESPEARE'S <i>LOVE'S LABOUR'S LOST</i>	10
Солопов Алексей Иванович, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва) А.С. ПУШКИН В ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX–XXI ВВ.: РАЗНОВИДНОСТИ И ЖАНРЫ ЭТИХ ПЕРЕВОДОВ.....	17
Петрова Ольга Владимировна, к.ф.н., профессор, НГЛУ имени Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород) ЧТЕНИЕ БЕЗ ПОНИМАНИЯ: ЭТАП РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЛИ БОЛЕЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?	22
Шершунович Иоанна, профессор, Белостокский университет (Белосток, Польша) SEMANTIC INDEFINITENESS AND DISCOURSAI POTENTIAL OF CULTURALLY EMBEDDED PHRASEMES. A CASE STUDY OF THE MODERN POLISH WINGED WORDS <i>SORRY, TAKI</i> <i>MAMY KLIMAT</i>	30
Якоп Наташа, ведущий научный сотрудник, Академия Наук и Искусств Словении (Любляна, Словения) PHRASEOLOGY ON THE SLOVENIAN DICTIONARY PORTAL FRAN: COMPARISON BETWEEN DICTIONARIES	36
Янь Кай, к.ф.н., доцент, Шао Хуацзе, магистрант, Университет им.Суть Ятсена (Гуаньчжоу, КНР) “ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ” В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале данных ассоциативных экспериментов)....	42
Иоансян Евгения Рафаэлевна, д. ф. н., ведущий научный сотрудник, ИЯ РАН (Москва) ОБ ОДНОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ПРЕДИКАТНЫХ ЕДИНИЦ	50
Дронов Павел Сергеевич, к. ф. н., старший научный сотрудник, ИЯ РАН (Москва) ТРАНСФОРМАЦИИ ИДИОМ VS. ФУНКЦИЯ ИДИОМ В ПРЕДЛОЖЕНИИ.....	56
Огольцева Екатерина Васильевна, д. ф. н., профессор, МПГУ (Москва) ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ ТИПА <i>ЗМЕЯ ЗМЕЕЙ</i> КАК ПРОДУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ И ОЦЕНОЧНОСТИ	63
Савицкий Владимир Михайлович, д. ф. н., профессор, Самарский социально-педагогический университет (Самара) ВЫРАЖЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК И РЕЧЬ.....	73
Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филол. наук, профессор, зав.кафедрой русского языка, РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург) ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ.....	80
Боева-Омелечко Наталья Борисовна, д. ф. н., профессор, ЮФУ (Ростов-на-Дону) ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА ДРУЖБЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ)	86
Абакумова Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЫ И ИХ ТРАНСФОРМЫ – РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ.....	95
Карасик Владимир Ильич, д. ф. н., профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СЮЖЕТНЫХ МОТИВОВ (на материале пьесы Дж. Б. Пристли «Теперь пусть уходит»)	108

НАУКА МОЛОДЫХ	122
Леонидов Илья Андреевич, магистрант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) КОНЦЕПТЫ УМА И ГЛУПОСТИ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ	122
Гончарова Ирина Владимировна, магистрант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ ПО СРАВНЕНИЮ С РУССКИМИ	127
Кубышкина Дарья Алексеевна, магистрант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел), Абакумова Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О СЧАСТЬЕ	133
Загоруй Алена Александровна, аспирант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) МЕТАФОРА И ЕЕ РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	140
Ильминская Виктория Игоревна, аспирант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ПОСЛОВИЦА КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ	148
Гридасов Антон Кудратуллович, магистрант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) К ВОПРОСУ О ПРИЕМАХ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А.П.ЧЕХОВА «Степь»)	154
Аксенчикова-Бирюкова Ангелина Александровна, магистрант Гомельский ГУ имени Ф.Скорины (Гомель) СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМОТИВА «ЛЮБОВНАЯ ТОСКА» В ПОЭЗИИ ЛИ ЦИНЧЖАО И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ	159
Дворянинова Карина Андреевна, аспирант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК ОТРАЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕДМЕТАХ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ С ЛЕКСЕМОЙ «HORSE»	166
Новиков Артем Владимирович, аспирант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ПОСОБИЯ ПО ПИСЬМЕННОМУ И УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ	171
Пакус Виктория Олеговна, аспирант ЮФУ (Ростов-на-Дону) КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В США В ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧАХ Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА	177
Волкова София Алексеевна, студент ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир) DEFINITIONS IN SPECIFYING DOMAINS IN ENGLISH BUSINESS PHRASEOLOGY	182
Валуева Анастасия Владимировна, студент, Скотникова Алиса Дмитриевна, студент студент ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир) BE-TERMS IN BANKING PHRASEOLOGY OF ENGLISH	186
Иванова Александра Викторовна, студент ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир), Прокопина Наталья Игоревна, старший преподаватель ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ФРАЗЕОЛОГИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	190
Иванова Александра Викторовна, студент ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир) НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ В АНГЛИЙСКОЙ ФЕ-ТЕРМИНОЛОГИИ	196

Кононова Мария Валерьевна, учитель английского языка ОГУ имени И.С. Тургенева, Гимназия №1 (Орел) РАБОТА НАД ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНОЙ РЕЧИ НА ЭТАПЕ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУПЕНИ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (на материале английского языка).....	201
Цуканов Михаил Викторович, магистрант ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ЧИСЛОВОЙ КОД В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ.....	209
Паламарчук Анастасия Сергеевна, аспирант ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир) ВИДЫ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ НАСЕР.....	215
РАЗДЕЛ №1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ:	
ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ	221
Зайцева Наталия Викторовна, к.ф.н., доцент, Южно-Российский институт управления РАНХиГС ЮРПУ (Ростов-на-Дону) РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ МОЛОДОСТЬ – СТАРОСТЬ В РУССКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	221
Шашкова Валентина Николаевна, к.ф.н., профессор, ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова (Орел), Уколов Василий Вадимович, курсант ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова (Орел) ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА «FINGERPRINT» В СОСТАВЕ КОМПЛЕКСНЫХ НОМИНАТИВОВ.....	228
Фарик Гази Авла, аспирант, НИУ БелГУ (Белгород) TRUTHFULNESS OF DEMOCRACY: AN EAGLE’S EYE VIEW.....	233
Гончарова Любовь Марковна, к.ф.н., доцент, Государственный Институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва) КУЛЬТУРА, ЭТИКА VS АГРЕССИЯ, КОНФЛИКТ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ.....	242
Мальцева Елизавета Игоревна, преподаватель МГЛУ (Москва) ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МЕТАЯЗЫКЕ МУЗЫКИ.....	248
Цуканова Елена Михайловна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА В СЛОВАРЕ.....	254
РАЗДЕЛ №2: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ	261
Борискина Ольга Викторовна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С.Тургенева (Орел) УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРОЦЕССА В ОБУЧЕНИИ РКИ.....	261
Борунова Елизавета Борисовна, к.п.н., доцент, МГПУ (Москва), Пескова Ирина Михайловна; к. биол. н., доцент, МГПУ (Москва) ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА.....	268
Игнатов Кирилл Юрьевич, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва) К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНИКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА.....	274
Миронова Татьяна Петровна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ТЕСТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ФАКУЛЬТЕТА.....	280

Терновых Тамара Юрьевна, к.п.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНЕМОТЕХНИК В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ.....	288
Яковлева Юлия Михайловна, к.п.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И УПРАВЛЕНИЕ ИМИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	294
Яковлева Юлия Михайловна, к.п.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел), Иванова Екатерина Игоревна, магистрант, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ЯЗЫКОВОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	302
Якушев Максим Валерьевич, к.п.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ДИДАКТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ К РЕСУРСАМ МЕДИАТЕКИ.....	307
РАЗДЕЛ №3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ	313
Козельская Елена Анатольевна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....	313
Коростеньский Йиржи, к.ф.н., доцент, Западно-Чешский университет (Плзень, Чешская Республика) ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ И ВОПРОСЫ ИХ ПЕРЕВОДА (ЧЕШСКО-РУССКИЙ ПЛАН)	319
Кушнина Людмила Вениаминовна, д.ф.н., профессор, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет (Пермь), Глаголев Ярослав Борисович, старший преподаватель, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет (Пермь) МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ АНТРОПОНИМА КАК КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.....	325
Лучинская Елена Николаевна, д.ф.н., профессор, Кубанский ГУ (Краснодар), Кокора Юлия Васильевна, ассистент Кубанский ГУ (Краснодар) ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА ПРИМЕРЕ СОБСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ ЧЭНЬ ЦИНЖУНА «珠和觅珠人» («ЖЕМЧУЖИНА И ИСКАТЕЛЬ»).....	334
Новикова Татьяна Васильевна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ВАРИАТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОШИБКА.....	338
Титова Галина Анатольевна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	346
РАЗДЕЛ №4: ДИСКУРС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	354
Волошина Светлана Владимировна, к.ф.н., доцент, Томский государственный университет (Томск) КОНЦЕПТ «СИБИРЬ» В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ СЁЛ).....	354
Головушкина Марина Владимировна, к.ф.н., доцент, Пензенский государственный университет (Пенза) СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ СРАВНЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.....	360
Мартынова Елена Михайловна, д.ф.н., профессор, Академия ФСО России (Орел) ИСКУССТВО ПЛАКАТА И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	368

Королькова Анжелика Викторовна, д.ф.н., профессор, Смоленский государственный университет (Смоленск) АФОРИСТИКА И КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	374
Калашникова Лариса Валентиновна, д.ф.н., профессор, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ПРИРОДА ПАРАДОКСА. ПАРАДОКС КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на материале произведения Carroll L. «Through the Looking-Glass and What Alice Found There»).....	382
Кушнина Людмила Вениаминовна, д.ф.н., профессор, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет (Пермь), Кан Синьюнь, аспирант, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет (Пермь) ОНОМАСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В КОНТЕКСТЕ КОМИЧЕСКОГО.....	392
Токарев Григорий Валерьевич, д.ф.н., профессор, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (Тула) О НЕКОТОРЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЯЧ. ИВАНОВА.....	401
Чечиль Алексей Павлович, к.п.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА, СВЯЗАННЫЕ С ПРОФЕССИЕЙ ИЛИ РОДОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНОВ САН-АНТОНИО.....	406
Юдкин-Рипун Игорь Николаевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент Академии наук Украины ИИФЭ НАНУ (Киев) АНАФОРА КАК СРЕДСТВО СВЯЗНОСТИ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ОСВЕЩЕНИИ МЕРЕОЛОГИИ.....	412
РАЗДЕЛ №5: КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ	420
Богданова Людмила Ивановна, д.ф.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва) ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ОЦЕНОК И ЦЕННОСТЕЙ.....	420
Верижникова Екатерина Анатольевна, ст.преподаватель, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел), Савина Ксения Викторовна, студент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДА.....	426
Савицкая Екатерина Владимировна, к.ф.н., доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара) ОППОЗИЦИЯ «ПРАВООБРАЗНОЕ :: ЛЕВОЕ» КАК КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	432
Щекотихина Ирина Николаевна, к.ф.н., доцент, зав.кафедрой английского языка, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ВО САДУ ЛИ...? (к размышлениям о природе и типологии сверхсловных номинаций).....	438
Сапиева Саида Казбековна, к.ф.н., доцент Адыгейского государственного университета (Майкоп) ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В НАУКЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ.....	446
РАЗДЕЛ №6: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ	453
Азарова Ирина Владимировна, доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ТЕКСТЫ СМИ КАК ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА).....	453
Долгова Елена Викторовна, к.ф.н., сотрудник Академии ФСО России (Орел), Кравцова Анастасия Алексеевна, ст.преп. ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ В НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	463

Иванишин Дмитрий Александрович, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА В НОВЫХ МЕДИА (на примере компьютерных игр Tomb Raider (2013) и The Rise of the Tomb Raider (2015)).....	469
Ничипорчик Елена Владимировна, д.ф.н., зав.кафедрой Гомельского ГУ имени Ф. Скорины ПРЕВЬЮ КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	476
Тимошина Светлана Анатольевна, преподаватель СПО кафедры «Английский язык», Пензенский государственный университет (Пенза) ТЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ПУБЛИКАЦИЯХ ПРЕССЫ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ О ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.....	487
Филичкина Татьяна Петровна, к.ф.н., доцент, сотрудник Академии ФСО РФ (Орел) МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА СОЦИУМА.....	491
РАЗДЕЛ №7: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ ...	495
Бакина Анна Дмитриевна, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой английской филологии, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEDIA TEXTS AND THE SPECIFICS OF THEIR TRANSLATION.....	495
Василенко Анатолий Петрович, д.ф.н., профессор, Брянский ГУ имени И.Г. Петровского (Брянск) НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА	501
Ващекина Татьяна Владимировна, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва) АНАЛИЗ И КОММЕНТИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ.....	507
Котова Марина Юрьевна, д.ф.н., профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург) О РУССКОЙ ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА НА ФОНЕ ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ПОСЛОВИЦ).....	512
Мушинская Виктория Владиславовна, к.ф.н, доцент СПбГУ (Санкт-Петербург) ПРОБЛЕМАТИКА ПОДБОРА ПОСЛОВИЧНЫХ УКРАИНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦ.....	519
Кирюхина Надежда Владимировна, ассистент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) ВАРИАТИВНОСТЬ ИНФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА АНТИПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	525
Соловьева Екатерина Евгеньевна, магистрант, Бакина Анна Дмитриевна, к.ф.н., доцент, ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел) БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ И ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	532

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

THE RUSSIAN SUITORS IN SHAKESPEARE'S *LOVE'S LABOUR'S LOST*

Andrew Charles Breeze

University of Navarra

Pamplona, Spain

Russians appear in Shakespeare's one play set in Navarre; here, for a Russian conference, is a paper from Navarre on those Russians. The play is *Love's Labour's Lost*, written (it seems) in 1593 and revised in 1597. It is an elaborate witty comedy, perhaps first performed as a Christmas entertainment for the Earl of Southampton. That would account for its sophisticated word-play and topical allusions, usually (and unfortunately) lost on modern audiences, so that the piece requires skilled direction. But the plot is simple. King Ferdinand of Navarre and his lords resolve to forsake the court (and the company of women), giving themselves to study and austere contemplation. They reckon without the arrival of the determined and spirited Princess of France with her ladies. Comedy results from the efforts of these Frenchwomen to outwit the Navarrese in matters of love.

This brings us to the Russians. To keep the letter (and no more) of their vow to abstain from female society, Ferdinand and his associates disguise themselves as Muscovites. Such devices are common in drama, as with the 'Turks' of Molière's *Le bourgeois gentilhomme* (1670) or the 'Albanians' of Mozart's (and da Ponte's) *Così fan tutte* (1790). In Shakespeare's play the action comes in the play's final act (scene two), as follows.

To the sound of trumpets, the Navarrese royal party enters 'disguised' and masked as Russians. Supposedly knowing no language but Russian, they need an interpreter. Moth (a diminutive pageboy) begins a speech on the ladies' beauty, gets his words wrong, is dismissed. A Navarrese lord who is not disguised takes over, telling one lady (Rosaline) that the Russians desire to worship 'the sunshine of your

face'. There is repartee between her and the King. Even if the 'Russians' cannot speak, however, they can dance. Music strikes up. Although the Frenchwomen at first will have none of it, they then begin to converse individually with the 'Russians', only to break off abruptly. The music stops. The Princess bids adieu to the 'frozen Muscovits'. They depart, the ladies ask each other who they were. Then the King of Navarre and his entourage return 'in their proper habits' and the action continues. So the passage is brief. There is still a surprising amount to say about this earliest instance of Russians on the English stage. We begin with historical context, before looking at commentary on Shakespeare's text.

Anglo-Russian relations began (need one say?) in Queen Mary's time with Sir Hugh Willoughby (d. 1554) and Richard Chancellor (d. 1556) of the Muscovy Company, continuing with the merchant Anthony Jenkinson (d. 1611) and the diplomat Giles Fletcher (d. 1611). On the other side was Czar Ivan IV (d. 1584). Russia's trading and other contacts had long been impeded by neighbours (Swedes, Poles, Teutonic Knights) to the west. Ivan's enlightened encouragement of his English visitors would get round that. The mariners Willoughby and Chancellor had set off in 1553 in an attempt to reach India via the north-east passage, but their ships were separated in a storm. Willoughby's vessel reached the south side of the Kola Peninsula, only to be trapped by winter ice, in which he and his men perished. Chancellor was luckier. He arrived at Archangel, visited the court at Moscow, returned home. He came back to Archangel and Moscow in 1555, but died in a shipwreck on the Scottish coast the year after. His work was continued by Anthony Jenkinson, who in 1557 reached Moscow via Archangel and the River Dvina, going on next year to Astrakhan and then Bukhara (in Uzbekistan). He returned to Moscow and in 1560 was back in London. The result of his efforts was a grant in 1567 of trade with the White Sea for the Muscovy Company, confirmed on Jenkinson's final mission (1571-2). The trade was two-way. Russians bought English wool; the English bought Russian furs and other products.

Last in this series is Giles Fletcher: Cambridge don, Greek scholar, lawyer, MP, diplomat, poet (and father of poets). He was sent on a mission to Russia in 1588

and came back with a successful trade treaty. In 1591 he published a book on the Russian state and people, which was long influential (despite attempts to suppress it). He, then, concludes a remarkable story; and its permanent memorial is Old English Yard, Moscow. This, the Muscovy Company's original Russian headquarters, is a modest white-faced building from Ivan IV's time. Situated by a park in a street east of Red Square, Old English Yard was visited in 1994 by the Queen on a state visit to Russia. It reminds one of three things: a period of good Anglo-Russian relations; the courage of Elizabethan and Stuart mariners, who had to brave the Arctic's terrible winter storms; and the considerable profits for which they did that. A trade in wool or furs or whale-oil is the prosaic background to the Russian suitors in Shakespeare's comedy of love. Now for comments on the latter, showing interesting developments.

First are remarks by John Dover Wilson on productions of 1938 and 1946, restoring 'lightness and beauty' to the play with new 'delicacy' and rapid 'shifts of colour' and 'ballet-like speed'. To this we shall return. Notes allow other conclusions. Curious here is the stage direction for the entry (to music) of the King and his companions, with mention not of Russians but blackamoors (or sub-Saharan Africans). It is strange because there is nothing (at first sight) in the actual dialogue on Africans, only on Russians. Implication: the stage direction is a fossil, dating from 'the first draft' of the scene. Shakespeare originally meant the Navarrese to look like Othello; changed his mind; made them appear as Russians; yet forgot to rewrite his stage-direction. It is striking evidence on how his mind worked. Also pointed out is the special attention paid in the early 1590s to Russian affairs, where Giles Fletcher's book on Muscovy attracted much attention (including that of the censor). There is no reason to think that Shakespeare read it. Nevertheless, when he wrote this play, Russians had certainly been in the news. He was not the only person to see the possibilities for a dramatist, because we know of a Russian masque given at Gray's Inn (one of London's four colleges of law) in January 1594. That would be immediately (?) after the first performance of *Love's Labour's Lost*. It underlines the topicality then of Russians for English audiences. A final point. In one line, the Navarrese lord Berowne speaks of how he and the other 'Russians' desire 'like

savages' to worship the sun-like beauty of the Frenchwomen. Dover Wilson comments that 'Muscovites were of course savages to the Elizabethans.'¹ But he did not think that out. The word 'savages' is strong, too strong for Russians. It is surely a relic from the masque scene's first draft, with Africans and not Muscovites. They might be thought of as savages who worshipped the sun, as primitive individuals like Caliban in *The Tempest*. Russians, in contrast, had been Christians for centuries, had books and learning, and did not adore heavenly bodies. The word 'savages' refers to blackamoors in Africa. It is nothing to do with Muscovy.

Now a second commentary, again by Dover Wilson. Despite a lifetime spent editing Shakespeare, he was more open to new ideas than many, and in 1962 wrote of his 'conversion' on this play, which he first (co-)edited in 1923. The change was due to seeing productions in 1938 by Tyrone Guthrie and 1946 by Peter Brook, two famous theatre directors, both of them eventually knighted. (It prompts questions on how *Love's Labour's Lost* is performed on the Russian stage, Russia being almost Shakespeare's second home.) Dover Wilson hence saw the comedy with new eyes. It is a play, not a poem. He stressed its visual side as regards ensembles, costume, colour, movement, in which 'the splendour of Navarre' confronts 'the grace of France'. The Muscovite scene is one of these 'dramatic minuets'. It is a 'comic ballet' in which the Navarrese (disguised as Russians) and the French ladies (also disguised) are like 'opposing armies with heralds passing to and fro', the men on one side of the stage, women on the other. Moth is the first 'herald' until forced to retire 'in confusion'. Then it is the turn of the 'nimble Boyet' to run the few yards between them, like a busy messenger. At length the ladies line up, 'dress themselves by the right' like soldiers on parade, 'make one pace forwards and address the enemy face to face'. Then, at the close of the entire scene (and play), is the entrance of a 'figure clothed in black from head to foot', coming from the French court to tell the Princess of her father's death; and the light-hearted comedy ends abruptly.² As regards the Russians, one recalls the French herald Mountjoy, in episodes not comic but tense, who rides between the armies in Act Four of *Henry V* before (and after) the Battle of Agincourt. Such are the dramatic possibilities of Shakespeare's 'Russians'. They come to the Frenchwomen

for an encounter of love, an unserious equivalent to solemn meetings for trade or diplomacy or war.

Now for a third and quite modern analysis of the Russian scene, with observations on its implications for trade (with women made out as a mere commodity) and for ethnicity. Even if one can fault details in it, the study breaks new ground not only on France and Russia, men and women, but on Navarre itself.³ That ancient kingdom, part-French, part-Spanish, part-Basque, until 1512 straddled the Pyrenees. In that year it was invaded by Castile, with four-fifths of it soon being incorporated into Spain. Only a small port north of the Pyrenees remained independent. In Shakespeare's time it was ruled by Henry of Navarre, who came to its throne in 1572, and that of France in 1589. Although brought up a Protestant, Henry in 1593 announced his conversion to Catholicism. It was sensational news, badly received in England. Anybody watching *Love's Labour's Lost* at Christmas 1593 could not fail to see Henry IV, king of France and Navarre, as in one sense the ruler in Shakespeare's mind.

How does this relate to Ladan Niayesh's paper? She begins by comparing *Love's Labour's Lost* with *The Tempest* for classical unities of time and space. In the first play, the action does not go far from the park where the Navarre courtiers set up their college. In the second, the action takes place on or near Prospero's island. Similarly, for both, it occurs in little less time than required in real life. But her emphasis on 'international conflicts, commercial networks, and early colonial endeavours' brings out further aspects of Shakespeare's first comedy and his last. Her three themes (international, commercial, colonial) are obvious in *The Tempest*. Yet they appear too in the blackamoors and Muscovites of *Love's Labour's Lost*. Worth noting on what was argued above on 'savages' who worship the sun is her comment on lines in the third scene of Act Four (218-25). The Navarrese courtier Berowne compares himself, in awe at Rosaline's beauty, to 'a rude and savage man of Inde' who 'bows his vassal head' to the sun as it rises. Ladan Niayesh relates his words to pagans in India. It underlines our argument that the 'savages' of the later masque scene are not Russians, but Africans.

Ladan Niayesh continues by pointing out various paradoxes or contradictions of the piece. In its opening lines, as the King and his fellows retire to a chaste and quasi-monastic seclusion, they boast (somewhat illogically) of becoming 'brave conquerors' who will overcome 'the huge army of the world's desires', almost as if they were conquistadores in Mexico or Peru. The blackamoors of the masque scene are another aspect of this. They represent exotic and alien natives encountered by Spanish or English explorers, with much the same being true of the Muscovites (who were to take their place in Shakespeare's final text).

That leads naturally to the subject of trade, where Ladan Niayesh reminds us of how it was long delayed by Czar Ivan IV's insistence on marrying an English wife. He first asked for the hand of Elizabeth I, then that of her lady-in-waiting, Mary Hastings, sending various embassies to England between 1567 and 1583 (this 'Russian romance' concluding only in 1584, when Ivan died). A strange real-life blend of marriage and commerce has a reflection in the masque scene. We are told how King Ferdinand asks the ladies, 'Price you yourselves. What buys your company?' In lines previous is reference to gifts as a way to gain their good favour: a picture set in diamonds for the Princess, gloves or pearls or the like for her ladies. A modern critic might see here the notion of women as property, on sale in exchange for material offerings. All the same, despite Ladan Niayesh's admiring quotation on how women might in this period be seen as 'chattels', the analogy breaks down. Women can say no, as the Princess does when news arrives of her father's death. A chattel cannot say no. Nor can the men and women on sale in a slave-market. That subverts Ladan Niayesh's remarks on 'the spectre of slavery' as supposedly looming large in *Love's Labour's Lost*. Whatever else the Princess and her companions are, they are not slaves. While one may agree with Ladan Niayesh in seeing 'luxury goods' and less glamorous woollen textiles in 'the Old World of Russia' and India and the New World as within the background of *Love's Labour's Lost*, her analysis falls down when she tries to go farther. Despite comment on 'the mechanisms of appropriation ruling everywhere', then, she herself quotes Rosaline's 'Then cannot we be bought' from the masque scene.

Conclusion: the Muscovites in the last act of *Love's Labour's Lost* are entities more complex than one might think. They show how Shakespeare's second thoughts could be better than his first ones. The blackamoors of his first draft gave way to the Russians of his final text. In his mind were the Muscovites reported on in Giles Fletcher's book of 1591, which was perhaps more present to him than the real Muscovites arriving in London between 1567 and 1583 to negotiate a dynastic marriage. By 1593 memories of them would have somewhat faded. Dover Wilson stressed the stage possibilities for the Russian delegation in their splendid attire (albeit slightly outlandish, because Rosaline later speaks of their 'shapeless gear'). A different aspect of Russian relations is brought out by Ladan Niayesh, who underlines the curious and repeated references to commerce or trading relations with lands newly-discovered and in many cases to be colonized by Europeans. Working in London, a port and city grown wealthy by the business of buying and selling, Shakespeare could see such things out of his window every day. In short, the Muscovites of the masque scene in *Love's Labour's Lost* provide a memorable and significant episode. It is altogether worthy of the first representation of Russians in English drama and English poetry.

References

1. *Love's Labour's Lost*, ed. John Dover Wilson, 2nd edn (Cambridge, 1962), pp. lxi-lxii, 176, 177.
2. John Dover Wilson, *Shakespeare's Happy Comedies* (London, 1962), pp. 72-3.
3. Ladan Niayesh, 'Muscovites and "Black-Amours": Alien Love Traders in *Love's Labour's Lost*', *Actes des Congrès de la Société française Shakespeare*, 32 (2015), 1-6.

А.С. ПУШКИН В ЛАТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX–XXI ВВ.: РАЗНОВИДНОСТИ И ЖАНРЫ ЭТИХ ПЕРЕВОДОВ¹

Солопов А.И.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются все переводы сочинений А.С. Пушкина на латинский язык, выполненные с соблюдением норм классического латинского языка в период со времени жизни поэта до нашего времени. Констатируется множественность жанров этих переводов.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, переводы на латинский язык, новолатинская словесность.

Abstract: The present paper deals with all the translations of Pushkin's works into Latin, which are made without infringement of the rules of Latin Grammar in the period lasting from the poet's lifetime up to the present. Pluraty of genres is stated.

Key words: Alexander Pushkin, translations into Latin, Neo-Latin literature.

Первым переводом Пушкина на латинский язык можно считать прозаический перевод четырех строк стихотворения «Анчар», сделанный Проспером Мериме в его очерке «Александр Пушкин» (1868 г.):

Но человека человек
Послал к Анчару властным взглядом;
И он послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

At vir virum — misit ad antchar superbo vultu, — et ille obedienter viam
ingressus est, — et rediit mane cum veneno.

¹ В основу статьи лег доклад «Пушкин в латинских переводах XIX–XXI вв.», сделанный в МГУ 17 октября 2019 г. на пленарном заседании международной научной конференции «А. С. Пушкин и русская литература», посвященной 220-летию со дня рождения поэта.

Выбор латинского языка для перевода этих строк Мериме объяснил тем, что только латинский язык способен передать емкость пушкинской фразы:

Le latin seul peut donner une idée de la concision du russe: At vir virum — misit ad antchar superbo vultu, — et ille obedienter viam ingressus est, — et rediit mane cum veneno. [8, p. 31, n. 3]

В переводе Льва Рудольфовича Когана: «Один лишь латинский язык способен передать лаконическое звучание пушкинской поэзии». [3, с. 331]

Таким образом, первый перевод Пушкина на латинский язык был выполнен в жанре прозаического подстрочника к поэтическому тексту, задачей которого было дать наиболее точное представление о языке Пушкина с точки зрения внутренней структуры высказывания.

Другой пример перевода Пушкина на латинский язык можно найти в пособии известного петербургского филолога-классика и педагога Рихарда Августовича Фохта (1834–1914) «Материалы для упражнений в переводе с русского языка на латинский». [5] Пособие представляет собой традиционную гимназическую хрестоматию русских текстов, предназначенных для перевода на латинский язык в качестве упражнений в стилистике и грамматике. Особенностью пособия Фохта было то, что его значительную часть составляют избранные пассажи из «Истории Пугачевского бунта» (всего 45 цитат, все они — неадаптированные). Своих собственных переводов на латинский язык Фохт не дает, однако многочисленные комментарии и грамматические указания позволяют весьма точно реконструировать перевод, который подразумевает составитель. В советское время подобную методику подведения учащегося к правильному переводу использовал С.И. Соболевский в своих пособиях по латинскому и древнегреческому языкам. Таким образом, фактически Р.А. Фохт дал в своей книге перевод большого объема текста пушкинской прозы. И так, второй по времени возникновения жанр перевода Пушкина на латинский язык — перевод прозы, предназначенный для дидактических целей обучения грамматике.

Следующим, и наиболее значительным по числу произведений жанром является жанр художественного стихотворного перевода. Если исключить из рассмотрения довольно многочисленные опыты перевода пушкинских стихотворений, выполненные с нарушением правил латинской грамматики и метрики, то окажется, что стихотворные переводы Пушкина на латинский язык представлены в дореволюционную эпоху творчеством двух филологов: профессора Московского университета, академика Федора Евгеньевича Корша (Korsch, 1843–1915) и профессора Варшавского университета, сенатора Григория Эдуардовича Зенгера (Saenger, 1853–1919), а в советскую — опытами рижского латиниста Романа Станиславовича Цесюлевича (Ciesiulevicz, 1905–1987) и московского филолога-классика Татьяны Вадимовны Васильевой (Basiliana, 1942–2002).

Основная часть переводов Ф.Е. Корша и Г.Э. Зенгера была опубликована ими в составе сборников собственных переводов на классические языки – «Στέφανος» Корша [9] и «Метрические переложения на латинский язык» Зенгера [4], причем переводы Зенгера в некоторой явно перекликаются с переводами Корша в духе античной соревновательности (*aemulatio*). Кроме вышеупомянутого сборника, который содержит четыре перевода из Пушкина на латинский язык и три — на греческий, Коршем был опубликован латинский перевод стихотворения «Мечтателю» в журнале «Филологическое обозрение» в 1895 г.

Подробный разбор обоих сборников был дан в классической статье Я.М. Боровского «О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык». [1] Перевод стихотворения «Мечтателю», опубликованный Коршем отдельно и не рассматривавшийся Боровским, детально проанализирован в недавней (2008 г.) статье В.В. Зельченко. Поэтому в настоящем обзоре хотелось бы отметить лишь тот факт, что одним из стихотворений, избранных Зенгером для перевода, был всё тот же «Анчар», переданный им гекзаметром.

Переводы Р.С. Цесюлевича также рассмотрены Я.М. Боровским и, собственно говоря, и явились поводом для создания его обзорной статьи. Дело

в том, что Р.С. Цесюлевич публиковал свои стихотворные переводы различных поэтов на латинский язык не только в Советском Союзе, но и за рубежом: издававший в Авиньоне латинский журнал «Vita Latina» опубликовал выполненный Цесюлевичем перевод «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...») [6, р. 46], а варшавский филологический журнал «Meander» — его перевод послания «К Овидию» [7, р. 191–193].

Эти переводы, подвергавшиеся уже Боровским справедливой критике с точки зрения точности и вкуса, тем не менее не только содействовали популяризации русской поэзии за рубежом, но и в очередной раз способствовали всплеску интереса к стихотворным переводам Пушкина на латинский язык.

Именно недовольство переводом Цесюлевича побудило заново перевести стихотворение Пушкина «Я Вас любил» автора последнего по времени перевода Пушкина — преподавателя Московского университета Т.В. Васильеву. Перевод Т.В. Васильевой был впервые опубликован в 1995 году, а затем вошел в состав полного собрания ее латинских оригинальных и переводных стихотворений, изданных кафедрой классической филологии МГУ в 2016 г. [10, с. 113] Примечательно, что так же, как Корш и Зенгер обменивались своими трудами, в том числе стихотворными сборниками, латинские переводы Васильевой в значительной части впервые засвидетельствованы в ее переписке с Я.М. Боровским.

Итак, третьим и наиболее широко представленным жанром латинских переводов Пушкина является жанр стихотворного перевода. Скорее всего, именно в этом жанре вероятнее всего следует ожидать дальнейших прибавлений в будущем, потому что большинство текстов Пушкина пока не переводилось на латинский язык ни разу.

Список литературы

1. Боровский Я.М. О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык // Временник Пушкинской комиссии. 1970. — Москва, Изд-во Академии наук СССР, 1972. — С. 68–76.

(<http://feb-web.ru/feben/pushkin/serial/v72/v72-068-.htm?cmd=2>)

2. Зельченко В.В. Об одном латинском переводе Ф.Е. Корша // *Discipuli Magistro: К 80-летию Н. А.Федорова*. Сост. Н. П. Гринцер, Д. О. Торшилов. — М., РГГУ, 2008. (*Orientalia et Classica: труды Института восточных культур и античности*; вып. 15) — С. 438—447.

3. Коган Л. Пушкин в переводах Мериме («Пиковая дама»). Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 4–5. — М.-Л., АН СССР, 1939. — Исследования и статьи. С. 331–356.

4. Метрические переложения на латинский язык Григория Зенгера. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1904. — 86 с.

5. Фохт Р.А. Материалы для упражнений в переводе с русского языка на латинский. Изд. 2-е. — СПб., 1873–1874.

6. Ciesiulevicz R. *Versio elegorum «Безумных лет угасшее веселье...»* // *Vita Latina*, 1970, № 40. — Р. 46.

7. Ciesiulevicz R. *Versio epistolae «К Овидию»* // *Meander*, 1970, № 4. — Р. 191–193.

8. Mérimée P. *Alexandre Pouchkine* // *Études de littérature russe; texte établi et annoté, avec une introduction par Henri Mongault*. Tome I. — Paris, H. Champion, 1931. — Р. 1–34.

9. Στέφανος. *Carmina partim sua Graeca et Latina partim aliena in alterutram linguam ab se conversa. Elegit recensuit in ordinem redegit Theodorus Korsch Mosquanus*. Haunia, 1886. — 58 p.

10. Tatiana Basiliana. *Interpretamenta*. // Классическая филология в контексте мировой культуры – IX. Новолатинская традиция в Европе. Материалы международной конференции, посвященной памяти Олега Дмитриевича Никитинского — *De utriusque linguae grammatica et quatenus illa*

cum omnium gentium litteris artibusque coniuncta sit. Conuentus IX a. MMXVI De linguae Latinae aetate recenti studiis. Actioes in memoriam Helgi Nikitinski Moscuensis. Отв. ред. А. И. Солопов. — М., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Филологический факультет, 2016. — С. 112–120.

Сведения об авторе:

Солопов Алексей Иванович; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; заведующий кафедрой классической филологии; доктор филологических наук, доцент; scatebr@mail.ru

Alexei I. Solopov; Lomonosov Moscow State University; Professor of Classics, Dr. hab., Chair of the Department; e-mail: scatebr@mail.ru

УДК: 81'23

**ЧТЕНИЕ БЕЗ ПОНИМАНИЯ: ЭТАП РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА
ИЛИ БОЛЕЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА?**

Петрова О.В.

*Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А.Добролюбова
г. Нижний Новгород, Россия*

Аннотация: Вызываемая клиповым мышлением неспособность студентов воспринимать и анализировать связный линейный текст требует не приспособления обучения к особенностям мышления новых поколений, направленного на облегчение понимания и запоминания, а целенаправленной работы по когнитивному развитию обучающихся.

Ключевые слова: текст, понимание, клиповое мышление, обучение, когнитивное развитие.

Abstract: The inability of students to perceive and analyze a coherent linear text, caused by clip thinking, requires targeted work on cognitive development of learners rather than adapting methods of teaching to the peculiarities of their thinking trying to make it easier for them to perceive and memorize a text.

Key words: text, comprehension, clip thinking, teaching, cognitive development.

Известно, что ребенок учится читать, сначала просто соединяя в своем сознании букву со звуком, затем – отдельные звуки друг с другом, получая при этом слоги, которые, в свою очередь, со временем начинает соединять в слова. А точнее – в то, что взрослые считают словами. Для самого ребенка это еще долго остается просто более длинными цепочками звуков, не имеющими никакого значения, никак не связанными со смыслом. Это особенно хорошо заметно в том случае, если в предлагаемом ребенку тексте есть картинка. Так, прочитав вслух слоги «ки» и «са», на вопрос, что получается вместе, малыш уверенно отвечает – «кошка». Цепочка слогов «ма-ши-на» в целом на основе картинки озвучивается как «автомобиль», а «ра-бо-чий» – как «плотник», просто потому, что рядом нарисован человек с молотком. Буквы со звуками связались, а со смыслом – нет. Через этот этап раздельного существования букв и смыслов проходят почти все дети. При грамотной помощи взрослых ребенок достаточно легко и быстро это преодолевает. Цепочка букв связывается в его сознании с денотатом и, таким образом, превращается в слово.

Дальше наступает следующий этап: слова должны при чтении соединяться между собой. В плане фонетическом это требует тренировки, но, как правило, происходит достаточно быстро. А вот в смысловом плане возникают проблемы, которые не всегда сразу обнаруживаются. Становятся они заметными только в том случае, если попросить либо пересказать текст, либо ответить на вопросы по его содержанию. Выясняется, что ребенок знает значение каждого слова, но смысла текста не понимает. Педагоги и психологи хорошо знают и саму эту проблему, и способы ее преодоления. Раньше

считалось, что к окончанию начальной школы с ней можно справиться. Поэтому методические рекомендации и пособия по обучению чтению с пониманием были, как правило, предназначены именно для этой возрастной группы.

Однако в последнее время эта болезнь значительно «повзрослела». Теперь уже и учителя литературы массово жалуются на то, что дети сравнительно легко пишут сочинения и крайне трудно – изложения, т. к. они плохо понимают чужие мысли [7].

Опыт же показывает, что проблемы с пониманием текста сохраняются и в студенческом возрасте, причем там они уже явно носят не переходный характер: они к этому времени уже превращаются в сложившийся тип восприятия как связного текста, так и целостной ситуации. Восприятия фрагментарного, дискретного.

О том, что студенты плохо понимают содержание прочитанного текста, чаще всего говорят преподаватели иностранных языков и перевода. Объясняют это, как правило, плохим знанием иностранного языка. Однако в ходе анализа исходного текста при переводе с русского языка на иностранный выясняется, что с пониманием текста на родном языке возникают те же проблемы, что и при чтении на иностранном языке. Дело не в знании или незнании каких-то слов или грамматических конструкций, а в неспособности воспринимать связный текст как таковой. К третьему курсу не все студенты могут связно, но кратко пересказать текст или ответить на вопросы по его содержанию. Более того, неспособность воспринять смысл высказывания обнаруживается не только при обсуждении относительно длинных текстов, но и при обычном письменном общении, при чтении кратких сообщений. Это, в частности, ярко проявилось в связи с переходом на дистанционную форму обучения. Если студентам дается письменная инструкция относительно того, как должны быть оформлены и в какое время присланы работы, то по крайней мере четверть работ оказываются неверно оформленными и присланными не в то время. При этом, если отправку с опозданием еще можно как-то объяснить тем, что студент не уложился в

отведенное время, то попытки отправить работы раньше, чем система начинает их принимать (скажем, накануне дня занятий), объяснению не поддаются. Остается предположить, что человек прочел инструкцию, но воспринял из нее только общий смысл: работу нужно отправить по такому-то адресу. В результате название файла оказывается неверным, оформление не соответствует требованиям, а сам студент жалуется на то, что отправить работу не удастся.

Такая неспособность воспринимать и удерживать в памяти даже краткие связные линейные тексты – одно из проявлений клипового мышления, о котором сегодня так много говорят и пишут. Наряду с очевидными минусами этого явления пытаются найти у него плюсы: оно и мозг защищает от перегрузки, фильтруя интенсивный поток информации и разбивая ее на небольшие фрагменты, и многозадачность развивает, т. к. человек может одновременно читать, слушать музыку и вести переписку, и реакцию ускоряет: люди с клиповым мышлением, вроде бы, быстрее реагируют на любые внешние стимулы [1]. Но главное – выяснив, что клиповое мышление – это результат той новой информационной среды, в которой мы живем и которую мы уже никак не можем изменить, нас все чаще призывают принять клиповое мышление как данность («По мнению ряда исследователей, в информационном обществе клиповому сознанию и, уже, клиповому чтению, альтернатив нет» [9, с. 224]) и перестраивать характер обучения и в школе, и в вузе таким образом, чтобы приспособить его к этому новому типу мышления [2; 6]. Существуют даже детально разработанные формы и приемы преподавания отдельных предметов учащимся с клиповым мышлением [3]). Думается, однако, что, прежде чем начинать к этому мышлению приспосабливаться и тем самым, потакая ему, способствовать его закреплению, необходимо убедиться в том, что это не приведет к катастрофе.

Наблюдения за тем, как студенты воспринимают текст, заставило автора этой статьи вместе с коллегой написать пособие «Читаем и понимаем текст» [5], предварительно проверив целесообразность предлагаемых в нем заданий в

ходе занятий по внутриязыковому переводу на 3 курсе переводческого факультета.

Итак, что же вызывало наибольшие затруднения у студентов? Прежде всего – задания, предполагающие перефразирование и/или реформатирование текста и его фрагментов: *Сформулируйте смысл первого абзаца, выразив его а) сложноподчиненным предложением с одним придаточным; б) одним простым предложением. Выразите смысл второго абзаца с помощью одного сложносочиненного предложения с союзом «но». Выразите своими словами смысл четвертого абзаца и т. д.* Нахождение фрагмента текста не по заданным словам, а по выражаемому им смыслу: *Для выражения смысла третьего абзаца достаточно одного сложноподчиненного предложения с придаточным определительным, являющегося частью предложения из текста. Назовите этот фрагмент предложения.* Задания на выявление смысла определенного фрагмента текста: *Можно ли сказать, что в восьмом абзаце автор подводит итог своим размышлениям? Если да, то в чем он заключается?*

Оказалось, что многим студентам трудно хоть как-то перефразировать то, что сказал автор. Даже если отвлечься от проблем, связанных с необходимостью строить предложения заданного синтаксического типа, затруднения вызывала сама по себе необходимость выразить прочитанное в какой-то другой форме.

Не меньшие проблем возникало и с заданиями, требующими сопоставить разные формы выражения одной и той же мысли: *Прочитайте следующие высказывания. Выберите те, которые, по вашему мнению, верно передают смысл сказанного в тексте. Объясните, почему вы так считаете.*

Не все студенты справлялись с заданиями такого типа: *В колонке 2 перефразированы взятые из текста предложения (колонка 1). Сравните эти варианты и выберите тот, который ближе к исходному предложению по смыслу и по стилю. Для второго из этих двух предложений укажите, чем оно*

отличается от предложения в тексте – смыслом, полнотой информации или стилем. Объясните свое решение.

Через несколько дней после коллективного обсуждения возможных ответов на занятия те же самые задания по тому же тексту были даны повторно. На этот раз их предлагалось выполнить дома в письменной форме. Показательно, что у части студентов снова возникли проблемы. Они делали те же самые ошибки – и в синтаксическом оформлении высказываний, и в выражении смысла, и в определении смыслового соответствия каких-то высказываний тексту. Следовательно, эти студенты не только снова оказались не в состоянии воспринять смысл текста или отдельных его абзацев, но и читали его как бы заново. Никакие ассоциации с предыдущим прочтением и коллективным обсуждением не возникли, ничто не осталось в памяти.

К тем, кто говорит о плюсах клипового мышления и о том, как его можно использовать для повышения эффективности усвоения того или иного учебного материала, возникает два вопроса.

Вопрос первый: что понимается под эффективностью усвоения и как она проверяется? Если это способность воспроизвести увиденное или услышанное, то к усвоению это не имеет никакого отношения. Особенностораживает то, что описываемые методические приемы часто связаны с геймификацией. Возможно, в этих случаях можно говорить об освоении некоторых алгоритмов действий, о запоминании отдельных фактов, но не о смысловом восприятии как о когнитивном процессе, предполагающем интерпретацию, понимание и осмысление [8]. Вряд ли стоит приспособливаться к неспособности установить смысловые и логические связи между частями линейного текста, разбивая его на подаваемые по-отдельности фрагменты, заменяя часть текстовой информации картинками и вообще превращая его в поликодовый. Да, содержание креолизованного текста людьми с клиповым мышлением воспринимается легче. Но сводится ли функция образования только к «закачиванию» в головы студентов эксплицитно выраженной в текстах информации? Или же их нужно научить понимать, анализировать,

сопоставлять, устанавливая разные типы связей и отношений между фактами, мыслями и событиями, а если речь идет о студентах переводчиках, то и выявлять внутритекстовые связи? Собственно говоря, именно в этом состоит **понимание** текста. Как справедливо отмечает А.Э.Мильчин, для глубокого понимания текста необходимо, чтобы этот текст стал объектом мыслительной деятельности читающего, активно вошел в его сознание. «Это возможно только в том случае, когда читатель оперирует содержанием этого текста так, что вложенный автором смысл адекватно понимается читателем, а все стороны содержания раскрываются ему в полной мере» [4].

Второй вопрос носит чисто концептуальный характер. Что будет представлять собой общество, члены которого не способны к целостному восприятию информации, к восприятию чужих мыслей, а следовательно – не способны к осмысленному, содержательному общению? Нужно ли сегодня способствовать такой психологической деформации? Или нужно приложить все силы к тому, чтобы развивать у клипово мыслящих школьников и студентов полноценное мышление, умение читать и понимать, а не просто механически воспроизводить, умение анализировать, а не просто запоминать? Мы сегодня стоим перед серьезной психологической проблемой. И чем дольше мы будем приспособливать обучение к клиповому мышлению, тем труднее будет эту проблему решить. Работа с клиповым поколением действительно требует новых подходов, новых приемов. Но они должны быть ориентированы не на облегчение восприятия материала за счет его «клипизации», а на развитие всех видов мыслительных процессов, т.е. на когнитивное развитие обучаемых.

Список литературы

1. Зуйкова А. Что такое клиповое мышление и как извлечь из него пользу. <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60dad2ce9a794760a59e66f5>
2. Крайнов А. Л. Клиповое мышление в контексте образовательных практик: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2019.

Т. 19, вып. 3. С. 262-266. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-262-266>.

3. Кушнир Е.Н. Клиповое мышление/сознание студентов как психолого-педагогическая и научно-методическая проблема // Вестник образования Электронный периодический журнал. <https://www.vestnik.edu.ru/methodic/klipovoe-myshlenie>.

4. Мильчин А.Э. Мыслительные приемы, ведущие к глубокому пониманию текста // Элитариум. www.elitarium.ru/myslitelnye_priemy_ponimaniye_teksta/

5. Петрова О.В., Родионова М.Ю. Читаем и понимаем текст. Учебное пособие. М.: «Р.Валент». 2021. — 156 с.

6. Старицина О.С. Клиповое мышления vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7 № 2 (23). С. 270–274.

7. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста // Онтологические прогулки / Топос. <https://www.topos.ru/article/7371> Дата обращения 7.08.21.

8. Шелестюк Е.В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2(023). – С. 85–90.

9. Яковлева А.М. Клиповое чтение: текст как изображение-симулякр // Наука телевидения. Научный альманах. – М.: ГИТР, 2015. – Вып. № 11. – С. 197–228.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, Провиантская, 20, кв. 153; o.v.petrova.nn@gmail.com; +7 905 865 86 32.

o.v.petrova.nn@gmail.com

Olga V. Petrova; Cand. Sc. (Philology), head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, LUNN (Linguistic University of Nizhny Novgorod), 153 – 20 Proviantnaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; o.v.petrova.nn@gmail.com; +7 905 865 86 32.

**SEMANTIC INDEFINITENESS AND DISCOURSAL POTENTIAL
OF CULTURALLY EMBEDDED PHRASEMES. A CASE STUDY
OF THE MODERN POLISH WINGED WORDS *SORRY, TAKI
MAMY KLIMAT***

Szerszunowicz J.V.

University of Bialystok

Bialystok, Poland

Аннотация: Целью статьи является обсуждение отношений между семантической неопределенностью культурно встроенной фраземы и ее дискурсивным потенциалом. В тематическом исследовании анализируются современные польские крылатые слова *Sorry, taki mamy klimat* [букв. Извините, у нас такой климат].

Ключевые слова: Фразема Крылатые слова. Культурно-встроенная многословная единица. Дискурсивный потенциал.

Abstract: The aim of the paper is to discuss the relations between the semantic indefiniteness of a culturally embedded phraseme and its discursal potential. The case study analyses the modern Polish winged words *Sorry, taki mamy klimat* [lit. Sorry, we have such a climate].

Key words: Phraseme. Winged words. Culture-bound multiword unit. Discursal potential.

Among various approaches to fixedness of multiword expressions, the conception of reproducibility allows for including various polylexical word combinations of various degree of stability in language, ranging from collocations and idioms to sentence-like units, for example, proverbs and winged words [2]. The latter kind of the aforementioned reproducible expressions, *epea pteroenta*, can be defined as phrasemes whose authorship is known to the speakers of a given language. Many of such units are deeply rooted in the culture of the nation.

The present study aims to discuss semantic indefiniteness of a selected culture-bound phraseme and its discourse potential. The Polish phraseme *Sorry, taki mamy klimat* [lit. Sorry, we have such a climate] will be presented as a case study of this relations, with a focus on sense actualisation [1]. Since the National Corpus of the Polish language includes text last published in 2011, the Internet lore was searched for its usages [3]. A query was conducted by means of the WebCorp tool in August 2021, and, as a result, a research corpus of 195 occurrences of the winged words in question has been composed.

The words *Sorry, taki mamy klimat* were uttered by Elżbieta Bieńkowska, the former Vice-President and the Minister of Infrastructure of Poland, in January 2014 in a television program *Fakty po faktach* hosted by Kamil Durczok on TVN24 [8]. The focal issue of the interview was the delay of the trains resulting from an attack of severe winter at that time. The whole statement was longer: *Pasażerom można tylko powiedzieć: sorry, mamy taki klimat, no niestety* [lit. Passengers can only be told: sorry, we have such a climate, unfortunately].

The politician did not express regret nor did she take responsibility for such a state of affairs. Instead, she suggested that the situation could not have been helped, since it was unavoidable due to weather conditions. It shocked the viewers and the utterance was widely commented on as disregarding and unsympathetic. The statement was heavily criticised by Poles who considered it too informal and thus inappropriate in said context from a stylistic perspective. As an unexpected gambit, the unit *Sorry, taki mamy klimat* entered the modern Polish phraseological stock as a colloquial pragmateme [9].

Generally speaking, this formulaic sentence is used when the speaker wants to say that a problem has not been solved and the explanation given for not doing it is poor [8]. This description can be viewed as a lexicographic definition of the phraseme in question. The phraseme is concise and includes an English borrowing *sorry* which retains its meaning and function in the Polish colloquial language. The winged words in question can be viewed as an attractive alternative to similar Polish pragmatemes like *Tak to już jest/Tak jest i już, taka (jest) sytuacja, Jest jak jest, Nic na to nie poradzisz*.

The winged words in question express a statement in which the plural verb form *mamy* ‘(we) have’ is used and the verb inflectional ending suggests the plural pronoun *my* ‘we’, thus a form of inclusive character, often exploited in various slogans. Using such a construction allows for avoiding the presentation of a concret subject, i.e. naming the body responsible for the problem. As a result of the employment of the verb form *mamy*, the whole sentence sounds impersonal and is devoid of the speaker’s responsibility.

In turn, the word *klimat* is neutral, with no axiological load which might have appeared in case words like *ciężka zima* [lit. severe winter] or *trudne warunki pogodowe* [lit. harsh weather conditions] had been used. As a result, the statement is unemotional and gains an informal markedness. In fact, from a semantic perspective, the sentence is similar to the phrases like *jest jak jest* [lit. It is as it is]. Thus, the meaning is not well-defined, the statement can rather be viewed as an element of slogan speech which is used by the speaker as a convenient reproduct. It can be assumed that the slogan-like character is what makes the unit pragmatically useful. Its general function is to express the justification of not taking action or offering a poor solution by referring to the natural state of affairs which cannot be helped. It can be classified as a pragmateme which, depending on the speaker’s intention, can be used either ironically or humorously.

From a discursal perspective, the unit can be employed in various ways. First of all, it can function as a quotation with a direct reference to the author and the situation in which the statement was originally uttered (23% occurrences), as

exemplified by the excerpt from a blog entry: “I did not plan this text [...] This text was created spontaneously because of the Internet full of moaning. About Frost, about trains, about the “fucking white shit”. About Elżbieta Bieńkowska who dared to say “Sorry, we have such a climate”. Sorry Elka (diminutive form of the name Elżbieta – J.Sz.), but you don’t have to apologise to me. What you said and how you did it guarantee you my lifelong liking... Because such is the climate” (translation from Polish by J.Sz.) [7].

The discursual potential is also realised by referring to the lexical constituents, mainly in the texts on climate, weather and related issues (59%). For instance, a feuilleton by Stefan Oślizło is titled *Sorry, taki mamy klimat* who discusses climate, in particular paying attention to long winter [6]. In a similar vein, the phraseme is employed as part of the title a Facebook profile on which comments on current weather are presented [5]. Although the expression originally concerned heavy winter, frost and low temperatures, in some texts like memes, it is used with reference to heat and dry spells: *Upały, susze – Sorry, taki mamy klimat* [lit. Heat waves, droughts – Sorry, we have such a climate].

The word *climate* associates with the lexeme *temperature* and, per extensum, it connotes other related terms, for instance, the names of equipment which regulates temperatures and – building further the chain of associations – other instruments concerning broadly understood climate, both outside and inside, such as air conditioners (7%). For example, the winged words *Sorry, taki mamy klimat* was used as an eye-catching headline on the Viessmann company website presenting air conditioners and air purifiers.

The discursual potential is also realised in texts in which the word *climate* indicates a situation, not weather conditions. The analysed phraseme is used in a various texts referring to COVID-19-related restrictions (4%), for example: *Maseczki – taki mamy klimat* [lit. Masks – we have such a climate] or with a reference to the cyclic character of epidemic waves [8]. Here, the expression does not imply any weak excuse for poor dealing with a problem, it is rather used as a statement expressing the necessity of doing something that cannot be changed.

Moreover, the information of the origin of the unit contributes to its discursal potential. As already mentioned, it referred to the situation in trains, the winged words also appear in texts devoted to various railway aspects (1%).

The analysed unit also performs a ludic function (6%); it is exploited in various ways, often relying on the shared knowledge and involving intertextual relations, in many cases without any relation to the semantic and/or pragmatic properties. Furthermore, modifications occur, as illustrated by the headline *Sorry minister Bieńkowskiej: Gafy? Zdarza się. Taki mamy klimat* [lit. Minister Bieńkowska's sorry: Blunders? It happens. We have such a climate] includes the winged words whose lexical constituents are split, creating a humorous effect [4].

In conclusion, the winged words *Sorry, taki mamy klimat* can be viewed as a unit whose semantics is difficult to define precisely at the systematic level. The functions of the expressions are important from the perspective of the description of its canonic use. Whereas from the discursal perspective, meanings and connotations of lexical constituents contribute greatly to its potential. The stylistic aspect should also be mentioned in this context: the ludic use of the winged words in question relies greatly on this property. The potential can develop over time, as the links with the origin are loosened.

The analysis of discursal use of the analysed phrase shows clearly that it appears in a range of contexts, beginning with using the unit as a quotation, followed by employing the expression in excerpts discussing broadly understood climatic and ecological issues and texts in which completely different subjects are undertaken. To sum up, it can be concluded that culture-bound units, especially those with original wording and definite stylistic potential, are attractive from a language user's perspective and thus have a great discursal potential. Their semantic indefiniteness may contribute to it, since the unit is used intuitively according to the language user's current needs, which facilitates communication.

References

1. Abakumova O.B. A Cognition-discourse Model of the Sense Actualization of Proverbs // The Second International Conference “Language, Culture and Society in Russian/English Studies”. – London, 2011. – P.110-120.

2. Chlebda W. Mały prywatny katalog pilnych zadań frazeologicznych // Problemy Frazeologii Europejskiej Vol. 8. – Lublin, 2007. P. 15-31.

3. Colson J.-P. The World Wide Web as a corpus for set phrases // Phraseologie. Phraseology. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. An international Handbook of Contemporary Research Vol. 2. – Berlin-New York. P. 1071-1077.

4. Dziennik Zachodni. [Sorry minister Bieńkowskiej: Gafy? Zdarza się. Taki mamy klimat | Dziennik Zachodni] Minorczyk-Cichy A. Sorry minister Bieńkowskiej: Gafy? Zdarza się. Taki mamy klimat.

5. Facebook. [<https://www.facebook.com/meteoexpert/>] Sorry, taki mamy klimat, czyli pogoda pod oknem Jarosława Turały.

6. Gazeta Uniwersytecka UŚ 5(245) [Sorry, taki mamy klimat | Gazeta Uniwersytecka UŚ (us.edu.pl)] Oślizło S. Sorry, taki mamy klimat. – Katowice, 2017.

7. MDC<3. [www.mdc3.pl]. Konrad's entry.

8. Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego [OJ UW - sorry, taki mamy klimat] Sorry, taki mamy klimat.

9. Szerszunowicz J. New Pragmatic Idioms in Polish: An Integrated Approach in Pragmeme Research // Formulaic Language and New Data. Theoretical and Methodological Implications. – Berlin/Boston, 2020. – P. 173-195.

Information about the author

Иоанна Вацлавовна Шершунович; кандидат филологических наук, доцент, Белостокский университет, профессор университета, Площад Незалежного Жешения Студентув 1, 15-420 Белосток, Польша; j.szerszunowicz@uwb.edu.pl; +48 85 745 74 56 .

Joanna Szerszunowicz; Habilitated Doctor, University Professor, University of Białystok, Plac Niezależnego Zrzeszenia Studentów 1, 15-420 Białystok, Poland; j.szerszunowicz@uwb.edu.pl; +48 85 745 74 56.

PHRASEOLOGY ON THE SLOVENIAN DICTIONARY PORTAL FRAN: COMPARISON BETWEEN DICTIONARIES

Jakop N.

ZRC SAZU, Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language

Ljubljana, Slovenia

***Abstract:** In the paper we report on dictionaries that include phraseology on the Slovenian dictionary portal Fran and compare the content and treatment of phrasemes in three different dictionaries.*

***Key words (5-7):** phraseology; lexicography; dictionary portal; Fran Portal; growing online dictionary*

Human languages develop phraseology (in the broadest sense) because of the natural communicative tendency towards metaphorical expression. From the linguistic point of view, phraseology is an exceptional linguistic phenomenon both at the structural and semantic levels due to the syntactic and semantic peculiarities of phrasemes. Phrasemes are defined as expressive multi-word units that are relatively fixed in form and carry partially or fully figurative meanings. The fixedness of phrasemes also includes and accepts their variability due to morphological, syntactic, lexical and pragmatic variants as well as modifications of phrasemes. As a result of an idiomatization process, the meanings of phrasemes are non-compositional (not derivable from the components of a phraseme), although the degree of semantic opacity of phrasemes ranges from more or less transparent to completely opaque (semi-phrasemes, quasi-phrasemes, full phrasemes). A group of phrasemes (pragmatic idioms) convey lexicalized pragmatic meanings that are contextually and culturally bound, e.g. greetings, thanks, apologies, requests, curses, exclamations.

Therefore, phrasemes, as part of human vocabulary, are an important part of a dictionary, where their fixed multi-word structure, meanings and usage must be adequately explained and presented.

A large collection of dictionaries and language manuals for the Slovenian language is available online at the Fran Portal (www.fran.si). The Fran portal grows every year (in December) and currently offers a total of more than half a million dictionary entries (689,941) in 38 dictionaries of different types (general dictionaries, phraseological dictionary, etymological, historical, terminological and dialectal dictionaries), the first and second volumes of Slovene Linguistic Atlas (vocabulary from the fields of the human body, diseases, family and agriculture), as well as active language and terminological counselling. As a user-friendly portal, it supports simple and advanced searches, so it is possible to search in all dictionaries at the same time, or only in one or more selected dictionaries, and even within some dictionary structures such as meanings, examples, labelling, etc. (Ahačič, Ledinek, Perdih 2015).

Figure 1: Part of the main page of the Fran portal.

The phraseology on the Fran portal is included in six dictionaries (in the group of general dictionaries):

Dictionary of Slovenian Phrasemes (Keber 2011, 2015) is a specialized dictionary of phraseology with 3002 phraseme components, although sentence phrasemes and paremiological units are not included in the dictionary.

Dictionary of Slovenian Standard Language, 1st and 2nd editions (SSKJ 1970-1991, SSKJ2 2014) is an academic synchronic general monolingual dictionary containing the most diverse phraseological material of Slovene, presented independently in a so-called “phraseological nest”, but it should be noted that phrasemes in SSKJ were not treated according to lexicographic principles.

Dictionary of Slovenian Standard Language, 3rd edition (eSSKJ 2016-) is a growing online dictionary produced by lexicographers of the Lexicological Department of the Fran Ramovš Institute of Slovenian Language using a modernized methodology and technology based on a corpus analysis of contemporary Slovene. The concept of eSSKJ (Koncept 2015) also provides for a special lexicographic treatment of phrasemes and their presentation in digital form. Since October 2016, when the first dictionary entries of eSSKJ were published, about 200 phrasemes have been published to date. It is important to mention that the phraseological database for eSSKJ is and will be a source of phrasemes for other applied language resources. This includes, for example, the Franček Portal (www.francek.si), which is intended for school use in the teaching and learning of Slovenian language. Therefore, the words displayed on the school portal have also a didactic section dedicated to phraseology (What does this phraseme mean?, see Figure 3, where the chameleon symbolizes the field of phraseology, because the semantic nuances of words change in phrasemes similar to the colour of a chameleon in different environments).

The growing dictionary of Slovenian Language (Krvina 2014-) is a growing online dictionary which publishes neologisms in the Slovenian language (not only in standard Slovene), which have not been semantically explained in any other dictionary so far. At the moment 19 dictionary entries contains also phrasemes.

Dictionary of Proverbs and Similar Paremiological Expressions (Meterc 2020-) as a growing online dictionary focusing on paremiology is the first paremiological dictionary for the Slovenian language. The first expansion of the dictionary in 2020 included 453 paremiological components.

Figure 2: Icons of dictionaries with phraseology on the Fran portal.

Figure 3: Symbol of phraseology on the Franček portal.

Below we present a quantitative and qualitative comparison of phrasemes in three dictionaries (*Dictionary of Slovenian Phrasemes - SSF*, *Dictionary of Slovenian Standard Language, 2nd edition - SSKJ2*, *Dictionary of Slovenian Standard Language, 3rd edition - eSSKJ*), which differ in several parameters (e.g. dictionary type, size, medium).

Dictionary	Phraseme component			
	<i>čebela</i> (Eng. bee)	<i>čebelica</i> (Eng. small bee)	<i>maček</i> (Eng. male cat)	<i>hruška</i> (Eng. pear)
SSF	3	3	16	5
SSKJ2	0	0	6	4
eSSKJ	3 + 6 variants	3 + 5 variants	9 + 14 variants	7 + 11 variants

Table 1: Phrasemes in dictionaries - quantitative comparison.

Dictionary	SSF	SSKJ	eSSKJ
Phraseme lemma	+	-	+

Variants	+	-	+
Modifications	-	-	+
Definition	+	+	+
Illustration	+	+	+
Etymology	+	-	-
Equivalents	+	-	-

Table 2: Phrasemes in dictionaries - qualitative comparison.

Frazeologija

priden kot čebelica

sl. **priden kot čebela**

marljiv kot čebela
priden kot čebelica
marljiv kot čebelica

STRUNJENI PRIKAZ: priden/marljiv kot čebela/čebelica

zelo, izjemno delaven, prizadeven, zavzet

Rada je delala, bila je **pridna kot čebela**, močno si je prizadevala, da bi lahko še naprej delala v kampu.
 »Naši ljudje so pridni kot mravilje in **marjivi kot čebele**«, pravi dolgoletni predsednik krajevne skupnosti.
 Nikoli nisem delal v kakšnem podjetju, vendar sem bil vedno **priden kot čebelica**.
 Za nakupovanje si vedno preten, ko pa gre za stvari, ki zanimajo tebe, si na lepem **marljiv kot čebelica!**

pridna čebelica

kdor je zelo delaven, prizadeven, priden; kdor se vede, ravna v skladu s pričakovanji, zahtevami drugih

V hiši je bilo res kar veliko **pridnih čebelic**. Koliko rok je mnogokrat premaknilo prste in koliko nog je naredilo deseteto korakov, da so se v soboto odprla vrata tradicionalnega božičnega bazarja.
 Tudi ko sem prvič rodila, sem bila **pridna čebelica**, tiho kot miška.

ptički in čebelice

evfemistično *rožice in čebelice*
 evfemistično *čebelice in rožice*

STRUNJENI PRIKAZ: **ptički/rožice** in čebelice | čebelice in rožice

evfemistično **spolnost, spolni odnosi**

Sta z mamo imela tisti pogovor o **ptičkih in čebelicah**?
 Marko je skočil pokonci in si hitel zapenjati hlače. Pa ja menda nista?! Človek ju pusti za pet minut pri miru, onadva pa že **ptički in čebelice** in take stvari.
 Maice starejšemu otroku pojasnite, da je očka prispeval en delček, mamica drugega, in ko sta se združila, je v trebuščku zrastle otrok. Še kasneje je čas za lekcijo o **rožicah in čebelicah**.
 Mama ji razlaga o **čebelicah in rožicah**.

Figure 4: An example from the section Phraseology in eSSKJ.

Summarizing the main findings of the report, we can say that the phraseology in the dictionaries on the Fran portal differs both in quantity and quality. The newer the dictionary is, the more phrasemes are covered, and the more developed and sophisticated the phraseographic practice is. A dictionary specializing in phraseology differs from a general dictionary in that it also includes etymological data and lists equivalents in other languages. Growing online dictionaries also differ from printed

dictionaries in that they present phrasemes more transparently. It is also easier for the user to find phrasemes in them.

References:

1. Ahačič K., Ledinek, N., Perdih, A. Fran: The Next Generation Slovenian Dictionary Portal // Natural Language Processing, Corpus Linguistics, Lexicography. Eight International Conference Bratislava – Slovakia, 2015 – P. 9-16.

2. eSSKJ, Slovar slovenskega knjižnega jezika, 3rd edition – Ljubljana, 2016– [URL: <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=201&View=1&Query=%2A>]

3. Fran, dictionaries of the Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language ZRC SAZU – Ljubljana, 2014– [URL: www.fran.si]

4. Keber, J. Slovar slovenskih frazemov – Ljubljana: Založba ZRC, 2011, 2015. [URL: <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=192&View=1&Query=%2A>]

5. Koncept novega razlagalnega slovarja slovenskega knjižnega jezika. – Ljubljana, 2015 – P. 56-60 [URL: https://fran.si/179/novi-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika/datoteke/Potrjeni_koncept_NoviSSKJ.pdf]

6. Krvina D. Sprotni slovar slovenskega jezika – Ljubljana, 2014– [URL: <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=132&View=1&Query=%2A>]

7. Meterc M. Slovar pregovorov in sorodnih paremioloških izrazov – Ljubljana, 2020– [URL: <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=216&View=1&Query=%2A>]

8. SSKJ, Slovar slovenskega knjižnega jezika, 1st, 2nd edition – Ljubljana, 1970–1991, 2014 [URL: <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=130&View=1&Query=%2A>, <https://fran.si/iskanje?FilteredDictionaryIds=133&View=1&Query=%2A>]

About the author:

Jakop Nataša; Senior Research Fellow, ZRC SAZU, Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language, Novi trg 2, Ljubljana, Slovenia; natasa.jakop@zrc-sazu.si.

“ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ” В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

(на материале данных ассоциативных экспериментов)

Шао Хуацзе, Янь Кай

Институт международного перевода Университета имени Сунь Ятсена

г. Гуанчжоу, КНР.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу “один пояс и один путь” в языковом сознании китайских студентов по данным свободных ассоциативных экспериментов в русле психолингвистики. По данным проведенных экспериментов в работе строится ассоциативное поле “один пояс и один путь”, выделяются основные когнитивные категории исследуемой единицы в языковом сознании китайских студентов, и проводится лингвокультурологический анализ-обсуждение данных экспериментов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of “The Belt and Road” in the language consciousness of Chinese college students based on the data of free associative experiments in the field of psycholinguistics. According to the data of the conducted experiments, the associative field “The Belt and Road” is constructed in the Chinese language consciousness; the main cognitive categories of the studied unit are identified in the language consciousness of Chinese students; a linguistic and cultural analysis is carried out-a discussion of these experiments.

Ключевые слова: один пояс и один путь; студенты колледжа; языковое сознание; ассоциативное поле; языковое видение мира.

Keywords: The Belt and Road; college students; language consciousness; associative field; language world vision

As a hot issue in Psycholinguistics, language consciousness “reflects the intersection and interpenetration of the inner world, consciousness, thoughts of a person as well as his or her external form of expression, i.e., language or speech” [1, c.26], indicates the cultural intentions of people in different contexts, and has national characteristics. Therefore, the study of language consciousness can reveal people’s linguistic and cultural characteristics and ways of thinking [2, c.63]. The language world vision results from people’s cognition, division and perception of the world reflected in language. People’s conceptualization and categorization of the world are ultimately expressed by language, which shows that the language world vision is inseparable from language consciousness [3, c.4]. Cultural Linguistics is the study of the culture reflected in language and is directly related to the study of the national language vision, linguistic consciousness, and psychological features of language [4, c.71]. It can be seen that through the lens of Psycholinguistics and Cultural Linguistics, the differences in language consciousness of different ethnic groups can reflect different visions of the linguistic world of each ethnic group.

The basis of association is the relationship between the human subject and the experience of some object or phenomenon [5, c.12]. Associative experiment, based on the concept of association, is an important method in the study of language consciousness and is generally divided into three forms: free associative experiments, directed associative experiments, and chain-associative experiments [6, c.132]. Among them, free associative experiments are the most important in the study of language consciousness because they do not impose any formal and semantic restrictions and requirements on response words and can objectively present the actual process of transformation between thought, consciousness, and language [7, c.20]. Through free associative experiments, the study of ideas in language consciousness “can identify the essential characteristics of the linguistic personality of common speakers of a particular language and the characteristics of national culture, and can accurately and comprehensively examine the characteristics of a people’s language world vision in a relatively short period of time” [8, c.28]. Therefore, it can be said that a free associative experiment is an effective way to construct a language world vision. The free

associative experiment is carried out by formulating the experimental hypothesis, selecting the subject, determining the stimulus, presenting the subject with the stimulus, and asking the subject to write the first response in their mind to the stimulus within a specified time, regardless of the word type. The resulting response, in order of frequency, forms the associative field of the stimulus. According to Zhao ^[1, p27], an associative field is a new object in the analysis of language consciousness, which is considered as an externalized form of the unconscious layer of consciousness, and it is possible to analyze language consciousness by comparing the associative fields of people from different cultures, thus distinguishing the ethnocultural features of the world vision. It can be seen that the associative field of a stimulus is not only a part of a person's national world vision in the consciousness of people in that given culture but also a reflection of the motivation, evaluation, and cultural stereotypes of the speaker of that language ^[9, c.39]. Thus, the linguistic and cultural characteristics of a certain nation can be interpreted by describing and analyzing the associative field structure of stimulus words.

Based on that, a free associative experiment, with native Chinese college students as subjects and “一带一路” (in English, “The Belt and Road”) as the stimulus word, has been conducted. Through cognitive semantic analysis, construction of the associative field, classification of cognitive category, and linguistic-cultural interpretation, this study aims to reveal the cognitive characteristics of “一带一路” in the language consciousness of Chinese college students, and then further explore the cultural connotation and special knowledge system behind this concept. In this way, the language world vision of “一带一路” among Chinese university students may be depicted.

The following experimental hypotheses were proposed: 1) the associative content and structure of Chinese college students' associations with “一带一路” would be influenced by their own linguistic and cultural characteristics, socio-historical background, and the current social reality. 2) the content of Chinese college students' associations with “一带一路” would indicate the collective

unconsciousness and national memory of certain concept, reflecting the national cultural characteristics of Chinese language consciousness; 3) The associative style of “一帶一路” among native Chinese students would be influenced by the characteristics of Chinese language, showing multi-semantic correlation and symmetrical semantic associations.

The subjects of this experiment were Chinese college students with Chinese as their first language, regardless of their grade levels or majors. The free associative experiment was conducted in the form of distributing online questionnaires. The experiment was a free associative experiment, and the purpose, requirements, and specific practices of the experiment were clearly presented to the subjects at the questionnaire instructions. According to the Chinese stimulus word “一帶一路” given in the questionnaire, the subjects wrote out the first response word in their mind within 10 seconds, and the form of the response word was not limited.

Regarding the number of subjects, a total of 521 valid questionnaires were collected in this experiment, with 278 undergraduates accounting for 53.4 percent of the total number, 205 master's degree students accounting for 39.3 percent of the total number, 31 graduates accounting for 6.0 percent of the total number, and 7 Ph.D. candidates accounting for 6.0 percent of the total number. With the most significant number of undergraduates and master's students, this experiment is compatible with the study's design, which included university students as participants. In addition, according to Zhao & Wang^[10, c.19], the optimal number of associative fields for “units of language mastery” is 400-500 words. In this case, the diversity and richness of the vocabulary are close to the golden ratio, and the interrelationship between the words tends to be stable, which ensures the stability of the associative field structure. In this experiment, excluding 30 no-association feedbacks, there are 491 response words, which meet this criterion, indicating that the results of this experiment have some credibility.

In order to present the experimental results objectively and effectively, this study constructed the associative field of “一帶一路” for Chinese native speakers

based on the word frequency statistics of response words and semantic integration (see Figure 1). Secondly, this study classified the response words in the associative field (see Table 1) according to the method of conceptual-cognitive category classification proposed by Kai. According to the experimental data, seven cognitive categories were divided: *object*, *place*, *person*, *behavior*, *state*, *animal*, and *other*, and then the linguistic-cultural interpretation of different categories of associative content has been done based on this classification.

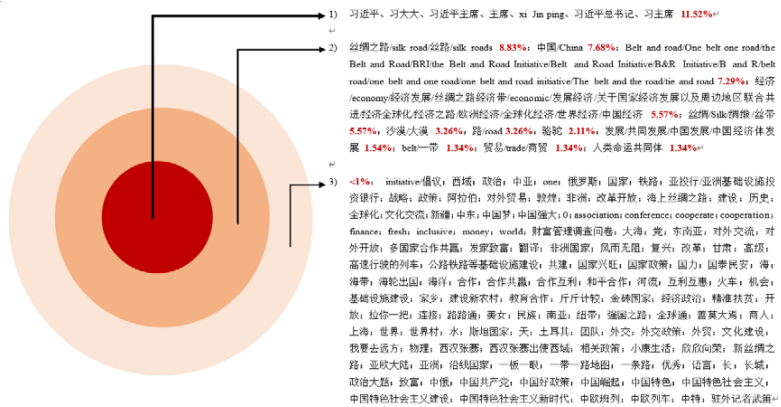

Figure 1 The Associative Field of “一带一路” for Chinese College Students

Table 1 Cognitive Category Classification of Associative Content of “一带一路”

No.	Cognitive Category	Main Associative Content of “一带一路”	Frequency
1	<i>object</i> (231)	丝绸之路 42, 丝绸 23, road15, 经济 14, 人类命运共同体 7	44.34%
2	<i>place</i> (94)	中国 39, 沙漠 16, 西域 4, 中亚 4, 俄罗斯 3	18.04%
3	<i>person</i> (64)	习近平 44, 习大大 6, 习近平主席 4, 主席 3	12.28%

4	<i>behavior</i> (61)	发展 5, 贸易 4, initiative3	11.71%
5	<i>state</i> (22)	中国强大 2	4.22%
6	<i>animal</i> (11)	骆驼 11	2.11%
7	<i>other</i> (38)	无联想 30, one3	7.29%

As shown in Table 1, the associative field of native Chinese speakers involves seven cognitive categories, namely *object*, *place*, *person*, *behavior*, *state*, *animal*, and *other*. Among them, “*object*” accounts for the largest proportion of the associative field, occupying 44.34% of the whole content; “*animal*” is the least frequent, accounting for only 2.11% of the entire associative field. However, in the cognitive category of “*animal*”, only “骆驼 (in English, camel)” appears in the associative field, which shows that “骆驼” occupies a relatively important position in Chinese people’s language consciousness and national culture. In addition, the proportions of “*person*” and “*behavior*” are relatively close to each other, but in the “*person*” cognitive category, the main contents are “习近平 (Xi Jinping)”, “习大大 (Xi Dada)”, “习近平主席 (President Xi Jinping)” and “主席 (President)”; all of these associations refer to Xi Jinping as a *person*, which potentially shows that Xi Jinping, as the initiator of “The Belt and Road Initiative”, is deeply impressed by Chinese college students and has strong national appeal and influence.

Based on the analysis of the experimental study, the following conclusions can be drawn: 1) Chinese college students have a high degree of consciousness of “一带一路”, and their consciousness of “一带一路” is primarily based on their knowledge of the historically and culturally rich “Silk Road”. “丝绸之路 (The Silk Road)”, “沙漠 (desert)”, “骆驼 (camel)” and other contents appearing in the associative field show that the historical image of “Silk Road” is very popular among college students and the historical image of “Silk Road” has become the consensus of contemporary

Chinese college students, who have a higher recognition of its historical connotations. 2) Chinese college students have a better understanding of the social significance and value connotations of “一带一路”. “习近平 (Xi Jinping)”, “经济 (economy)”, “发展 (development)” and “人类命运共同体 (human destiny community)” appearing in the associative field, to a certain extent, illustrate the publicity efforts of “The Belt and Road Initiative” are relatively effective, and college students can better understand the background of “The Belt and Road Initiative” and its significance. 3) The associative field contains many response words that reflect the real life of China in these years, such as “中国梦 (Chinese Dream)” and “亚投行 (Asian Investment Bank)”. These words show that Chinese language consciousness can indicate the national psychology, social reality, thinking characteristics, and language stereotypes of contemporary Chinese people, reflecting the dynamic changes of Chinese language consciousness. 4) Influenced by the characteristics of the Chinese language and expressions, associative words mainly present semantic correlation, semantic symmetry, and phonological structure association, and the association mode presents a similar aggregation association.

References

- [1] 赵秋野 (Zhao, Q. Y.). (2008). 俄罗斯语言意识核心词研究综述. *解放军外国语学院学报* (01), 26-31. doi:CNKI:SUN:JFJW.0.2008-01-006.
- [2] 陈美玉 (Chen, M. Y.), & 赵秋野 (Zhao, Q. Y.). (2013). 俄罗斯人语言意识中的时间映像. *黑龙江高教研究*, 31(10),63-65. doi:CNKI:SUN:HLJG.0.2013-10-017.
- [3] 杜桂枝 (Du, G. Z.). (2006). 论语言意识. *外语学刊*(04), 1-5. doi:10.16263/j.cnki.23-1071/h.2006.04.001.
- [4] 赵秋野 (Zhao, Q. Y.). (2003). 试论语言意识的民族文化特点. *外语学刊*(03), 69-72. doi:10.16263/j.cnki.23-1071/h.2003.03.014.
- [5] 朱瑞爽 (Zhu, R. S.). (2013). *中国高校俄语专业学生俄语成语联想实证研究* 硕士, 哈尔滨师范大学. CNKI.

<https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD201401&filename=1013360097.nh>

- [6] 宁秀鑫 (Ning, X. X.), & 赵秋野 (Zhao, Q. Y.). (2012). 论语言意识的研究方法及其内容. *黑龙江教育学院学报*, 31(05), 131-133. doi:CNKI:SUN:HLJB.0.2012-05-052.
- [7] 张玺玺 (Zhang, X. X.). (2020). *汉俄语言意识对比研究方法及其联想数据库建设* 硕士, 哈尔滨师范大学. CNKI.
<https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD202101&filename=1020310944.nh>
- [8] 李迎迎 (Li, Y. Y.). (2010). 跨文化交际的语言文化观念理论研究视角. *天津外国语学院学报*, 17(01), 24-29. doi:CNKI:SUN:TJWG.0.2010-01-004.
- [9] 赵秋野 (Zhao, Q. Y.), & 陈美玉 (Chen, M. Y.). (2013). 从俄语面部器官词联想场看语言意识的民族文化特点. *中国俄语教学*, 32(04), 38-41. doi:CNKI:SUN:ZEYJ.0.2013-04-008.
- [10] 赵秋野 (Zhao, Q. Y.) & 王金凤 (Wang, J. F.). (2019). 基于联想实验的大学生社会主义核心价值观认同与接受研究. *上海交通大学学报(哲学社会科学版)*(06), 15-25.
doi:10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2019.06.002.

Информация об авторах:

Шiao Хуацзе

Магистрант факультета английского языка

Института международного перевода Университета имени Сунь Ятсена

shaohz@mail2.sysu.edu.cn

Янь Кай

к.ф.н., доцент факультета русского языка

Института международного перевода Университета имени Сунь Ятсена

ky_710@126.com

ОБ ОДНОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ПРЕДИКАТНЫХ ЕДИНИЦ

Иоанесян Е.Р.

Институт языкознания РАН

Г. Москва, Россия

Аннотация: В статье на материале нескольких языков рассматриваются способы перевода эмоциональных предикатов, опирающиеся на понятие прототипической ситуации эмоции. Исследование основано на анализе большого корпуса переводов с русского языка на иностранные языки и с иностранных языков на русский язык.

Ключевые слова: семантика, эмоциональные предикаты, прототипическая ситуация, переводческие стратегии.

Abstract: On the material of several languages the ways of translation of emotional predicates founded on the prototypical situation of emotion are considered. The research covers a large corpus of translations from Russian into foreign languages and vice versa.

Key words: Semantics; emotional predicates; prototypical situation; translation strategies.

Переводоведение, одно из самых интересных направлений лингвистических исследований, в настоящее время переживает необычайный подъем (см., например, работы [1; 6; 7; 8; 9]), обусловленный, в частности, бурным развитием корпусных исследований.

Мы постараемся продемонстрировать один способ перевода предикатов, обозначающих некоторую эмоцию X, заключающегося в трансформации исходной фразы, в основе которой лежат компоненты прототипической ситуации эмоции X.

Мы выделили в переводческой практике лексические трансформации двух противоположных видов: 1. Замена при переводе лексем, обозначающих эмоцию, языковыми единицами, эксплицирующими какой-либо из

компонентов прототипической ситуации этой эмоции; 2. Замена обозначения какого-либо компонента прототипической ситуации конкретной эмоции лексемой, обозначающей эту эмоцию. В качестве примера мы рассмотрели перевод лексических единиц кластера ‘стыд’.

Прототипическая ситуация стыда, одной из базовых эмоций, включает осознание человеком того факта, что он совершил поступок, негативно оцениваемый социумом. Это лежит в основе соответствующих лексических трансформаций при переводе: ‘Субъект X совершает негативно оцениваемое действие P’ ↔ ‘Субъект X испытывает/должен испытывать стыд из-за того, что он делает P’, например: (1) *Oh, Rhett, how you do run on, teasing a country girl like me!* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 2 (1936)). — Ах, Ретт, ну как вам не стыдно дразнить бедную деревенскую девушку! [5]; дразнить (*tease*) — негативное оцениваемое действие. (2) ит. *Dio me ne guardi, per fortuna non ho il brutto vizio della mormorazione* (Umberto Eco. *Il nome della rosa* (1980)). — Боже меня сохрани! Я, к счастью, не подвержен постыдной наклонности к сплетничеству [5]; *non ho il brutto vizio della mormorazione* — букв. ‘у меня нет безобразного порока злословить’. (3) нем. *Und in Paris Und in Paris habe ich eine Hure beschimpft. Mitten in der Nacht, das war schlimm. Es war kalt, da hat sie sich an mich rangemacht... sie hat mich regelrecht angefallen, und ich habe an ihren Fingern und ihrer Nasenspitze gesehen, daß sie erbärmlich gefroren hat, gefroren vor Hunger* (Heinrich Böll. *Der Zug war pünktlich* (1949)). В Париже глубокой ночью я обругал проститутку. Стыд и срам! Было холодно, и она меня остановила. Буквально ‘напала на меня; пальцы и кончик носа у нее посинели, я видел, что она промерзла до костей и, наверное, была голодная [5]; *habe ich eine Hure beschimpft <...> das war schlimm* — ‘я обругал проститутку <...> это было плохо’ (‘это было плохим поступком’).

Одной из важных составляющих стыда является ощущение вины, это лежит в основе соответствующих трансформаций при переводе: ‘Субъект X стыдится, что совершил действие P’ ↔ ‘Субъект X испытывает чувство вины, что совершил действие P’. Например: (1) *Альхен не мог не украсть капеллу. И*

теперь ему было очень стыдно (Двенадцать Стульев. Ильф, Илья, Петров, Евгений). Alchen had not been able to resist selling the wind section, and now he felt very guilty [10]. (2) *He felt guilty at his own lack of trust, but all the same, it remained like a growth only a knife could rid him of* (Graham Greene. The Power and the Glory (1940)). Ему было стыдно, что он не доверяет этому человеку, но недоверие все равно оставалось, как опухоль, от которой его мог освободить только нож [5].

По утверждению психологов, одной из важных составляющих стыда является чувство унижения, см., например, [2, с. 345]. Этим объясняются трансформации вида ‘Субъект X испытывает стыд’ ↔ ‘Субъект X чувствует унижение’. Например: (1) *Из тебя течет, ты свой организм уже не контролируешь. Отовсюду течет... Выдержать эту боль... Стыд!* (Светлана Алексиевич. Время секунд хэнд (ч. 1) (2013)). франц. *On coule de partout, on n'arrive plus à contrôler son organisme. Endurer une souffrance pareille... C'est tellement humiliant* [5]; *On coule de partout <...> c'est tellement humiliant* — ‘Отовсюду течет ... это так унижительно’; *humiliant* — ‘унижительный’. (2) ит. *La sua spiegazione inoltre mi parve a quel punto tanto ovvia che l'umiliazione per non averla trovata da solo fu sopraffatta dall'orgoglio di esserne ormai complice e quasi mi congratulai con me stesso per la mia acutezza* (Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)). Что же до Вильгельмова доказательства, то к концу оно показалось мне настолько простым, что вместо стыда за свою недогадливость я ощутил гордость, как некий соучастник расследования, и почти готов был восхищаться собственной смекалкой [5], букв. ‘его объяснение представилось мне таким ясным, что чувство унижения от того, что я сам до этого не додумался, было побеждено гордостью, что теперь я соучастник...’, *umiliazione* — ‘унижение’. (3) *Но я не могу не стыдиться пред людьми за то положение, в котором нахожусь* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5-8) (1878)). But I cannot help feeling humiliated before other people for the position I am placed in [5].

Инцидентным следствием чувства стыда является также раскаяние или сожаление о сделанном. Это находит отражение в трансформациях вида ‘Субъект X стыдится, что совершил действие Р’ ↔ ‘Субъект X раскаивается /сожалеет/чувствует угрызания совести, что совершил действие Р’. Например: (1) *Нет, это я всему причиной, я ужасно виноват! — повторял неутешный Аляша в порыве мучительного стыда за свою выходку и даже закрывая руками лицо от стыда* (Братья Карамазовы. Достоевский, Фёдор). “No, it was all my fault. I am horribly to blame,” Alyosha repeated unconsolated, hiding his face in his hands in an agony of remorse for his indiscretion [10]. (2) ит. *Provavo un certo rimorso nei suoi confronti e pensai che la preghiera per il suo destino soprannaturale avrebbe potuto acquetare i sensi miei di colpa* (Umberto Eco. *Il nome della rosa* (1980)). — Я испытывал какой-то стыд перед ним и надеялся, что молитва о его загробном успокоении снимет с моей души тяжкое чувство вины перед покойником [5]; *provavo un certo rimorso* — ‘испытывал угрызания совести’. (3) *Я выпустил ее, и она умчалась, как стрела, а я остался с сознанием своей вины и жгучего стыда* (В.Г. Короленко. *История моего современника* (1918)). нем. *Ich ließ augenblicklich los, und die Katze schoß wie ein Pfeil davon, während ich mit dem brennenden Gefühl der Schuld und der Reue zurückblieb; ich mit dem brennenden Gefühl der Schuld und der Reue zurückblieb* — букв. ‘я остался с сильным чувством вины и раскаяния’, *Gefühl ... der Reue* — ‘чувство раскаяния; сожаления’.

Компонентом прототипической ситуации эмоций являются контролируемые двигательные или речевые реакции субъекта на фактор, вызывающий эмоцию, или на его интеллектуальную оценку. Для чувства стыда, например, это — прятать лицо, голову, что отражается при переводе в лексических трансформациях следующего вида: ‘Субъект X прячет лицо/голову’ ↔ ‘Субъект X прячет лицо/голову от стыда/прячется от стыда’, например: *The peril of an old servant and a good one, whose only crime was fidelity to himself and his family, stared him so reproachfully in the face, that, as he walked to and fro in the Temple considering what to do, he almost hid his face from the*

passersby (Charles Dickens. The Tale of two Cities (1859)). Мысль о страшной угрозе, нависшей над его добрым старым слугой, вся вина которого была в том, что он верой и правдой служил его семье и ему, преследовала его неотступным укором; раздумывая, как ему поступить, он шагал взад и вперед по тихой улочке Тэмпла и с чувством самоуничижения и стыда прятал лицо от прохожих [5].

Итак, мы попытались представить один вид стратегии перевода — стратегии, заключающейся в трансформации исходной фразы, в основе которой лежат компоненты прототипической ситуации конкретной эмоции. Указанные трансформации реализуются в двух формах: 1) замена при переводе лексемы, обозначающей конкретную эмоцию, языковыми единицами, эксплицирующими какой-либо из компонентов прототипической ситуации этой эмоции; 2) замена при переводе обозначения какого-либо компонента прототипической ситуации конкретной эмоции лексемой, обозначающей эту эмоцию.

Специфика этих трансформаций заключается в том, что они не продиктованы отсутствием в языке перевода соответствующих лексических эквивалентов. Эти трансформации «являются необязательными операциями перевода», но их нельзя считать и «нестандартными эквивалентами» (см. об этом в [8, с. 246—248]), поскольку они имеют место при переводе текстов разных авторов и осуществляются разными переводчиками.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. О границах переводимости в художественном переводе // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. Москва: Буки Веди, 2015. — С. 135-150.

2. Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999 [Электронный ресурс] [URL: http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy].

3. Иоанесян Е.Р. Предикат: семантическая деривация и трансформации при переводе // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 8, 2016. — С. 252-315.

4. Иоанесян Е.Р. Лексические трансформации при переводе // Научный диалог, № 3 (51), 2016. — С. 29-41.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <http://ruscorpora.ru>].

6. Нестерова Н.М. Теория перевода и лингвистика текста: точки пересечения // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера. Москва: Буки Веди, 2015. — С. 186-195.

7. Нуриев В. А. Переводоведение: перспективы развития // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. Москва: Буки Веди, 2015. — С. 196-206.

8. Разлогова Е.Э. О нейтральном переводе // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. М.: Буки Веди, 2015. — С. 243-250.

9. Ромашко С.А. Переводчик как посредник: коммуникативные и межкультурные аспекты // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. Москва: Буки Веди, 2015. — С. 251-267.

10. АBBYY Lingvo Live [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <https://www.lingvolive.com>].

Сведения об авторе:

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания РАН (ИЯз РАН), 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1. ioanevg@mail.ru; (7) 903-128-73-22.

Ioanesyan E.R., Doctor of Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russia; (7) 903-128-73-22.

УДК 71.82

ТРАНСФОРМАЦИИ ИДИОМ VS. ФУНКЦИЯ ИДИОМ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

*Дронов П.С.,
Институт языкознания
Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Аннотация: Статья посвящена проблеме варьирования и трансформации идиом. На примере двух русских идиом с одинаковой структурой (VP + NP) и разными функциями (глагола и прилагательного, соответственно) демонстрируются ограничения на их трансформации, обусловленные их функцией и положением в предложении, с одной стороны, и семантикой, с другой.

Ключевые слова: Русский язык, фразеология, лексико-грамматические изменения идиом, варьирование, трансформации.

Abstract: The paper deals with idiom variability and transformations. Being a case study of two Russian idioms with the same VP+NP structure and different functions (effectively, those of a verb and an adjective), it demonstrates the limits

posed on idiom transformations due to their function, on the one hand, and their meaning, on the other.

Key words: Russian, phraseology, lexical and grammatic changes of idioms, idiom variability, idiom transformations.

Данная статья посвящена проблеме варьирования и трансформации идиом. Приведем краткие определения этих понятий из более ранней нашей работы: «Вариант — это узуальное лексико-грамматическое изменение идиомы, при котором меняется только означающее единицы, а значение остается прежним. При этом может меняться коннотативный компонент значения. Трансформация — это процесс изменения плана выражения идиомы в речи, приводящий к образованию грамматической парадигмы идиомы или ее вариантов. Трансформация обусловлена грамматикой соответствующего языка, положением и функцией идиомы в предложении. Трансформация включает как системные грамматические изменения, так и креативные изменения» [Дронов 2021, с. 172—173 (в печати)].

Вариативность идиомы и возможность ее системной трансформации имеют свои пределы, которые позволяют ей не разрушиться и превратиться в свободное словосочетание. Существуют ограничения на реализацию грамматических категорий, порождающие нерегулярность варьирования. Так, далеко не все идиомы способны образовывать варианты по числу именного компонента, ср. варианты *не будь дурак — не будь дураки* при невозможности *семи пядей во лбу — *семи пядей во лбах*. Е.И. Диброва [Диброва 2008] указывает на существование в русском языке усеченной фразеологической парадигмы, состоящей из двух членов, различающихся категорией числа, ср. *под замок / под замками* ‘заперт’. Формы числа отражают реальные количественные отношения: *за спинами товарищей*, но не **за спинами товарища*; ср., в то же время, *за спиной / за спинами товарищей* (единственное число первого компонента можно объяснить тем, что *товарищи* понимаются как некая единая сущность).

Можно предположить, что возможность системной трансформации идиомы зависит от ее синтаксической структуры. Грамматическая парадигма идиомы (например, *стреляю из пушки по воробьям*, *дали бы зеленый свет*) укладываются в грамматическую парадигму словосочетания и определяются морфологической принадлежностью опорного компонента идиомы (в терминах В.В. Виноградова — стержневого слова) или ближайшего однословного эквивалента; ср.: «Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, то есть оно обладает системой форм» [Виноградов 1954, с. 4].

Рассмотрим для примера идиому одного структурного типа (VP+NP, т.е. глагольная группа + именная группа), но с разными функциями в предложении. В качестве идиомы, однословным эквивалентом которой может послужить глагол, возьмем *собаку съел на чем-л., в чем-л. / зубы съел на чем-л., в чем-л.* А.И. Федоров дает следующие толкования:

«ЗУБЫ СЪЕЛ *на чём, в чём*. Разг. Экспрес. Имеет большой опыт; приобрёл навык, знания в чём-либо» [ФСРЛЯ, с. 674]

«СОБАКУ СЪЕЛ *на чём, в чём*. Разг. Экспрес. То же, что *зубы съел на чём, в чём*» [Там же].

Замечание: поскольку фразеологическое значение и структура этих словосочетаний одинакова, их можно считать вариантами одной идиомы. При этом их образная составляющая различна: если у *зубы съест* внутренняя форма прозрачна (т.е. по классификации В.В. Виноградова это выражение относится к фразеологическим единствам), то у *собаку съест* — нет (т.е. оно является фразеологическим сращением). Образная составляющая идиомы *зубы съел на чем, в чем*, по-видимому, связана с образом в основе коллокации *съест зубы* ‘потерять зубы (от болезни или истощения)’, ср.: *дыры на месте зубов, съеденных на войне* [А. Н. Толстой. Гадюка (1928; НКРЯ); *отвыкла, что ли, от овса-то, или все зубы съела, старенькая совсем* [И. С. Шмелев. Лето Господне (1927-1944); НКРЯ]. У варианта *собаку съест* образная составляющая,

видимо, основана на развитии этого образа и доведении его до абсурда; этим объясняется наличие примеров двойной актуализации (например, *Как я съел собаку* — название моноспектакля Е.В. Гришковца).

Рассмотрим примеры их употребления в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ].

(1) **а.** И притом прибавляли, что-де они *на таких делах зубы съели* и порешили заплатить при сдаче ружей по пятьсот рублей серебром, говоря: «Поверьте, не скупитесь, это вас избавит от неприятной переписки и уплаты впоследствии суммы вчетверо или впятеро более значительной». [В. И. Ден. Записки генерал-лейтенанта Владимира Ивановича Дена (1873); НКРЯ]. **б.** Он охотно любил подшутить над учеными и не пропускал никогда случая сказать белокурому Алексису, который *в науках, что называется, собаку съел* и читал-таки на своем веку и Бруно Бауера, и Фейербаха: [М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Запутанное дело (1848-1863)]. **в.** Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо милый мой Петръ Александровичъ, да въдь меланхолей тебя не удивишь, ты сама *на это собаку съель*. [А. С. Пушкин. Письмо П. А. Плетневу (1830.09.09)]. **д.** Во-первых, нет уверенности, что дядя Вася, *съевший собаку* на ремонте "Жигулей", разберётся в устройстве современной иномарки, а во-вторых, жалко терять гарантию. [Игорь Сирин. Свой путь // «Бизнес-журнал», 2003.10.23].

Как можно увидеть, во всех примерах глагольный компонент употреблен в прошедшем времени и совершенном виде. Собственно, мы обнаруживаем только один пример употребления в будущем времени (2), но он является явно игровым.

(2) Но после того я спросил себя, что же мне хочется иметь — собаку или книгу, и что во-первых, и что во-вторых. Когда я все взвесил, то почему-то с большим удовлетворением признал, что собака во-первых, в книга во-вторых. И когда я это решил, то мне и стало совершенно понятно выражение *«он на своем деле собаку съел»*. Я понял, что *собака должна быть мною съедена, то есть выучена артистически, поглощена мною, и тогда, во-вторых, явится*

книга, как изложение дела, на котором я съел собаку. <...> На обратном пути мне показалось, что Ромка стал серьезнее, не хватал бабочек, не гонялся за слепнями. Теперь только бы у него было чутье. Будет — *и собаку я съем*. [М. Пришвин. Дневники (1927); НКРЯ].

В данном контексте мы видим двойную актуализацию и метакоммуникативное употребление; автор рефлексивует над образной составляющей идиомы. Поскольку употребление компонента в будущем времени является очевидно игровым и окказиональным, мы можем предположить, что на данную идиому налагается семантическое и синтаксическое ограничение, которое не позволяет употребить ее в каком-либо ином времени, кроме прошедшего.

Рассмотрим идиому со структурой VP + NP (глагольная группа + именная группа), эквивалентом которой служит прилагательное. В качестве примера возьмем идиому (*не*) *пришей кобыле хвост*.

«(НЕ) ПРИШЕЙ КОБЫЛЕ ХВОСТ. Грубо-прост. Неодобр. 1. Совершенно ненужный, неуместный (о ком-либо). <...> 2. Что-либо не нужно, не имеет отношения к чему-либо» [ФСРЛЯ, с. 530].

(3) **а.** — Он же учитель, а не так, *не пришей кобыле хвост*... [Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)]. **б.** Поэтому я предложил Меньжинскому повидаться с самим Парвусом. Мы отправились к нему, и объяснение с ним еще более убедило меня в том, что он *является каким то «пришей к кобыле хвост»* и что мы можем вполне обойтись без его участия и сохранить требуемые им 5% комиссионных. [Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей (1930)]. **с.** — Теперь-то я мужняя жена, а тогда *пришей хвост кобыле*... [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895); НКРЯ].

Как можно видеть, эта идиома функционирует как аналитическое прилагательное, и однословным ее эквивалентом может быть ‘неуместный’, ‘ненужный’ или ‘негодный’ (Зс). Она допускает широкое варьирование: *не пришей не пристегни* [ФСРЛЯ, с. 540], *не пришей <к спине...> рукав* (4b—4d); в том числе возможны нецензурные варианты.

(4) **а.** Теперь, казалось, я всем в доме мешал, все, кроме меня, были заняты, и только я — *ни пришей ни пристегни*, как смеясь сказала мне Ириша. [Л. Ф. Зуров. Иван-да-марья (1956-1969) // «Звезда», 2005; НКРЯ]. **б.** Кирилл пересек пустырь, окончательно убедившись, что так идти невозможно, приспособил блузку под некое подобие набедренной повязки, а бесполезную юбку (*не пришей к спине рукав*), собираясь зашвырнуть ее в мусорный контейнер, в задумчивости поднес к лицу. [Иван Рассадников. Каприз // «Сибирские огни», 2012; НКРЯ]. **с.** А Лиза словно от сна восстала, только тут увидала, что изба вдруг высветилась, зарозовела, половики выткались из спящего солнца, значит, день незаметно расцвел, разгорелся, а у нее снова хозяйство в развале, *не пришей рукав*. [Владимир Личутин. Любостай (1987); НКРЯ]. К чаю-то позвали меня, а на кухне, однако, еще *не пришей рукав*, стряпня в самом разгаре. [Владимир Личутин. Крылатая Серафима (1977); НКРЯ]. **д.** — Он Лешкин сын, а тебе он так — *пришей звезде рукав!* [Прибутковская Нелла. Сентиментальный бандит // Труд-7, 2010.02.11; НКРЯ].

При этом данная идиома допускает всего одну трансформацию — ввод отрицания: *пришей vs. не пришей* (форма превентива, т.е. отрицание и глагол в императиве с совершенным видом [Бирюлин, Храковский 1992: 33]). Это внутреннее отрицание является внутренним и не влияет на фразеологическое значение. Немного изменяется образ в основе идиомы: если в первом случае предлагается совершить некое абсурдное действие, то во втором случае от него предостерегают. Какие-либо иных трансформаций (например изменения вида или личных окончаний глагольного компонента: **пришивай кобыле хвост*, **не пришивал кобыле хвост*) не обнаружено. Собственно, подобная трансформация разрушила бы идиому и не позволила бы ей выполнять свою функцию.

В целом мы можем сказать, что, с одной стороны, способность идиомы к системным трансформациям зависит от ее положения и функции в предложении. В то же время на идиому могут налагаться семантические ограничения: так, идиома *зубы/собаку съест* описывает уже свершившийся факт и не может быть употреблена в настоящем или будущем времени.

Подобные ограничения, по-видимому, не зависят от структуры идиомы и должны учитываться при ее фиксации в словаре.

Список литературы

1. Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский В.С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: «Наука», С.-Петербургское отделение, 1992.
2. Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы языкознания, № 3, 1954. С. 3—24.
3. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке // Диброва Е.И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избранные работы. Т II. М.: ТВТ Дивизион, 2008. 470 с.
4. Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2021, № 4. С. 161—174.
5. ФСРЛЯ — Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.

Сведения об авторе:

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания Российской академии наук, 120009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1; dronov@iling-ran.ru.

Dronov, Pavel; Candidate of Philology, Senior Researcher; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; 125009, 1, bldg. 1, Bol'shoi Kislovskiy Lane; dronov@iling-ran.ru.

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ ТИПА ЗМЕЯ ЗМЕЁЙ КАК ПРОДУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ И ОЦЕНОЧНОСТИ

Огольцева Е.В.

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия*

***Аннотация:** В статье рассматриваются некоторые особенности семантики и функционирования тавтологических конструкций, представляющих одну из продуктивных моделей русской разговорной речи. Выводы автора основаны на материале единиц с повторяющимися компонентами-зоонимами. Подобные сочетания автор рассматривает как разновидность компаративных конструкций. В статье показана их связь с системой устойчивых сравнений, общеязыковых метафор и других единиц с семантикой образного сравнения. Отмечается, что в художественных текстах подобные единицы нередко принимают участие в создании приёма антитезы. Выявлены наиболее частотные семантические группы анимализмов, которых используются в структуре данной модели. В качестве перспективы исследования автор рассматривает анализ причин разной степени «коммуникативной востребованности» тех или иных образований анимализмов в составе тавтологических сочетаний.*

***Ключевые слова:** тавтологическое сочетание, сравнение, модель, продуктивность, разговорная речь, образность, оценочность, экспрессивность, отрицательная оценка, положительная оценка.*

***Abstract:** Abstract: The article considers some features of the semantics and functioning of tautological constructions, which represent one of the productive models of Russian colloquial speech. The author's conclusions are based on the material of units with repeated components-zoonyms. The author considers such*

combinations as a kind of comparative constructions. The article shows their connection with the system of stable comparisons, common language metaphors and other units with the semantics of figurative comparison. It is noted that in literary texts such units often take part in the creation of the antithesis technique. The most frequent semantic groups of animalisms that are used in the structure of this model are identified. As a research perspective, the author considers the analysis of the reasons for the varying degree of "communicative demand" for certain images-animalisms as part of tautological combinations.

Keywords: *tawlogical combination, comparison, model, productivity, colloquial speech, imagery, evaluativeness, expressivity, negative assessment, positive assessment.*

В русской разговорной речи активно функционирует целый ряд продуктивных моделей, среди которых особое место занимают образные единицы, экспрессия которых актуализирована благодаря редупликации: *медведь и медведь* (о неуклюжем, неловком мужчине), *баба и баба* (о располневшей, опустившейся женщине, которая перестала следить за собой), *лошадь и лошадь* (о женщине, много и тяжело работающей), *воск и воск* (о мягком, податливом характере человека) и т.п. Особое положение (в плане чрезвычайного многообразия наполнения и потенциальной «открытости» для новообразований) занимает модель, которую можно условно отобразить формулой «S1 (сущ. в им.п.) + S5 (сущ. в твор.п.)»: *ангел ангелом, бочка бочкой, бульдог бульдогом, бык быком*. Сразу отметим, что образность подобных единиц неразрывно связана с их яркой оценочностью, как правило, пейоративного характера: они несут в себе положительную либо отрицательную характеристику лица, связанную с утвердившейся в коллективном языковом сознании системой ценностей, социальными нормами и культурными стереотипами [6; 9].

Любопытно, что данная модель может иметь весьма разнообразное лексическое наполнение: 1) неодушевленные существительные различных лексико-семантических групп (*щепка щепкой, гора горой, стена стеной, дуб*

дубом, бревно бревном); 2) наименования людей по разным признакам – социальному статусу, национальности, возрасту, полу, степени умственного развития, психологической уравновешенности, поведению и проч. (*баба бабой, мужик мужиком, старик стариком, босяк босяком, дикарь дикарём*); 3) наименования сверхъестественных существ (*сатана сатаной, бес бесом, ведьма ведьмой, ангел ангелом*); 4) наименования представителей фауны, в том числе млекопитающих, птиц, насекомых, земноводных (*бык быком, волк волком, коза козой, баран бараном, ястреб ястребом, змея змеёй*). По нашим наблюдениям, в рамках исследуемой модели чрезвычайно редко выступают наименования растений. Имена собственные (с характерологической, оценочной функцией) также встречаются в подобных тавтологических конструкциях нечасто (*Плюшкин Плюшкиным, Гулливер Гулливером*). Наконец, в образных единицах, основанных на повторе, не могут выступать отвлеченные имена, что совершенно естественно: образ всегда конкретен, «зрим», и именно благодаря этому он вызывает в сознании носителей языка устойчивые и, как правило, культурно обусловленные ассоциации. Статус подобных единиц не определён: во фразеологических и толковых словарях они, как правило, не отражены, только БАС sporadически включает такие именные группы в словарные статьи соответствующих существительных после знака $\langle \rangle$, иллюстрируя их примерами, без толкований и каких-либо иных пояснений: см., в частности, *свинья свиньей* [7, т.13, с. 375]. Специальные словари устойчивых сравнений также обходят их вниманием, за исключением Словаря сравнений русского языка [2]. В этом словаре нашли отражение некоторые сочетания рассматриваемой модели, в частности: *бирюк бирюком, дуб дубом, зверь зверем, лиса лисой* и др. Примечательно, что автор считает подобные выражения полными синонимами устойчивых сравнений (далее УС), толкуя их, соответственно, идентифицирующим способом: ‘**бочка бочкой**. Народн. То же, что (толстый, жирный) как бочка’; ‘**бирюк бирюком**. Народн. То же, что как бирюк’; ‘**скелет скелетом**. Прост. То же, что (худой, тощий, иссохший) как скелет’. Учитывая низкую степень идиоматичности этих

единиц, они, вероятно, могут быть отнесены к «квазифраземам» или «полуидиомам» (термины И.А. Мельчука: [10]). В любом случае они, бесспорно, имеют прямое отношение к **языковой образности**, которую мы понимаем как такое свойство семантики, которое определяется актом индивидуализации признака посредством уподобления его проявления в предмете (А) некоему эталонному проявлению в образе-представлении (В). Примерно в том же русле феномен образности исследуют томские ученые, в частности, О.И. Блинова, Е.А. Юрина и др.

Несомненно, особого внимания заслуживают те группы имен существительных, представители которых наиболее активны в рамках исследуемой модели, в частности, наименования мест, помещений: *гроб гробом* (об узком, тесном, мрачном помещении), *деревня деревней* (о глухом населенном пункте, где мало признаков цивилизации, развлечений и проч.), *каторга каторгой* (о тяжелой, подневольной работе), *крепость крепостью* (о тщательно охраняемом помещении), *пустыня пустыней* (о безлюдном месте).

Не менее частотны в рамках исследуемой модели и образы-анимализмы (по сведениям нашей картотеки и по данным Национального корпуса русского языка, таких имен существительных более сорока). Отметим некоторые закономерности, связанные с функционированием образов животных в тавтологических сочетаниях типа *змея змеёй*.

1. Как правило, подобные сочетания тяготеют к устойчивости и воспроизводимости, поскольку образы, функционирующие в их структуре, закреплены коллективным языковым сознанием благодаря их широкому употреблению в составе языковых (общенародных) метафор, устойчивых сравнений, компаративно-производных слов [5]. Так, образ *змея* многократно «обыгрывается» языковой системой, что свидетельствует о его востребованности. В частности, устойчивое сравнение *как (словно, точно) змея*, согласно сведениям Словаря устойчивых сравнений русского языка [3, с. 210], имеет девять значений. Важно отметить, что с помощью данного сравнения можно охарактеризовать не только человека, но и длинный, извилистый,

вытянутый, гибкий, изгибающийся предмет (например, девичьи косы, корни растения, извилистые очертания острова или водоёма, реки, дороги и мн.др.). Примечательно, что выражение *змея змеёй* употребляется исключительно по отношению к человеку (реже животному). Оно может характеризовать 1) человека очень гибкого (преимущественно женщину – см. второе значение соответствующего УС); 2) человека с длинным, сильно изогнутым телом (ср. 3-е значение); 3) кого-либо, издающего характерный «шипящий» звук (значение 7); 4) человека коварного, хитрого, злобного (8-ое значение); 5) взгляд человека или животного – ожесточенный, неподвижный, ненавидящий (9-ое значение). Существительное «змея» употребляется в разговорной речи и в текстах в качестве устойчивой метафоры; регулярно реализуется также продуктивная компаративная модель «творительный сравнения»: – *Ого, уже облапошили мою тётку! Ловко вы! – Ну и змея же ты, Галья! – рассердился Василий. – Тебя спрашивают? Ещё не выросла, чтобы со мной на таком тоне разговаривать.* (В.Г. Распутин. Деньги для Марии); *Калмык взмахнул в воздухе нагайкой, и конь подскочил, встряхнулся. И вдруг стал извиваться змеёй и метаться в разные стороны, стараясь стряхнуть с себя седока* (И.Е. Репин. Далёкое близкое); – *Эй, Фатыма! – окликнул Крень пленную татарку.<...> Шагнуло было, вздумав вывалить бабу в сугробе, но татарка змеёй выскользнула из-под руки.* (Д.М. Балашов Отречение). Отмеченная закономерность подтверждается множеством случаев, когда употребление единиц исследуемой модели также поддерживается функционированием образа-зоонима во многих единицах компаративного гнезда (об образно-компаративных гнездах см. подробнее в работе: [4]). Ср.: **бык быком** (о человеке чрезмерно упрямом, а также о здоровом или смотрящем мрачно, исподлобья) – *как (словно, точно бык, быковатый, по-бычьи, сбывчиться; обезьяна обезьяной* (о длинноруком человеке, а также о том, кто кривляется, паясничает или ловко лазает) – *как (словно, точно) обезьяна, по-обезьяньи, обезьяноподобный* и т.д.

2. Как правило, единицы модели S1–S5 выражают посредством образа сравнения именно пейоративную (реже нейтральную) оценку. Это могут быть

как внешние признаки, так и духовные проявления (черты характера, поведения). Негативно оцениваются такие качества человека, как упрямство (*баран бараном*); телесное здоровье, грубая физическая сила (*бык быком, бугай бугаём, кабан кабаном*); излишняя худоба (*глиста глистой, вобла воблой*); уединенный образ жизни (*бирюк бирюком*); инертность, неповоротливость (*тюлень тюленем*); злобность, коварство и жестокость (*змея змеёй, волк волком*), неуклюжесть (*медведь медведем*), похвальба и самодовольство (*индюк индюком, павлин павлином*): *Чем он там отговаривался, какими-то делами... На самом деле просто упёрся, баран бараном: делал вид, что искренне не понимает, зачем премьеру такого масштаба нужно делать «в какой-то занюханной церкви, в арабской деревушке под Иерусалимом»...* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын); *Крылов подумал: сколько живу в столице, а бирюк бирюком, официанта подозвать не умею.* (Д.А. Гранин. Иду на грозу); *Костюм-то у вас в обтяжку, в дудочку! Сразу видно – изобретатель. Глиста глистой! Вам надо костюм на толстяка брать, чтобы свободно складки ложились.* (В.Д. Дудинцев. Не хлебом единым); *Маньков был добродушен и в разговоре ненаходчив – тюлень тюленем.* (Н.К. Чуковский. Кайт). [11]

3. Положительная оценка (встречающаяся относительно редко) всегда сопряжена с аналогичным аксиологическим знаком коррелятивных устойчивых сравнений, она как бы дублирует коннотацию устойчивой компаративной единицы прототипической модели: *как орёл – орёл орлом* (о смелом, решительном человеке); *как павая – павая павой* (о плавной, величественной походке женщины): *На корвете он казался орёл-орлом, особенно когда стоял на мостике во время авралов или управлялся в свежую погоду, а здесь вот, при жене, совсем другой, «вроде послушливого телёнка».* (К.М. Станюкович. Нянька); *Павая павой, поступь ходкая, / на ланитах – маков цвет, / на устах – улыбка кроткая, / светел – радостен привет.* (А.А. Коринфский. Красная весна («То не белая купавица»). [11] Ср. также: *верблюды верблюдом* (о сильном, неприхотливом, выносливом человеке); *голубы голубем, горлица горлицей* (о

человеке кротком и смирном); *сокол соколом* (о храбром, мужественном человеке).

Нетрудно заметить, что во всех рассмотренных случаях, независимо от знака оценки, через анималистический образ сравнения (компонент В) «транслируется» идея полноты сходства, предельного уподобления человека животному (птице, земноводному). Этот семантический признак может быть передан также следующими компаративными структурами: *«просто В», «чистый (чисто) В», «суций В», «настоящий В», «прямо В», «В и В», «В да и только», «ну как есть В», «В есть В», «не человек, а В»*. Все подобные конструкции можно отнести к более широкому разряду «компаративных моделей устной речи», которые активно воспроизводятся в силу их высокой экспрессии, являющейся прямым следствием того сплава образности и оценочности, который присущ этим единицам: *зверь зверем – просто зверь, чистый (чисто) зверь, суций зверь, настоящий зверь, прямо зверь, зверь и зверь, зверь да и только, ну как есть зверь, зверь есть зверь*. При совпадении или близости основания сравнения подобные компаративные конструкции могут быть квалифицированы как синонимические: *Федька Ремянников присутствовал при общем веселье, пил вместе с другими, но выглядел угрюмо – волк-волком.* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Из уральской старины); – *У этих Кустовых вся семья такая. Все на одну колодку. Не люди, а чистые волки.* (К.Ф. Седых. Даурия); – *Видела, как ты посмотрел на мальчонку, когда зашел, волк лютый, да и только.* (П.Л. Проскурин. Судьба).

5. Единицы рассматриваемой модели регулярно используются в художественных текстах в целях качественной характеристики лица, при этом они нередко участвуют в создании явной или скрытой антитезы, вступая в антонимические отношения с другими единицами той же структуры: – *Господа всё туда лечиться ездят. Поедет какой – щепка щепкой, а приедет, во-он его как раздует! – боров боровом! Право слово, не вру. Главное, воздух там полезный, ну и море тоже.* (С.Н. Сергеев-Ценский. Счастье); *Саша думал: «Если б не капризы и етурдерия матушки, был бы я сейчас человек человеком,*

а то выходит, что я перед Янишиным свинья свиньёй. (А.К. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых); Матери казалось, что вчера ещё бегала Динка кривоногой в школу, коза козой, а теперь гляди какая статья! (В.В. Горбачёв. Испытание на молодость); Я перед соседями зверь зверем получился, а Неудобнов, оказывается, людей бережёт. Жаль, что Гетманова нет, тот уж совсем святой. (Василий Гроссман. Жизнь и судьба). [11] Вероятно, частотность подобных примеров не случайна: лингвисты давно отмечают глубокую функциональную связь между образным сравнением и противопоставлением; так, В.В. Колесов расценивает антитезу как «способ мышления образами». [1, с. 37].

6. Среди существительных, использующихся в качестве образа **В** в рамках исследуемой модели, явно преобладают наименования млекопитающих и их детенышей – около 20 единиц: *кабан, коза, корова, кот, крыса, лиса, лошадь, медведь, обезьяна, овца, бык, осёл, боров, свинья, слон, собака, щенок, тюлень, шакал* и др. (единиц), далее следуют названия птиц (*индюк, орёл, сокол, ястреб, пава, павлин, сыч*), земноводных (*змея, жаба*), насекомых и других беспозвоночных (*мокрица, червяк* и проч.). Весьма продуктивны также родовые наименования *птица* и *зверь*. По нашим сведениям, в Национальном корпусе русского языка первое место по количеству примеров занимают единицы *зверь зверем* и *свинья свиньей*. В первом случае посредством устойчивого тавтологического сочетания выражаются такие признаки, как жестокость, дикий, неопрятный вид, крайняя злоба; во втором случае – человеческая неблагодарность, подлость, неопрятность, нечистоплотность, неаккуратность: *Он на неё как глянул, вся рожка бурой кровящей налилась, зверь зверем сделался!* (Ф.Ф. Кнорре. Каменный венок); *Соседи, случалось, отнимали. Жалеют Игошку по сиротству. А сам-то Бревнов – зверь зверем. Говорят, купца по рыбному делу убил. То и разбогател.* (П.П. Бажов. Дальнее – близкое); *Другой бы при такой работе ходил бы свинья свиньёй, а он вон как за собой следит! Сапоги-то, сапоги-то как начистил! Ишь как блестят!* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом); *Знаем мы вас; куда*

тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только. (А.С. Пушкин. Дубровский). [11]

7. При отмеченной нами выше соотносительности с другими компаративными единицами языка, прежде всего с устойчивыми сравнениями, немало и таких образов-зоонимов, которые практически не встречаются в текстах как компоненты модели S1–S5 (при этом они употребляются в УС разных типов). Среди них, в частности, наименования многих птиц (*страус, тетерев, филин, сова, цапля, петух, страус, соловей, утка*), насекомых (*шмель, таракан, пчела, муравей, саранча, сверчок*), млекопитающих (*орангутанг, хорёк, суслик, сурок*); земноводных (*ящерица, хамелеон*). Собранный нами материал свидетельствует о том, что в структуре модели S1 – S5 редко употребляются наименования частных видов и пород животных, а также наименования многих детенышей (*пудель, удав, уж; цыплёнок, ягнёнок, поросёнок, теленок*). При этом некоторые образы из приведенного списка потенциально могут быть употреблены в рассматриваемых конструкциях. Было бы интересно проанализировать причины широкой употребительности одних зоонимов в качестве компонента **B** в составе разнообразных компаративных структур – и низкой встречаемости, крайней избирательности (в плане структурного варьирования) других.

Во всех рассмотренных нами случаях наблюдаются отношения своего рода взаимной обусловленности, полной гармонии между образностью компаративной структуры – и её оценочностью: оценка (логическая или эмоциональная, положительная или отрицательная) выражается через образ. Однако нельзя не отметить, что анализируемая модель может порождать и такие тавтологические сочетания, источником высокой экспрессивности которых образность не является. В составе таких единиц мы наблюдаем существительные с коннотативным лексическим значением [8, с. 66-70] Это те случаи, когда оценочные коннотации входят в семантическую структуру в качестве неотъемлемого компонента: *остолоп остолопом, болван болваном,*

стерва стервой, подлец подлецом, идиот идиотом, дура дурой, дурак дураком, глупец глупцом, праведник праведником, самодур самодуром, холуй холуём, хулиган хулиганом и проч. Подобные единицы, с одной стороны, по целому ряду признаков схожи с рассмотренными нами компаративными структурами, с другой стороны, представляют собой особый способ экспрессивного усиления оценки, не сопряжённый с устойчивыми образными ассоциациями.

Список литературы

1. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2004. – 240 с.
2. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2003. – 603 с.
3. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.
4. Огольцева Е.В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского, 2019. Вып.3. – С. 217-225.
5. Огольцева Е.В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект): монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА, 2019. 296 с.
6. Сергеева Л.А. Категория оценки и способы её выражения в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа, 1991. – С.15-23.
7. Словарь современного русского литературного языка (БАС): т.13. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 1516 с.
8. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с.
9. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.

10. Melchuk I.A. Phrasemes in Language and Phraseology in linguistics // Idioms: structural and psychological perspectives / Eds.M.Everaert et.al. Hillsdale; Nove, 1995. P.167-232.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://ruscorpora.ru/new/>]

Сведения об авторе:

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет, 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская,1, строение 1, e-mail: tertiumcomp@mail.ru; 89169737092.

Information about the author:

Ekaterina V. Ogoltseva, doctor of Philology, associate Professor, Professor of the Russian language Department, Moscow state pedagogical University, 1 Malaya Pirogovskaya street, building 1, 119991, Russian Federation, Moscow, e-mail: tertiumcomp@mail.ru; 89169737092.

УДК 81`27

**ВЫРАЖЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЧЕРЕЗ ЯЗЫК И РЕЧЬ**

Савицкий В.М.

Самарский государственный социально-педагогический университет

г. Самара, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вербальный язык как средство не только выражения, но и реализации социальных отношений. Социум предстает под семиотическим углом зрения как знаковое пространство, где происходит обмен ценностями и смыслами. Описываются языковые формы существования социальной иерархии и языковые средства выражения позитивной корреляции между старением и социальным апгрейдом. В этой области отмечается наличие динамики, обусловленной тенденциями современной эпохи.

Ключевые слова: социо семиотические параметры акта коммуникации, авторитарные / эгалитарные общественные отношения, социум, речевой этикет, знаки социального символизма

Abstract. The subject matter of the article is the system of socium-language relations. The author regards natural language as a means of not only expressing but also implementing social relations, views socium from the sociosemiotic angle as a mental space where values and meanings are exchanged, describes the language means of denoting a positive correlation between aging and social upgrade, points out changes in this domain occurring due to modern social trends.

Key words: sociosemiotic parameters of communicative act, authoritarian / egalitarian social relations, socium, speech etiquette, signs of social symbolism

Чтобы составить суждение о характере связи языка и общества, следует уточнить, что понимается под обществом и общественными отношениями. Одна и та же большая историческая общность людей предстает в разных ипостасях: под углом зрения демографии это население, этнологии – этнос, геополитики – нация, лингвокультурологии – культурно-языковой коллектив, общественных наук – социум. Всё это срезы с одного и того же многогранного объекта анализа. Обращаясь к понятию “общественные отношения”, отметим, что анализ его определений позволил выявить их семантический инвариант: это система отношений людей в основном по поводу производства и распределения материальных и духовных благ, а также всего того, что с этим связано: власти, законодательства, политики, права, идеологии, войны и т.д.

К числу общественных (социальных) относятся отношения начальника и подчиненного, работодателя и служащего, депутата и электората, чиновника и граждан, судьи и подсудимого, покупателя и продавца, клиента и подрядчика, партнерские отношения в бизнесе и многие другие в том же роде.

Социальные отношения подразделяются на авторитарные (вертикальные отношения неравенства) и эгалитарные (горизонтальные отношения равенства).

По И.Н. Горелову, общение людей «складывается из коммуникативных актов ..., в которых участвуют коммуниканты, порождающие высказывания ... и

интерпретирующие их» [Горелов 2003: 233]. Характер развертывания актов коммуникации определяется внеязыковыми (социальными, психологическими, культурными) факторами, которые составляют их окружение.

Э. Фромм [2015] использовал наименование *общественный человек* (англ. *social man*) для обозначения социальных аспектов личности человека, его места в системе общественных отношений, его вовлеченности в структуру общества, его взаимодействия с другими людьми в качестве члена общества в целом и члена тех или иных социальных групп. Общаясь с другими людьми, индивид, который выступает в указанном качестве, осуществляет обмен социальными смыслами (англ. *social meanings*), из которых строится общественное здание (англ. *social building*) [Halliday 1978: 2]. (Здесь и далее перевод мой – В.С.)

Социальная структура не просто **выражается**, а **осуществляется** в языке и речи. Согласно Халлидею, «повседневными актами смыслопорождения люди **вырабатывают** социальную структуру, подтверждая собственные статусы и роли, учреждая и передавая общие для них системы ценностей и знаний. Язык ... символизирует социальную систему» [там же: 2-3]. Согласно М. Дуглас, произведения речи содержат в себе «коллективное сознание, которое **образует** ... социальную систему» [Douglas 1971: 389].

С семиотических позиций социум предстает как многокодовая система, главной подсистемой которой является вербальный этнический язык. С этой точки зрения всякий акт общения и ситуация, в которой он осуществляется, рассматриваются как социосемиотическая конструкция.

В процессе развертывания коммуникативного акта его участник должен принимать во внимание его социосемиотические параметры и выстраивать свое речевое и неречевое поведение с учетом требований закона, правил речевого этикета, системы социального символизма, традиций и т.п. Так, очередность и форма приветствия при встрече определяются социально-ролевым раскладом ситуации (равенством либо неравенством собеседников, длиной социальной дистанции), возрастным и гендерным параметрами и др.

Отношение «начальник – подчиненный», характеризующееся большим разнообразием вариантов и всякого рода нюансами, отражается во всей полноте в речевом общении. Такими путями в вербальном и паравербальном поведении воплощается и функционирует структура общества. Это не просто социальный символизм (ритуал), а регулирование и регламентация социальных отношений, фактически жизнь социума в языковом (шире – семиотическом) пространстве.

В патриархальных обществах иерархия воплощалась в таком, например, правиле речевого этикета, как требование превозносить вышестоящего и принижать себя. Оно было обязательным даже для высокопоставленных лиц: «Божией милостью Великому государю, царю и Великому князю всея Руси недостойный холоп, думный боярин Гришка Скуратов челом бьет» (заявление на имя Ивана IV). По свидетельству А. Вежбицкой ([2001] и др.), это правило сохранилось в некоторых современных социумах, в чем-то сохранивших феодальный формат социальных отношений. Вот как, например, в Японии формулируется отказ от коммерческой сделки: «Ваше деловое предложение слишком восхитительно для меня. Я его недостоин и поэтому вынужден отказаться». Разумеется, в наше время этот формат носит условный характер; тем не менее, он существует донныне и имеет определенный социальный смысл.

Напротив, в ряде демократических государств (Норвегии, Израиле и др.) наблюдается стремление подчеркнуть всеобщее равенство. Оно проявляется в широко практикуемом обращении на *ты* независимо от социального статуса собеседников (даже в ситуациях официального общения). Это же стремление реализовывалось в СССР с помощью универсального эгалитарного именованья *товарищ* (*товарищ солдат – товарищ главнокомандующий*).

Языковая картина мира более консервативна, чем когнитивная, и поэтому в ней сохранилось немало реликтов прежних исторических эпох. Например, в человеческом обществе во все эпохи, начиная с первобытной, жизненный опыт обуславливал компетентность индивида; компетентность

давала ему право на руководящий пост, который, в свою очередь, способствовал повышению его социального статуса. Жизненный опыт и компетентность приходят с возрастом, поэтому в социуме имела место положительная корреляция между старением и карьерным ростом. Она отражена во многих языках: слова, которые буквально означают “молодой / младший по возрасту”, служат именами низших чинов и должностей, а слова, буквально означающие “старый / старший по возрасту” – названиями более высоких ступеней социальной иерархии. Ср: рус. *младший научный сотрудник*; англ. *junior officer* “младший (по званию) офицер”; франц. *cadet* “кадет” (букв. “младший”); рус. *старший экономист*; англ. *senior manager* “старший менеджер”; франц. *senior en rang* “старший по чину” и др.

От лат. *senior* “старший (по возрасту)” в европейских языках образованы титулы: англ. *Sir* с прописной буквы (звание рыцаря); франц. *sire* (обращение к королю); устар. франц. *sieur* (знак принадлежности к дворянству).

Ту же внутреннюю форму имеет ряд средств выражения почтения: рус. *-ста / -с* (сокращ. от *старый*: *Василий-ста / Василий-с*); англ. *sir* со строчной буквы (обращение «снизу вверх»); франц. *monsieur* (господин, букв. “мой старший”); итал. *signore / signora* и испан. *señor / señora* (господин / госпожа); япон. *-сан* (букв. “старший”) и *сэнсэй* (букв. “тот, кто родился раньше”); тюркск. *-баба* (букв. “дед”) и *ака / ага* (букв. “старший брат или дядя”) и др.

В наши дни, в эпоху научно-технической революции, когда объем знаний человечества удваивается каждые несколько лет, высокая компетентность перестает быть прерогативой зрелого и пожилого возраста. Юное поколение, на лету схватывая новые знания, в данном отношении всё больше вырывается вперед; молодые, но поднаторевшие в современных науках и технологиях люди нередко приобретают высокий социальный статус. Но развитие языка в ряде отношений отстает от быстрых социальных перемен; в частности, социальный статус по-прежнему выражается в возрастных категориях. Рассудительных, эрудированных молодых людей именуют так, как обычно называют людей

зрелого возраста, например: «У одних родителей мальчик был. Звали его **дядя Федор**. Потому что он был очень серьезный и самостоятельный» [3, с. 5].

Впрочем, это случалось и прежде. Так, благоразумного юношу, героя сказки из сборника «1001 ночь», прозвали Али-баба (букв. “**дедушка Али**”). Молодым человеком был и В.И. Ульянов, когда члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», учитывая его образованность и высокий интеллект, дали ему псевдоним **Старик** и выбрали руководителем.

В Британии, с ее консерватизмом и почитанием социального статуса, давно устоялась разветвленная система обращений (*sir / madam, milord / milady, Your Honour* и т.п.), отражающая персистентность общественных отношений. В нашей стране в этой сфере ныне наблюдаются разброд и шатания: обращения прежних времен вышли из обихода, а новые пока еще не устоялись. Попытки реставрировать обращения *сударь, господин* и т.п. не увенчиваются успехом. Отвыкший от них, наш народ воспринимает их с подозрением: нет ли в них скрытой издёвки? По-видимому, это обусловлено тем, что в советские годы мы привыкли к «равенству в унижении»: мы по инерции ощущаем себя равными друг другу «товарищами», которые недостойны именоваться «господами». И неважно, что многие родились в постсоветскую эпоху: данное самоощущение составляет часть нашего культурного наследия (своего рода «культурный ген»).

Вакуум, который возник на этом участке культурного пространства постсоветской России, заполняется архаичными статусно-нейтральными формами именования лица, фиксирующими родственные, гендерные, возрастные признаки: *молодой человек, парень, девушка, мужчина, женщина, отец, мамаша, дедуля, бабуся*. Это свидетельствует о том, что в результате очередного социального катаклизма нынешняя система общественных отношений, социальных статусов и рангов нестабильна; она в очередной раз находится в стадии преобразования.

Формы существования социальных отношений в языковой системе и речи многочисленны и разнообразны. Но и немногих вышеприведенных примеров достаточно, чтобы показать, что социальная структура не только

выражается, но и в большой мере **осуществляется** через систему языка в речевом общении.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
2. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
3. Успенский Э.Н. Дядя Федор, пес и кот. – М.: АСТ, 2018. – 160 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.
5. Douglas M. Do Dogs Laugh? A Cross-cultural Approach to Body Symbolism // Journal of Psychosomatic Research. – No. 15. – 1971. – Pp. 387-390.
6. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic. – London: Edward Arnold Publishers Ltd., 1978. – 296 pp.

Сведения об авторе:

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет; 443090, Российская Федерация, Самара, ул. М. Горького, 65/67; lampasha90@mail.ru; 8-909-344-32-61.

Savitsky Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education; 443090, 65/67 M. Gorki Street, Samara, Russian Federation; lampasha90@mail.ru; 8-909-344-32-61.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Ефремов В. А.

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»)

Аннотация: Анализ ассоциативного-семантического поля (АСП) позволяет выявить векторы концептуализации того или иного явления действительности. Исследование АСП названий людей дает возможность эксплицировать социальные (в том числе и гендерные) стереотипы, существующие в данный момент в лингвокультуре, а также выявить те актуальные прецедентные феномены, которые формируют образный слой одноименного концепта.

Ключевые слова: концептуализация, гендерные стереотипы, прецедентные феномены, маскулинность.

Abstract: The analysis of the associative(-semantic) field (ASF) of various ideas allows to reveal their conceptualization vectors. It makes possible to clarify social stereotypes, including gender stereotypes, existing in linguistic culture, as well as to identify relevant precedent phenomena that form the figurative layer of the concept of the same name.

Key words: gender stereotypes, precedent phenomena, conceptualization, masculinity.

Современная лингвистика характеризуется возникновением новых исследовательских парадигм, что приводит к поиску разнообразных и

эффективных методов анализа языкового материала. Изучение вербальных ассоциаций, ставшее одним из наиболее популярных и разработанных направлений в психолингвистических исследованиях, может быть использовано и в гендерной лингвистике, причем в разных ракурсах: от исследования гендерной специфики языкового сознания [1] до вопросов концептуализации образа мужчины и женщины [4], ибо «концептуализация, обнаруживаемая в языке, в широком смысле рассматривается как продукт мыслительных процессов человека и "привязывается" к экстралингвистическим явлениям (там, где возможно такое отношение), а не выводится из предполагаемых структур, свойственных подобным экстралингвистическим явлениям, и действительно принимается языком» [8, с. 544].

Одним из способов категоризации тех или иных явлений действительности могут служить прецедентные феномены, о чем писал еще сам Ю. Н. Караулов, рассуждая о механизмах действия подобных лингвокогнитивных единиц: «намеки (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего» [5, с. 217].

Интересно, что при концептуализации тех или иных явлений действительности прецедентные феномены не явно, но могут быть связаны даже с такими достаточно ригидными элементами мышления, как гендерные стереотипы, под которыми понимают упрощающие и обобщающие, эмоционально окрашенные, культурно и социально обусловленные мнения и суждения о качествах, атрибутах и нормах поведения «типичных» представителей того или иного гендера.

Для того чтобы посмотреть, как прецедентные феномены влияют на концептуализацию образа мужчины проанализируем одноименную словарную статью «Русского ассоциативного словаря» и выделим в ней все прецедентные феномены:

МУЖЧИНА: *женщина* 88; *сильный* 43; *высокий* 27; *красивый* 16; и *женщина* 13; *сила, средних лет* 12; *красавец* 10; **настоящий человек** 9; в *возрасте* 8; *молодой, пожилой* 7; *любимый, мужик, умный* 6; *друг, он* 5; в *шляпе, интересный, самец, старый* 4; *костюм, любовь, мой, обаятельный, отец, симпатичный, хозяин, хороший, элегантный* 3; *благородный, боец,* в *годах, вежливый, веселый, видный, в расцвете лет, глупый, джентльмен, знакомый, крутой, лысый, молодец, муж, мужественный, мужество, надежный, не женщина, полный, смелый, солидный, стройный, ум, холостой, черный, эгоист* 2; *атлет, биологически слабый, блондин, большой, борода, брат, брюки, был, вальяжный, в белом, в галстуке, верный, взрослый, в летах, влюбленный, воин, воля, вообще, в пальто, в полном расцвете лет, в расцвете сил, врач, врет, в соку, в теле, выдержанный, вышел, гигант, глава семьи, голый, гора, грозный, грузный, гулящий, дарит цветы, девушка, деловой, деньги, добрый, Дон Жуан, дорогой, дрянь, дуб, дурак, душка, дырка, едет, если надо причину, животное, жулик, заботится, зрелый, идет, или..., или нет, импозантный, импотент, интеллектualan, интеллигент, истинный, кабан, как в кино, как я, кинофильм, класс, классный, клевый, козел, **который спешит, крепкий,** культурист, *лицо мужского пола, лучший, лысеющий, любвеобильный, любящий, мальчик, молод, мужской пол, женщина, мускулы, нарядный, не знаю, неизбежность, неудобный, ничейный, нудный, обнял, обратить внимание, опора, орел, особь противоположного пола, парень, партнер, пиджак, пицца, плохой, подлец, позорный, полноценный, порядочный, постамент, представительный, прелесть, принц, приятный, проказник, прохожий, пьет, ребенок, редиска, родина, рыжий, рыцарь, сам, сволочь, сдержанный, седой, сексуальный, семьянин, серый костюм, серьезный, силен, сия, спальня, спортсмен, старина, стоцентный, странно, страшный, субъект, султан, сынок, табак, **Тарзан, твердость, твердый, темно, толстый, трезвый, тройка,** уверенный, *удачный, учитель, ушел, хилый, хирург, честный, честь, что надо, чужой, Шварцнеггер* шляпа и плащ, *щедрый, экстравагантный, юноша, я, яркий, я твой* 1; 547+217+3+160 (6, с. 335).**

Осознавая невозможность абсолютно объективной классификации реакции *настоящий человек* исключительно как фрагмента прецедентного текста (Полевой Б. Повесть о настоящем человеке, 1946), на основе данных Национального корпуса русского языка (всплеск употреблений словосочетания в 1950-60-е и повторный всплеск в 1990-е) можно предположить, что часть ответов – это культурная ассоциация с идеологически нагруженным художественным произведением советской эпохи, исключенным из школьной программы лишь в 2016 г. Одновременно наряду с такими реакциями, как *мужик* (6), *он* (5), *самец* (4), эта реакция эксплицирует один из древнейших стереотипов человеческого сознания о центральном статусе мужчины в обществе и мире. По мнению представительниц феминисткой критики языка, это и есть главнейшее проявление андроцентризма – отождествление в языке понятий ‘человек’ и ‘мужчина’ (ср. англ. *man*, нем. *Mensch*, фр. *homme*, с оговорками укр. *чоловік*).

Самый распространенный гендерный стереотип о мужчине связан с его физическими данными, что в полной степени подтверждается данными ассоциативных словарей. *Сильный* – самая частотная синтагматическая реакция на стимул *мужчина* (8% всех ответов). Этот же стереотип представлен такими реакциями, как *сила* (12 реакций) и единичными *атлет*, *в расцвете сил*, *культурист*, *мускулы*, *силен*, *спортсмен*. Интересно, что образный компонент этого АСП как языкового воплощения концепта ‘мужчина’ также включает в себя элементы, репрезентирующие стереотип силы и представленный генетически разными, но актуальными прежде всего для времени проведения ассоциативного эксперимента иностранными (!) прецедентными именами *Тарзан* и *Шварцнеггер*. Эти прецедентные феномены можно отнести к разряду слабых интертекстов – «моментальных снимков ассоциативно-языкового сознания, актуализация которых ограничена временными рамками и связана с социальными факторами» [3, с. 103].

Суммарная доля ответов, эксплицирующих базовый для маскулинности стереотип силы, составляет 12%. Более того, в русской части «Славянского

ассоциативного словаря» (СлАС) этот стереотип выражен еще ярче: на стимул *мужчина* фиксируется 13% реакций, содержащих ядерную сему 'сила'. При этом в белорусском и украинском языках картина аналогична русской [7, с. 158-159]. Данный стереотип отражает один из базовых векторов маскулинизации члена общества, а именно «норму физической твердости» (the physical toughness norm) – «стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью» [1, с. 174]. Попутно отметим, что единичной прецедентной экспликацией этого гендерного стереотипа в сознании белорусов, по данным СлАС, послужил иной голливудский актер (*Брус Уиллис*).

Гендерные стереотипы о мужчинах и женщинах во всех лингвокультурах имеют разную возрастную маркированность: так, в АСП «Женщина» преобладают лексемы, обозначающие молодость и юность. В анализируемом АСП «Мужчина» возраст представлен следующими реакциями: *средних лет (12), в возрасте (8), в расцвете лет (2), в полном расцвете лет, в расцвете сил, взрослый, зрелый* (общая доля – 5%). Типичный мужчина в русской языковой картине мира, как и во многих других культурах, рассматривается как человек среднего или старшего возраста. Этот вектор концептуализации соотносится с таким важным направлением маскулинизации личности, как «взрослость»: в патриархатном и современном обществе мужчина, с одной стороны, не может позволить себе быть ребенком, с другой стороны – становится полноценным членом общества только в период зрелости. Интересно, что для вербализации этого гендерного стереотипа используются трансформация *в полном расцвете лет* и фрагмент *в расцвете сил* прецедентного высказывания «*Я – мужчина в полном расцвете сил!*» (из м/ф «Малыш и Карлсон» (1968); в переводе Л. Лунгиной (1957) эта фраза звучит несколько иначе: «*Я мужчина в самом расцвете сил*»). Неслучайность этого прецедентного феномена для русского языкового сознания подчеркивает и наличие в СлАС на тот же стимул *мужчина* двух реакций *в полном расцвете сил* и единичной реакции *Карлсон*.

К стереотипам, связанным с прецедентным фондом западной художественной культуры, безусловно, относится и единичная реакция *Дон Жуан*, свидетельствующая о продолжающейся востребованности русской культурой конца XX в. заимствованной еще в XIX в. социальной практики.

О влиянии музыкальной индустрии на языковое сознание современника свидетельствуют фрагменты двух прецедентных высказываний, взятых из актуальных для времени проведения массового ассоциативного эксперимента музыкальных композиций:

- *если надо причину* из припева песни «Казанова» (1986) группы «Наутилус Помпилиус» на стихи И. Кормильцева («*Ты – моя женщина, Я – твой мужчина! Если надо причину, То это причина*»);

- *который спешит* из названия шлягера Екатерины Семеновой «Мужчина, который спешит» (1988) на стихи Л. Воропаевой.

Итак, анализ АСП «Мужчина» позволяет не только выявить векторы концептуализации образа мужчины в русской языковой картине мира, определяемые гендерными стереотипами (сила, возраст, социальные роли и др.), но и эксплицитовать не большую, но показательную роль прецедентных феноменов в создании образного слоя одноименного концепта.

Список литературы

1. Берн Ш. Гендерная психология. М.: Олма-Пресс, 2001. 320 с.
2. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М., Харьков: ИНЖЭК, 2003. 440 с.
3. Денисова Г. В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии. М.: Канон+, 2020. 272 с.
4. Ефремов В. А. Гендерные стереотипы как элемент концептуализации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 149-158.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.

6. Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. / Ю. Н. Караулов и др. М.: АСТ, 2002.

7. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева и др. М.: Изд-во РАН, Ин-т языкознания, 2004. 792 с. (СЛАС).

8. *Talmy L. Cognitive linguistics // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. New York: Elsevier, 2006. P. 542–546.*

Сведения об авторе

Ефремов Валерий Анатольевич; заведующий кафедрой русского языка, профессор, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Российская Федерация, Санкт-Петербург, valef@mail.ru

Efremov Valerii Anatolievich, Head of the Department of Russian Language, Professor, Doctor of Philology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation, St. Petersburg, valef@mail.ru

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА ДРУЖБЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ)

Боева-Омелечко Н.Б.

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону Россия

Аннотация: Актуальность данной работы обусловлена большим интересом учёных к феномену дружбы, который при всей его универсальности

может быть связан с разными культурными ценностями в коллективистских и индивидуалистских культурах. Целью работы является контрастивный анализ репрезентации феномена дружбы в русской и английской лингвокультурах на материале русского и британского национальных корпусов. В статье описываются признаки феномена дружбы, его оценки и спектр противопоставляемых ему феноменов в сопоставляемых лингвокультурах.

Ключевые слова: сопоставительная лингвокультурология, контрастивный анализ, лингвокультура, феномен дружбы.

Abstract: The relevance of this work is due to the great interest of scientists in the phenomenon of friendship, which, for all its universality, can be associated with different cultural values in individualist and collectivist cultures. The purpose of the work is a contrastive analysis of the phenomenon of friendship in Russian and English linguistic cultures based on the material of the Russian and British national corporuses. The article describes the characteristic features of the friendship phenomenon, its assessments and the range of phenomena opposed to it in the compared linguistic cultures.

Keywords: comparative cultural linguistics, contrastive analysis, linguoculture, the phenomenon of friendship.

Одним из приоритетных направлений современных исследований выступает сегодня сопоставительная лингвокультурология, основоположником которой, по мнению В. А. Масловой [6], является М. К. Голованивская, автор работы «Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка» [3], в которой особенности французского менталитета изучаются с позиций носителя русского языка и культуры. Как отмечает Ю. О. Гусакова, для данного направления исследований первостепенное значение имеет кросс-культурный анализ культурных явлений через призму языка, позволяющий увидеть специфику лингвокультур [4, с. 27]. Объектом исследования могут становиться как целые семантические группы, так и отдельные слова. При этом особый интерес представляют случаи, когда

одна и та же единица в разных языках репрезентирует «иное культурное сознание и рисует иную национальную картину мира» [2, с. 17].

Одной из таких единиц выступает лексема «дружба», номинирующая соответствующий феномен, который в разных культурах может быть связан с разными культурными ценностями. В частности, это касается русской и английской культур, которые по параметру сопоставления «отношение к другим членам общества» относятся к индивидуалистской и коллективистской культурам.

Анализ особенностей языковой репрезентации феномена дружбы в русской и английской лингвокультурах проводился учёными на материале дефиниций в толковых словарях, микроконтекстов с лексемами *дружба* и *friendship* [8], фразеологизмов и пословиц с этими лексемами [1; 5, 7], художественных произведений [9]. Всё это свидетельствует об актуальности дальнейшего изучения данного феномена в том числе с привлечением данных русского и британского национальных корпусов, позволяющих расширить представления об особенностях репрезентации и восприятия феномена дружбы в русской и английской лингвокультурах.

При этом необходимо отметить, что в большинстве работ, посвящённых изучению феномена дружбы в русской и английской лингвокультурах, равное внимание уделяется как общим, так и специфическим признакам данного феномена. Вопрос об общих признаках изучен достаточно глубоко. К ним учёные относят понятия помощь, благотворительность, надёжность. В обеих культурах ценится крепкая, верная, настоящая, искренняя дружба. Среди отличий отмечаются сакральность дружбы, самопожертвование ради друзей, стремление к равенству и сходству, гостеприимство в русской культуре и определённая прохладность, дистанцированность в дружеских отношениях в английской культуре. Вместе с тем мы полагаем перечень различий может быть расширен. В силу этого целью нашей работы является контрастивный анализ феномена дружбы в сопоставляемых лингвокультурах, в центре внимания которого находятся именно различия в репрезентации данного феномена..

К их числу, по данным проведённого исследования относятся следующие.

1. В английском языке мы не встретили сочетаний слова *friendship* с прилагательными с отрицательными коннотациями, то есть данный феномен рассматривается как исключительно положительный (*firm, cordial, genuine, sincere, warm, devoted friendship*). В русском языке слово *дружба* может сочетаться как с прилагательными с положительными коннотациями (*крепкая, сердечная, настоящая тесная, взаимная дружба*), так и с прилагательными с отрицательными коннотациями (*лицемерная, сухая, нечестная, постыдная дружба*). То есть допускается возможность наличия отношений, внешне напоминающих дружбу, но основанных на иных принципах, чем настоящая дружба. Например:

(1) *Панаев до ослепления был привязан ко всем своим старым друзьям, и на него сильно подействовала их лицемерная дружба* (А. Я. Панаева. *Воспоминания* (1989-1990).

2. В отечественной лингвокультуре длительность играет достаточно важную роль в характеристике дружбы. Данная характеристика может быть выражена как прилагательными *давняя, долгая, вечная*, имеющими аналоги в английском языке (*lasting, lifelong*), так и различными словосочетаниями, обозначающими момент начала дружеских отношений и таким образом конкретизирующими срок длительности дружбы: *с детства, с юности, с давних пор*. Например:

(2) *У Чехова с Шехтелем была дружба ещё со студенческих времён* (Ольга Кабанова. *Легко и быстро, но на века. Юбилей театрального дома* (2002) // «Известия», 2002.11.17).

В британском корпусе нам не встретились примеры, указывающие на момент начала дружеских отношений.

3. И в русском, и в английском языке, как показывают примеры из корпусов, употребляются словосочетания, указывающие на возможность быстрого начала дружбы (*дружба возникла, дружба началась, they stroke up friendship, friendship started*). Но наряду с ними в русском языке также

употребляются словосочетания, описывающие постепенное развитие отношений (*дружба зарождалась, развивалась, спаивалась*). Например:

(3) Так **постепенно спаивалась их дружба**, несмотря на различие возрастов, биографий и вкусов (Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990).

Интересно отметить, что в английском языке существует словосочетание *to develop friendship*, но в отличие от русского словосочетания *дружба развивалась* оно может обозначать возникновение случайного знакомства, а не постепенное формирование отношений. Например:

(4) **We developed a deep friendship one night after we'd drunk a lot of rum at the party** (The Daily Mirror. 9610 s-units).

4. Общим для обеих лингвокультур является наличие словосочетаний, обозначающих дружбу, возникшую на основе общей деятельности (учёбы, работы) (школьный друг – *school friend*, университетский друг – *university friend*). Однако только в корпусе русского языка встречаются словосочетания, показывающие значимость для русских людей дружбы, возникшей в процессе воинской службы или участия в боевых действиях (*солдатская дружба, фронтовая дружба*). Например:

(5) **У него всегда получалась просто фронтовая дружба**, о его личной жизни до женитьбы я почти ничего не знаю (И. Крюкова. Романтическая сага (непридуманная история) // «Наука и жизнь», 2007).

5. Только в русском корпусе встретились примеры, показывающие, что дружба между русскими людьми может возникать по территориальному признаку. В соответствующих словосочетаниях, как правило, используются прилагательные, образованные от названий городов, стран:

(6) **Конечно, у них были друзья и в городе, в школе и во дворе, но московская дружба была ограничена и скована, как сама тамошняя жизнь** (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000).

6. Примеры из корпусов подтверждают отмечаемое во многих работах положение о том, что дружба в русской лингвокультуре ассоциируется в первую очередь с помощью в трудную минуту, в беде. Например:

(7) *Так вот что: если в трудное время тебе понадобится дружеская помощь, искренний совет — иди прямо ко мне: двери моего дома так же, как и сердце мое, всегда будут открыты для тебя!* (В. П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина (1888)).

Помощь в трудное время является важной составляющей дружбы и для британцев, но для них не менее значим такой компонент дружбы, как приятное времяпрепровождение. Друг – это человек, с которым комфортно проводить время, с которым весело и легко. Поэтому лексемы *friendship* и *friend* употребляется совместно со словами *enjoy*, *laugh*, *joy*, *comfort*. Например:

(8) *My first real grown-up friend. A man who made me laugh and feel better'* (The Daily Mirror. London: Mirror Group Newspapers, 1992, pp. ?? 9942 s-units).

(9) *A friend is someone you just enjoy seeing, someone you never get bored with* (Good Housekeeping. 3605 s-units).

7. В русской лингвокультуре дружба обычно предполагает тесное и регулярное общение между людьми. Например:

(10) *Но вам уж придется привыкать к моему безобразию, вы теперь мой друг и будете проводить много времени со мною* (А. А. Богданов. Красная звезда (1908)).

В английской лингвокультуре такие тесные отношения не предполагаются, так как означают нарушение границ личной автономии (*privacy*), столь важной для британцев. Соблюдение неприкосновенности *privacy* может оказаться важнее дружбы:

(11) *I had imagined that friendship meant giving up privacy, and closeness meant complete submersion in the other person. (Jill Dawson., How do I look?).*

8. В русской лингвокультуре четко разграничиваются понятия дружбы как вида отношений, основанных на взаимопонимании и доверии, и любви как чувства сильного влечения и эмоциональной привязанности. Данные понятия нередко противопоставляются. Например:

(12) *Только с Лидой из их класса, и с ней у него ничего не было, потому что он её не любил, и это была просто дружба* (Дневник девочки (1990)).

(13) *Как только она осознала, что это не любовь, а всего лишь дружеская привязанность, она сказала: «Останемся друзьями», и он вынужден был отступить в тень* (Юлия Брусилловская. Он + она = дружба (2002) // «Семейный доктор», 2002.12.15).

В английской лингвокультуре, согласно примерам, наоборот стираются какие-либо границы между любовной и дружеской связями. В данной лингвокультуре считается, что именно на основе дружеских взаимоотношений строятся самые счастливые и крепкие браки.

(14) *'Gradually, over the five years that followed, **friendship** turned to love. We're good mates, Paul adds, ' I liked Marcelle from the moment we met and I married her because she's a really lovely person'* (Best. London: Gruner & Jahr (UK), 1991, pp. ?? 2494 s-units).

9. В религиозной сфере лексема *friendship* употребляется в национально-специфическом словосочетании *friendship with God*, выражающим веру и надежду говорящего на поддержку со стороны высших сил и не имеющего аналога в русском языке. Например:

(15) *This quest for happiness will not fail with prayer as our means of **friendship with God*** (In search of happiness. Houston, James. Oxford: Lion Pub. plc, 1990, pp. 165-275. 2106 s-units).

(16) *Jesus is therefore not simply the human instrument of God's purposes, nor simply a man responding to divine grace: he is God come as man in order to work out and establish in himself the true destiny of man in **friendship with God*** (A century of Protestant theology. Heron, Alasdair I C. Cambridge: Lutterworth Press, 1993, pp. 1-98. 1236 s-units).

Проведённый анализ позволил прийти к выводу, что национальная специфика репрезентации феномена дружбы в русской лингвокультуре связана с возможностью эксплицитной негативной оценки данного феномена в случаях имитации дружеских отношений, с акцентуацией этапов формирования дружбы, точных временных рамок её существования, а иногда и места возникновения, с наличием словосочетаний, подчёркивающих значимость

дружбы, возникшей в процессе воинской службы или участия в боевых действиях, с противопоставлением дружбы как вида отношений, основанных на взаимопонимании и доверии, и любви как чувства сильного влечения и эмоциональной привязанности. Важнейшими составляющими дружбы в русской лингвокультуре, согласно примерам, являются помощь в трудную минуту, в беде и тесное регулярное общение с друзьями.

Национальная специфика репрезентации феномена дружбы в английской лингвокультуре проявляется в восприятии дружбы как исключительно положительного феномена, что исключает возможность употребления лексемы *friendship* с прилагательными с негативными коннотациями, в акцентуации значимости такого признака дружбы, как «приятное времяпрепровождение», в противопоставлении дружбы и зоны личной автономии и отсутствии противопоставления дружбы и любви. В данной лингвокультуре употребляется национально-специфическое словосочетание *friendship with God*, выражающее веру и надежду говорящего на поддержку со стороны высших сил.

Список литературы

1. Бычкова Е.С. Ассоциативные связи в английских и русских идиоматических выражениях с концептом «дружба» // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 11. С. 5–7.

2. Воробьев В.В., Полякова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 13 – 18.

3. Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка : (Контрастивный анализ лексических групп со значением "высшие силы и абсолюты", "органы наивной анатомии", "основные мыслит. категории", "базовые эмоции"). Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1997. 279 с.

4. Гусакова Ю.О. Метод лингвистического кросс-культурного анализа: формирование и перспективы применения // Вестник Новгород. гос. ун-та. 2010. № 57. С. 25 – 28.

5. Коренькова, О.В., Хван Н.С. Использование пословиц и поговорок в процессе обучения профессионально ориентированному иностранному языку // Современные гуманитарные исследования. 2011. № 5. С. 97–99.

6. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2004. 202 с.

7. Рахимова И.Р. Концепт «дружба» в русских и английских народных пословицах // Архивариус. 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 93 – 95.

8. Толчина, Н. Ю. Репрезентация концепта «дружба» в разговорной речи (на материале русского и английского языков) // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. № 1. 2010. С. 145–149.

9. Хизова М.А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 20 с.

Сведения об авторе:

Боева-Омелечка Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет. 344006 г. Ростов-на-Дону ул. Большая Садовая 105. Тел. +7 903-401-34-41; e-mail boeva1961@yandex.ru

Boeva Natalya Borisovna, Ph. D. of philology, professor, Southern Federal University. 344006 Russian Federation. Rostov-on-Don Bolshaya Sadovaya Street 105. Phone +7 903-401-34-41; e-mail boeva1961@yandex.ru

**БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЫ И ИХ ТРАНСФОРМЫ
– РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

Абакумова О.Б.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблемам трансформации, модификации, универсальных характеристик и национальной специфики библеизмов, заимствованных из Священных текстов при переводе и получивших новую жизнь во фразеологических системах живых языков (русского и английского)

Ключевые слова: библеизмы, пословицы, трансформы, лингвокультура, универсальное и специфическое

Abstract: *The paper covers the problems of transformation, modification, the universal and national specific features of biblical phrases borrowed from the Holy Writ due to translation and receiving a new life in phraseological systems of living languages (Russian and English)*

Key words: *biblical units, proverbs, transforms, linguo-culture, universal and ethnic specific.*

В данной статье мы собираемся обсудить проблемы семантики и прагматики пословиц библейского происхождения. Взятые из одного источника, они, тем не менее, обладают как универсальными, так и национально специфическими особенностями, проявляющимися во фразеологической системе каждого языка, а также в контексте употребления.

Под пословицами понимаются фразеологизмы со структурой предложения, обладающие обобщенным значением, дедуктивной функцией и

выражающие нормы социального поведения в данной культуре, сложные языковые знаки, обладающие текстовыми характеристиками и прагматическими функциями. которые обычно используются в речи как косвенные речевые акты и тактические средства реализации коммуникативной цели говорящего [1].

Заимствования постепенно включаются во фразеологические фонды языка, занимают там свое особенное место, содержат в своей семантике эксплицитно или имплицитно представленные нормы социального поведения, характерные для данной культуры, и служат для рекомендации того, как следует поступать в типовых ситуациях общения и отражают своеобразные черты национального характера. Пословицы представляют национальную культуру и историю в краткой, ясной и образной форме, помогают проникнуть в мировоззрение нации и менталитет людей. При переводе переводчики должны стараться передать не только логический смысл единиц, но и сохранить их национальный колорит: образные, эмотивные и оценочные оттенки значений.

Источник библейской пословицы: «*Что посеет человек, то и пожнет*» - это послание апостола Павла «К Галатам», жителям области Галатии в Антиохии. Галаты исповедовали грубый культ Цибелы [2]. Послание было составлено в период между 48 и 58 годами н. э. [7] с целью обратить галатов в христианство. В более широком контексте Послания смысл библейского афоризма направлен на возвышение духа над плотью:

Перевод этой части Библии на русский язык выглядит следующим образом:

«Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. *Что посеет человек, то и пожнёт*: сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тление, сеющий в духе от духа пожнёт жизнь вечную» (К Галатам 6: 7-8).

Переводы этой части Послания на английский язык следующие:

1. Be not deceived; God is not mocked: for *whatsoever a man soweth, that shall he also reap* // Epistle to the Galatians 6:7 — Гал 6:7 King James Bible,

2. Do not be deceived: God is not mocked, for *whatever one sows, that will he also reap*.

// Epistle to the Galatians 6:7 — Гал 6:7. English Standard Version

3. Don't be misled – you cannot mock the justice of God. You *will always harvest what you plant*. Epistle to the Galatians 6:7 — Гал 6:7 New Living Translation

Другими словами, текст Послания ориентирован на то, чтобы увести галатов от плотских наслаждений и привести их к духовному служению Богу.

Позднее (в русском дискурсе) часть этого библейского текста (стр. 7) приобрела конкретное значение. «*Что посеешь, то и пожнешь*» и означает, что человек сам своими поступками определяет свое будущее (связи с прототипной библейской ситуацией не наблюдается). Именно так эта поговорка трактуется в словаре Д.Н. Ушакова: “Что посеял, то и пожнешь” (значение) — 1) Человек сам определяет свое будущее; 2) Если подготовился к чему-либо основательно, то все будет в порядке, а если нет, то сам и виноват (русская поговорка). Пожинать — собирать урожай [8]. При этом мы видим, что Ушаков не ссылается на Евангелие (возможно, ввиду времени написания Словаря и политической конъюнктуры). Справедливости ради нужно отметить, что многие русские авторы воспринимают этот текст не как библейский, а как фольклорный, т.е. как русскую поговорку:

(1) Конечно, без труда ничего не бывает, скромно заметил целовальник, - говорит русская поговорка: «*Что посеешь, то и пожнешь*» [Н. В. Успенский. Федор Петрович (1866)] [НКР].

(2) «За шутку шуткой», - отвечал Хвалынцев; «Знаете поговорку: *что посеешь, то и пожнешь*» [В. В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 1-2) (1869)] [НКР].

В английской литературной традиции хорошо известна речь Павла, она считается Хартией христианской свободы. Однако данный библейский афоризм не получил такого широкого распространения, как его русский аналог в

русском дискурсе. В английском языке и лингвокультуре это значение обычно передается с помощью следующих фразеологических единиц:

- 1) *A bad beginning has a bad ending;*
- 2) *As you make your bed, so you must lie on it.*

- *As you make your bed* (*Children should be seen and not heard. As you make your bed, so you must lie on it. Spare the rod, spoil the child.*

- Absolutely! *As you make your bed, you lie on it!* That's right.

Prov. 'You have to suffer the consequences of what you do' (often used as a rebuke) // [13].

She felt that she must not yield, she must go on leading her straitened, humdrum life. This was her punishment for having made a mistake. *She had made her bed and she must lie on it.* (Th. Driser. Jennie Gerhardt. ch. XIX)

But that's past praying for; and *ye must lie on your bed the way ye made it.* [Robert Louis Stevenson. Kidnapped (1886)]

- Hornby (with a little smile): "Well, are you enjoying the land of promise as much as you said I should?"

- Norah: "*We have both made our bed and we must lie on it*" (W.S. Maughm, "The Land of Promise", act.II).

Что посеешь, то и пожнешь– "За свои (обычно неблагоприятные) поступки приходится расплачиваться". Говорится тогда, когда неудачи, несчастья являются результатом чьего-либо поведения [3, с.504].

«Ты пренебрег моими советами и с упорством продолжал держаться своих ложных взглядов; мало того, в свои заблуждения ты вовлек также сестру и заставил ее потерять нравственность и стыд. Теперь вам обоим приходится нехорошо. Что ж? **Что посеешь, то и пожнешь!**» (А. Чехов. Моя жизнь).

Рассмотрим анализ этой пословицы в контексте по модели КДМ [1].

Коммуникативная ситуация. Пословица **Что посеешь, то и пожнешь** используется отцом главного персонажа в кульминационной части повести А.П. Чехова «Моя жизнь», когда сын приходит к отцу сообщить о близкой

смерти сестры, умирающей от туберкулеза, а отец отказывается дать денег на лечение, мотивируя свой отказ непослушанием сына и его дурным влиянием на сестру. В результате сестра умирает и оставляет ребенка на руках у брата.

Коммуникативная составляющая. Пословица используется отцом три раза: в начале его монолога, в середине и в конце, то есть занимает все сильные позиции текста (в данном случае наиболее значимого фрагмента). Отец выбирает инструментальную стратегию речевого поведения, которая предполагает коммуникацию без учета интересов слушающего. Жестокий отец, бездарный архитектор, прячущийся от жизни за свои чертежи дач с готическими окнами и башнями с толстыми стенами, превративший свою жизнь и жизнь детей в тюрьму, потому что сам никогда не получал удовлетворения от своей работы, считает сына виновным в том, что он осмелился выбрать профессию, несоответствующую его дворянскому происхождению, отказался от наследства и теперь сам не может ни обеспечить себя, ни помочь сестре, которая родила ребенка вне брака и теперь умирает от туберкулеза.

Констативная (когнитивная) составляющая. Говорящий претендует на истину, так как формально он кажется правым: оставившие дом дети, ослушавшиеся отца, оказались в бедственном положении. Пропозиция выражена предикатами *сеять и жать*.

Семантический класс глаголов: causative achievement (каузированное достижение) (см. [15]).

Логическая структура глаголов представляет двухместный предикат: кто? посеет что? и кто? пожнет что? Это контролируемая деятельность.

Тематические отношения: ты (агенс) что/то (тема). Глагол *сеять* переосмысливается на уровне обобщенного значения и влечет за собой переосмысление глагола *жать* (пожинать плоды собственной деятельности).

Репрезентативная (экспрессивная) составляющая. Говорящий неискренен: ему жаль детей, но он следует своим жестким принципам, «традициям предков», которые не позволяют ему отдалиться естественному

человеческому чувству, отцовской любви и милосердию. Отец привык жить во лжи, лицемерии и ханжестве. Его оценка ситуации, когда он видит «блудного» сына, пришедшего просить за сестру, резко отрицательная.

Модальность: эпистемическая, так как говорящий убежден в своей правоте, и аксиологическая, так как отрицательно оценивается ситуация, если человек, который сам виноват в неуспехе своей деятельности, жалуется и просит помощи. В пословице имплицитно содержатся *деонтические нормы* (Следует быть осторожным и предвидеть результат своих действий. Следует отвечать за свои поступки), которые могут реализоваться в качестве косвенного директива или привести к эксплицитному директиву. Пословица призвана указать на неизбежное справедливое возмездие за грехи и непослушание.

Иллокутивная сила: ассертив (*Ты сам виноват в своих проблемах*) и косвенный директив (*Уходи, откуда пришел*).

Прагматическим пином является объект «сеяния» и «жатвы», нечто, что не называется в тексте пословицы, но актуализуется в конкретной ситуации ее использования, в данном конкретном случае это непослушание, за которым следует несчастье.

Отец, не колеблясь, отказывает сыну в помощи: *«Передай и своей безнравственной сестре, что вы от меня ничего не получите. Можешь уходить, откуда пришел! Я справедлив, все, что я говорю, полезно, и если ты хочешь себе добра, то ты должен всю свою жизнь помнить, что я говорил тебе и говорю»* (А.Чехов). В пословице содержится косвенный директив (*Уходи!*), который позже позже эксплицитно вербализуется в его речи.

Регулятивная составляющая. Отец позиционирует себя как человек, проживший жизнь и имеющий право давать советы своим детям. Используя одну и ту же пословицу три раза, он хочет спрятаться за авторитет народной мудрости и уйти от ответственности за резкое выражение своего неприятия поведения сына. Он считает нормой свою скучную, бездарную жизнь, прикрываясь ложно понятым чувством долга. Он не замечает своей вины в случившемся, своего невнимания к нуждам детей, которые искренне пытались

жить честно, найти смысл жизни, получать радость от жизни, но были слишком слабы, чтобы за нее бороться. Он игнорирует нормы взаимодействия (Люди должны помогать друг другу. Нельзя причинять вред своим), нормы контакта (Следует быть честным, думать об интересах других) (о деонтических нормах в семантике пословиц см. [4]).

В пословице, которую он трижды использует, имплицитруется косвенный директив: *Следует заранее предвидеть последствия своих поступков и быть осторожным, Нужно отвечать за свои поступки*. На первый план выходят утилитарные нормы безопасности и контроля.

Как можно было убедиться, и смысл библейского выражения, и его языковая форма претерпели изменения. В русском языке это в большей степени изменения смысла высказывания, используются метафоры, репрезентирующие биоморфный, а точнее, растительный код культуры, более характерный для жизни крестьянина, поэтому выражение так легко вошло в русский фольклор и лингвокультуру. В английском аналоге эта метафора по данным национального корпуса практически не используется, хотя и есть вариант *As you sow you shall reap*, но сходный смысл чаще передается артефактивным, домообустроительным кодом [6, с.382], крестьянство как класс очень быстро прекратило свое существование в Англии, в период становления пословичных текстов в Британии уже не существовали крестьяне как класс (см. [14]). Но в двух лингвокультурах сохраняется отрицательная оценка ситуации, которая не вытекает из логики причинно-следственных отношений. Стоит предположить, что отрицательная оценка ситуации заимствуется ими из описанной в Библии прототипической ситуации.

Что касается кодов культуры, то они, как указывает В.В. Красных, самым непосредственным образом связаны со всеми подсистемами лингвокультуры: когнитивной, метафорической, эталонной и символической [6, с. 382]. Мы будем использовать определение кода культуры М.В. Ковшовой, которая понимает это явление как «совокупность знаков-предметов культуры и символизированных сущностей, составляющих план выражения для ценностно

значимого плана содержания культуры». Исследователь считает также, что «интерпретация фразеологизмов (слов-компонентов) в различных тематических кодах культуры позволяет говорить об особой функции фразеологизмов – их принятии на себя роли символов, эталонов, стереотипов» [5, с.194].

А теперь рассмотрим другую группу русских и английских пословиц с общим прототипом из Библии, которые пересекаются в своих значениях с предыдущими, но имеют свое развитие в каждой из лингвокультур.

Считается, что фраза *Live by the sword, die (perish) by the sword* является аллюзией на цитату из Евангелия от Матфея (глава 26, стих 52) *All who draw the sword will die by the sword* «Ибо все, взявшие меч, мечом погибнут». Эти слова произносит Иисус Христос, когда его приходят схватить и обречь на казнь, а один из учеников хватается за оружие и пытается защитить учителя от толпы [7]. Ещё одним источником фразы могли послужить слова из Апокалипсиса Иоанна Богослова «Кто ведёт в плен, тот сам пойдёт в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых» (Апокалипсис, 13:10).

Подобное выражение было известно ещё в доевангельские времена. В Древнем Риме оно бытовало в качестве крылатого выражения: *Кто воюет мечом, от меча и погибает* — (лат. *Qui gladio ferit, gladio perit*) [7]. Но в нем есть рифма, которая, по утверждению профессора А.И. Солопова, в античной культуре считалась вульгарной, поэтому, видимо, не стоит связывать происхождение этой единицы с античностью.

Прототипическая ситуация в тексте Библии описывает разговор между Иисусом и Его учеником Петром незадолго до того, как Иисуса арестовали в Гефсиманском саду. После того, как Иуда предал Иисуса, группа солдат двинулась арестовать Господа. В безрассудной попытке защитить Иисуса Петр вытащил свой меч и ударил слугу первосвященника, отрезав ему ухо, и Петр был готов нанести еще больший ущерб (Иоанн 18:10). Иисус упрекнул Петра и быстро остановил кровопролитие, мгновенно вылечив раненому ухо, (Лука 22:51). Затем Он сказал Петру убрать свой меч, потому что «все обнажающие

меч мечом умрут» (Матфей 26:52). Иисус также сказал Петру, что не будет бороться с арестом, потому что по воле Бога Он выпил чашу, которую Ему подали (Иоанн 18:11). Иисус пришел умереть, принести себя в жертву за грех, и теперь настало время. Слова и действия Иисуса по отношению к Петру также показали Его заботу о Своем ученике: предостерегая Петра от применения насилия, Иисус сам предотвратил арест Петра.

Выражение *Live by the sword, die by the sword* стало распространенным выражением, заимствованным из слов Иисуса, сказанных Петру. Смысл поговорки в основном тот же: человек, живущий насильственно, вероятно, в какой-то момент будет насильственно убит.

Those who live by the sword, die by the sword – means that violent people will be treated violently themselves [10; 11; 12].

Live by the sword, die by the sword – is a proverb in the form of a parallel phrase, derived from the Gospel of Matthew (Matthew 26:52).

Live by the sword, die by the sword - is the greatest honour anyone can thus achieve in any lifetime. It ultimately means to stand by your word even in the face of death (James Van Zyl)

Almost the same meaning as “*You reap what you sow*”

Новые смысловые оттенки в семантике поговорок могут быть связаны с периодом Средневековья и указать на влияние культуры норманнов или викингов, когда люди почитали за честь использовать меч и умирать от меча.

Well, I suppose that we that live **by the sword** shall perish **by the sword**. [Ernest Hemingway. *The Sun Also Rises* (1926)

He remembered what he had once heard an old preacher utter, namely, that the y who rose **by the sword** perished **by the sword**. [Jack London. *The Burning Daylight* (1910)]

Анализ английских и американских контекстов показывает, что английская поговорка передает не смысл отказа от насилия, а неотвратимость наказания.

История русских пословиц очень интересна. По данным Национального корпуса России, поговорка «Поднявший меч от меча и погибнет» появляется в русском дискурсе только в XIX веке (ее используют Л. Толстой, Ф. Тютчев, А. Белый, Н. Мандельштам, Паустовский, Шолохов и др.) . Они использовали это как намек на Библию.

Убивать себе подобных, как это нелепо и недостойно человека, и разве Христос хоть одним словом когда-нибудь разрешал это? Никогда. Напротив, когда Петр, защищая Его, изъял меч из ножен и отсек рабу ухо, он строго приказал ему вложить меч в ножны. "Поднявший меч от меча погибнет", -- машинально произнес Колосов и повернулся, чтобы идти дальше, но в эту минуту он увидел всего в нескольких шагах от себя древнего старца, одетого в жалкое рубище, едва-едва прикрывавшее его наготу. (Тютчев Ф.Ф. На скалах и долинах Дагестана (1903).

Новую жизнь она приобрела в конце 30-х годов в знаменитом фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский». Окончательный вариант сценария был создан писателем П.А. Павленко при деятельном участии режиссёра. Фильм содержит аллегорию: под псами-рыцарями подразумевается нацистская Германия, а под Новгородской Русью — Советский Союз. Эта аллегория использовалась в качестве антифашистской пропаганды. В финале картины исполнитель главной роли Н.К. Черкасов произносит слова, обращённые к пленным немецким рыцарям-крестоносцам: «А если кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет! На том стоит и стоять будет Русская Земля!», на чём и основывается ставшее крылатым выражение. В конце фильма эти фразы были повторены в виде титров. Патриотический фильм вышел на экраны 1 декабря 1938 года, заслужил всенародное признание и очень понравился Сталину. Эта фраза была написаны сценаристом П.А. Павленко, и она имеет совершенно иной смысл, чем исходное библейское высказывание, которое содержало отказ от насилия. Новая пословица содержит скрытую угрозу, но она стала очень популярной в русском дискурсе, и даже более известной, чем библеизм, поскольку поощряла готовность к защите Родины от врагов [9, p.102].

Анализ прототипического высказывания и его трансформы в русской и английской лингвокультурах показали развитие и дифференциацию смысла пословицы, ее семантики, коммуникативной цели высказывания. В библейском тексте фраза выражала призыв к отказу от насилия и содержала суперморальные нормы взаимодействия (Не убий!). В английской пословице ее аналог передает предупреждение о негативных последствиях насильственных действий, а иногда и призыв к образу жизни и смерти, достойному воина. В русской лингвокультуре получили распространение две пословицы: первая близка по форме и смыслу тексту из Евангелие, вторая появилась как мифологема, связанная с именем Александра Невского, представляет собой синтаксический и семантический трансформ библейского высказывания и содержит скрытую угрозу, в случае нарушения врагом границ нашей Родины. Символическая интерпретация меча также показывает различия: в библейском тексте она связана с религиозно-духовным кодом культуры, где меч опущен и содержится призыв к мирному сосуществованию. В современных пословицах наблюдается символика меча как составляющей достойного образа жизни воина (английский вариант) или инструмента справедливого возмездия (русский аналог).

Исследование подтвердило гипотезу о том, что пословицы, основанные на тексте Библии, могут сохранять, но чаще приобретают новые оттенки значений, отличные от исходной семантики библейской фразы. Производные находят свое место во фразеологической системе языка, начинают изображать другую ситуацию, отличную от прототипа, по-разному оценивать ситуацию или ее элементы, исходя из изменений в истории, особенностей культуры, системы ценностей и укладов жизни людей, живущих в разных странах и в разных обстоятельствах.

Источники

Библия онлайн// Режим доступа: <https://bible.by/kjv/55/6/#7>)

Послание к Галатам // Режим доступа: <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/galatam/>

Национальный корпус русского языка (НКР)

Британский национальный корпус British National Corpus [Электронный ресурс] Режим доступа свободный www.corpora BNC seven on-line corpora 45-450 million words each:

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алеф-пресс, 2012. 354 с.
2. Глубоковский Н. Н. Послание Галатам // Православная Богословская Энциклопедия. — СПб.: Издание Петроград. Приложение к духовному журналу «Странник», 1903. — Т. 4. — Стб. 30.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Советская энциклопедия, 1966. 535 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.:Гнозис, 2004.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
6. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.:Гнозис, 2016. 496 с.
7. Лопухин А.П. Галаты, послание к ним апостола Павла // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
8. Толковый словарь русского языка в 4х томах. М.: Гос. Ин-т «Советская энциклопедия», 1935-1940.
9. Abakumova O.B., Gordievskaya M.L. Biblical proverbs and their analogues in Russian and English: cross-cultural approach and translation // The Book of Abstracts of the 15 th Conference of The European Society for the Study of English, Lyon, France, 2021. P. 102.
10. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford University Press, 2010.
11. Dictionary of English Idioms and Idiomatic Expressions. By Dorking (USA), 2008.

12. Farlex Dictionary of Idioms@2015 Farlex, Inc, all rights preserved.

13. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs @2002 by The McGraw-Hill Companies, Inc.

14. MacFarlane A. The Origins of English Individualism: The Family, Property and Social Transition. – Oxford: Basil Blackwell, 1978. – 216 p.

15. Van Valin R.Jr. A Synopsis in Role and Reference Grammar // Advances in Role and Reference Grammar / Ed by R. D. Jr. Van Valin. – Amsterdam: Benjamins, 1993. – P. 1-164.

Сведения об авторе:

Абакумова Ольга Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии ОГУ имени И.С. Тургенева

E-mail: abakumova-ob@mail.ru

Abakumova Olga B., Doctor of Philology, professor of English philology Department, Oryol State University named after I.S. Turgenev

E-mail: abakumova-ob@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СЮЖЕТНЫХ МОТИВОВ
(на материале пьесы Дж. Б. Пристли «Теперь пусть уходит»)

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка

имени А.С. Пушкина

Аннотация. Рассматриваются сюжетные мотивы как нарративные лингвокультурные алгоритмы концептов. В качестве материала для анализа взята пьеса Дж.Б. Пристли «Теперь пусть уходит». Ключевым концептом этого произведения предлагается считать индивидуально-авторское осмысление награды в виде последовательных мотивов счастливого спасения героя, его встречи с любимой внучкой, организации ее знакомства с порядочным человеком и завещания этой паре значительного состояния.

Ключевые слова: награда, сюжет, концепт, ценность, Дж.Б.Пристли.

V.I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute

**LINGUISTIC AND CULTURAL DIMENSION OF SUBJECT-PLOT
MOTIFS (on the material of the play “Now let him go” by J.B. Priestley)**

Abstract. The paper deals with subject-plot motifs understood as narrative linguistic and cultural algorithms of concepts. The material of the analysis is the play “Now let him go” by J.B. Priestley. I argue that the key concept of the play is the idea of reward presented as the sequence of the following motifs: the rescue of the main character, his meeting with his beloved granddaughter, organizing her acquaintance with a good young man and signing the will to make them heirs of the protagonist.

Key words: reward, subject-plot, concept, value, J/B. Priestley

Изучение сюжетных мотивов в произведениях художественной литературы неоднократно привлекало к себе внимание исследователей (Аристотель, 2017; Бахтин, 1986; Веселовский, 1940; Ветловская, 1994; Кожин, 1964; Пропп, 1928; Силантьев, 1929; Тмарченко, 2004; Томашевский, 1999; Фрейденберг, 1997). В научной литературе выделяются два основных подхода к пониманию этих компонентов сюжета – статический (мотив как тема в составе произведения) и динамический (мотив как поступок персонажа, определяющий развитие сюжета). Интерпретация художественного текста включает определение его темы (семантический аспект), идеи (идеологический аспект) и средств и способов выражения этой идеи (стилистический аспект). Определение векторов такой интерпретации в значительной мере соответствует описанию лингвокультурных концептов как квантов переживаемого знания, в составе которых можно выделить понятийную, образную и ценностную стороны (Воркачев, 2007; Карасик, 2002; Красавский, 2008; Слышкин, 2004). Наряду с предметными и качественными ментальными образованиями в научной литературе выделяются динамические концепты, обычно описываемые как сценарии, или скрипты. С позиций нарратологии можно иначе подойти к осмыслению концептов, приняв во внимание, что определенные линии сюжетного развития могут быть представлены как алгоритмы, в составе которых можно выделить понятийное, образное и ценностное содержание.

Проиллюстрируем сказанное на материале пьесы известного британского писателя, драматурга и режиссёра Дж.Б. Пристли «Теперь пусть уходит» (J.B. Priestley. “Now let him go”) (пер. М. Бессараб). Джон Бойнтон Пристли (1894–1984) следует традиции критического разоблачения лицемерия и ханжества в поведении представителей английского среднего класса (Дьяконова, 1962; Комаров, 2003; Чернова, 2018; Шитик, 1971; Waxendale, 2007; Braine, 1978; Evans, 1964; Klein, 1988). Его перу принадлежит множество романов, пьес, критических эссе. Хорошо известны его пьесы, в которых показана жестокость

и фальшь респектабельных хозяев жизни. В советской критике, впрочем, было отмечено, что в ряде случаев его сюжеты отличаются формализмом и «чрезмерной сосредоточенностью на технической стороне» (Дьяконова, 1962), его сюжеты строятся «по линии логической прямой» (Шитик, 1971). Возможно, поэтому англоязычные исследователи упрекают писателя в «сверхвыпуклой демонстрации английского характера» (an over-arching Englishness) (Klein, 1988). Вместе с тем современные отечественные исследователи пишут о том, что «на протяжении всего творческого пути он выступал против шаблонности в театре и в жизни» (Чернова, 2018, с.10). Заслуживает внимания оценка его творчества: *After JBP's death in 1984 tributes poured in. Politician Michael Foot remembered him as "The conscience of the Nation"* (<https://jbpriestley.co.uk/about>) – *После его смерти в 1984 году потоком хлынули признания его значимости. Политик Майкл Фут назвал его «совестью нации».*

Сюжет этой пьесы, написанной для телевизионного представления, в сжатом виде таков. В вагоне поезда, пришедшего на конечную станцию в маленький английский город, найден старик, забывший о том, куда он едет. Его доставляют в местную гостиницу, и там обнаруживается, что это знаменитый художник, картины которого есть во всех галереях. Выясняется, что он серьезно болен, у него пневмония, а его багаж, ящики с его картинами, стоящими астрономическую сумму, уехал неизвестно куда. Вызывают его детей. Его сын, преуспевающий бизнесмен, озабочен только поиском пропавших картин и наследством, его дочь страдает алкоголизмом, его единственный друг и любящий его человек - это взрослая внучка. Хозяин гостиницы раздражен тем, что из-за известного постояльца в доме толпятся журналисты. Внучка художника узнает, что сын хозяина гостиницы, инженер местного завода, находится в ссоре со своим отцом, но у него репутация честного человека и он может бескорыстно помочь в поисках пропавшего багажа. Этот инженер знакомится с девушкой и художником и через некоторое время обнаруживает пропажу. Художник оставляет в завещании свои картины

внучке и этому молодому человеку, просит их пожениться и умирает. Богатство уплывает из рук тех, кто рассчитывал на него.

Перед нами сюжет, основная идея которого может быть определена как награда.

Великий престарелый художник решает сбежать из дома, где его постоянно беспокоят репортеры и бизнесмены, продающие и покупающие живопись. Он почти в бессознательном состоянии приезжает в случайный неизвестный город, но его находят, и в этом можно усмотреть ему награду от судьбы. Местный врач оказывается порядочным бескорыстным человеком, он узнал этого художника, оказал ему первую помощь и привел к нему сиделку. Служащий гостиницы сообщил художнику, что сын хозяина этого отеля сможет, если потребуется, прийти. Приезжают дети и внуки художника.

Следующий диалог художника со своим сыном свидетельствует о том, что старик настроен очень критично по отношению к существующим в стране порядкам:

Сэр Эдмунд (с упреком). Мы просто терялись в догадках, отец. У меня полдня ушло на розыски. Кстати, министр просил тебе передать наилучшие пожелания. Он сказал, что в случае необходимости он или даже премьер-министр сделают все...

Кендл (язвительно). Э, мой мальчик, единственное, что может сделать для меня правительство, – это оставить меня в покое и не просить у меня больше денег.

Сэр Эдмунд. С нами в поезде ехал сэр Джеффри Брок. Он скоро придет к тебе. Он отправился за здешним врачом – как его зовут?... – за Эджем. В руках Брока ты в безопасности. Очень разумный и положительный человек.

Кендл. Не люблю я очень разумных и положительных людей.

Сэр Эдмунд. Чепуха, отец. Без них государство не могло бы существовать.

Кендл. А вышло бы неплохо, черт побери, если бы мы попробовали существовать без них, прежде чем они окончательно погубят страну или замучают нас до смерти.

Через несколько минут сын художника прямо говорит о том, что его интересует:

Сэр Эдмунд (подходит ближе к Кендлу; настойчиво, но спокойно). Отец, я должен сказать тебе что-то очень важное. Нам известно, что вчера ты увез с собой два больших ящика с рисунками и картинами. Они в надежном месте? И где они?

Кендл. Не знаю, Эдмунд. Я не могу вспомнить, что случилось вчера в поезде. Я знаю только, что здесь их нет.

Сэр Эдмунд (изумленный). Но это ужасно!

Кендл (весело). Досадно, не правда ли?

Сэр Эдмунд (еще более изумленный). Досадно?

Художник увез свои картины, и теперь его прямые наследники не могут их получить. От них уходит желанная награда.

Затем в номер к больному старику заходит его внучка, которой 24 года. Он живо интересуется ее жизнью:

Фелисити (входит в комнату и присаживается на кровать деда, чтобы поговорить с ним). Родной мой, скажи мне правду – как ты себя чувствуешь?

Кендл. Не знаю. Я слишком стар.

Фелисити. Ты просто успокаиваешь меня.

Кендл. Нет, родная, в твои годы человек или вполне здоров, или болен. А в моем возрасте не поймешь, что за чертовщина с тобой происходит и как ты себя на самом деле чувствуешь. А теперь ты мне скажи: как у тебя дела с тем безмозглым парнем? Все еще влюблена в него?

Фелисити. Это ты об Энтони? Нет. Все кончено.

Кендл. Правильно! Не вводи к нам в семью безмозглого мужчину...

Мы видим, что старик в разговоре с внучке ведет себя искренне и не иронизирует, как несколько минут назад общаясь с сыном. Встреча с любимым

человеком для него – награда. Ему приходит в голову мысль познакомить внучку с сыном хозяина гостиницы, о котором он слышал хороший отзыв. Конечно, такая идея может со стороны показаться странной и даже сумасбродной, но художник чувствует, что он должен это сказать:

Кендл. Ты вот что мне скажи: как ты думаешь, могла бы ты чем-нибудь помочь молодому человеку по имени Стэн?

Фелисити. Чем-нибудь – да. Только без панибратства. Что до меня, то ни о каких Стэнах не может быть и речи. Это «неприкасаемые».

Кендл (печально). Должно быть, он чувствует то же самое. Поэтому то вы и погубите Англию...

Фелисити (с полушутливым-полусерьезным отчаянием). О ты, старое чудовище, я знаю, нельзя поднимать шум из-за пустяков, но что ты такое говоришь? Как мы можем погубить Англию? И кто этот Стэн? И почему я должна ему помогать?

Дети художника, Эдмунд и Гермиона, не любят друг друга. Они приехали в гостиницу к больному отцу из чувства долга, но сын при этом постоянно озабочен своим правом на наследство:

Гермиона. Может быть, я ему и не нужна – это я и сама понимаю, – но у меня столько же прав на свидание с отцом, сколько и у тебя. На самом деле – даже больше. Он по-своему любит меня, а тебя терпеть не может, тебя вообще никто терпеть не может – я имею в виду разумных людей, а не политиков, чиновников и джентльменов из «Атенэума». (Замечает Фелисити и Кеннета.) Хэлло, и вы здесь. Вы когда-нибудь видели комнату хуже этой? Ну как, ты была у него, Фелисити?

Фелисити. Только одну минутку. Потом какая-то кошмарная сиделка вышвырнула меня оттуда.

Сэр Эдмунд (задумчиво смотрит на нее). Что он тебе сказал?

Фелисити. Он сказал, что не знает, как он себя чувствует.

Сэр Эдмунд. И это все?

Фелисити (явно не хочет рассказывать). Когда я у него спросила, что все это значит, он начал что-то сбивчиво рассказывать, но тут в комнату ворвалась сиделка.

Сэр Эдмунд (угрюмо). Я полагаю, мы будем вынуждены признать, что рассудок его не совсем в порядке...

Гермиона. Ты считаешь, что только твой рассудок в порядке...

Обратим внимание на то, что внучка не хочет рассказывать присутствующим о своем разговоре с дедом. Эдмунду приходит мысль объявить своего отца невменяемым для получения желанной награды.

В гостиницу приходит сын ее хозяина Стэн, чтобы пообщаться с матерью. Появляется служащий. Развитие последующих событий становится предсказуемым. Мы видим, что встреча этого молодого человека с художником – награда для них обоих:

Томми (в высшей степени доверительным тоном). Стэн, этот мистер Кендл, там, наверху, по-моему, хочет, чтобы ему помогли... без шума. Я ему сказал, что ты – самый подходящий человек. Денег у него уйма, и он не скупится...

Стэн. Мне нет дела до его денег. Он так и сказал, что я могу ему помочь? А его родные тогда были уже здесь?

Стэн знает, что больной постоялец – великий художник.

Больной старик чувствует, что его дни сочтены. Показательна его реплика в разговоре с ночной сиделкой:

Кендл (очень мягко). Вы должны извинить меня, Джудит. Но я старик, жизнь моя прошла... Расскажите мне о том, что с вами было, что оставило следы на вашем лице, – и мы узнаем друг друга...

Джудит (очень медленно и спокойно, без выражения). Мой муж был врачом в Гонконге. Двое наших детей жили с нами. Потом мужу дали шестимесячный отпуск. Я вылетела раньше, чтобы снять дом. Дом я сняла. Но их самолет разбился при вылете из Карачи. Вот почему я снова стала сиделкой. Может быть, вам дать что-нибудь, мистер Кендл?

Кендл. Нет, Джудит. Мне нужно только новое небо и новая земля.

Наградой для главного героя является мысль о возможном возвращении на землю в новом виде в будущем.

Тем временем сын художника обсуждает с врачами важный для него вопрос о признании отца невменяемым:

Сэр Эдмунд. Второй вопрос – вы понимаете, что это чрезвычайно важно со всех точек зрения: можем ли мы констатировать, что мой отец не в состоянии более вести свои дела?

Сэр Джеффри (с некоторым колебанием). В целом... основываясь на его бессвязных ответах и некоторых признаках амнезии, я полагаю, вы можете считать себя вправе постараться... э-э... освободить его от какой бы то ни было ответственности в ведении своих дел. Полагаю, вы согласитесь со мной, доктор Эдж?

Доктор Эдж. Нет, не совсем. Память у него все еще плохая и может остаться в таком состоянии. Но он гораздо более в своем уме, чем многие мои пациенты.

Придворный врач сразу же понимает, о чем идет речь и поддерживает Эдмунда, но местный медик не согласен с ним.

Запоминается первая встреча внучки художника с молодым человеком, который собирается помочь найти пропавший багаж:

Фелисити (резко). Я Фелисити Кендл. Это вы дали такое нелепое поручение?

Стэн. Нелепых поручений я не давал. Я Стэн Бистон.

Фелисити. И вы всегда передаете: «Вас вызывает Стэн»?

Стэн. Да, занимаюсь этим каждый день на заводе.

Фелисити. Но здесь не завод, и я даже не знакома с вами.

Стэн. Но теперь мы познакомились, не правда ли?

Фелисити. Я пришла только для того, чтобы сказать, какое впечатление произвела на меня ваша наглость.

Стэн. Вы пришли, все остальное не важно. (Очень серьезен.) А теперь послушайте меня, мисс Кендл. Если я могу чем-то помочь вашему дедушке – насколько я понимаю, дело обстоит именно так, – то я буду счастлив и горд сделать все, что в моих силах...

Фелисити (холодно). Но почему? Вы только что прочли о нем в газете?

Стэн (смотрит на нее с презрением). Нет, и не потому, что я очарован милой, вежливой внучкой... (Медленно, бесстрастно.) По профессии я инженер. Но последние два года я по вечерам занимаюсь в художественной студии. Я люблю живопись. А Саймон Кендл – великий, изумительный художник. Я ему многим обязан. И мне бы хотелось что-нибудь для него сделать. Но я вижу, без вашей помощи я сделаю это лучше. Извините за беспокойство! Спокойной ночи...

Фелисити (порывисто). Прошу вас, не обижайтесь! Я вела себя глупо, очень об этом сожалею. Ведь мой дедушка просил меня помочь вам.

Перед нами классическое описание знакомства героев, начинающееся с перепалки и завершающееся выражением их симпатии друг к другу. Их встреча – награда для них.

Состояние больного художника стремительно ухудшается. Но в момент просветления он вспоминает, что он отправил багаж с картинами своему старому другу, другому художнику, который, как выясняется умер некоторое время тому назад. Сиделка записывает адрес.

Затем в номер к художнику врывается его комиссионер, продающий его картины. Художник дает ему важное распоряжение:

Кендл. Вам известно, Лео: у меня оставалось много картин...

Лео (с готовностью). Ну конечно. Где они, Саймон? Что вы собираетесь с ними делать, когда вернетесь в Лондон?

Кендл (спокойно). Мне вряд ли придется возвращаться в Лондон, Лео. Ну вот, а вам я верю по-прежнему. Мне кажется, вам бы хотелось загладить свою вину...

Лео (торопливо). Да, Саймон, я все сделаю... Все, что угодно...

Кендл (дружески). Хорошо, только сейчас вы ничего не можете сделать, Лео, но потом, когда кто-нибудь унаследует мое имущество, все эти картины...

Лео. Кто же унаследует картины, Саймон?

Кендл (медленно). Я еще не решил, Лео. И даже если бы я знал, я бы вам все равно не сказал. Но, кто бы ни был наследником, нужно, чтобы он мог на вас положиться, Лео.

Лео (пылко). Клянусь прахом моей матери, Саймон, я сделаю все!

Награда должна достаться достойным, и художник это отчетливо формулирует. Далее следует детективное развитие сюжета.

Сэр Эдмунд (по-видимому, продолжая). Но хоть что-нибудь ты должен помнить, отец? Эти ящики были заранее упакованы, наверное, ты собирался их куда-то отправить. Ты сел в поезд...

Кендл (с оттенком скрытого издевательства, увиливает от ответа). Вот именно, мой мальчик. А прибыл сюда. Что это – Скруп? Я хочу спросить тебя, Эдмунд: для чего человек уезжает из Лондона? Чтобы его уложили в постель в Скрупе? Разумно ли это?

Сэр Эдмунд. Нет, неразумно. Ты, конечно, ехал в какое-то другое место, куда и отправлены эти два ящика с твоими работами. Весь вопрос в том, куда именно.

Кендл (прежним тоном). Да, весь вопрос именно в этом. Беда только, мой мальчик, что я уже старик, память ослабела... (Кашляет и зовет сиделку.) Сестра! Помогите мне лечь на другой бок.

Она помогает ему повернуться спиной к двери и к сэру Эдмунду, Кендл хрипит, кашляет, дышит со свистом, умышленно прерывая разговор.

Сын художника приглашает адвоката и представителя музейного бизнеса, они подготовили документ, который старый художник должен, по их мнению, подписать, но старик отказывается ставить подпись. Заслуживает внимания его реплика по поводу такого положения дел:

Кендл. Мир переполнен людьми, которые могут всех нас растоптать и выбить нам зубы только потому, что они выполняют свой долг. Мне бы хотелось, чтобы большинство из них перестали выполнять свой долг. А эти господа только и могут, что причинять вред – вам, мне и всем людям. Они ничего не вносят в жизнь, и все вокруг них в результате их стараний лишено жизни. А в Лондоне сейчас из-за них шагу негде ступить – сотни и сотни солидных служащих, без единой живой мысли, без единого благородного порыва, замораживают сердца и души всех окружающих, лишают вкуса и запаха все, к чему прикоснутся. Уже несколько недель они пытаются заставить меня вступить в очень солидный трест. Нет, им нужен не я, а мои работы, а меня они с удовольствием упрятали бы в сумасшедший дом, если бы могли. Вот почему я упаковал все картины и удрал. Я не люблю их Англию – все это слишком уж гадко, я не хочу с ними иметь ничего общего. (Внезапно умолкает, по-видимому, совершенно обессиленный.)

Художник не хочет, чтобы его произведения достались дельцам.

Появляются внучка художника и сын хозяина гостиницы, они нашли багаж и спрятали его в надежном месте. В присутствии этих молодых людей, местного врача и сиделки умирающий художник подписывает завещание, в котором сказано, что его картины должны достаться его внучке и этому молодому человеку:

Кендл. Вы мне нужны. Сидите спокойно и слушайте. Итак, доктор, из этого документа вам станет ясно, что два лица, обозначенные в завещании, получают в наследство все мои картины и рисунки. Они имеют право продать эти картины, отдать их в дар – сделать с ними все, что им будет угодно...

Доктор Эдж. Да. Здесь все написано, кроме фамилий...

Кендл. Вы их сейчас внесете, а потом вы и Джудит подпишетесь в качестве свидетелей. Фамилии наследников – Фелисити Кендл и Стэн Бистон.

Стэн (потрясенный). Я? Но вы же не можете...

Кендл (перебивая). Успокойтесь. Я разговариваю с доктором Эджем, а не с вами. Видите ли, доктор, мои дети – сын и дочь – получают определенный

капитал, но я долго не мог решить, что делать со всеми этими картинами, которые останутся после меня. Теперь я больше всех верю этим двоим – Фелисити и Стэну. Они делают вид, что терпеть друг друга не могут, оба они снобы, ни на минуту не забывают об общественном неравенстве, как и многие англичане, – а мое завещание выбьет из них всю эту дурь. Им придется часто видеться, чтобы решить, что делать с моими картинами. Не успеют они оглянуться, как уже будут женаты...

Стэн. Ну, знаете ли!

Фелисити. Никогда!

Они с негодованием смотрят на Кендла, потом друг на друга, но негодование им плохо удается. Их лица выражают что-то совсем другое.

Кендл. Словом, доктор, если вы и Джудит поставите здесь свои подписи, все будет в порядке – никаких забот, никаких тревог, никаких недоразумений...

Художник рад: ему удалось осуществить свой план – вручить награду достойным. Главный герой умирает счастливым.

Итак, концептуализация награды в пьесе Дж.Б. Пристли сюжетно разворачивается как безумный побег главного героя из мира безжалостных дельцов, как его счастливое спасение в случайной гостинице, как его встреча с любимой внучкой, как возможность изменить ее судьбу, познакомив ее с порядочным человеком, как право самому распоряжаться своим достоянием. Художественное осмысление концепта «награда» приводит нас к пониманию того, что человек может менять свою судьбу, делая счастливыми тех, кто ему дорог. Вымысел и действительность нередко срастаются: Дж.Б. Пристли прожил долгую жизнь и умер, как его герой, старый художник Кендл, от пневмонии.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. М.: Рипол-Классик, 2017. 224 с.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 444 с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940. 648 с.
4. Ветловская В.Е. Вопросы теории сюжета // Русская литература и культура нового времени. СПб.: Наука, 1994. С.195-207.
5. Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С.8-93.
6. Дьяконова Н.Я. Джон Бойнтон Пристли и некоторые проблемы современной английской драматургии // Вестник ЛГУ. Вып. 2. № 8. 1962. С.99-110.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Кожин В.В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Т.2. Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. С.408-485.
9. Комаров С. Г. Поэтика «Драм времени» Дж. Б. Пристли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск. 2003. 25 с.
10. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
11. Пристли Дж.Б. Теперь пусть уходит // Пристли Дж.Б. Затемнение в Грэтли. М.: Армада-Пресс, 2001. С.313-384.
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
13. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
14. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

15. Тамарченко Н.Д. «Рассказанное» событие, мир героя и понятия «сюжетологии» // Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. В 2 т. Т.1. М.: Изд. центр «Академия», 2004. С.176-263.
16. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие / Вступ. статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
17. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и мифа. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
18. Чернова Ю.В. Театральность прозы Дж. Б. Пристли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 18 с.
19. Шитик А.С. Театр Джона Б. Пристли // Учён. зап. Моск. обл. пед. института им. Н. К. Крупской. Т. 256. Вып. 12.Зарубежная литература. М., 1971. С. 154-167.
20. Baxendale J. Priestley's England: J.B. Priestley and English Culture Manchester University Press, 2007. 256 p.
21. Braine J. J.B. Priestley. L.: Weidenfeld and Wicolson, 1978. 163 p.
22. Evans G.L. J.B. Priestley the Dramatist. L.: Heinemann, 1964. 156 p.
23. Klein H. J.B. Priestley's plays. L.: Macmillan press, 1988. 315 p.

УДК 81:398.91

КОНЦЕПТЫ УМА И ГЛУПОСТИ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
ПОСЛОВИЦАХ

Леонидов И.А.

Орловский государственный университет

имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В данной статье мы рассматриваем, как концепты ума и глупости воспринимаются в русской и английской лингвокультурах, сравниваем эти культуры между собой и анализируем примеры пословиц в соответствии с общими для обеих культур установками.

Ключевые слова: ум, глупость, русская лингвокультура, английская лингвокультура, пословицы.

Abstract: *In the article we take a look at how the concepts of intellect and foolishness are perceived in the Russian and English linguocultures, we compare the cultures and analyse the examples of proverbs according to the cultures' common settings.*

Key words: wisdom, foolishness, Russian linguo-culture, English linguo-culture, proverbs.

Концепты ума и глупости занимают центральную позицию в картине мира представителей многих лингвокультур, эти концепты часто тесно связаны с такими немаловажными концептами, как «счастье», «красота», «богатство». Данная статья позволяет лучше рассмотреть, как, на примере пословиц, ум и счастье воспринимаются в русской и английской лингвокультурах.

Рассмотрим, как вышеуказанные полярные концепты отображаются в русской лингвокультуре. Так, Агачева С.В. отмечает, что в русском языке данные концепты представлены лексемами «ум», «разум», «рассудок», «голова», «мозг», «смекалка», «глупость», «глупый», «дурак» [1, с. 5-6].

Карташкова Ф.И. в своей статье приходит к выводу о том, что концепты ума и глупости воспринимаются в русской культуре совершенно по-разному, подстать антонимичной природе самих концептов. Так, ум считается базовой ценностью, а глупость – базовой антиценностью, одним из основных пороков, порицаемых обществом.

Общество положительно относится к умному человеку, ему приписывают аналитические способности, сообразительность, стремление к кооперации и смиренность. Ум в русских поговорках ассоциируется со стремлением к самосовершенствованию. Стоит отметить, что умному человеку может быть свойственно как индивидуальное, так и коллективное мышление, первое из которых выражает самостоятельность и независимость, а второе способность работать в команде.

Однако, наряду с положительными характеристиками выделяются и отрицательные: для русской пословицной картины мира характерно отношение к уму как к тяжелой ноше, также отмечается тонкая грань ума и безумства.

К дуракам же общественность относится негативно: их презирают, высмеивают, или опасаются. Глупый человек в русской пословицной картине мира предстает как человек, который не развивается, а застревает на раннем этапе своего развития. Русские поговорки считают глупость врожденным свойством человека. От глупости нельзя избавиться, обучение глупых людей бесполезно.

Другим признаком глупости в русской лингвокультуре является тяга к неоправданному веселью и радости. Дураки живут по своим правилам и их представления о мире отличны от представления о мире обычных людей. Дураков остерегаются из-за того, что их поведение выходит за рамки социальной нормы и нарушает общепринятые бытовые представления и потому они могут быть опасными. Это порождает в людях злобу и агрессию, а также желание искоренить глупость. В русском пословицном фонде также отмечается невероятная болтливость глупых людей, которая зачастую сопровождается самодовольством и бахвальством [2, с. 367, 369-370].

Теперь обратимся к английской лингвокультуре. Концепт ума представлен в поговорках лексемами *wisdom, wise, wit*. Концепт глупости представлен в английских поговорках лексемами *fool* и *foolish*.

Омарова Х.И. пишет, что для английского этноса важным является такой признак ума как немногословность; болтливость же является признаком глупости, причем она может довести глупого человека до беды. Ум приобретается в результате жизненного опыта, а глупость нельзя вылечить, она неисправима. В английской лингвокультуре отмечается, что умный человек является редкостью, в то время как глупость широко распространена, также англичанам свойственно осознание прагматической полезности ума, глупых же людей часто используют. Ум в осмыслении англичан ассоциируется с честностью, глупость – с опасностью.

В английских поговорках противоречивое отношение к уму. С одной стороны, англичане высоко ценят ум, с другой стороны, утверждается, что лучше быть везучим, чем умным. В поговорках отражено мнение о том, что глупцам живется легче, в силу их низкого уровня умственной способности к познанию действительности, неспособности оценить ситуацию. Характеристикой умного человека является способность признавать свои ошибки, характеристикой же глупого человека является упрямство. Умному человеку, по мнению англичан, свойственна сдержанность, смиренность, способность контролировать свои эмоции, глупый неспособен чувствовать меру [3, с. 57].

Таким образом, можно заметить, что рассмотренные концепты воспринимаются в обеих лингвокультурах схожим образом. Ум воспринимается в положительном ключе, а умному человеку приписывают сдержанность, умение справляться с жизненными трудностями и прочие положительные качества. Глупцов уличают в болтливости, опасности для окружающих и неумении держать себя в руках. При этом отмечается, что жизнь разумного человека сложнее жизни дурака. Основываясь на таком умозаключении, представляется более разумным сравнивать поговорки двух

культур по признаку схожести, на одних и тех же установках, которые хранятся в них.

Так, выделим следующие установки:

- от глупости нельзя избавиться;

В английской культуре глупость подобна болезни, от которой нельзя излечиться, в русской – реалия жизни: *He who is born a fool is never cured. / Дураком родился — дураком помрешь* [4].

Подчеркивается и бесполезность обучения дурака. Интересно, что вторая часть обеих пословиц – самостоятельный фразеологизм, который используется в языке: *Fool teach — flog a dead horse. / Дурака учить — решетом воду носить* [5].

- уму можно научиться;

В английской культуре учение приходит, как из бед, так и другого жизненного опыта, в русской культуре источник — это всегда несчастье: *Experience is the mother of wisdom. / В бедах человек умудряется* [4]. *Trouble brings experience, and experience brings wisdom. / Беды мучат, уму учат. Adversity is a great schoolmaster. / Беда мучит, беда и научит* [5].

Английская пословица сравнивает мудрого человека, который меняется, чтобы стать лучше и умнее, с глупцом, не способным на изменения. Русская пословица затрагивает только неизменность дурака: *A wise man changes his mind, a fool never will. / Хоть кол на голове теши, он все свое* [4].

- дурак безрассуден;

Дурак стремится всегда быть впереди всех, быстрее всех, иметь больше, чем другие и не думает о последствиях: *A fool always rushes to the fore. / Глупый ищет большого места, а умного и в углу видать. A fool's tongue runs before his wit. / У дурака язык впереди ног бежит. Fool's haste is no speed. / Поспешишь — людей насмешишь. Fools rush in where angels fear to tread. / Дуракам закон не писан* [4].

Порой безрассудство дурака приводит к весьма печальному исходу: *Give a fool rope enough, and he will hang himself.* / Попроси дурака богу молиться, он себе лоб расшибет [4].

- умный человек молчалив.

Так как молчаливость присуща умным, молчаливый дурак может притвориться разумным: *A silent fool is counted wise.* / Молчи — за много сойдешь [4].

Умные не только сами кратки, но и не требуют долгих объяснений: *A word is enough to the wise.* / Умный понимает с полуслова [4].

Проанализировав примеры пословиц, мы приходим к выводу о том, что, несмотря на некоторые культурные и языковые отличия в использованных образах, общий посыл пословиц практически идентичен.

В заключение, можно сказать, что нам удалось выявить то, как концепты ума и глупости проявляются в русской и английской лингвокультурах, а также рассмотреть примеры пословиц и установки, которые хранятся в них.

Список литературы:

1. Агачева, С. В. Национально-культурное своеобразие концептов "ум" и "глупость" на примере русских и немецких фразеологизмов / С. В. Агачева // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. – 2015. – № 2. – С. 5-12.

2. Карташкова, Ф. И. Пословицы, объективирующие концепты ум и глупость в русской и английской лингвокультурах / Ф. И. Карташкова // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : Материалы международной научной конференции, Тула, 17–19 мая 2018 года. – Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 367-371.

3. Омарова, Х. И. Аксиологический анализ концептов "ум" и "глупость" в английских паремиях / Х. И. Омарова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2016. – № 42. – С. 54-58.

4. YES [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.yescenter.ru/>]

5. ИЗУЧАЙТЕ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК САМОСТОЯТЕЛЬНО [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://lingvana.ru/>]

Сведения об авторе

Леонидов Илья Андреевич, магистрант 2 курса Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

E-mail: leonidov.ilya@yandex.ru

Leonidov Ilya Andreevich, Master Degree student of the Orel State University named after I.S. Turgenev.

E-mail: leonidov.ilya@yandex.ru

УДК 81

СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ ПО СРАВНЕНИЮ С РУССКИМИ

Гончарова И.В.

магистрант 1-го курса института

иностранных языков

ФГБОУ ВО «Орловский государственный

университет

имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены способы конструирования гендера в английских пословицах по сравнению с русскими. Целью исследования является выявление строения константных гендерных стереотипов в русской и английской лингвокультурах, а также в определении их влияния на межкультурную коммуникацию. Объектом исследования в работе выступают стереотипы в гендерно маркированных фразеологических единицах.

Предметом исследования является способы конструирования гендера в паремиях русской и английской лингвокультуры.

Ключевые слова: стереотип, гендер, паремия, мужчина, женщина.

Abstract: The article discusses the methods of constructing gender in English proverbs in comparison with Russian ones. The aim of the study is to identify the structure of constant gender stereotypes in Russian and English linguocultures, as well as to determine their influence on intercultural communication. The object of the research in the work is stereotypes in gender-marked phraseological units. The subject of the research is the ways of constructing gender in the proverbs of Russian-speaking and English-speaking linguo-cultures.

Key words: stereotype, gender, paremia, man, woman.

«Пословица — жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом, в ритмически организованной форме» [3, с.1234]. По мнению З.К. Тарланова, «паремии как замкнутые устойчивые фразы совмещают свойства фразеологизмов со свойствами предложений и свободных сочетаний» [4, с.36]. Посредник в понимании языковой картины мира — это паремиологический корпус любого языка. Например, В.Н. Телия считает пословицу «прескрипцией-стереотипом народного самосознания, дающим достаточно широкий простор для выбора с целью самоидентификации» [5, с.240].

«Гендер – социокультурный конструкт, аккумулирующий представления о мужественности и женственности, характерные для общества в определенный период его развития» [1, с.6]. Компоненты гендера включают в себя биологический пол, гендерную идентичность, гендерные идеалы.

«Стереотип — это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте» [2, с.27].

Пословицы и поговорки о мужчинах и женщинах можно разделить на несколько категорий по тематическому принципу: внешность; личные

качества; супружество.

Репрезентация внешности и в русской, и в английской лингвокультурах прослеживается в поговорках очень явно. Волосы являются основным маркером описания внешности в русской культуре: *Коса - девичья краса*. В английских поговорках, как и в русских большое внимание уделяется волосам: *A woman's hair is her crowning glory*. Символом красоты у русских также является румянность и бледность кожи (*В праздник — белочка, в будень — чумичка. Кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком*). В русских поговорках можно проследить мысль, что все женщины красивы, вне зависимости от происхождения и статуса: *Баба без прикрас, как светильник, что погас; Княжна хороша, и барыня хороша, а живёт красна и наша сестра*. Приоритет также отдается хозяйственности, доброте и заботливости: *Женщине красота домостройство; Красота до вечера, а доброта навек*. В английском языке прослеживается образ красивой женщины без указания на красоту. Красота воспринимается как данность и что-то постоянное (*There never was a mirror that told woman she was ugly; The ugliest woman can look in the mirror and think she is beautiful*).

В русской культуре мужчина как правило характеризуется невысоким ростом (*Мужичок не грибок, не растёт под дожджком*), а также физической силой, выносливостью, способностью к работе (*Мужичок неказист, да в плечах харчист*). В английской лингвокультуре приоритет отдается личным качествам, а не внешности мужчин: *A man without ambition is like a woman without looks*. Мужчины воспринимают женскую красоту, в первую очередь, глазами: (*Food and woman must go in through the eyes*), а сама женская красота может стать губительной для её обладательницы (*A woman and a cherry are painted for their own harm*).

Народная мудрость недостаток ума приписывает именно женской половине человечества: *У бабы волос долог, да ум короток*. Болтливость выражают такие поговорки как: *«Не ждёт баба спроса, сама всё скажет»*; *«Бабий язык — чёртово помело»*; *«Не утерпела баба — прорвалась»*. Большое

количество единиц из списка английских паремий тоже подтверждают это (*Women have nine measures of talk; A woman's hair is long; her tongue is longer*). При этом мужчины тоже могут много говорить, но их язык не так остёр, как женский: *Men gossip as much as women do, but not so meanly*. Причем часто это относится не столько к хранению секретов и тайн, сколько к повседневной, бытовой жизни. Склонность к обману обнаруживается в различных поговорках о женщинах: *He верь коню в поле, а жене в доме; He верь ветру в море, а жене в доме*. В глазах английских мужчин женская правдивость не воспринимается серьёзно (*An honest woman is no better in his eyes than one of your broomstick jumpers*), и сами они больше станут доверять собаке, чем женщине (*Trust your dog to the end, and a woman to the first opportunity*). Мужская правдивость отмечена в одной единице в русском языке: *Правдивому мужу лукавство не под нужу*.

Значительными качествами мужчин в русской лингвокультуре считаются: честность, правдивость (*Правдивому мужу лукавство не под нужу*), трудолюбие (*Сер мужичок, да сердит на работу*). Также отмечается и лень: *Лень мужика не кормит; Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал*. Одной из черт является безалаберность: *На авось мужик и хлеб сеет; Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда*. В единицах рассматриваемого списка английские мужчины представлены приземленными, лишенными духовности (*Girls think men are all soul; women know they are all stomach*), неспособными понять женщин (*Men never learn anything about women, but they have a lot of fun trying*), не умеющими любить (*Men are best loved farthest off*) и склонными к обману (*Men's hearts are full of deceit, and women are their confiding victims*).

Тематическая группа «супружество» является весьма важной при построении мужских и женских образов. Женитьба для мужчины может расцениваться как несчастье, ограничение его свободы: *Женился - на век заложился*. В то же время свадьба выступает как некая неизбежность из-за отсутствия жены, что грозит ему потерей социального статуса: *Мужик без*

бабы пуще малых деток сирота, над ним никто не сжалится. В общем виде отношение к женитьбе выражает изречение «*Жениться - беда, не жениться - другая*». После свадьбы молодые люди уже не воспринимаются по отдельности: *Где муж, там и жена; Муж и жена - одна сатана; Муж - голова, жена - душа.* В английской культуре подчеркивается определяющее влияние жены на мужа (*A captain of industry is nothing but a buck private to his wife*), причём как положительное (*A kind wife makes a faithful husband*), так и отрицательное (*A light wife makes a heavy husband; Fat wives make lean husbands*).

В пословицах и поговорках двух лингвокультур неодинаково широко описаны рассматриваемые в данной работе понятия. Большая часть паремий русской и английской лингвокультур посвящена женщинам, мужчинам отведена в них незначительная роль. Абсолютное большинство паремий оценивают женское поведение негативно, рассматривая его как отклонение от нормы, за которую принято поведение мужчин. Мужчины также могут оцениваться негативно, однако подобные характеристики приписываются им в паремиях крайне редко.

Данное исследование затрагивает аспекты социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, лингвистической гендерологии и межкультурной коммуникации. Большая часть работы была посвящена работе над вопросом о константных характеристиках представлений о мужском и женском в паремиологическом фонде двух лингвокультур, английской и русской. Отражение мужских и женских качеств в гендерно маркированных изречений помогло осуществить анализ двух рассматриваемых лингвокультур и отношение в них к тем или иным характеристикам полов, а также сопоставить полученные данные на предмет схожести и различия, что позволило понять тонкости взаимодействия при межкультурной коммуникации этносов.

Сравнение в паремиологическом фонде двух культур показало, что паремии о женщине занимают лидирующую роль в изученных культурах, что составило 60% в русских паремиях и 54% в английских, и что соответственно превосходит количество фразеологических единиц о мужчинах, что составило

всего 16% и 23% в русских и английских фразеологических единицах из проанализированных единицах, а также исследование показало, что 24% и 23% в русском и английском паремиологическом фонде было отведено на паремии о супружестве и совместной жизни двух гендеров в изучаемых лингвокультурах.

При описании женского внешнего образа были использованы в основном положительные качества, однако в английской культуре также были замечены языковые единицы, отражающие отрицательные черты женской внешности. Мужскому внешнему виду было отведено малое количество паремий, они были больше связаны с личными качествами мужчины, и показывали его красоту в основном через мужественность, власть, силу и решительность. Что касается личных качеств женщины в обоих этносах были как негативные, так и позитивные характеристики. Например, хитрость и коварность были отмечены в обеих лингвокультурах как главные черты женщин, но также были выделены такие качества, как заботливость и домостройство. Именно женщине была выделена роль хранительницы очага в семейном укладе двух этносов. Мужчине же, в свою очередь, была отведена роль лидера и добытчика в семье.

Список литературы:

1. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева, А.О. Лалетина, А.А. Бодрова, Л.Г. Дуняшева: под. общ. ред. Е.С. Гриценко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011 – 224 с.
2. Липпман, Уолтер. Общественное мнение/Пер. с англ. Т.В. Барчуновой Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
3. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. - 2015 с.
4. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов; М-во общ. и проф. образования Российской Федерации, Петрозаводский гос. ун-т. - Петрозаводск, 1999. - 447 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и

лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996 – 288с.

Сведения об авторе:

Гончарова Ирина Владимировна; магистрант 1 года обучения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; pilgrimv.irina@yandex.ru; +79996048221.

Goncharova Irina Vladimirovna; Master Degree Student, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya str., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; pilgrimv.irina@yandex.ru; +79996048221.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О СЧАСТЬЕ

Кубышкина Д. А.

*магистрант 1-ого курса института иностранных языков ФГБОУ ВО
«Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»*

Абакумова О. Б.

*д.ф.н., профессор кафедры английской филологии института
иностраных языков ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева»*

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье обсуждаются пословицы на русском и английском языках, содержащие в себе пословичные концепты *Счастье / Happiness*. Анализ паремиологических единиц показал, что концептуальная метафора является одним из самых ярких и выразительных средств отражения менталитета и культуры страны.

Ключевые слова: лингвокультурология, пословица, метафора, концептуальная метафора, пословичный концепт «Счастье», квалитатив, русский язык, английский язык.

Abstract: The article discusses proverbs in Russian and English languages that contain the proverbial concepts of *Happiness*. The analysis of paremiological units has shown that the conceptual metaphor is one of the most vivid and expressive means of reflecting the mentality and culture of the country.

Key words: linguo-culturology, proverb, conceptual metaphor, proverbial concept “Happiness”, qualitative, Russian language, English language

Данная статья посвящена исследованию концептуальных метафор в английских и русских пословицах о счастье.

В последнее время заметно усилился интерес ученых лингвистов к фразеологии, отражающей культуру различных народов, их отношение к различным социальным явлениям. Во фразеологизмах, а особенно в пословичных единицах, проявляется своеобразие жизни и культурных норм народа-носителя языка. Знание и правильное использование этих выразительных средств в общении не только украшает и обогащает речь, но и способствует лучшему пониманию менталитета и культурного строя народа.

Пословицы занимают одно из самых главных мест в паремиологическом фонде языка и, по мнению многих исследователей, входят в его фразеологическую систему (например А.В. Кунин, Н.М. Шанский, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский и др). Они могут обладать прямым, одновременно прямым и переносным или только переносным значением, которое может передавать положительный смысл, выражающий поощрение, или, наоборот, отрицательный смысл, выражающий порицание какого-либо качества и типа поведения человека в обществе, а также давать рекомендации и поучения разного рода, как вести себя в типовых ситуациях в данной культуре.

Метафоры, содержащиеся в пословицах, делают их не только неповторимыми и запоминающимися, но также могут осложнять понимание смысла данных паремий для не носителя языка и усложнить задачу при их

переводе на родной язык, ведь часто именно метафоры отражают культурный колорит народа.

Понятие счастья является одним из самых важных концептов, который отражает ценности в жизни не только каждого отдельного человека, но и целого народа. Пословичный концепт понимается нами как совокупность концептуальных признаков, кваликативов разного типа (онтологических, аксиологических, функциональных, модальных) в семантике и структуре пословицы [1].

Пословицы входят в язык как особая часть фразеологического состава. Как и прочие фразеологические единицы, они отличаются устойчивостью своего значения. Также пословицы слабо подвержены влиянию времени, подвергаясь лишь небольшим изменениям. Пословица выражает нравоучение. Это значение может быть выражено в прямой или в косвенной форме высказывания или предложения, не имеющего определенного автора. Указанные свойства позволяют определить пословицу как народное высказывание.

Характерным приемом действенного выражения в пословице служит метафора. В когнитивной лингвистике выдвинуто положение о концептуальной (когнитивной) метафоре. Первыми метафору такого типа описали Джордж Лакофф и Марк Джонсон. Они убедительно показали, что «метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие» [4, с.152]. Согласно последователям когнитивного направления, метафора проявляется прежде всего в мышлении, а затем уже в практической деятельности, в том числе речевой [3, с.119].

Целью нашего исследования является выявление типов концептуальных метафор на основе исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона, анализ семантики пословиц о счастье и выявление общих и специфических концептуальных признаков, кваликативов в структуре английских и русских пословицах о счастье на основе работ О. Б. Абакумовой [2] и О. А. Сулицы [6]. Кваликатив это «падеж, который квалифицирует интересующий нас объект

(абстрактное имя) и является результатом взаимодействия семантики предиката и второго актанта или сирконстанта, характеризующих абстрактное имя в семантической структуре пословичного предложения-высказывания» [1, с.3].

В своей книге «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон делят все метафоры на три группы: онтологические, ориентационные и структурные [5, с.31]. На основании исследуемого материала можно сделать вывод о том, что чаще всего в поговорках о счастье встречаются именно онтологические метафоры. Основанием онтологических метафор служит проецирование свойств предметов окружающей действительности на абстрактные сущности. Пожалуй, к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда нематериальный объект интерпретируется как живое существо и уподобляется человеку. Такие метафоры называются метафоры персонификации. Например: 1) *Счастье едет на карете, а с умом, да ходят пешком* (квалитатив удачи/везения); 2) *Счастье смелым помогает* или похожие по смыслу поговорки *Стойким счастье помогает* и *Сильным счастье помогает* (квалитатив смелости); 3) *Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит* (квалитатив удачи/везения).

Здесь мы видим метафоры персонификации «счастье – живое существо». Данные примеры концептуализируют счастье как феномен, который способен вести себя как человек: помогает и вдохновляет. Примерами английских поговорок с такими же метафорами являются: 1) *Fortune favours fools* (квалитатив удачи); 2) *Fortune favours the brave* (квалитатив удачи/смелости); 3) *Fortune favours the bold* (квалитатив удачи/смелости).

Рассматривая концептуальную метафору «счастье – живое существо», стоит сказать, что на счастье проецируются не только признаки человеческих действий, но и признаки представителей фауны. Такие метафоры называются зооморфные. Например: 1) *Счастье не конь: по прямой дороге не везет* (квалитатив независимости); 2) *Счастье не конь — не взнуздаешь* (квалитатив свободы/отсутствия контроля); 3) *Счастье – вольная птичка: где захотела, там и села* (квалитатив свободы/независимости). Примерами английских

пословиц с зооморфной метафорой могут являться: 1) *Happiness is a butterfly* (квалитатив неуловимости/непостоянства/легкости); 2) *Happiness is not a horse, you cannot harness it* (квалитатив независимости/своенравия).

Также достаточно часто встречается метафорическая модель «счастье – материальный объект». В роли источника метафоре используются названия любых материальных объектов, с которыми можно сравнить счастье: 1) *Счастье без ума — дырявая сума: где найдешь, там и сгубишь* (квалитатив непостоянства); 2) *Счастье — что палка: о двух концах* (квалитатив неопределенности) 3) *Счастье как стекло: легко разбивается* (квалитатив хрупкости, недолговечности). Онтологическая метафора реификационного типа встречается и в английских пословицах: 1) *Happiness is a ladder that cannot be climbed with your hands in your pockets* (квалитатив трудолюбия/упорства/целеустремленности); 2) *Better a pinch of happiness, than a pound of gold* (квалитатив высшей/нематериальной ценности).

Наш анализ показал, что ориентационные метафоры с элементом «счастье» в русском и английском паремиологическом фонде встречаются реже. Свое название ориентационные метафоры получили из-за того, что базовые позиции объектов реальности, связаны с физической ориентацией человека, его положением в пространстве. Например, *happy is up/sad is down* – счастье соответствует верху/печаль низу [5, с.50]. Примерами использования данного класса метафор в пословице может служить паремия: *Счастье на коне, несчастье под конем* (квалитатив победы, достижения).

Эта паремия является ярким примером использования ориентационной метафоры с элементом пространственной ориентации «верх-низ». Здесь счастье находится верхом на коне, в выигрышной позиции (вверху), а несчастье (печаль и грусть) находятся внизу, под конем, в небезопасном положении.

1) *Гость на пороге – счастье в дом* (квалитатив гостеприимства/своего пространства); 2) *Счастье отпало — ничего в доме не стало* (квалитатив непостоянства/изменчивости/своего пространства). В метафорах в этих примерах присутствует элемент пространственной ориентации «внутри-

снаружи». Счастье приходит в дом вместе с незнакомыми людьми, гостями, которые расцениваются как друзья, оно живет в доме, то есть внутри жилища, но может также свободно его покинуть. Таким образом можно предположить, что на счастье в русской лингвокультуре в большей степени влияют внешние обстоятельства.

Примерами использования ориентационных метафор в пословицах на английском языке могут послужить следующие паремиологические единицы:

1) *Happiness is in the mind* (квалитатив осознанности/позитивного мышления/личного пространства); 2) *Happiness begins within* (квалитатив осознанности/позитивного мышления/ личного пространства); 3) *Peace in a thatched hut – that is happiness* (квалитатив ценности/довольства/ личного пространства); 4) *Happiness is inside you, not with another person* (квалитатив целостности/любви к себе/личного пространства). Так проявляется специфика английского пословичного концепта. В английском менталитете личное пространство высоко оценивается и оберегается, поэтому внутренние факторы, влияющие на состояние человека, преобладают, выходят на первый план. Метафоры в данных паремиях являются примерами ориентационной метафоры с элементом пространственной ориентации «внутри-снаружи». Счастье находится внутри нас самих, живет в нашем сознании (примеры 1, 2), а не снаружи, мы не должны искать его в другом человеке (пример 4) или внешних обстоятельствах. Также счастье находится в доме, внутри нашего жилища, а не за его пределами (пример 3).

Основываясь на материалах исследования можно сделать вывод о том, что основную часть метафор в пословицах о счастье составляют концептуальные онтологические метафоры. Это проявляется как в русском, так и в английском языках. Ориентационные метафоры, представленные в пословицах о счастье, составляют лишь 5,2% ото всех представленных примеров паремий на русском языке и 13,5% на английском.

Ориентируясь на семантику паремий на русском языке, их квалитативы и когнитивные метафоры, содержащиеся в них, можно сделать вывод о том, что

русские люди больше склонны рассуждать о счастье, чем добиваться его. Они боятся неудач и верят, что все подвластно судьбе, то есть относятся к счастью довольно фаталистично. В отличие от русских людей, англичане имеют более практичный подход к счастью. Они оптимистичны, менее мечтательны, и они верят в то, что счастье достается собственными усилиями, берут свою судьбу в свои руки.

Таким образом, анализ семантики пословиц в процессе изучения иностранных языков позволяет глубже понять культуру и традиции своего народа и носителей изучаемого языка, обогатить свой словарный запас и знания в области сопоставительного изучения языков и языковой картины мира в ее пословичном варианте.

Список литературы:

1. Абакумова О. Б. Пословичные концепты Правда и Truth в паремическом микродискурсе // Россия и Запад: диалог культур. – М., 2008. – Ч. 3. – С. 3–11.

2. Абакумова О.Б. Эмоционально-оценочный компонент в семантике и прагматике английских пословиц о счастье // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, 2018. С.393-399.

3. Кульчицкая Л.В. Парадигмальная и дискурсивная метафора в науке: когнитивный подход // Russian Journal of Linguistics. - 2012. - №2. - С. 119-125.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. - С. 126 - 170.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 31-60.

6. Сулица О.А. Паремииологическая репрезентация феномена счастья в лингвокультуре (на материале русского, английского и японского языков). Автореферат. кандид. филол. наук. Майкоп, 2020. – 24 С.

Сведения об авторе:

Кубышкина Дарья Алексеевна; магистрант 1 курса лингвистики, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, 302043, Российская Федерация, Орёл, пер. Маслозаводской д. 9; dashakubyshkina1@yandex.ru; +79536258687

Kubyshkina Daria Alexeevna, the first year student of Master's of Linguistics. Orel State University named after I.S.Turgenev, Maslozavodskoy pereulok 9, Orel, 302043, Russian Federation; dashakubyshkina1@yandex.ru; +79536258687

Абакумова Ольга Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии института иностранных языков ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева». 302026, РФ, Орёл, ул. Карачевская, д.76. abakumova-ob@mail.ru 8 919 2052123

Abakumova Olga Borisovna, Doctor of Philology, professor of the English Philology Chair, Orel State University named after I. S. Turgenev. Russian Federation, Orel, 202026. Rarachevskaya Str, 76. abakumova-ob@mail.ru 8 919 2052123

УДК 81

МЕТАФОРА И ЕЕ РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Загоруй А.А.

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация: Данная статья посвящена разработке комплекса упражнений с использованием метафоры для развития и совершенствования лексических, социокультурных и стратегических умений и навыков на базе английского языка у студентов языкового ВУЗа.

Ключевые слова: метафора, методические исследования, иноязычная коммуникативная компетенция, субкомпетенции, социокультурная компетенция, стратегическая компетенция, лингвистическая компетенция.

Abstract: This article is devoted to the creation of a set of exercises using metaphor for the development and improvement of lexical, socio-cultural and strategic skills in English among the students of a foreign language institute.

Key words: metaphor, methodological research, foreign language communicative competence, subcompetencies, socio-cultural competence, strategic competence, linguistic competence.

Метафора как явление интересовало человечество уже со времен Античности. Первые упоминания о метафоре, как и первые попытки дать этому явлению определение и систематизировать знания о нем, восходят еще к трудам Аристотеля. Поэтому метафора долгое время оставалась и по сей день остается одним из предметов исследования в области философского знания, представляющим большой интерес для многих специалистов в данной области.

Однако понятие метафоры со временем вошло в ряд языковых явлений, таким образом, надолго закрепившись в поле лингвистических исследований. В настоящее же время исследования в данной области зачастую выходят за рамки чисто лингвистические, включая в себя по-прежнему философские труды, а также, на самом современном этапе, исследования в области когнитивной и психолингвистики. Однако и в рамках лингвистического поля метафора как предмет исследования сохраняет свою актуальность.

Одним из наиболее перспективных, но в тоже время мало разработанных современных направлений исследований в области метафоры является ее практическое применение в обучении иностранному языку. Методические исследования в данной области берут начало еще в конце 80-х гг. прошлого века, однако остаются по-настоящему актуальными в наши дни, что связано, прежде всего, с поиском наиболее эффективных методов формирования иноязычной коммуникативной компетенции в обучении иностранным языкам.

Прежде всего, стоит сказать, что в современном лингвистическом поле существуют различные теории и подходы к определению понятия «метафора», классификации видов метафоры и определению ее функций в языке и речи. Одной из наиболее современных теорий, вызывающей на данный момент особый интерес исследователей является теория, представленная американским лингвистом Дж. Лакоффом. Он определяет метафору как понятийную конструкцию, возникающую в результате сопоставления в сознании индивида двух различных концептов на основе каких-либо соответствий, которая затем находит отражение в языке и речи [3].

Если говорить о перспективах использования метафоры как одного из средств формирования и совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции, то стоит также подробнее рассмотреть определение и структуру последней.

Иноязычная коммуникативная компетенция (ИКК) – это способность и реальная готовность к осуществлению иноязычного общения с носителями языка, восприятию и пониманию партнеров, адекватному и своевременному выражению своих мыслительных намерений, а также приобщение к культуре страны изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей страны и умение представлять ее в процессе общения [1]. И. А. Зимняя также подчеркивает, что ИКК подразумевает овладение знанием «культурных норм и ограничений в общении, обычаев, традиций и этикета в сфере общения» [1].

ИКК – это многокомпонентное понятие, включающее в себя различные субкомпетенции. Что касается определения компонентного состава ИКК, то здесь можно выделить два основных подхода – отечественный и общеевропейский. В основе общеевропейского подхода лежит шестикомпонентная модель Яна Ван Эка (1988 г.). Она включает в себя следующие субкомпетенции [1]:

- лингвистическая компетенция – грамматические, фонетические и лексические знания и навыки;

- социолингвистическая компетенция – умение осуществлять выбор лингвистической формы и способа языкового выражения в зависимости от ситуации общения, цели и намерений говорящего, социальных ролей партнеров по общению;

- дискурсивная компетенция – умение понимать и воспроизводить связные иноязычные высказывания, логично, последовательно и убедительно выстраивать речь, правильно употреблять лексические и грамматические средства;

- социокультурная компетенция – умение строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии со спецификой культуры страны изучаемого языка, а также совокупность знаний о данных национальных и культурных особенностях;

- стратегическая компетенция – умение компенсировать пробелы в знании языка или недостаток опыта общения с помощью вербальных и невербальных средств;

- социальная компетенция – желание и готовность взаимодействовать с другими людьми, умение вступать в контакт и поддерживать его.

Основываясь на теории Дж. Лакоффа, можно определить те составляющие иноязычной коммуникативной компетенции, представленные в модели Ван Эка, для которых использование метафоры в их формировании и совершенствовании является наиболее целесообразным и эффективным. Такими составляющими можно считать лингвистическую, социокультурную и стратегическую субкомпетенции.

Стоит также отметить, что использование метафоры в формировании лингвистической и социокультурной компетенции представляется наиболее актуальным на старшем этапе обучения иностранному языку в школе, а также в языковых и неязыковых ВУЗах. В то время как применение ее в формировании и развитии стратегической компетенции целесообразно преимущественно в языковых ВУЗах. Поскольку метафора является сложным и многоаспектным явлением, то для ее успешной реализации в обучении иностранному языку

желательно, чтобы учащиеся уже владели некоторыми базовыми знаниями и умениями в области лексики и грамматики, а также общими представлениями о стране изучаемого языка. Наиболее оптимальным уровнем, на котором может начинаться использование метафоры в формировании лингвистической и социокультурной компетенций, является уровень В1 – пороговый уровень, в соответствии с Общеввропейской системой уровней владения иностранным языком (CEFR) [2].

На основе собранной информации, нами был разработан комплекс упражнений с использованием метафоры для развития и совершенствования лексических, социокультурных и стратегических умений и навыков. Разработанные нами упражнения рассчитаны на учащихся 3 курса языкового ВУЗа, и могут быть использованы на одном из занятий в рамках изучения раздела «Describing People» темы «Human Nature and Human Relations», рассматриваемой в практическом курсе английского языка на третьем году обучения в языковом ВУЗе. В данном случае мы ориентировались на учебную программу Института иностранных языков Орловского государственного университета им. Тургенева.

Выбор темы обусловлен наличием обширного пласта лексики, обладающей большим потенциалом в области метафорического употребления, связанного с данной темой. Метафорические выражения часто употребляемы при описании как внешности, так и характера, и внутреннего мира человека, так как наши представления о физическом и духовном образе человека зачастую основаны на явном или скрытом сравнении присущих ему черт с какими-либо объектами или явлениями действительности, что также находит отражение в языке.

Предлагаемый нами комплекс состоит из восьми упражнений. Шесть из восьми упражнений являются тренировочными. Этап речевой практики представлен двумя упражнениями, одно из которых – условно-коммуникативное, второе – подлинно-речевое. Все задания комплекса связаны между собой по принципу детерминации. Перед тем как приступить к работе с

данным комплексом упражнений, на этапе организационного момента, рекомендуется актуализировать имеющиеся у студентов знания о метафоре как языковом явлении, ее функциях и свойствах. Ниже приводятся описания упражнений:

1) В первом задании учащимся предлагается распределить дефиниции отобранной группы слов в два столбика, в зависимости от того, является ли данное значение слова прямым или метафорическим. Таким образом студенты знакомятся с метафорическими коннотативными значениями предлагаемой группы лексических единиц, с принципами метафорического переноса, и на основе этого тренируются отличать коннотативные значения от основных.

2) Во втором задании учащимся необходимо уже самим распределить ряд словосочетаний, содержащих слова из предыдущего упражнения, в два столбика в зависимости от того, являются ли они метафорическими или неметафорическими. Учащиеся тренируются отличать метафорические структуры от неметафорических, основываясь на значении отдельных слов и их связи в словосочетании.

3) В третьем задании учащимся необходимо догадаться о значении представленных словосочетаний и выяснить, есть ли среди них те, что несут неметафорический характер. Данное упражнение также направлено на тренировку выявления и понимания метафорических значений в словосочетаниях, содержащих знакомые учащимся лексические единицы в значении, отличном от их прямого значения.

4) В четвертом задании учащиеся должны распределить прилагательные, метафорические значения которых были выявлены ими в ходе выполнения двух предыдущих упражнений, в зависимости от того, применимы ли они в данных значениях для описания внешнего облика, или же внутреннего мира человека. Данное упражнение направлено на тренировку правильности употребления тех или иных метафор, связанных с описанием человека, в соответствующем им контексте – описании или внешности, или внутреннего мира человека. Также данное упражнение является подготовкой к восприятию

реализации метафоры в тексте, необходимой для выполнения последующих заданий.

5) В пятом задании учащимся предлагается трансформировать предложения, используя полученные в ходе выполнения предыдущих заданий метафорические выражения. Данное упражнение тренирует использование описательных метафорических конструкций в речи, в контексте отдельных предложений. Кроме того, студенты учатся распознавать основы метафорического переноса, что способствует лучшему пониманию метафоры как явления. В этом упражнении также реализуется сопутствующая функция данного комплекса – развитие стратегической компетенции. Учащиеся тренируются заменять слова в их прямом значении на соответствующие метафорические аналоги.

6) Шестое упражнение является последним в ряду тренировочных, в котором учащиеся выходят на уровень текста. Здесь учащимся необходимо заполнить пропуски в тексте, используя слова и выражения в метафорическом значении, с которыми они познакомились в ходе выполнения предыдущих заданий. Учащиеся тренируются в употреблении метафорических конструкций в речи, в контексте связного аутентичного текста.

7) Следующие два упражнения относятся к этапу речевой практики. В седьмом задании обозначена стратегическая и речевая задача, а также присутствуют опоры для построения учащимися небольших монологических высказываний. В данном случае – это монолог-описание картинки, в котором учащимся необходимо употребить как можно больше изученных в ходе выполнения предыдущих упражнений метафорических выражений. Здесь совершенствуются речевые умения монологической речи, а также навык использования метафорических конструкций в речи.

8) Во втором случае также присутствует монолог-описание с использованием метафорических конструкций, но здесь учащимся необходимо выбрать и описать одного из своих одноклассников таким образом, чтобы остальные учащиеся в группе смогли догадаться, о ком именно идет речь. В

данном случае обозначена лишь стратегическая задача, а также сокращено время на подготовку к выполнению задания. В данном упражнении тоже реализуется один из аспектов сопутствующей цели комплекса – развитие компенсаторных стратегий при восприятии речи на слух. Студенты учатся декодировать сообщение, содержащее метафорические выражения и соотносить их с реальными образами для успешного понимания содержания сообщения.

Результаты данного исследования демонстрируют возможности применения метафоры как средства обучения иностранным языкам, возможности ее применения для развития и совершенствования лексических навыков, социокультурной и стратегической субкомпетенций.

Список литературы

1. Таюрская Н.П. Иноязычная коммуникативная компетенция: зарубежный и российский опыт // Гуманитарный вектор, 2015. – С. 83-87.
2. Common European Framework of Reference for Language Learning, Teaching, Assessment. – Council of Europe, 1996. – 273 p.
3. Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago., University of Chicago Press, 2003. 191 p.

Сведения об авторе:

Загоруй Алена Александровна; аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; zagoruy.alena@mail.ru; +79102630089.

Zagoruy Alyona Aleksandrovna; post-graduate student, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; zagoruy.alena@mail.ru; +79102630089.

ПОСЛОВИЦА КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ

Ильминская В.И.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орёл, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу применения пословицы в качестве инструмента манипуляции мнениями и поступками с помощью коммуникативно-дискурсивной модели актуализации смысла пословиц в дискурсе на материале английского художественного текста.

Ключевые слова: пословица, коммуникативная ситуация, коммуникативно-дискурсивная модель, дискурс, коммуникативное действие, художественный текст.

Abstract: The article is devoted to the analysis of proverbs used as a tool for manipulating opinions and actions using the communicative-discursive model of actualization the meaning of proverbs in discourse on the base of English literary text.

Key words: proverb, communicative situation, communicative-discursive model, discourse, communicative action, literary text.

Пословицы – самое сложное и неоднозначное языковое явление, которое скрывает накопленную веками мудрость народа и вызывает дискуссии относительно своего места в языке, толкования и использования. Исследователи уже давно придерживаются мнения, что пословицы требуют дополнительного толкования и могут использоваться многозначно, поэтому крайне важно обращать внимание на контекст использования пословиц.

В.В. Гвоздев говорит про два значения пословицы: конкретно-ситуативное значение, которое обозначает реализацию инвариантного значения пословицы в речевом акте; и инвариантное значение, формирующееся из ряда конкретно-ситуативных значений [2, с. 4-7].

Поскольку пословицы используются в речевых актах, то стоит обратить внимание и на это явление. Джон Сёрль создал классификацию речевых актов, где выделил косвенные речевые акты, под которыми понимаются «предложения, которые на первый взгляд означают одно, а при восприятии интерпретируются так, будто они обозначают нечто другое» [5, с. 97]. Таким образом, говорящий только намекает на предмет речи, и истинный смысл может быть выведен только из подтекста и имплицатуры дискурса. В связи с этим некоторые учёные высказывают точку зрения, что пословицы следует относить к косвенным речевым актам.

В своём исследовании О.Б. Абакумова отмечает, что с точки зрения теории речевых актов пословица «является потенциальным косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [1, с. 25]. Также исследователь предлагает использовать коммуникативно-дискурсивную модель актуализация смысла пословицы в дискурсе.

Для проведения анализа пословиц в художественных текстах будет целесообразным использовать данную модель актуализации пословиц в дискурсе. Рассмотрим в качестве примера отрывок из романа Сидни Шелдон «Полночные воспоминания» («Memories of Midnight» by Sidney Sheldon).

The Chief Justice turned toward Chotas: “Is the counsel for the defense prepared to make his opening statement?”

Napoleon Chotas rose slowly to his feet. “Yes, Your Honor.” He moved toward the jury box in an uncertain, shuffling gait. He stood there blinking at them, and when he spoke it was almost as though he were speaking to himself.

“I’ve lived a long time, and I’ve learned that no man or woman can hide an evil nature. It always shows. A poet once said that **the eyes are the windows of the soul**. I believe that’s true. I want you ladies and gentlemen to look into the eyes of the defendant. There is no way she could have found it in her heart to murder anyone.”

Napoleon Chotas stood there a moment as though trying to think of something else to say, then shuffled back to his seat [8].

“Farlex Dictionary of idioms” даёт следующую трактовку пословицы *The eyes are the windows of the soul*: «The eyes can reveal a lot about one’s inner state and emotions» [6].

“Phrase and idiom dictionary”: «Looking into a person’s eyes can tell you what the person thinks and feels.

The exact origin of this expression is unclear. Similar ideas appear in ancient Latin works and in the Bible. Matthew 6: 22-23 says,

(22) The eye is the lamp of the body. If your eyes are healthy, [a] your whole body will be full of light. (23) But if your eyes are unhealthy, [b] your whole body will be full of darkness. If then the light within you is darkness, how great is that darkness! » [7].

Коммуникатива. Анастасия обвиняется в умышленном убийстве своего богатого мужа, который старше её на тридцать лет. Обвинение настаивает на том, что муж подозреваемой узнал, что жена изменяет ему с молодым шофёром, и собирался развестись с ней и вычеркнуть из завещания, из-за чего женщина и убила его. Адвокат защиты Наполеон Чотас был уже человеком в преклонном возрасте, поэтому он делает упор на то, что многое повидал за свои годы, на свой большой опыт и практику, а значит, умеет разбираться в людях. Адвокат выступает со вступительным словом и просит посмотреть в глаза Анастасии, чтобы присяжные увидели то же, что и он, после чего адвокат не принимает участия в судебном заседании до самого конца. Обвинение (Питер Демонидес) считает дело выигранным, потому что у него есть свидетели, которые подтверждают, что Анастасия не любила мужа, и предполагаемое орудие убийства, а у защиты нет никаких серьезных аргументов в пользу подозреваемой. И только в самом конце Наполеон объявляет, что обвинение построило дело на пустых слухах и выпивает яд – предполагаемое орудие убийства, которое в глазах присяжных оказывается теперь простой микстурой. Контекст использования пословицы подобран таким образом, что Анастасия действительно предстаёт в финале суда, как невиновная, на которую ополчились все, потому что она богата и молода, но в следующей главе

читатель узнает, что микстура действительно была отравлена, и пока был перерыв, адвокату сделали промывание желудка.

Адвокат выражает своё мнение о подзащитной, как о человеке, который не способен убить, и собирается убедить в этом присяжных и судью. Данное коммуникативное действие направлено на манипуляцию чужим мнением в пользу Анастасии. Таким образом, говорящий использует социально-ориентированное стратегическое действие, желая оказать нужное влияние на судью и присяжных, а также на всю аудиторию.

Konstativa. Пропозиция высказывания выражена предикатом «age» («быть, являться»). Логическая структура: what are the eyes? Семантический класс глагола: предикат состояния.

Образный фрейм: глаза уподобляются окнам дома, через которые можно наблюдать все, что находится внутри.

Оккациональный фрейм: Адвокат предлагает присяжным внимательно посмотреть в глаза девушки, которые, по его мнению, отражают ее чистую невинную душу.

Обобщённый фрейм: глаза отражают эмоции и переживания человека. По классификации Г.Л. Пермякова это первый класс пословиц: если вещь обладает одним свойством, то она обладает и другим [4]. Если у женщины чистые, добрые глаза, то она не может совершать плохих поступков.

Representativa. Претензия на искренность. Говорящий претендует на искренность, чтобы впоследствии оправдать Анастасию одним своим действием и доказать всем, что его слова были верными, несмотря на все слухи и показания отдельных свидетелей (экономка давно была влюблена в хозяина, работала на него двадцать пять лет, поэтому неудивительно, что она плохо относилась к молодой жене). Модальность высказывания аксиологическая, оценочная. Говорящий утверждает, что верит в невинность своей подзащитной и готов доказать это своим поступком.

Иллокутивная сила высказывания представляет собой утверждение (констатив): утверждается, что глаза отражают душу человека. Исходя из

контекста заседания суда и с позиции адвоката косвенный директив: нельзя судить человека, основываясь только на слухах и сплетнях, следует доверять людям, своему сердцу и опыту. Однако в более широком контексте (в следующей главе) читатель узнает, что микстура была с ядом, и Анастасия действительно отравила своего мужа, а Наполеон Чотас получил за спасение богатой женщины миллион долларов. Отсюда следует, что косвенный директив с позиции автора: не следует доверять людям, даже если у них честные глаза.

Regulativa. Претензия на правильность. В финале слушания адвокат выступает с заключительным словом, где отмечает, что роман Анастасии с шофёром знают все из газет, но её нельзя обвинять в том, что муж не мог удовлетворить все её потребности, поэтому она и нашла любовника. Присяжные могут относиться предвзято к ней из-за этого поступка, но дело перед ними об убийстве, а не об измене. Наполеон утверждает, что Анастасия могла пытаться спасти брак, поэтому и решила приготовить ужин для мужа, выгнать из дома экономку, которая влюблена в хозяина, а поскольку тот болел, то жена дала микстуру от кашля. Адвокат вновь просит посмотреть в конце на обвиняемую, чтобы убедиться, что она не выглядит как убийца, после чего выпивает микстуру, которой предположительно убили мужчину, и остаётся в живых, тем самым разрушая образ коварной и хладнокровной женщины, который старательно строило обвинение. Деонтические нормы по В.И. Карасику, которые передаются в результате речевого акта, это этические нормы контроля по отношению к обвинению, присяжным и слушателям («Следует быть справедливым»). Перлокутивный эффект – Анастасию оправдали, а Наполеон блестяще выиграл дело. Однако в более широком контексте, с позиции автора произведения, это уже утилитарные нормы по В.И. Карасику – нормы безопасности «следует быть осторожным» [3].

Проанализированный пример показывает особенности реализации смысла поговорки в дискурсе. Данный пример особенно интересен тем, что в действительности используется для создания идеального образа персонажа в корыстных целях (избежать наказания за совершённое преступление), вводя в

заблуждение не только суд, но и самого читателя, которые верят в эту манипуляцию, не зная полностью всей картины ситуации.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. доктора филол. наук. – Орел, 2013. – С. 25

2. Гвоздев В.В. Место пословиц как структурно семантических образований в языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1983. – С. 12-13.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – С.28-29.

4. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. – М.: Наука, 1979. – 671 с.

5. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. – 424 с.

6. Farlex Dictionary of idioms [Электронный ресурс]. – Режим доступа [URL: <https://www.thefreedictionary.com/>].

7. Phrase and Idiom Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа [URL: <https://writingexplained.org/idiom-dictionary/>].

8. Sidney Sheldon Memories of Midnight. – New York: Warner, 1991. – 404 pp.

Сведения об авторе:

Ильминская Виктория Игоревна; аспирант, старший преподаватель, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д.95; vera2455prue5@mail.ru; +79102001055.

Ilminskaya Victoria Igorevna; postgraduate student, senior teacher; Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; vera2455prue5@mail.ru; +79102001055.

**К ВОПРОСУ О ПРИЕМАХ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А.П.ЧЕХОВА
«Степь»)**

Гридасов А.К

магистрант 2-ого курса института

иностранных языков

ФГБОУ ВО «Орловский государственный

университет имени

И.С. Тургенева»

г. Орёл, Россия

Аннотация: В статье анализируются фразеологические единицы (ФЕ), извлеченные методом сплошной выборки из рассказа А. П. Чехова “Степь” и их соответствия в тексте перевода «The Steppe», выполненного переводчиками Л. Волохонской, Р. Пивиар. Количественный анализ и метод лингвистического наблюдения позволяет сделать выводы о данном пласте лексики при переводе.

Ключевые слова: художественный текст, фразеологическая единица, лингвистической анализ, текст оригинала, текст перевода, переводческая трансформация.

Abstract: The article analyses phraseological units extracted from A. Chekhov’s story (The Steppe) and their counterparts in the Russian translation made by L. Volokhonsky and R. Pevear. Quantitative analysis and the method of linguistic observation makes it possible to come to some conclusions concerning specifics of this layer of lexical units as it is seen in translation of fiction.

Key words: fiction, phraseological unit, linguistic analysis, original text, translation text, transformation.

Относительно фразеологии написано очень много работ отечественными и зарубежными учеными. У каждого ученого есть свое видение данного пласта науки, что показывает ее обширность и актуальность. С годами появляются новые разнообразные выражения и человек начинает строить речевое

высказывание с использованием различных лексических, грамматических и стилистических особенностей, которые важны в коммуникации.

Фразеология, будучи лингвистической наукой изучает устойчивые идиоматические словосочетания – фразеологизмы. Под фразеологизмами понимаются следующие устойчивые словосочетаний: идиомы, пословицы, коллокации и др.

Однако не все ученые согласны с этим подходом. В первую очередь, хочется отметить труд В. В. Виноградова, предложившего классификацию фразеологизмов, восходящую к классификации швейцарского лингвиста Ш. Балли [2]. В.В. Виноградов выделяет три типа фразеологических единиц: 1) фразеологические сращения (устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой – точить лясы), 2) фразеологические единства (устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой – подливать масло в огонь) и 3) фразеологические сочетания (одно из слов употреблено в прямом смысле, другое в переносном – одержать победу, корень зла) [3].

Взгляд другого ученого А.И. Молоткова существенно отличается от В.В. Виноградова. Он утверждает, что слова, входя в фразеологический фонд, теряют свои синтаксические и лексические свойства. В итоге, к фразеологизмам относятся идиомы, а пословицы, поговорки и крылатые слова исключаются [4].

Между тем, отечественные ученые А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский включают в состав фразеологии коллокации, идиомы, пословицы, грамматические и синтаксические фразеологизмы [1].

Исследование проведено на основе рассказа русского писателя А.П. Чехова «Степь» [8] и его перевода на английский язык, выполненного переводчиками Л. Волохонской и Р. Пиввиар [12].

Методом сплошной выборки из текста оригинала извлечено 60 единиц, для каждой из которых обнаружено соответствие в тесте перевода. Словарное значение всех единиц выверяется на основе классического англо-русского словаря фразеологизмов А.В. Кунина [5] и фразеологического словаря

русского языка под редакцией В. Н. Телия [9] и других Интернет источников [10]. В результате проведенного количественного анализа установлено, что из 80 ФЕ оригинала 6% переведено с помощью частичного изменения образа, 8% представлено в переводе за счет сохранения образа. Для перевода 18% примеров переводчики использовали полное изменение образа; и наконец в 68% случаев переводчики обратились к последнему приёму – опущение образа.

Следовательно, можно увидеть, что переводчики предпочитают больше опущение образа, в силу нескольких факторов: лингвокультурологических, национальный колорит передать с ИЯ на ПЯ практически невозможно и приходится опускать образ; прагматических, то есть пониманием того, что текст на английском языке адресован для широкого круга читателей, которым нужно передать основной авторский замысел. В ряде случаев, переводчики использовали кальку, хотя в английском языке были аналоги ФЕ. Например, «Молоко на губах еще не обсохло», переводчики перевели как “The milk is not dry on his lips”. В Collins Dictionary, мы нашли ФЕ, которая интерпретируется следующим образом: “Wet behind the ears” [11]. Данная ФЕ, на наш взгляд, более точно передает ту эмоционально-экспрессивную составляющую ФЕ ПЯ, которая заложена в ИЯ.

Проиллюстрируем каждый из примеров перевода на конкретных примерах в соответствии с классификацией приемов, представленных в работах О.В. Петровой [6] и Я.И. Рецкера [7].

Пример №1. Сохранение образа

А.П. Чехов	В.Н.Телия и др	Л. Волохонская, Р.
Все с голоду поумирают. (Степь)	умереть с голоду – сильное желание отведать пищи.	They would all die of hunger

Пример № 2. Частичное изменение образа

А.П. Чехов	В.Н.Телия и др	Л. Волохонская, Р.
Нет поше лиха, как наглая смерть	Бытовало в Древней Руси и понятие "наглая смерть", то есть смерть не медленная, естественная, а внезапная, насильственная	There is no worse evil than an impenitent death

Пример № 3. Полное изменение образа

А.П. Чехов	В.Н.Телия и др	Л. Волохонская, Р.
Как будто только что очень хитро надул кого- то...	Надуть кого-то – обмануть, провести за нос.	He had just very clearly hood-winked someone.

Пример № 4. Опущение образа

А.П. Чехов	В.Н.Телия и др	Л. Волохонская, Р.
Пей на здоровье.	На здоровье – на благо человеку, на пользу.	May it do you good.

Проведенный анализ еще раз дает убедиться, что в тексте перевода доминирующим приёмом перевода является опущение образа, которое говорит о том, что лингвокультура двух приведенных стран отличается друг от друга. Культурный код, прецедентные феномены, языковая картина мира имеют разные трактовки в каждой взятой культуре, что позволяет все больше уделять внимания данным феноменам. Фразеологизмы скрывают глубинные загадки и традиции культур различных народов, и чтобы раскрыть ящик Пандоры нужно проводить как можно больше исследований. В целом, переводчики справились со своей непростой задачей и постарались передать весь авторский замысел,

тем самым учитывая семантические, стилистические и культурологические факторы, хотя были примеры, где они полностью опускали ФЕ, не нарушая смысл текста.

Список литературы:

1. Баранов, А.Н./ Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак. 2008.- 656 с – (Studia philologica).
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.,1955.
3. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке// Лексикология и лексикография: избранные труды. М. Правда, 1977.
4. Молотков, А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка, - Москва: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
5. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь/Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. Рус. яз., 1984 -944с.
6. Петрова, О.В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка): Учебное пособие – Н. Новгород: Изд-во: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2002, – 84 с.
7. Рецкер, Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. –3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1982. – 159 с. –
8. Чехов А.П. Рассказы и повести. – М.: Правда, 1981- 640с., 12л. Ил.
9. Электронная библиотека. Фразеологический словарь русского языка (В.Н.Телия)//rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/2/babushka-esche-nadvoe.htm (дата обращения: 20.08.2021)
10. Электронная библиотека. Фразеологический словарь Фёдорова [Электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/fedorov?letter=%D0%BA> (дата обращения: 18.08.2021)

11. Free online dictionary, thesaurus and reference materials. Collins dictionary. 2021 [Electronic resource]: information portal URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 21.08.2021)

12. Anton Chekhov. The complete short novels. A new translation by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Everyman's library. Alfred A. Knopf. New York. London. Toronto

Сведения об авторе:

Гридасов Антон Кудратуллоевич; магистрант 2 курса лингвистики, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орёл, ул. Мопра 16; gridasow.toscha@yandex.ru; +79534177614

Gridasov Anton Kudratulloevich, the second year student of Master's of Linguistics. Orel State University named after I.S.Turgenev, Mopra street 16, Orel, 302026, Russian Federation; gridasow.toscha@yandex.ru; +79534177614

УДК 811.581'42'373.49:821.581-1*Ли Цинчжао:811.161.1'25

**СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭМОТИВА «ЛЮБОВНАЯ ТОСКА» В
ПОЭЗИИ ЛИ ЦИНЧЖАО И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ**

Аксёничкова-Бирюкова А.А.

Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины

г. Гомель, Беларусь

Аннотация: В статье рассматриваются особенности репрезентации любовной тоски в лирике китайской поэтессы Ли Цинчжао. Выделяются и описываются отличительные черты передачи эмоции при переводе стихотворений поэтессы на русский язык М. И. Басмановым и А. Алексеевой. Исследование вариантов интерпретаций стихотворений Ли Цинчжао

показало, что поэты-переводчики большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, но каждый из переводов отразил специфику мировоззрения переводчика.

Ключевые слова: весна, любовная тоска, Ли Цинчжао, перевод, эмоции.

Abstract: The article examines the features of the representation of love melancholy in the lyrics of the Chinese poetess Li Qingzhao. The author highlights and describes the distinctive features of the transmission of emotion when translating the poems of the poetess into Russian by M. I. Basmanov and A. Alekseeva. The study of variants of interpretations of Li Qingzhao's poems showed that the poets-translators paid great attention to understanding the images of Chinese classical poetry, but each of the translations reflected the specifics of the translator's worldview.

Key words: spring, love longing, Li Qingzhao, translation, emotions.

Эмоции присущи любому человеку, вне зависимости от его национальности. Однако следует отметить, что способы обозначения эмоционального состояния человека у каждого народа и в каждом языке являются специфическими.

Обращение к поэзии Ли Цинчжо, «Китайской Сафо» эпохи Сун, показало, что в ней присутствует особый вид эмоции «печаль» – *весенняя меланхолия*, или *любовная тоска*, выражаемый биномами 春意 chūnyì, 春心 chūnxīn. Интерес представляет рассмотрение того, как осуществлен перевод данных биномов на русский язык. Материалом исследования послужили оригинальные собрания сочинений Ли Цинчжао [2] и переводы ее произведений, выполненные А. Алексеевой и М. И. Басмановым [2].

Прежде всего необходимо отметить, что в состав биномов 春意 chūnyì и 春心 chūn xīn входит иероглиф 春 chūn – *весна*. Он включает знаки *травы*, *солнце* и передает идею солнечного света, пробуждения природы, роста растений. По мнению китайского филолога эпохи империи Хань Сюй Шэня, с наступлением весны, травы и деревья словно проталкиваются через землю. Иероглиф 春 chūn – кроме того, переводится как *любовь*, *жизнь*. Считается, что

весной женские чувства, будто толкают сердце, чтобы разбудить его от зимней спячки, и тогда всходят ростки любви. И если девушка влюблена, то о ней говорят: 有女怀春 Yǒu nǚ huáichūn – *Девушка в груди таит весну* [7, с.245]. Причиной данного состояния является пробуждение природы, для которого характерны рост и цветение растений.

В первую очередь наступление весны связано с расцветанием ивы и дикой сливы мэи. Слива мэи – 梅 méi – ассоциируется с пробуждением природы и вечным обновлением жизни. «Это – календарное дерево, символ и эмблема китайского Нового года, весны и рождения всего живого» [8, с.169]. В то же время ее название омонимично словам *красота* 美 měi и *брови* 眉 méi, которым придавалось огромное значение в облике красавицы, что усиливает корреляцию цветов этого дерева с женской красотой, юностью и чувством любви. Выражение 驿寄梅花 yì jì méi huā – *Отослать цветы сливы* имеет значение ‘передать чувства тоски далекому другу’ [1, с.523].

Ива является символом весны. Это одно из первых деревьев, распускающих свои нежные листья под лучами весеннего солнца. В буддизме ива олицетворяет кротость и сострадание и связана с бодхисатвой Гуань-инь, которая кропит живой водой, используя ивовую ветку: 暖雨晴风初破冻, 柳眼梅腮, 已觉春心动. 酒意诗情谁与共? Nuǎn yǔqíng fēng chū pò dòng, liǔ yǎn méi sāi, yǐ jué chūn xīndòng. Jiǔyì shī qíng shéi yǔgòng? – *Дождь, ясная погода разрушили последний лед. Началась весна, вытянулись листья плакучей ивы, распустились цветы сливы. Чувствую взволнованно любовную тоску. Кто разделит опьянение, поэтическое вдохновение?* «蝶恋花» Dié liàn huā «Бабочка, влюбленная в цветок» «暖雨晴风初破冻» Nuǎn yǔqíng fēng chū pò dòng «Ветер ласковый, теплый дождь растопили последний лед...».

Любовная тоска, возникшая в связи с возрождением природы, связана с ожиданием лирической героиней мужа, с которым она могла бы разделить состояние опьянения и поэтического вдохновения, В древнем Китае вино и поэзия объединились в своеобразный творческо-эмоциональный комплекс. Для

обретения вдохновения большинство китайских поэтов употребляли вино в небольших дозах, что давало им возможность выйти на новый уровень познания мира и сохранить при этом ясность ума. Образованные китайские люди непременно использовали вино во время долгих поэтических бесед [6, с.47].

Любовная тоска, которую испытывает лирическая героиня, усугублена ощущаемым ею чувством волнения. В соответствии с «Толковым словарем русского языка» С. И. Ожегова, *волновать* – ‘приводить в тревожно-беспокойное состояние’ [5, с.94]. Таким образом, в данном случае любовная тоска в душе героини переплетается с испытываемым ею чувством тревоги.

В переводе А. Алексеевой листы плакучей ивы переведены как сережки. Необходимо отметить, что цветы ивы сравнивают в китайской фразеологии с легкомысленной женщиной: *水性杨花* *shuǐ xìng yáng huā* – *текучая вода, цветы ивы* – в значении ‘легкомысленная, ветренная, непостоянная, ветреница, с легким поведением’ [1, с.495]. Эмотив «любовная тоска» в данном случае автором не переводится. Таким образом, наступившая весна и цветение садов стали причиной лишь волнения сердца и, как следствие, поэтического вдохновения лирической героини, действующего на нее опьяняюще. Согласно «Малому академическому словарю русского языка», *пьянить* – ‘приводить в восторженное, возбужденное состояние’ [3]. В связи с этим следует отметить, что эмоциональное состояние лирической героини характеризуется как восторженно-обеспокоенное. Она задумывается над тем, что нет рядом человека, с которым можно говорить о поэзии: *Закончился дождик и веет теплом, / растаяли тонкие льды, / Серёжки на ивах, в цвету слива мэй, / И сердце моё волнуют весна и сады. / Нахлынув, пьянит вдохновения хмель, с кем мне говорить о стихах?* (А. Алексеева «Закончился дождик и веет теплом...»).

М. И. Басманов при переводе опускает передачу картины цветения деревьев и появление связанных с этим особенных чувств – любовной тоски – в сердце лирической героини. Строки звучат сдержанно и не эмоционально. Созерцание ивы и сливы мэй дает возможность лирической героине понять, что

пришла весна. Она просто задается вопросом, кто разделит с ней страсть к поэзии, реализация которой является для нее очень важной. *Страсть* – ‘крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь’ [5, с.772]. Вино, которое служило в древнем Китае катализатором творчества, в переводе Басманова отделяется от поэзии и призвано приносить удовольствие и утешение. *Утеха*, согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова – ‘удовольствие, забава и, в то же время, утешение’ [5, с.842]: *Ветер ласковый, теплый дождь / Растопили последний лед. / Только взглянешь на иву и мэй, / Как весны ощутишь приход. / Страсть к поэзии с кем разделяю, / С кем утеху найду в вине?* (М. И. Басманов «Ветер ласковый, теплый дождь растопили последний лед...»).

Туман является порождением воды, воплощающей женское начало, и служат эквивалентом понятия Дао, символизируя непрерывное изменение, происходящее вокруг. В то же время, туман придает неясные очертания листьям вербы. Кроме того, лирическая героиня не видит цветов сливы мэй, а лишь слышит ропот флейты, что придает ситуации некую неопределенность. *Роптать* – ‘выражать недовольство, обиду, сетовать’ [5, с.684]. Недовольство и обида лирической героини связаны, таким образом, с любовной тоской: 染柳烟浓, / 吹梅笛怨, / 春意知几许 Rǎn liǔ yān nóng, chuī méi dí yuàn, chūnyì zhī jǐxǔ – *Пышная вербовая ветка словно покрыта туманом, / ропщет флейта ди, играет о цветах сливы, / предчувствует любовную тоску.* «永遇乐» Yǒng yù lè «Долгая радость встречи» «元宵 (落日熔金)» Yuánxiāo luòrì róng jīn «Новогодний праздник фонарей».

В переводе А. Алексеевой прозрачная дымка окрашивается в золотой цвет, являющийся символом богатства. Переводчик акцентирует внимание на одиночестве флейты, которая печалится о цветах мэй. Причина печали определяется завуалировано – она состоит в невозможности постичь весенние тайны: *Окутана ива дымком золотым, / Печалится флейта о сливе одна, – /*

Все тайны весны не познаешь сполна (А. Алексеева. «Расплавленным золотом льется закат»).

Басманов передает весеннюю картину, наполненную грустью, которую усугубляет образ увядающей сливы. Засыхающие весенние цветы символизируют приближение смерти: *Дымятся ветки опушенной ивы, / И звуки флейты грустные слышны, / Поет она про увяданье сливы – / О, таинства извечные весны!* (М. И. Басманов «Расплавленное золото заката»).

Необходимо отметить, что в данном случае возможно говорить об еще одном значении мэй зафиксированном в одной из версий расшифровки названия романа XVI в. «Цзинь. Пин. Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй») как сочетания трех символов главных соблазнов человека: богатства (цзинь), вина (пин) и сладострастия (мэй) [4]. Это позволяет трактовать перевод Басманова как печаль одинокой стареющей женщины и ее прощание с эротическими радостями жизни.

Таким образом, исследование вариантов интерпретаций стихотворений Ли Цинчжао, содержащих бинумы 春意 chūnyì, 春心 chūnxīn – *весенняя меланхолия*, или *любовная тоска*, показало, что поэты-переводчики А. Алексеева и М. И. Басманов большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, но каждый из переводов отразил специфику мировоззрения переводчика.

Список литературы

1. Готлиб, О. М., Му Хуаин Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – 596 с.

2. Китайская поэзия Ли Цинчжао_(1084-1151?) 李清照 Династия Сун [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=113. – Дата доступа: 15.07.2021.

3. Малый академический словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.enc.biblioclub.ru>. – Дата доступа: 20.07.2021.

4. Манухин, В. С. Социально-обличительный роман «Цзинь, Пин, Мэй» (XVI в.). От традиций к новаторству : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / В. С. Манухин ; Моск. Гос. ун-т им. М. Ю. Ломоносова. – М., 1964. – 20 с.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.

6. Смертин, Ю. Г. Поэзия и вино в средневековом Китае / Ю. Г. Смертин // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 45–50.

7. Суй, Хуэй Этимология китайских иероглифов. Сто самых красивых китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Пер. с кит. Куликова Д. Е., Никитиной А. А., Фиалковской А. О. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.

8. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

Сведения об авторе:

Аксёничкова-Бирюкова Ангелина Александровна, магистрант, Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины, 246006, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Мазурова, д. 61, кв. 52; e-mail angelaleks99@mail.ru; +375 44-726-40-71.

Aksionchikova-Biryukova Anhelina Aleksandrovna, master's student, F.Skorina Gomel State University, 246006, Republic of Belarus, Gomel, st. Mazurova, 61, apt. 52; e-mail angelaleks99@mail.ru; +375 44-726-40-71

**КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК ОТРАЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЕДМЕТАХ ОКРУЖАЮЩЕЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПАРЕМИЙ С ЛЕКСЕМОЙ
«HORSE»**

Дворянинова К.А.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются различные подходы к определению понятия культурный код. Проводится анализ паремий на предмет выявления стереотипных представлений о мире.*

***Ключевые слова:** культурный код, паремия, стереотип в лингвокультуре*

***Abstract:** This article discusses various approaches to defining the concept of cultural code. The analysis of paroemias is carried out to identify stereotypical ideas about the world.*

***Key words:** cultural code, paroemia, stereotype in linguistic culture*

Исследование культурных кодов позволяет понять и проанализировать особенности менталитета определенного лингвокультурного сообщества.

Изучением культурных кодов занимаются многие представители лингвокультурологии и этнолингвистики. Многие ученые (В.Н. Телия, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, В.В. Красных и др.) отмечают, что культурная информация кодируется в семантике слова, и таким образом явление культуры оформляясь в языке становится кодом культуры.

В.Н Телия определяет код культуры как «совокупность всех представлений того или иного социума об объектах окружающей действительности, реализующихся во фразеологизмах, паремиях и священных текстах.» [Телия , 1999, 20-21]

Д.Б Гудков и М.Л.Ковшова представляют культурный код как систему знаков духовного и материального мира, которые становятся носителями культурных смыслов

В.А. Маслова и М.В.Пименова определяют культурный код как «совокупность элементов картины мира, в которой объединены природные и культурные объекты, своды ценностей и правил выработанные людьми. Эти элементы отражают коллективную психологию. [Маслова, Пименова , 2016, 16]

По мнению В.В.Красных культурный код представляет «сетку», которую «культура набрасывает на окружающий мир, структурируя и оценивая его» [Красных, 2001, 5]. Коды культуры фиксируют древнейшие представления человека о мире. Исследователь выделяет следующие базовые коды: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный. Между культурными кодами нет жестких границ. К примеру, биоморфный код может обуславливать временной код и наоборот.

В данной статье мы придерживаемся первого определения культурных кодов.

Коды культуры иллюстрируют стереотипные представления лингвокультурного сообщества о различных предметах и явлениях окружающей действительности. Стереотип описывает фрагмент реальности и фиксируется в ментальной картине мира, обнаруживая свое существование в многочисленных фактах культуры, в том числе и в языке.

По нашему мнению, ярче всего культурные коды реализуются в паремиях как наиболее древних пластах лексики, которые отражают опыт и мудрость лингвокультурного сообщества. Автор принимает установку, что паремия не относится к фразеологическому фонду языка. Паремия отличается от фразеологизма тем, что представляет собой полное предложение, обладающее не только эмоционально-экспрессивной окраской, но и способное в дискурсе оказывать влияние на реципиента. К паремиям относятся пословицы, поговорки, загадки.

В данной статье мы рассмотрим стереотипные представления о лошади в английских паремиях с лексемой «horse». В английских пословицах и поговорках «лошадь» предстает как:

- 1) вид транспорта / средство достижения цели

Don't swap horses in midstream – Коней на переправе не меняют.

If two ride on a horse, one must ride behind – Когда двое едут на лошади, то одному всегда приходится сидеть позади. Если несколько человек ведут дело, только один из них занимает ведущую позицию.

Zeal without knowledge is a runaway horse – Рвение без знания все равно, что лошадь, закусившая удила. Рвенье без ученья — не польза, а беда.

2) имущество/богатство

Don't shut the barn door after the horse is stolen. – Не закрывайте дверь сарая после того, как лошадь украдена. Поздно предпринимать какие-то действия, если нежелательная ситуация уже свершилась. Русский эквивалент – после драки кулаками не машут.

Give a beggar a horse and he'll ride it to death – Дай нищему лошадь и он объездит ее до смерти. Люди, которые внезапно приобретают богатство или власть, скорее всего, злоупотребят этими благами

Never look a gift horse in the mouth – Дареному коню в зубы не смотрят. Принимать подарок нужно с благодарностью.

Back the wrong horse – Сделать ставку не на ту лошадь, просчитаться. Идиоматическое выражение из мира скачек.

3) метафора для описания человека

Every horse thinks its own pack heaviest – Каждая лошадь считает свой собственный выюк самым тяжелым. Каждый человек думает что его проблемы важнее чем у других.

A good horse cannot be of a bad color.

Хорошая лошадь не может быть плохой масти. Отдельные недостатки не умоляют достоинств.

A horse can't pull while kicking – Лошадь не может работать, лягаясь. Это значит, что люди которые не могут подчиняться, не смогут эффективно работать в авторитарной системе.

Horses for courses.

Лошади для скаковых дорожек. Это выражение пришло из мира скачек, г

де все знают, что некоторые лошади всегда выступают лучше на определённых треках, скаковых кругах, ипподромах. Это высказывание означает, что каждый должен заниматься своим делом

The man who is born in a stable is not a horse – Человек, который родился в конюшне, не лошадь. Происхождение человека не отражает его характер и способности.

A man without a religion is a horse without a bridle – Человек без религии, что лошадь без узды. Религия помогает вести человека по жизни и контролировать его поведение.

A nod's as good as a wink to a blind horse. Дословный перевод: Слепому коню что кивай, что подмигивай. Русский аналог: Что в лоб, что по лбу.

The willing horse carries the load – Кто везет на того и накладывают. Безотказным человеком легко пользоваться.

It's a good horse that never stumbles - Хороша та лошадь, которая никогда не спотыкается. Смысл: не бывает лошади, которая иногда бы не спотыкалась. Каждый порой ошибается.

You can lead a horse to water, but you can't make him drink – Можно пригнать коня на водопой, но пить его не заставишь. Можно помочь человеку, предоставить ему шанс, но нельзя заставить его сделать что-то силой.

В большинстве представленных паремий лошадь предстает как образное описание человека в его связи с трудовой деятельностью. Образ лошади многогранен в английской лингвокультуре. Лошадь представляется не только как рабочая сила, но и как символ богатства, желаемое имущество, транспорт и средство достижения цели.

Дальнейший анализ паремий поможет выявить механизмы концептуализации культурных представлений и раскрыть особенности репрезентации культурных кодов в паремиологических единицах.

Список литературы:

1. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. 2004. № 26. С. 39-50.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с.
3. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. № 19. С. 5-21.
4. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, 2016. 180 с.
5. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.
6. Martin H. Manser - The Facts On File Dictionary of Proverbs. – Martin Manser; associate editor, Rosalind Fergusson. David Pickering. Second edition – 2007, 513.
7. Speake, J. Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. – New York: Oxford University Press, 2008. – 388 p.

Сведения об авторе:

Дворянинова Карина Андреевна; karinadvoryaninova@gmail.com; +7 920 084 88 28

Dvoryaninova Karina Andreyevna , a postgraduate student of Orel State University named after I.S. Turgenev.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ПОСОБИЯ ПО ПИСЬМЕННОМУ И УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

Новиков А.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросу составления единого пособия по письменному и устному техническому переводу. В данной статье будут рассмотрены проблемы уже существующих пособий по техническому переводу, а также будет кратко представлена структура проекта возможного пособия по техническому переводу, содержащая краткое описание разделов пособия и включенных в него упражнений.

Ключевые слова: технический перевод, пособие, методика обучения переводу, аутентичные тексты, термин.

Abstract: This article is devoted to the issues of compiling an integrated textbook for written and oral technical translation. This article will address the issues of existing technical translation textbooks, and also briefly outline the structure of the draft of the technical translation textbook, containing a brief description of the sections of the textbook and exercises included in it.

Key words: technical translation, textbook, translation teaching methodology, authentic texts, term.

Вопросы разработки методики обучения студентов-переводчиков техническому переводу являются одними из самых сложных и требуют тщательной проработки. В XX веке такие ученые-лингвисты, исследующие проблемы и вопросы методики обучения переводу, как В.Н. Комиссаров [1], Я.И. Рецкер [2], В.В. Сдобников [3], О.В. Петрова [3] и другие, анализировали недостатки существующих методик обучения переводу, разрабатывали новые подходы и рекомендации по их совершенствованию.

Профессионализм преподавателя играет важную роль в обучении будущих переводчиков. Тем не менее, даже очень опытному преподавателю перевода довольно непросто обходиться на занятиях без современного, хорошо

структурированного пособия по обучению переводу, в особенности, если речь идет о специальном переводе.

Если говорить непосредственно о предмете этой статьи – техническом переводе, то следует отметить, что в настоящее время нелегко найти пособие по техническому переводу, которое бы содержало релевантные для нашего времени аутентичные материалы. В первую очередь, под аутентичными материалами понимаются тексты, отражающие современный технический прогресс, то есть содержание которых связано с наиболее востребованными отраслями техники на данном этапе технического и технологического развития.

Разрабатывая проект единого пособия по техническому переводу, за основу были взяты два уже существующих и широко применяющихся в обучении студентов пособия по данному виду специального перевода: «Учебник технического перевода, английский язык» В.П. Смекаева [5] и «Практикум по техническому переводу английского языка» А.В. Селяева и В.В. Сдобникова [4]. Внимательно изучив эти пособия по техническому переводу, мы выделили ряд принципов, по которым эти пособия выстроены.

- Принцип градуальной организации материала пособия, то есть подача материала происходит от простого к сложному.

- Принцип использования аутентичных материалов, то есть тексты для перевода не подвергаются никакой адаптации и включаются в пособие в оригинальном виде.

- Принцип выбора наиболее релевантных тем для каждого блока пособия. Выбирались тексты, отражающие современный технический прогресс, то есть содержание которых связано с наиболее востребованными отраслями техники на данном этапе технического и технологического развития.

- Принцип подбора текстов, разработки лексических и грамматических упражнений с учетом уровня знаний английского языка, освоенного студентами в период обучения на бакалавриате факультета иностранных языков, а также фоновых знаний по физике, химии и другим предметам из школьной программы.

- Принцип возможности изучения материала как в аудитории с преподавателем, так и самостоятельно. В пособии содержатся задания, специально рассчитанные на самостоятельное выполнение учащимися. Эти задания предполагают работу со словарями общего назначения, словарями технических терминов, а также поиск дополнительной информации по предмету занятия и составления собственного глоссария технических терминов.

- Принцип наглядности в обозначении релевантного лексического материала и его использование в контексте. Вся лексика в пособии дается только с привязкой к конкретному контексту, чтобы дать возможность учащимся понять область и случаи ее применения.

- Принцип гибкости использования пособия. Составленное пособие может быть использовано как для студентов лингвистических факультетов, так и для студентов, обучающихся по техническим направлениям подготовки, имеющих определенную базу знаний по английскому языку.

Изучая и пособие В.П. Смекаева [5], и пособие А.В. Селяева и В.В. Сдобникова [4], мы обратили внимание на годы их издания. Оба пособия были изданы в начале 2000-х годов, то есть практически двадцать лет назад. Необходимо отметить, что в этот период произошли большие изменения в области науки и техники. Было развито много новых направлений в технике и изобретено большое количество инноваций, требующих отражения в текстах пособия по техническому переводу. Кроме этого, некоторые области, которым уделено внимание в существующих пособиях, ушли на второй план, так как в наше время большей популярностью пользуются такие, относительно новые, специальности, как электроника и IT технологии. Тем не менее, такие разделы, представленные в пособии В.П. Смекаева [5], как, например, электрика, переработка сырой нефти и ядерная энергетика остаются релевантными и в наши дни. Некоторые разделы, например, автомобилестроение, представлены в виде текстов, содержащих информацию, широко востребованную двадцать лет назад. Следовательно, необходимо обновить информацию в таких разделах, а

также подобрать те тексты для перевода, которые бы соответствовали техническому прогрессу на сегодняшний день.

Итак, разрабатывая наше собственное пособие, было решено включить следующие, на наш взгляд, наиболее релевантные направления технического перевода: 1. Инструменты и промышленное оборудование – Hand tools and industrial equipment; 2. Электрика – Electrics; 3. Электроника – Electronics; 4. IT технологии – IT Technologies; 5. Инструкции – Manuals; 6. Медтехника – Medical Engineering; 7. Автомобилестроение – Motor-Vehicle Industry (MVI); 8. Нефтепереработка – Oil Refinery; 9. Ядерная энергетика – Nuclear Engineering.

Важным является тот факт, что во всех пособиях, которые широко используются преподавателями для обучения студентов-переводчиков сейчас, акцент преимущественно делается на упражнениях, предназначенных для тренировки письменного перевода, и полностью отсутствуют упражнения на устный перевод. Необходимо отметить, что два вышеперечисленных пособия также сосредоточены главным образом на письменном переводе. Следовательно, все упражнения после текстов ориентированы на формирование навыков письменного перевода. В связи с этим, в каждый раздел нашего пособия мы решили включить упражнения для тренировки навыков, необходимых для устного перевода. Таким образом, структура каждого раздела в нашем пособии выглядит следующим образом:

1. Технический текст на английском языке;
2. Глоссарий с необходимой терминологией для облегчения понимания текста;
3. Работа с лексикой и словарями:
 - а) Нахождение русских эквивалентов техническим терминам английского языка;
 - б) Поиск русских эквивалентов для английских аббревиатур, обозначающих некие технические понятия;
 - в) Выполнение задания на подстановку необходимого термина в пропуски текста;

4. Задания для тренировки письменного технического перевода:

- а) Перевод отдельных предложений с английского языка на русский;
- б) Перевод отдельных предложений с русского языка на английский;
- в) Перевод связного текста с английского языка на русский;
- г) Перевод связного текста с русского языка на английский;

5. Задания для тренировки устного технического перевода:

- а) Задание на устный перевод технических терминов на скорость;
- б) Устный перевод на уровне отдельных предложений;
- в) Устный перевод на уровне абзацев;
- г) Задание на тренировку последовательного перевода;
- д) Задание на тренировку двустороннего перевода.

Данное пособие предназначено для студентов 1-2 курса магистратуры, так как предполагается, что они должны обладать высоким уровнем знаний по иностранному языку, в среднем уровне С1, а также владеть переводческими трансформациями, с которыми студенты должны были ознакомиться на бакалавриате, в ходе изучения курсов общей и частной теорий перевода, чтобы верно передавать смысл технического текста, что является главным приоритетом в техническом переводе. Пособие рассчитано на три семестра, по 144 часа на каждый, из которых 2 часа отведены на зачетные формы контроля по письменному и устному переводу. Отведенное количество часов обусловлено большим количеством материала, содержащимся в пособии.

Таким образом, пособие четко структурировано, каждый раздел содержит соответствующие требованиям тексты и упражнения, что делает его удобным для использования в преподавании дисциплины «Практикум по техническому переводу». Данное пособие помогает не только обучать навыкам как письменного, так и устного перевода, но и отрабатывать и закреплять технический вокабуляр с последующим выводом его в речь.

Список литературы

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. Издание 2-е, исправленное. — М.: Р. Валент, 2011. — 408 с.

2. Рецкер Я. И. Основные этапы подготовки переводчика (Из опыта преподавателя перевода с английского языка) / Я. И. Рецкер. // Тетради переводчика. Москва: Издательство «Международные отношения», 1967. — С. 63–76.

3. Сдобников В. В., Петрова О. В. О зелёном соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова // Журнал переводчиков «Мосты» № 1 (33) 2012. — С. 69–76.

4. Селяев А.В., Сдобников В.В. Практикум по техническому переводу английского языка. Часть I: Машиностроение, автомобилестроение и металлообработка. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2000. – 76 с.

5. Смекаев В. П. Учебник технического перевода (английский язык). Н. Новгород: НГЛУ им Н.А. Добролюбова, Вектор ТиС, 2006. — 316 с.

Сведения об авторе:

Новиков Артем Владимирович, аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; artemnovikov57@yandex.ru, +79192670199.

Novikov Artem Vladimirovich, postgraduate, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st. 95, Oryol, 302028, Russian Federation; artemnovikov57@yandex.ru, +79192670199.

КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В США В ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧАХ Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА

Пакус В.О.

Южный Федеральный Университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: Актуальность работы обусловлена потребностью в изучении контрастной репрезентации экологической ситуации как составляющей образа страны в официальном и оппозиционном политических дискурсах. Цель данного исследования состоит в изучении языковых средств, используемых для контрастной репрезентации экологической ситуации в США в выступлениях президента США Д. Трампа и его политического соперника Дж. Байдена в предвыборной гонке 2020 г.

Ключевые слова: политика, официальный политический дискурс, оппозиционный дискурс, образ, экологическая ситуация.

Abstract: The relevance of the work is due to the need to study the contrasting representation of the environmental situation as a component of the image of the country in the official and opposition political discourses. The purpose of this study is to study the language tools used for contrasting representation of the environmental situation in the United States in the speeches of US President D. Trump and his political rival J. Biden in the 2020 election race

Keywords: politics, official political discourse, opposition discourse, image, environmental situation.

Политика – одна из самых значимых сфер человеческой жизни. Оказывая влияние на жизнь общества в целом, она не может не влиять и на жизнь отдельно взятого индивида. Целями политики являются захват, удержание и осуществление государственной власти. Существует множество способов достижения данных целей, и один из них – создание образов государств как чужих, так и своего собственного.

Образ – спонтанно формируемое мнение о том или ином явлении действительности [2, с. 12-13]. Образ государства может быть выстроен на основе объективных характеристик, как, например, геополитические параметры, природный ресурсный потенциал, и субъективных – морально-нравственные аспекты развития и социально-психологические настроения общества [1. с. 200-202]. Наряду с учётом природно-ресурсного потенциала для создания образа государства особое значение имеет описание существующих в этом государстве проблем с экологией, поскольку параметр «отношение человека к природе», отмечаемый антропологами Ф. Клуххоном и Ф. Шродбеком [3] является одним из основных при характеристике того или иного общества.

Образы государств формируются прежде всего в политическом дискурсе. Кроме политического дискурса официальной власти, существует также и дискурс оппозиции или оппозиционный дискурс. Несмотря на то, что представители официальной власти и оппозиции солидарны в некоторых вопросах, они всегда находятся в конфликте. Именно это служит причиной тому, что в ходе дискурсивных практик они часто формируют два полностью противоположных образа одной страны, в том числе по-разному описывая экологическую ситуацию. Актуальность работы обусловлена потребностью в изучении контрастной репрезентации экологической ситуации как составляющей образа страны в официальном и оппозиционном политических дискурсах. Цель данного исследования состоит в изучении языковых средств, используемых для контрастной репрезентации экологической ситуации в США в выступлениях президента США Д. Трампа и его политического соперника Дж. Байдена в предвыборной гонке 2020 г.

Д. Трамп в своих выступлениях не только отрицал наличие экологических проблем, но и оценивал состояние окружающей среды в период своего нахождения у власти как более чем удовлетворительное:

(1) "I'm *committed* to ensuring the United States has *the... cleanest water* on Earth" (D. Trump, 2020, October 12. US election 2020: What is Trump's record on the environment?).

(2) "Right now we have *the cleanest air* we've ever had in this country, let's say over the last 40 years" (D. Trump, 2020, October 12. US election 2020: What is Trump's record on the environment?).

Как мы видим, Д. Трамп использует прилагательные в превосходной степени, которые призваны усилить положительную оценку состояния экологии. Кроме того, в примере (1) действующий президент выражает свою убеждённость в улучшении состояния окружающей среды с помощью глагола *committed*, а в примере (2) подчёркивает, что при его правлении уже были достигнуты значительные результаты.

Д. Трамп также уделяет внимание и тому, как влияет на окружающую среду деятельность человека. Так, в нижеприведённом примере, он подчёркивает, опять-таки используя прилагательное в превосходной степени, что на сегодняшний день США имеет самый низкий показатель выбросов углерода в мире. Это достижение он высоко оценивает с помощью наречия *phenomenally*, имеющего в структуре значения семы «исключительность», «экстраординарность»:

(3) «I want crystal clean water and air, we now have *the lowest carbon* ... if you look at our numbers now we are doing *phenomenally*» (D. Trump, 2020, September 30. The First 2020 Presidential Debate)

Дж. Байден же, напротив, затрагивая тему экологии в своих выступлениях, говорит о её очень плохом состоянии, которое, по его мнению, вызвано бездействием американцев и действующей власти:

(4) "With every bout with nature's fury, caused by our own *inaction* on climate change, more Americans see and feel the *devastation* in big cities, small towns, on coastlines and farmlands" (J. Biden, 2020, September 14. Remarks by Vice President Joe Biden in Wilmington, Delaware on Climate Change).

В своих речах Дж. Байден часто использует слова с негативной коннотацией, в том числе с семой «угроза» в структурах их значений, что позволяет ему создавать яркий образ нынешнего состояния экологии, находящейся, по его мнению, в катастрофическом состоянии и требующей пристального контроля. Используя индивидуально-авторские антонимы *hyperbole – real*, он подчёркивает реальность угрозы, нависшей над страной:

(5) «Climate change is ***the existential threat*** to humanity. Unchecked, it is going to actually bake this planet. This is ***not hyperbole***. It's ***real***. And we have a moral obligation» (J. Biden, 2020, October 22. The Final Presidential Debate).

В следующем примере Дж. Байден задаёт риторические вопросы для привлечения внимания аудитории к проблеме. Кроме того, для актуализации негативной информации, которая описывает многочисленные природные катаклизмы, являющиеся результатом индифферентного отношения администрации Д. Трампа к климатическим проблемам, используются параллельные конструкции.

(6) «You know what's actually threatening our suburbs? ***Wildfires are burning*** the suburbs in the West. ***Floods are wiping*** out suburban neighborhoods in the Midwest. ***Hurricanes are imperiling*** suburban life along our coast. If we have four more years of Trump's climate denial, how many suburbs will be burned in wildfires? How many suburban neighborhoods will have been flooded out? How many suburbs will have been blown away in super storms?» (J. Biden, 2020, September 14. Speech by Vice President Joe Biden in Wilmington, Delaware).

Таким образом, Д. Трамп и Дж. Байден рисуют две контрастные экологические ситуации в США, делая это в политических целях. Прекрасная ситуация в речах Дж. Трампа призвана создавать образ процветающей во время его президентства страны. Катастрофическая ситуация в выступлениях Дж. Байдена наоборот создаёт образ страны, находящейся в тяжёлом положении из-за неправильных действий или бездействия правящей партии. Репрезентация обеих ситуации оказывается яркой и эмоционально-насыщенной за счёт использования превосходных степеней прилагательных, слов с негативными

коннотациями, оценочных наречий, риторических вопросов и параллельных конструкций.

Список литературы:

1. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. 446 с.
2. Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.
3. Kluchohn F., Strodtbeck F. Variations in Value Orientations. New York: Row Peterson, 1960.

Сведения об авторе:

Пакус Виктория Олеговна; аспирант, научный руководитель – Боева-Омелечко Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, Южный Федеральный Университет, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; vpakusv@gmail.com; +79185557588

Pakus Victoria Olegovna; postgraduate student, scientific supervisor-Natalia Borisovna Bueva-Omelechko, Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; vpakusv@gmail.com; +79185557588

**DEFINITIONS IN SPECIFYING DOMAINS IN ENGLISH BUSINESS
PHRASEOLOGY**

Волкова С.А.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и

Н.Г. Столетовых

г. Владимир, Россия

Аннотация: Данная работа посвящена выявлению распространенных доменов в английской бизнес-фразеологии. В статье рассмотрены примеры фразеологизмов из таких сфер как: финансы, коммерция, страхование и маркетинг.

Ключевые слова: бизнес-термины, фразеология, финансы, коммерция, страхование, маркетинг.

Abstract: This work is devoted to search of most popular domains in English business phraseology. The paper exemplifies phraseological units from such spheres as finance, commerce, insurance and marketing.

Key words: business terminology, phraseology, finance, commerce, insurance, marketing.

Every day the demand for knowledge of business English increases, as it becomes an integral element in communication for many specialists in various fields of human activities [6; 4, p.30]. The study of English phraseology gives one a chance to take a step into the professional and business sphere, the sphere of employment not only in this country, but also abroad [5, p.74].

Business terminology unites various spheres of business activities into a single business space [7, p.33]. The expansion of the terminology base takes place to a variety of sources [3, p.114]. Such sources include language situations that occur both inside the business discourse (for example, business conversations and negotiations,

telephone communication, business correspondence, documentation, presentation of goods and services, mass media focused on the business community) and outside its borders (language situations of other types of discourse, for example, the discourse of general English).

People who speak different languages look at and perceive the surrounding world differently, so different companies need trained specialists who can adequately translate phraseological units, i.e. stable combinations of words with a full or partial shift of meaning [1, p.210]. Besides especial attention is to be paid to differentiation of business phraseology and phraseomatics [2, p.94].

Analysis of domains is the urgent issue in business phraseology. To find out the PU-term domains, the method of definitions was used. The study of Oxford Business English Dictionary for learners of English (Parkinson, Noble 2005) reveals a number of domains embracing business terms of phraseological nature under their umbrella. In the course of structural and semantic analysis we found out the following domains: Accounting, Banking, Commerce, Economics, Finance, Insurance, Law, Marketing, Property, Stock Exchange, Trade, Technology, Transport, etc. Among them the most representative are the following ones:

(a) **Finance:** cheap money – money easily available on loan and at low rate of interest; angel investor – a private person who invests their own money in a project <...>; *Marginal projects financed from **cheap money** have become a financial burden for many companies; The company raised \$2.1 million in August 2013 from a group of venture capitalists and **angel investors**.*

(b) **Commerce:** dump bin – a large box placed in a shop to hold goods, especially those at a reduced price; to be under the hammer – to be sold at an auction; *We design and manufacture point of sale products: window displays, lighting, **dump bins**, and signage; The belts went **under the hammer** in a Sotheby's auction in Canterbury fetching forty-two thousand pounds.*

(c) **Insurance:** blanket cover – a form of insurance that covers all items insured against all losses or accidents; act of God – an unexpected or unavoidable event <...> mentioned in some insurance contracts as a cause of loss or damage; *But*

*the Government was not keen to give **blanket cover** on the mainland; The rebuilding or reinstating is prevented by war **act of God**, government action strike lock-outro any other circumstances beyond the control of the Landlord.*

(d) **Marketing:** business gift – a small item that a company gives free to people in order to advertise itself; WOW factor – the ability of a product to make people feel surprised and impressed when they see/ use it for the first time; *The **business gift** sector is characterised by seasonal demand, and it is estimated that 80 percent of this business is conducted in the last two months of every year; The **WOW factor** of this house is the amazing kitchen.*

The analysis shows that 24% of the set phrases given in the dictionary under study belong to the sphere of phraseology.

When studying any foreign language, it is very important to obtain knowledge of its business phraseology, terminology, in order to enable oneself to make use various terms in professional speech and to be understood.

References

1. Кунин А.В. Английская фразеология. М.: Высш. шк., 1970. 344 с.
2. Федуленкова Т.Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 4. С. 94-101.
3. Федуленкова Т.Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3(96). С. 114-125.
4. Федуленкова Т.Н. Структурно-компонентное наполнение субстантивной модели английского делового ФЕ-термина / Т.Н. Федуленкова, А.С. Мальшева // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15. Вып. 3(45). С. 30-40.

5. Fedulenkova T.N. Pragmatic functions of modern English phraseology // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5. №2. С. 74-83.

6. Fedulenkova T.N. Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes // Proceedings of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019) / ed. by Caitriona Kirby and Larisa Shchipitsina. [Electronic Resource]. Parts of series ASSEHR, vol. 360. Paris, Amsterdam: Atlantis Press, 2019. Accessed: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/emssese-19/publishing>.

7. Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes // Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (ed.). Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. Pp. 33-57.

Сведения об авторе:

Волкова София Алексеевна; студентка третьего курса направления «Лингвистика» Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600005, Российская Федерация, Владимир, ул. Университетская, д.3; sv.sofi12@gmail.com; +79046521493.

Volkova Sophia Alekseevna; third-year student of the Linguistics department in the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600005, Russia, Vladimir, St. Universitetskaya, 3; sv.sofi12@gmail.com; +79046521493.

BE-TERMS IN BANKING PHRASEOLOGY OF ENGLISH

Валуева А.В., Скотникова А.Д.

Владимирский государственный университет

имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

г. Владимир, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена общему анализу фразеологических единиц британского английского в английской банковской фразеологии. В статье рассмотрены основные структурные модели и типы переосмысления компонентов таких ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), тип переосмысления, структурная модель, словарь, банковская фразеология.

Abstract. The article is dedicated to the general analysis of phraseological units of British English in banking phraseology. The article includes information about main structural models and types of reinterpretation of the components of such FE.

Keywords: Phraseological Unit (PhU), type of meaning transference, model, dictionary, banking phraseology.

During the last decade there were several changes in the study of phraseology [5]. Nowadays we are able to use different resources, helping to observe the way all kinds of phraseological units are used in various contexts, which makes the researches more absorbing and detailed. Phraseology is also connected to some other scientific fields which enables scientists to expand fields of their interest. That is why nowadays studying phraseology is one of the most interesting and promising subfields of linguistics.

The research is dedicated to the studies British English-terms in banking phraseology of English. The aim of our research is the study and analysis of two-component banking English phraseology fixed in the Barron's Dictionary of Banking Terms (2006) to find out their shift of meaning and actual structure [3; 6]. The

extraction of the language units from the Dictionary was made on the basis of the method of phraseological identification that was proposed by Alexander V. Kunin [2, p.48] and developed by his disciples (N. Sidiyakova, A. Voronina, A. Naciscione, T. Fedulenkova, and others) [4, p.70].

All phraseological units found in the dictionary can be subdivided in two groups: PU-terms with the partial meaning transference and PU-terms with the full meaning transference.

Phraseological terms with the partial meaning transference are as follows:

1) **depressed area** – an area in a large city or a part of a country where houses and other buildings are in a bad condition, the level of unemployment is high, and a lot of people are poor: *Local councils are obliged to allocate 15% of council housing to people from depressed areas;*

2) **shelf company** – a company that has already been legally formed, but is not active and can be bought by people who want to start a business quickly: *You will have to decide if a new company should be formed or if a shelf company will be enough;*

3) **clean opinion** – good report that is given about a company's finances by someone who has officially checked them: *The accountancy firm issues a clean opinion of the company's financial condition.*

Phraseological terms with the full meaning transference are as follows:

1) **dawn raid** – when a company suddenly buys a large number of shares in another company at the start of trading on a stock exchange, in an attempt to get control of it: *A dawn raid gives the board of the target company little time to react or advise its shareholders;*

2) **discount window** – in the US, a time when banks can borrow from the US central bank at special low rates of interest: *Some big New York banks are expected to borrow needed funds at the Fed's discount window instead of through the market;*

3) **empty nesters** – couple whose children have left home. Marketers see them as a group ready to buy certain types of things such as smaller houses, particular

types of holidays etc.: *Married couples without children, including 'empty nesters' as well as newly-married partners, form the largest single group of households at 36% of the total.*

By means of structural analysis we find out some most frequent structural PU-term models. The first model is a two-component model consisting of two nouns, in other words, substantive-structural model: *balloon payment, window dressing, basket case*. The second model is a two-component adjectival-substantive structural model: *broad money, black hole, exotic currency, hot card, gold certificate*. The phraseological units belonging to the third model consists of participle-1 and noun: *casting vote, leading edge, trading floor, crawling peg*. The next construction is the structural model consisting of participle-2 and noun: *classified advertisement, depressed area, unlimited company*. The last model, we found out, is the structural model of the phraseological units, where the first component is a complex noun and the second one is a noun: *sweetheart deal, framework agreement, front-end load, greenfield project*.

The nearest prospect of the research is the analysis of dictionary definitions that serve to differentiate the types of meaning transference in the components of the phraseological terms.

It is also very important to mention that studying the structure of phraseological units with different levels of meaning transference is considered to be one of the most urgent problems of modern linguistics. We hope that the result of our analysis will be useful while compiling a typological passport of phraseology of a concrete language, the idea of which was suggested by the outstanding linguist and typologist of the XX century Vladimir D. Arakin [1, p.35] and which only now finds its passionate followers.

References

1. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада. М.: МГПИ, 1983. 38 с.

2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
3. Федуленкова Т.Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3(96). С. 114-125.
4. Федуленкова Т.Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N4. С. 70-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7. Accessed: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/2232/>.
5. Федуленкова Т.Н., Спицына Н.Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2020. № 1. С. 5-13. Accessed: <http://donnu.ru/vestnikD/archive>.
6. Федуленкова Т.Н., Спицына Н.Н. Базовые модели англоязычной деловой фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 202-206. Accessed: <https://www.gramota.net/editions/2.html>.

Сведения об авторах:

Валуева Анастасия Владимировна, студентка третьего курса направления «Лингвистика», Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, valueva.nastya231@mail.ru; + 7 915 773 31 16.

Скотникова Алиса Дмитриевна, студентка третьего курса направления «Лингвистика», Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, alisa.skotnikova@gmail.com; +7 903 833 44 51.

Valueva Anastasia Vladimirovna; third-year student of the Linguistics department in the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs,

600005, Russia, Vladimir, St. Universitetskaya, 3; valueva.nastya231@mail.ru; + 7 915 773 31 16.

Skotnikova Alisa Dmitrievna; third-year student of the Linguistics department in the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600005, Russia, Vladimir, St. Universitetskaya, 3; alisa.skotnikova@gmail.com; + 7 903 833 44 51.

УДК 811.111:81'373.72

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ФРАЗЕОЛОГИИ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Иванова А.В.

Владимирский государственный университет имени Столетовых

г. Владимир, Россия

Проконина Н.И.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Данная работа посвящена выявлению распространенных грамматических моделей в английской бизнес-фразеологии.

Ключевые слова: современный английский язык, деловая терминология, фразеология, двухкомпонентные структуры.

Abstract: This work is devoted to search of most wide-spread grammatical patterns in English business phraseology.

Key words: modern English, business terminology, phraseology, two-component structures.

Изучение структуры фразеологии делового характера диктуется прагматической и коммуникативной востребованностью делового языка в современном мире [6]. Более того, выявление структурных моделей ФЕ-

терминов и их классификация обоснованы необходимостью установления номенклатуры фразеологической терминологии делового дискурса английского языка.

Объект исследования – две с половиной сотни терминов делового английского языка с переосмыслением значения, т.е. фразеологизмов [4, с. 94-101], извлеченных посредством метода фразеологической идентификации [3] из современных толковых словарей деловой лексики.

Фразеологический, компонентно-структурный и количественный анализ избранных для исследования двухкомпонентных ФЕ-терминов [5] позволил выявить более десятка грамматических, или одномерных, моделей [7]. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Модель 1. N + N – двухкомпонентная субстантивно-субстантивная грамматическая модель с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов [3]. Данная структура составляет 52% изучаемых ФЕ-терминов. Например, *cash mountain/pile* (букв. денежная гора) FINANCE – деньги, которые компания может потратить, например, на покупку других компаний, или отдать акционерам; *straw poll* («соломенный» опрос) – когда людей спрашивают их мнение о чем-либо в неформальной и неофициальной форме; *buzz marketing* (букв. жужжащий маркетинг) – маркетинг, в котором компания убеждает небольшую группу людей, которые много знают о товаре, рассказать другим людям о его преимуществах, чтобы те заинтересовались им и захотели его купить; и др.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

The group's cash mountain has shrunk. – «Денежная гора» группы резко сократилась.

A quick straw poll of delegates revealed that most would prefer a longer conference. – Беглый неформальный опрос делегатов показал, что большинство предпочло бы более длительную конференцию.

Buzz marketing is not new, but Internet technology has changed the way in which companies use it. – Сарафанный маркетинг не нов, но интернет-технологии изменили способ его применения.

Данная модель допускает наличие вариантности компонентов, не нарушающей тождества ФЕ-термина: *boiler room/shop, shadow market/economy, glass ceiling/wall.*

Модель 2. Adj + N – двухкомпонентная адъективно-субстантивная грамматическая модель с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов. Данная структура составляет 38% изучаемых ФЕ-терминов. Например, *affirmative action* (букв. позитивное действие) HUMAN RESOURCES – ситуация, когда работодатели предоставляют рабочие места или другие возможности людям, к которым обычно относятся несправедливо из-за их расы, пола и т. д.; *blue chip* (букв. голубая фишка) – доля в хорошо управляемой, успешной компании с продолжительным опытом работы с акционерами в разных экономических условиях; *soft landing* (букв. мягкая посадка) ECONOMICS – ситуация, когда экономика замедляется после периода быстрого роста, но не переходит в рецессию; и др.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

The conference is aimed primarily at public and private sector full-time trade union officials and senior lay trade union representatives. The central theme will be the active role to be played by trade unionists in working for the promotion of employment equality and affirmative action. – Конференция ориентирована в первую очередь на штатных представителей профсоюзов государственного и частного секторов и старших представителей неофициальных профсоюзов. Центральной темой будет активная роль профсоюзов в работе по продвижению равенства в сфере занятости и позитивных действий.

Wall Street closed Thursday with blue chips falling and technology stocks managing a slight gain. – Фондовая площадка Уолл-стрит закрылась в четверг из-за падения голубых фишек и незначительного роста технологических акций.

*The Fed attempted to manage an economic **soft landing** by gradually lowering interest rates.* – Центральный банк США попытался организовать мягкую экономическую посадку, постепенно снижая процентные ставки.

Данная модель допускает наличие вариантности компонентов, не нарушающей тождества ФЕ-термина: *cold/blind call, psychic/psych income, dear/tight money.*

Модель 3. Participle I + N – двухкомпонентная причастно-субстантивная грамматическая модель с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов. Данная структура составляет 10% изучаемых ФЕ-терминов. Например, *lagging indicator* (букв. запаздывающий индикатор) – такой индикатор, который следует только за тем, что произошло в экономике недавно; *leading edge* (букв. передовой край) – область деятельности, в которой используются самые современные и передовые методы и оборудование; *creeping takeover* (букв. ползучее поглощение) – поглощение, которое подразумевает постепенную скупку акций компании у разных акционеров до тех пор, пока у скупщика не будет достаточно акций, чтобы взять компанию под свой контроль, вместо того, чтобы скупать у всех акционеров фиксированное количество акций по фиксированной цене; и др.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

*Employment is a **lagging indicator** of economic strength because many companies don't cut their work forces until they are certain that conditions require it.*

– Занятость – запаздывающий индикатор экономической мощи, т. к. многие компании не сокращают свою рабочую силу, пока не будут уверены, что этого требуют условия.

*Software companies are on the **leading edge** of technology in very competitive markets.* – Компании-разработчики программного обеспечения находятся на передовом крае технологий высококонкурентных рынков.

*The company has denied it is plotting a **creeping takeover**.* – Компания отрицает, что строит планы ползучего поглощения.

Данная модель допускает наличие вариантности компонентов, не нарушающей тождества ФЕ-термина: *crawling/sliding peg*, *gagging/gag clause*, *floating/open insurance*.

Выводы. Наиболее распространенные грамматические модели в деловой фразеологии современного английского языка представлены двухкомпонентными структурами по схеме «адьюнкт + ядро» (термин В.Д. Аракина [1, с. 149]). Характерной чертой этих структур является лексическая вариантность, не нарушающая тождества ФЕ-термина [2].

Список литературы

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. 259 с.
2. Игнатович Я.П., Федуленкова Т.Н. Вариант фразеологической единицы как показатель ее тождества (на материале фразеологии с компонентом – глаголом отчуждения) // Язык и культура. 2017. № 37. С. 35-47. DOI: 10.17223/19996195/37/3.
3. Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. М.: ВШ, 1970. 344 с.
4. Федуленкова Т.Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 4. С. 94-101. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.4.
5. Федуленкова Т.Н. Анализ вариантности двухкомпонентной английской фразеологии с глаголом *have* // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. №1. С. 52-61
6. Федуленкова Т.Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3(96). С. 114-125.

7. Федуленкова Т.Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 4. С. 70-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7. Accessed: <http://rllinguistics.ru/journal/annotation/2232/>.

Сведения об авторах:

Иванова Александра Викторовна; студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600005, Российская Федерация, Владимир, ул. Университетская, д.3; sandralikeis54@gmail.com; +79961902205.

Ivanova Aleksandra Viktorovna; student of the Humanitarian Institute at the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600005, Russia, Vladimir, St. Universitetskaya, 3; sandralikeis54@gmail.com; +79961902205.

Проконина Наталья Игоревна, старший преподаватель кафедры английской филологии института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; prokoninanatalie@mail.ru.

Prokonina Natalia Igorevna, Senior Lecturer of the Department of English Philology of the Institute of Foreign Languages, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, the Russian Federation; prokoninanatalie@mail.ru.

**НЕРАСПРОСТРАНЕННЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ В
АНГЛИЙСКОЙ ФЕ-ТЕРМИНОЛОГИИ**

Иванова А.В.

*Владимирский государственный университет имени Столетовых
г. Владимир, Россия*

Аннотация: Данная работа посвящена выявлению нераспространенных структурных моделей в английской бизнес-фразеологии.

Ключевые слова: современный английский язык, деловая терминология, фразеологические единицы, двухкомпонентные структуры.

Abstract: This work is devoted to search of non-spread structural patterns in English business phraseology.

Key words: modern English, business terminology, phraseological units, two-component structures.

Востребованность деловой фразеологии в наше время – это бесспорный аргумент для ее целенаправленного изучения [9]. Одним из перспективных направлений изучения фразеологической терминологии является изучение ее моделированности [1; 7]. Цель данной работы – выявить структурные модели деловой английской ФЕ-терминологии, для которых не характерна распространенность в современном английском языке [8]. Отбор языкового материала для анализа из современных терминологических словарей основан на концепции А.В. Кунина и на предложенном ученым методе фразеологической идентификации [3, с.38; 5], а также на использовании методик словарных дефиниций [6, с.94-101].

В ходе исследования выявлены следующие нераспространенные структурные модели в английской бизнес-терминологии.

Модель 1. Participle II + N – двухкомпонентная причастно-субстантивная грамматическая модель с константной и константно-вариантной зависимостью компонентов (см. тж. [4]). Данная структура насчитывает 9 ФЕ-терминов. Например, *depressed area* (букв. депрессивный район) – район в большом городе или части страны, где дома и другие здания находятся в плохом состоянии, уровень безработицы высок, и многие люди бедны; *fallen angel* (букв. падший ангел) *informal FINANCE* – облигация, рейтинг которой при выпуске был очень высок, но впоследствии упал ниже инвестиционного уровня; и др.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

(a) *Local councils are obliged to allocate 15% of council housing to people from depressed areas.* – Местные органы самоуправления обязаны выделять 15% муниципального жилья людям из депрессивных районов.

(б) *Those bonds in recent months have turned into fallen angels, as rating agencies downgrade them.* – За последние месяцы эти облигации превратились в «падших ангелов», так как рейтинговые агентства понизили их стоимость.

ФЕ-термины данной модели допускают наличие вариантности компонентов: *naked/nude contract*, *sweated/sweat labour* (о вариантности в пределах тождества ФЕ см.: [2, с.35-47]).

Модель 2. N + conj + N – двухкомпонентная союзная субстантивно-субстантивная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов. Данная структура насчитывает 8 ФЕ-терминов. Например, *bread and butter* (букв. хлеб насущный) – то, что дает основной доход; *bricks and mortar* (букв. здания) *informal* – сооружения, такие как дома, офисы и фабрики; и др.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

(a) *The paper's bread and butter is reporting local events in a small community.* – Рассказы о событиях в местном сообществе – это хлеб насущный местной газеты.

(б) *The hospital would cost about £37 million in bricks and mortar and another £10 million for equipment.* – Само здание больницы будет стоить около 37 миллионов фунтов стерлингов, и еще 10 миллионов фунтов стерлингов будет стоить оборудование.

Модель 3. Adj + Ncompound – двухкомпонентная адективно-сложно-субстантивная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов. Данная структура насчитывает 2 ФЕ-термина. Например, *golden handcuffs* (букв. золотые наручники) HUMAN RESOURCES – то, что заставляют важных сотрудников оставаться в компании, а не идти работать на конкурента; *golden handshake* (букв. золотое рукопожатие) HUMAN RESOURCES – большая сумма денег, выделяемая старшему сотруднику, когда он или она покидает компанию, особенно по принуждению.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

(a) *Company pensions were the golden handcuffs which chained staff to a company.* – Пособия были «золотыми наручниками», которые приковывали сотрудников к компании.

(б) *200 university lecturers were made redundant with golden handshakes averaging £80,000.* – 200 преподавателей университетов были уволены с «золотыми рукопожатиями» в среднем на 80 000 фунтов стерлингов.

Модель 4. Participle I compound + N – двухкомпонентная сложно-причастно-субстантивная грамматическая модель с константной зависимостью компонентов. Данная структура насчитывает 2 ФЕ-термина. Например, *low-hanging fruit* (букв. низковисящий плод) *informal* – работа, которую легко выполнить, или что-то, что очень легко достичь; *cooling-off period* (букв. период остывания) COMMERCE – период времени, обычно от 10 до 20 дней, в течение которого можно обдумать только что подписанный контракт, и отменить его.

Приведем примеры использования ФЕ-терминов данной модели в контексте:

a) It's not just individuals who are seduced by low-hanging fruit. Companies get sucked into 'get rich quick' schemes too. – Не только отдельные люди соблазняются «низковисящими плодами». Компании тоже втягиваются в схемы быстрого обогащения.

(б) The new Timeshare Act gives you a 14-day cooling-off period, so you can pull out of buying. – Согласно новому Закону о совместной аренде имущества вам предоставляется 14 дней на размышления, так что вы можете отказаться от покупки.

Выводы. Исследование структурных моделей современной деловой терминологии фразеологического характера показывает, что к нераспространенным в английском языке структурам можно отнести конструкции, состоящие из следующих компонентов: 1) Participle II + N, 2) N + conj + N, 3) Adj + Ncompound, 4) Participle I compound + N. Результаты работы могут быть полезны в сопоставительных исследованиях ФЕ-терминологии.

Список литературы

1. Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Формы, значения и категории языковых и речевых структур // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 1. С. 135-139.
2. Игнатович Я.П., Федуленкова Т.Н. Вариант фразеологической единицы как показатель ее тождества (на материале фразеологии с компонентом – глаголом отчуждения) // Язык и культура. 2017. № 37. С. 35-47. DOI: 10.17223/19996195/37/3.
3. Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. М.: Высш. шк., 1970. 344 с.

4. Федуленкова Т.Н. Анализ вариантности двухкомпонентной английской фразеологии с глаголом have // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. №1. С. 52-61.

5. Федуленкова Т.Н. Дискутируемые проблемы современной фразеологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. 1(53). С. 149-155.

6. Федуленкова Т.Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 4. С. 94-101.

7. Федуленкова Т.Н. Модели описания английских фразеологических единиц с глагольным компонентом put // Язык и культура. 2019, № 46. С. 139-154. DOI: 10.17223/19996195/46/8.

8. Федуленкова Т.Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка (по словарю Д. Паркинсона) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3(96). С. 114-125.

9. Fedulenkova T.N. Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes // Proceedings of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019) / ed. by Caitriona Kirby and Larisa Shchipsitsina. [Electronic Resource]. Parts of series ASSEHR, vol. 360. Paris, Amsterdam: Atlantis Press, 2019. Accessed: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/emssese-19/publishing>.

Сведения об авторе:

Иванова Александра Викторовна; студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 600005, Российская Федерация, Владимир, ул. Университетская, д.3; sandralikeis54@gmail.com; +79961902205.

Ivanova Aleksandra Viktorovna; student of the Humanitarian Institute at the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600005, Russia, Vladimir, St. Universitetskaya, 3; sandralikeis54@gmail.com; +79961902205.

УДК 81'33

**РАБОТА НАД ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНОЙ РЕЧИ НА ЭТАПЕ
ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУПЕНИ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ (на материале английского языка)**

Кононова М.В.

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу работы над грамматической стороной речи на этапе профильного обучения ступени среднего общего образования. В работе постулируется необходимость построения обучения грамматическому аспекту на основе изучаемого лексического материала, а также разработан и представлен цикл упражнений в рамках темы “Environment”.

Ключевые слова: иностранный язык, иноязычная коммуникативная компетенция, языковая компетенция, грамматическая субкомпетенция, синтагматические и парадигматические отношения.

Abstract. The article analyzes ways of practising grammar in students' speech as a part of specialized training within the framework of secondary general education. The paper argues the need to provide students with grammar knowledge based on the studied lexical material. The article presents a developed series of exercises in the context of the topic “Environment”.

Keywords: foreign language, foreign language communicative competence, language competence, grammatical subcompetence, syntagmatic and paradigmatic relations.

Интеграция России в мировое сообщество, сотрудничество с различными странами мира – все это способствовало росту спроса на знание иностранного языка (далее ИЯ) и обеспечило создание прогрессивной мотивационной базы для овладения, в частности, английским языком. Однако, несмотря на существование большого количества возможностей совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции (далее ИКК), преподаватели и учащиеся зачастую сталкиваются с различного рода трудностями, связанными с фонетическим, лексическим и грамматическим аспектами языка, представляющими основу развития и совершенствования ИКК.

Основу данной статьи представляет развитие грамматической стороны речи у обучающихся на профильном этапе среднего общего образования. Связано это с тем, что недостаточное знание грамматики как системы фиксированных правил употребления грамматических явлений и структур препятствует полноценному овладению ИЯ на любом уровне, в том числе и на средне-продвинутом (B2 Upper Intermediate, согласно CEFR [10]), которого достигают учащиеся на данном этапе обучения.

Целью обучения ИЯ в школе на современном этапе является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции [4, с.160]. Под ИКК мы понимаем способность и практическую готовность к осуществлению иноязычного общения с носителями языка в различных ситуациях, что подразумевает не только лингвистическую составляющую и навыки употребления языковых средств в речевой деятельности, но и способности к адекватному речевой задаче, уместному и корректному выражению собственных мыслей, а также приобщение учащихся к культурным реалиям страны изучаемого языка и лучшее осознание культурных особенностей своей страны [5, с.934], [8, с.267], [6, с.38-39].

Согласно подходам В.В. Сафоновой [8, с.267] и И.Л. Бим [5, с.934] к рассмотрению компонентного состава ИКК языковая компетенция, как базовый ее элемент, подразумевает владение фонетическими, лексическими и грамматическими навыками и умениями. Поскольку языковая компетенция

формирует основу ИКК, соответственно все субкомпетенции в ее составе, также являются составляющими иноязычной коммуникативной компетенции. Недостаточная сформированность хотя бы одного элемента негативно отразится на процессе формирования и развития ИКК. Н.И. Гез [2, с.184] под грамматическим навыком («грамматической субкомпетенцией») понимает автоматизированное, стабильно правильное и адекватное коммуникативной задаче употребление говорящим грамматических явлений в соответствии с нормами данного языка, в устной и письменной речи.

В соответствии с приведенной выше дефиницией можно говорить о цели обучения грамматическому аспекту языка. Приоритетной целью обучения грамматике является формирование и развитие навыков и умений грамматически правильной речи. Это значит, что обучение грамматическому аспекту подразумевает не только овладение системой грамматических явлений изучаемого языка, но также формирование и совершенствование умений и навыков правильного, в соответствии с речевой задачей, употребления явлений в устной или письменной речи [7, с.172]. В связи с этим отметим, что недостаточный уровень развития грамматических навыков может стать препятствием в процессе формирования и развития ИКК [3, с.84].

Согласно положению «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» (CEFR) [10, с. 6] учащийся профильного этапа обучения на ступени среднего общего образования (B2) должен овладеть различными грамматическими явлениями, в частности, Mixed Conditionals, упражнения на закрепление которых разработаны и представлены ниже.

В рамках дисциплины «Английский язык» на профильном этапе обучения ступени среднего общего образования (B2) согласно УМК О.В. Афанасьевой и И.В. Михеевой “English” в 10 классе традиционно изучаются следующие темы: “Man the Creator”, “Man the Believer”, “Man the Child of Nature”, “Man the Seeker of Happiness” [1].

Целесообразно отметить, что при составлении упражнений для развития грамматической субкомпетенции необходимо придерживаться такого

общедидактического принципа, как принцип доступности, согласно которому должен соблюдаться допустимый порог трудностей для учащегося. В соответствии с этим освоение нового грамматического материала осуществляется в знакомом лексическом окружении. Речевые ситуации также должны быть составлены на основе изученной лексики [2, с.189]. Последнее обусловлено необходимостью максимальной актуализации изученной лексики с целью ее последующего закрепления, а также установлением лексико-семантических связей, которые объединяют в себе понятия синтагматических и парадигматических отношений лексической единицы. Синтагматические отношения предполагают линейное развертывание лексики, соединение слов в словосочетания и предложения в соответствии с правилами синтаксиса. Парадигматические отношения лексических единиц подразумевают установление связи с различными уровнями грамматических парадигм, благодаря чему происходит параллельное усвоение нового грамматического явления и повторение изученных лексических единиц [9, с.85].

Далее представлены разработанные нами упражнения по теме *Mixed Conditionals* на материале “Environment”, входящем в состав раздела “Man the Child of Nature”.

Ex. 1. Translate the following text and say what conditions relate to those that could be implemented in the present or future/could have been implemented in the past.

This is a small village south from Berlin. Just a way from its main road there are fifty wind turbines, a biogas plant, and a woodchip burner. This place produces a hundred and forty times the amount of electricity it actually consumes. If it were possible to introduce this pattern in other countries, it would definitely serve as the main model for the future of energy all over the world. The challenge consists of almost entire transformation of the energy system. If we had switched from the old generators such as nuclear, coal, and oil several years ago in our country, we would now be able to resort to renewable sources of energy. The Germans are committed to get 80% of their electricity from the renewable sources by 2050 and to rapidly close

down the nuclear power stations. The prices of energy in Germany are already pretty steep. German households pay roughly twice as much for the electricity as big industrial users. German consumers are used to paying high prices. For the industries things are a bit different: if the energy price becomes too high, some big industries will move to other countries.

Ex. 2. Imagine these situations take place in the present or future opening the brackets to form Conditional II.

1. If the radiation background ... (not to be) high, all life on the planet ... (not to be) exposed to lethal short-wave solar radiation.

2. The finite resources ... (not to be) depleted if people ... (not to breach) the laws on the protection of nature.

3. If such a big and fast climate change like that at the end of the Younger Dryas ... (to happen) to us today, it ... (to change) even the most industrialised society.

Ex. 3. Describe a situation that didn't happen in the past and imagine the result of this situation opening the brackets to form Conditional III.

1. If people ... (to avoid) damaging nature, many species of animals and plants ... (not to drive) to extinction.

2. If people ... (to recycle) plastic and glass packaging, they ... (to avoid) soil pollution.

3. If earlier people ... (to be) more careful with nature, the biospheric pollution ... (not to appear).

Ex. 4. Imagine the conditions below referring to the future, present or past and demonstrate the consequences the following actions may result in matching the beginning of a sentence to its continuation. Mind mixed conditionals!

1. If we cut down fewer forests	A. they would be full of fish.
2. If we didn't pollute our rivers	B. it would be possible to prevent

and lakes	unabating air pollution.
3. If there hadn't been a swing of the global climate towards higher temperatures	C. there would be less marginal lands for crops.
4. If we had stopped using poisonous gases	D. the air would be clean and fresh.
5. If man had prohibited using noxious chemical fertilizers	E. we would be able to save the ozone layer.
6. If people didn't burn fossil fuels	F. the level of the World Ocean wouldn't have pushed up.
7. If man had reduced the quantity of industrial discharges	G. the concentration of carbon dioxide that leads to the erosion of the ozone shield would be much less.

Ex. 5. Continue the ideas thinking of the present or future consequences these actions may entail and in some cases giving advice what people should do in the following situations.

1. If we found the alternative sources of energy...
2. The level of the World Ocean would rise if ...
3. If the ozone layer were destroyed ...

Ex. 6. The ecological problem is one of the insoluble global issues of our time. Is it possible to convert this problem into a solvable one? Speculate on this question making use of hypothetical situations and their probable repercussions in the past/present/future.

Ex. 7. Translate the following sentences.

1. Если человечество продолжит сжигать потребительские отходы на свалках, количество углекислого газа, способствующего усилению парникового эффекта, резко возрастет.

2. Если бы 11 марта 2011 года в результате землетрясения и последующего за ним цунами не произошла крупная радиационная авария на Фукусиме, префектура бы процветала.

3. Если температура поверхности Земли увеличится, это приведет к интенсивному таянию ледников, в результате чего уровень углекислого газа от остатков органических веществ вырастет в разы.

Представленные упражнения, а также задание контролирующего характера составлены на основе лексического материала по одной из тем профильного этапа обучения ступени среднего общего образования (В2) в соответствии с УМК О.В. Афанасьевой и И.В. Михеевой “English” (10 класс) [1]. Выполнение предложенных упражнений, разработанных на основе изучаемого лексического материала при соблюдении принципа допустимого порога трудностей, на наш взгляд, будет способствовать закреплению грамматических навыков, и совершенствованию иноязычной коммуникативной компетенции учащихся.

Список литературы

1) Афанасьева, О.В. Английский язык. 10 класс : учеб. для общеобразоват. организаций : углубл. уровень / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева. – 8-е изд. – М. : Просвещение, 2021. – 222 с.

2) Гез, Н.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролубов. – М., 1982. – 375 с.

3) Лошкарева, Н.А. Рекомендации о развитии общих учебных умений и навыков школьников / Н.А. Лошкарева. – М., 1990. – 124 с.

4) Мезенцева, Е.М. Сущность иноязычной коммуникативной компетенции и особенности ее формирования при обучении иностранному языку в сельскохозяйственном вузе / Е.М. Мезенцева // Международный научный журнал «Символ науки». – 2017. – №02-1/2017. – С. 159-162.

- 5) Низаева, Л.Ф. Коммуникативная компетенция: сущность и компонентный состав // Молодой ученый. — 2016. — №28. — С. 933-935.
- 6) Панаити, Н.Н. Коммуникативная компетенция как целевая и содержательная сторона обучения иностранному языку / Н.Н. Панаити // Иностранные языки в высшей школе. – Выпуск 1 (8). 2009. – С. 36–46.
- 7) Петруль, А. Н. Роль грамматических навыков в коммуникативно-ориентированном обучении иноязычному общению [Текст] // Теория и практика образования в современном мире: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2014 г.). — СПб.: СатисЪ, 2014. — С. 172-176.
- 8) Сафонова, В.В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: дис. д-ра пед. наук / В. В. Сафонова. — М., 1992. – 528 с.
- 9) Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: Пособие для студентов пед.вузов и учителей / Е.Н. Соловова // – М.: Просвещение, 2002. – 241 с.
- 10) British Council – EAQUALS Core Inventory for General English. – 2010. – 37 p.

Сведения об авторе

Кононова Мария Валерьевна; Гимназия №1 ОГУ имени И.С. Тургенева; учитель английского языка; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kononova-mari-1996@mail.ru.

Kononova Maria Valerievna; Gymnasium №1 of Orel State University named after I.S. Turgenev; English language teacher; Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302026, Russian Federation; kononova-mari-1996@mail.ru.

ЧИСЛОВОЙ КОД В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Цуканов М. В.

*магистрант 1-го курса института иностранных языков
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева»*

Аннотация: В данной статье описаны и рассмотрены числовые коды, выявляемые на материале таких фольклорных единиц как пословицы русского и английского языков. Целью исследования является раскрытие сущности часто встречающихся чисел в фразеологических единицах русского и английского языка и их использования. Объектом исследования являются пословицы русского и английского языков, а его предметом - числовые коды русской и английской лингвокультуры, проявляющиеся в этих пословицах.

Ключевые слова: лингвокультурология, числовой код, пословица, поговорка, межкультурная коммуникация.

Abstract: This article describes and discusses the numerical codes identified on the material of such folklore units as proverbs of the Russian and English languages. The purpose of the study is to reveal the essence of frequently occurring numbers in phraseological units of the Russian and English languages and their use. Russian and English proverbs are the object of the research, and its subject is the numerical codes of the Russian and English linguistic culture, which are manifested in these proverbs.

Key words: linguoculturology, numerical code, proverb, saying, intercultural communication.

Пословицы представляют собой тексты, несмотря на краткость оформления: преимущественно одно предложение. При этом мы придерживаемся следующего понимания пословиц как текста – «коммуникативно-ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущности» [2, с.

21]. Пословицами могут стать только предложения, обладающие, кроме частого устойчивого использования в речи, широкой семантикой, позволяющей соотносить пословицу с различными жизненными ситуациями. Пословицы и афоризмы обладают автосемантической, т.е. относительной независимостью от текста, в котором они функционируют.

Числа и операции с ними представляют собой одну из наиболее универсальных категорий человеческого мышления и обладают особой абстрактно-конкретной, идеально-материальной природой. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «число являет собой, возможно, наиболее отвлеченный от материальной и событийной реальности концепт, и в то же время в жизни и в сознании человека число тесно связано и постоянно взаимодействует с предметным миром» [1, с. 6]. Подобная амбивалентность числа находит выражение в различных мифологических и мифопоэтических, религиозных и философских системах, воззрениях, концепциях (см. об этом, например, [5, 6, с. 129–174; 3, с. 487–536; 1]). В языке абстрактно-конкретная сущность чисел и операций с ними отражается, в частности, в том, что их наименования могут представлять собой как результат, так и основу метафорических переосмыслений, т.е. относиться как к «области цели», так и к «области источника» метафорической модели (по терминологии Дж. Лакоффа). Соответственно, выражение «математическая метафора» может пониматься в двух смыслах. С одной стороны, математическая метафора – это «метафора в математике», т.е. те семантические преобразования, в результате которых у слов естественного языка появляются специальные значения, что приводит к возникновению языка математики, ее терминологического аппарата. С другой стороны, «лексикон количественных значений легко метафоризируется» [1, с. 20]; сам язык математики становится основой концептуализации и описания других семантических областей. О математической метафоре в этом последнем значении и пойдет речь в данной статье. Опираясь на опыт работы над проектом описания русской фразеологии (результатом которого стали, в частности, [7] и [1]), мы рассмотрим русские и английские пословицы, в

которых математические операции являются образной основой и подвергаются разного рода семантическим преобразованиям, и покажем характерные для фразеологии способы и результаты этих преобразований.

Числа натурального ряда от 1 до 9 связаны с буквами русского алфавита по так называемой девятиарканной системе. Ниже приведена таблица соотношения чисел с буквами русского алфавита.

Числительное «Один»

Одна ложь тянет за собой другую. One lie makes many.

Один в поле не воин. One's as good as none, one body is nobody.

Один человек не в счет. One man no man.

Молния в одно и то же место дважды не бьет. Lightning never strikes twice in the same place.

Беда никогда не приходит одна. One misfortune comes on the neck of another.

Числительное "Два"

Число два чаще используется в значении чего-то большего, чем один. Символизирует парность, четность, удвоение и получает преимущественно отрицательную оценку. Подтверждением этого являются пословицы:

Двум собакам одной кости не поделить. Two dogs over one bone seldom agree.

Два сапога пара. They make a pair.

Мужчиной человек бывает в жизни один раз, а ребенком. два Once a man and twice a child.

Два медведя в одной берлоге не уживутся. Two of a trade never agree.

Числительное "Три"

Раньше считали "1", "2", "много". Следовательно, число три стали применять вместо слова "много". Оно символизирует завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец. Подтверждением этому служат эти пословицы и поговорки:

Третий лишний. Three's a crowd.

Где двое, там третий лишний. Two is company, but three is none.

Что известно троем, известно всем. When three know it, all know it.

Числительные "Четыре, пять, шесть"

Значение числа 4 связывается символикой квадрата и креста. Еще в доисторические времена число 4 использовалось для обозначения устойчивости.

Без четырех углов изба не рубится.

Конь о четырех ногах, да и то спотыкается.

Four eyes see more than two.

Число 5 находится в середине ряда первых десяти чисел. Это символ объединения и центра. Пятёрка символизирует порядок и совершенство, представляет пять чувств человека: зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. 5 - одно из русских любимейших чисел, играющее важную роль при всяких "округлениях". В то время как у англичан число 5 не в чести. В пословицах встречается редко:

Знать, как свои пять пальцев. Know as one knows his ten fingers.

Пятая спица в колеснице. The low man on the totem pole.

Пятое колесо в телеге. Fifth wheel, odd man out.

Число 6 представляет собой оппозицию творения творцу. Оно объединяет две тройки и имеет двойственный характер. Число 6 связано с мифическими судьбами и могуществом. В волшебных сказках 6 соотносится с физической, телесной оболочкой человека. По библейской традиции мир был построен за шесть дней.

В пословицах встречается редко:

Без пяти просвир (белый хлебец) обедни нет, а шестая в запасе.

Шестое чувство. A sixth sense.

Один другого стоит. Six and half a dozen.

Числительное "Великоленная семерка"

Особенно чтили число 7 на Древнем Востоке. Несколько тысячелетий назад жил народ шумеры. Они обозначали число 7 тем же знаком, что и всю

вселенную. Некоторые ученые думают, что они выражали этим числом шесть главных направлений (вверх, вниз, вперед, назад, влево и вправо) да еще то место, от которого идет этот отсчет.

В русских поговорках и пословицах слово "семь" часто выступает в роли "много".

Семеро одного не ждуют. For one that is missing there's no spoiling a wedding.

Семь раз отмерь, один отрежь.

У него семь пятниц на неделе.

Быть на седьмом небе In the cloud nine.

Умный семь лет не ответит на вопросы, которые дурак задаст за один час. A fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years.

Предпочтение русских числительному «семь», а англичан числительному «девять» даёт повод предполагать, что русские ближе по культуре и истории к Востоку, нежели к Западу, поскольку особенно чтили число 7 на Древнем Востоке, а число «девять» любили римляне

Из примеров ясно видно, что в английском языке число «семь» в пословицах употребляется редко. Иногда англичане вместо данного числа предпочитают употреблять число «девять», т.к. это считается счастливым числом.

Учитывая же все особенности того или иного языка, переводить то, что считается частью культуры одного народа на другой язык очень сложно. Для того, чтобы и русский человек понял то, что хотели сказать пословицей англичане, необходимо подобрать русский эквивалент или аналог, иногда лучше использовать кальку, в некоторых случаях передают смысл простым словосочетанием без образности, в случае уникальных архаичных паремий может потребоваться культурный комментарий.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 521.
2. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня : монография / под ред. С. В. Сыпченко. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. - 312 с.
3. Степанов Ю. С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // ВЯ, 1989, №4. С. 46–72.
4. Топоров В. Н. Числа. // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1982. С. 629–631.
5. Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. «Рукописные памятники древней Руси» М. 2010.

Словари

1. Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009.
2. Буковская, М.В. Словарь употребительных английских пословиц / М.В. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская. – М. – 1990.
3. Кузьмин, С.С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С.С. Кузьмин, Н.Л. Шадрин. – СПб: МИК: Лань, 1996. – 352с.
4. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь /А.В. Кунин. – М.: Просвещение. – 1984. – 944с.
5. Рейдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц / Р. Рейдаут, К. Уиттинг. – СПб: Лань. – 1997. – 256с.
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Академический проект, 2001.
7. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. при участии М. М. Вознесенской и М. М. Коробовой, под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М., 2007.

Сведения об авторе:

Цуканов Михаил Викторович; магистрант 1 года обучения, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95; super-super-mikhail@yandex.ru; +79996021307.

Tsukanov Mikhail Viktorovich; Master Degree Student, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Orel, Komsomolskaya str., 95; 302028, Russian Federation, super-super-mikhail@yandex.ru; +79996021307.

УДК 811.111:81'373.72

ВИДЫ ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ HACER

Паламарчук А.С.

Владимирский государственный университет им.

А.Г. и Н.Г. Столетовых

г. Владимир, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом *hacer* согласно классификации А. В. Кунина

Ключевые слова: испанская фразеология, фразеологические единицы, глагольный компонент, переосмысление.

Abstract: The paper studies Spanish phraseological units with verbal component *hacer* according to A. V. Koonin's classification/

Key words: Spanish phraseology, phraseological units, verbal component, meaning transfer.

Введение. Фразеология – сравнительно молодая лингвистическая дисциплина на стыке лексикологии, стилистики, морфологии и культурологии [10]. Ш. Балли рассматривал ее как часть лексикологии, но с момента

выделения им фразеологизмов в особую систему со своими уровнями и способами формирования, прошло более 100 лет и за это время было сделано немало, в особенности силами русских лингвистов [9; 11].

Так, В.В. Виноградов, опираясь на работы как Ш. Балли, так и других лингвистов, создал классификацию ФЕ по степени их устойчивости и неразложимости. А.В. Кунин основал свою классификацию фразеологизмов по их структурно-семантической роли в предложении. А.И. Смирницкий в своей классификации противопоставляет ФЕ слову, исходя из этого критерия он не включает в группу фразеологизмов фразеологические сращения, сочетания и выражения. Как видно из этого краткого описания нескольких подходов к теоретическому осмыслению фразеологических явлений, тема эта настолько многогранна, что общий подход еще только предстоит выработать. Кроме того, зарубежная лингвистика незаслуженно обходит стороной проблемы фразеологии, как видно по немногочисленным работам, опубликованным иностранными издательствами, особенно в сравнении с отечественной лингвистикой, занимающейся вопросами фразеологии на материале русского языка и иностранных языков от шведского до китайского [8; 13].

Цель данной работы – опираясь на классификацию ФЕ А.В. Кунина [4: 243-363] найти истинно ФЕ в многообразии словосочетаний с глаголом *hacer* в одном из его значений.

Представление основного материала исследования. В данной статье мы рассмотрим глагольные фразеологические единицы с компонентом *hacer* (делать), так как в испанском языке, как и во многих других языках, ядром высказывания является глагол [7: 58]. В то же время поливалентность наряду с полисемичностью глагола *hacer* позволяет рассмотреть как различные типы переосмысления при формировании фразеологической единицы, так и степени переосмысления (полностью или частично переосмысленные).

Некоторые исследователи испанской фразеологии (А.В. Садиков) считают, что во многих сочетаниях глаголы с размытым значением, к которым относится *hacer* в том числе, образуют не фразеологизмы как таковые, а

явления сочетания в зависимости от своего значения, которых очень много: ср. *hacerse del rey* – играть короля (на сцене), *hacerse el tonto* – притворяться дураком, *hacer de camarero* – (временно) работать официантом.

К сожалению, ввиду небольшого количества исследований, посвященных типологии именно испанских фразеологических единиц ясность в этот вопрос не внесена.

Испанские лингвисты и лексикографы относят к явлениям фразеологии самые разные сочетания слов [5]. Так, например, слово *fraseología* DRAE в 4-м значении определяется как совокупность (внимание!) (а) *frases hechas*, (б) *locuciones figuradas*, (в) *metáforas y comparaciones fijadas*, (г) *modismos y refranes* [12], то есть совершенно разные языковые явления, от устойчивых сравнений до пословиц и поговорок. Отсюда возникает вопрос, что считать фразеологизмом в испанском языке, устойчивое словосочетание с глаголом размытого значения (например, *hace mucho* – давно, *hace buen tiempo* – хорошая погода) или именно *frase hecha*, где каждое слово потеряло своё основное значение и в сочетании приобрело новое (*hacer novillos* – прогуливать уроки) (см. тж. [6])?

В качестве основных методов исследования использовались следующие: анализ лингвистических и методических идей, анализ языковых явлений и сравнение языковых явлений испанского и английского языков Аракин [1; 3], метод фразеологической идентификации А.В. Кунина [4: 38], методики анализа формы, значения и категории языковых структур [2].

В результате первичного анализа глагольной фразеологии современного испанского языка выявляем следующие виды фразеологических единиц:

1. Некомпаративные полностью переосмысленные мотивированные глагольные фразеологические единицы. Такие ФЕ не содержат сравнения, часто переосмысляются метафорически, и являются лингвистическим отражением реальной ситуации. Например, *hacer novillos* – прогуливать что-то (школу или работу), *букв.* сделать телят – прогуливать уроки, чтобы пойти заниматься корридой с молодым бычком. Перуанским эквивалентом будет

hacer(se) la vaca – прогуливать (букв. делать корову), только значение сужается исключительно до прогулов школьных занятий.

2. Некомпаративные полностью переосмысленные немотивированные глагольные фразеологические единицы. В отличие от вышеприведенных примеров, эти ГФЕ уже являются фразеологическими сращениями, то есть их внутренняя форма затемнена, они не раскладываются семантически на отдельные единицы. Например, *hacer codos* – усердно учиться, букв. – делать локти, то есть сидеть за столом, штудируя книги до протертых локтей на одежде. Синонимичным будет также немотивированное выражение *quemarse las pestañas* – букв. сжечь себе ресницы, то есть учиться ночью, при свете свечи, не замечая, что огонь уже обжигает лицо и ресницы.

3. Некомпаративные частично переосмысленные мотивированные ГФЕ. Часто это обороты, в котором глагол употребляется в буквальном значении, но в сочетании с другим элементом, употребляемом в переносном смысле. Например, *hacer por las buenas* – делать что-то добровольно.

4. Некомпаративные частично переосмысленные немотивированные ГФЕ. Происхождение таких ФЕ связано с употреблением устаревших слов, ситуаций, которые сейчас уже никак не прослеживаются в сочетании слов, образующих фразеологизм. Например, *hacer buenas migas* – ладить с кем-то, букв. делать хорошие хлебные крошки, *hacer el paripé* – лицемерить, приbedняться, букв. – торговаться (от цыганского слова, обозначающего торг).

Результаты и выводы. Приведенные в соответствии с классификацией А.В. Кунина глагольные ФЕ и изучение и анализ их значения показывают, что для фразеологии испанского языка характерны явления, свойственные фразеологизмам английского языка.

Кроме того, наша работа подтверждает действенность фразеологической концепции А.В. Кунина, созданной на материале английского языка, и ее эффективность при исследовании фразеологических единиц современного испанского языка.

Список литературы

1. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. – М.: Высш. шк., 1989. – 158 с.
2. Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Формы, значения и категории языковых и речевых структур // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 1. С. 135-139.
3. Басова Т.А., Федуленкова Т.Н. Подход Г.А. Климова к лингвистической компаративистике // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 238–244.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
5. Передерий Е.Б. Estereotipos y prejuicios étnicos en la fraseología española // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 177-185.
6. Федуленкова Т.Н. Дифференциация фразеологии и фразеоматики в англо-русском экономическом словаре: критические заметки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2018. № 4. С. 94-101.
7. Федуленкова Т.Н. Глагольно-субстантивные фразеологические единицы с компонентом *have*: виды вариантов // Вестник Моск. городск. пед. ун-та. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», № 2(34), с. 58-69.
8. Федуленкова Т.Н. Модели описания английских фразеологических единиц с глагольным компонентом *put* // Язык и культура. 2019, № 46. С. 139-154.
9. Федуленкова Т.Н. Новое в изучении фразеологии в постнеклассический период // Известия СмолГУ. Ежеквартальный журнал. 2019, № 3(47). С. 401-406.

10. Федуленкова Т.Н. Дискутируемые проблемы современной фразеологии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2021. 1(53). С. 149-155.

11. Федуленкова Т.Н., Басова Т.А. Репрезентация проблем современной лингвистики в учебном пособии Л.Н. Чурилиной // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 1(49). 2020. С. 166-174.

12. DRAE – Real Academia Española. Diccionario de la Lengua Española. 23^a ed. – Madrid: Real Academia Española, 2014. – 2432 p.

13. Fedulenkova T.N. Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15. Вып. 3(45). С. 126-134.

Сведения об авторе:

Паламарчук Анастасия Сергеевна, аспирант, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького. Д. 87. amalyshova@gmail.com +79265658177

Palamarchuk Anastasia Sergeevna, post grade student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov. 600000, Russia, Vladimir, Gorky st., 87, amalyshova@gmail.com +79265658177

РАЗДЕЛ №1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

УДК 81

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ МОЛОДОСТЬ – СТАРОСТЬ В РУССКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Зайцева Н.В.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Южно-Российский институт управления
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Актуальность данной работы определяется потребностью в расширении представлений об универсальной бинарной оппозиции молодость – старость и репрезентируемой ею аксиологии возраста в русской и англосаксонской языковых картинах мира. В работе на основании анализа оппозитивных изречений, сопоставляющих молодость и старость и представленных пословицами и высказываниями из русского, британского и американского национальных корпусов, устанавливаются признаки, по которым определяется престиж молодости и старости в соответствующих лингвокультурах.

Ключевые слова: возрастной стереотип, антиконцепт, аксиология, пословица, оппозиция

Abstract: The relevance of this work is determined by the need to expand the ideas about the universal binary opposition youth – old age and the axiology of age represented by it in the Russian and Anglo-Saxon language pictures of the world. Based on the analysis of oppositional utterances comparing youth and old age and represented by proverbs and utterances from the Russian, British and American national corps, the parameters are established by which the prestige of youth and old age in the corresponding linguistic cultures is determined.

Keywords: age stereotype, anti-concept, axiology, proverb, opposition

Феномен возраста представляет особый интерес для представителей различных научных дисциплин (медицины, возрастной психологии, социологии и др.), поскольку он весьма значим для всех сфер жизнедеятельности человека. В любой лингвокультуре существуют культурные и социально-психологические возрастные стереотипы, связанные с возрастнo-специфическими ожиданиями и санкциями в отношении социальных ролей представителей разных возрастных групп. Иными словами, «возраст служит основанием и критерием для приобретения определённого социального статуса» [1, с. 13], которые учитывает престиж человека определённой возрастной группы в обществе [6, с. 83]. Возрастная иерархия и возрастной престиж закрепляются в культуре и объективируются в языке.

Имманентным свойством языковой картины мира, одним из фрагментов которой выступает фрагмент «возраст», репрезентирующий свойственные определённой лингвокультуре возрастные стереотипы, выступает бинарная оппозитивность. Она предполагает наличие сопряжённых концептов (т.е. концепта и антиконцепта), которые взаимосвязаны между собой и одновременно исключают друг друга [2, с. 40]. К числу таких сопряжённых концептов можно, по нашему мнению, отнести крайние точки возрастной шкалы, то есть молодость (включая детство) и старость. Диалектическая взаимосвязь этих концептов особенно наглядно проявляется в так называемых оппозитивных изречениях, под которыми прежде всего понимаются пословицы, противопоставляющие молодость и старость по различным признакам [3, с. 44]. К ним также можно отнести и высказывания соответствующей семантики, в частности, представленные в национальных корпусах.

Актуальность данной работы определяется потребностью в расширении представлений об оппозиции молодость – старость, относящейся к универсальным бинарным оппозициям [9, с.144], и репрезентируемой ею аксиологии возраста в русской и англосаксонской языковых картинах мира. Цель работы состоит в установлении признаков, по которым определяется престиж молодости и старости в соответствующих лингвокультурах, на базе

анализа оппозитивных изречений-пословиц и высказываний из корпусов, сопоставляющих молодость и старость. Материалом исследования послужили фразеологический словарь русского языка под редакцией А.И. Молоткова [8], англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина [7], сборники русских и английских пословиц и поговорок [4; 5], высказывания из русского (НКРЯ), британского (BNC) и американского (COCA) национальных корпусов.

Прежде всего необходимо отметить, что и в русских, и в английских пословицах подчёркивается **отсутствие взаимопонимания** в отношениях между пожилыми и молодыми людьми. Однако в русской пословице (*Молодой старому не верит*) указывается на отсутствие доверия к старым людям со стороны молодых, а в английской (*Youth and age will never agree* – Молодость и старость никогда не договорятся) подчёркивается нетерпимость пожилых и молодых людей по отношению друг к другу.

В корпусах также фиксируются примеры, в которых подчёркивается неуважение молодых людей к пожилым, высокий престиж молодёжи в современном обществе и низкий престиж преклонного возраста. Например:

Young people of today have no respect towards age (FIC: Literary Review 2009).

I think in this country there is a lot to do for young people but old people are worth nothing (ACAD: Anthropological Quarterly 1998).

Также в обоих языках существуют пословицы, в которых ставится **знак равенства между стариками и детьми** и **подчёркивается низкий престиж обеих групп** в связи с тем, что и дети, и старики наивны, доверчивы, беспомощны, иногда даже глупы. Вместе с тем, в английской пословице (*Old men are twice children* – Старые люди дважды дети) отмечается, что все эти интеллектуальные и витальные антиценности свойственны старикам гораздо больше, чем детям, тогда как в русской пословице (*Старый, что малый*) старики и дети представлены как одинаковые по своим качествам люди с низким социальным престижем.

В корпусах встречаются высказывания, подчёркивающие, подобно

пословицам, сходство молодых и пожилых людей. Но речь при этом идёт не о низких интеллектуальных способностях, как это имеет место в пословицах, а о сходстве по другим признакам, например, по одинаковым витальным ценностям, по отношению к жизни и смерти. Однако более сильное по сравнению с другими возрастными группами желание жить у молодых и стариков объясняется разными причинами:

Очень хочется жить: молодому, потому что он так мало прожил, старому – потому что так мало осталось жить ... (А. и Б. Стругацкие. Дальняя радуга).

Низкий престиж как молодого, так и пожилого возраста, репрезентируется в русских пословицах, не имеющих аналогов в английском языке: *Молод да зелен, стар да гнил. Молодой не без глупости, старый не без дурости.*

Вместе с тем существуют пословицы, **повышающие престиж пожилых людей** и одновременно обесценивающие преимущества молодости. В первую очередь это пословицы, указывающие на недопустимость поучений со стороны молодых людей в адрес пожилых, обладающих большими знаниями и опытом. Данные пословицы в русском и английском языках различаются образностью, но эквивалентны по семантике и репрезентируемой ценности приоритета знаний и опыта:

Зелёный седому не указ.

Shall the goslings teach the goose to swim? (Должны ли гусята учить гусыню плавать?)

Также к пословицам, повышающим престиж пожилых людей, в английском языке относится пословица *Better be an old man's darling than a young man's slave* – Лучше быть возлюбленной старого мужчины, чем рабыней молодого, отражающая утилитарный подход к браку, характерный для англосаксонской культуры, в русском – пословицы, указывающие на возможность превосходства старых людей над молодыми по интеллекту, оптимизму, выносливости, состоянию здоровья, благополучию: *Старик да*

лучше семерых молодых. И стар да весел, и молод да угрюм. И молод, да хил, и стар, да дюж. Хорошая старость лучше, чем плохая молодость.

В корпусах также присутствуют высказывания, подчёркивающие мудрость пожилых людей. Например:

Молодой человек, молодой человек, — сказал он, — как же вы мало знаете жизнь, а ещё спорите с нами, стариками (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)).

Old people are wiser than young people (The Oxford English programme. Seely, John and et al. Oxford: OUP, 1990, pp. 1-133. 3400 s-units).

В русском языке, в отличие от английского, существуют и оппозитивные изречения-пословицы, **повышающие престиж молодых людей** за счёт понижения престижа пожилых. Например: *И сед, да ума нет, и молод, да дела вершит.*

В корпусах встречаются аналогичные по семантике высказывания. Например:

Глупость – признак молодости, а мудрость – спутница зрелого возраста? Вовсе нет. Иногда молодость проходит, а глупость остаётся (Д. Донцова. Рваные валенки мадам Помпадур).

Также в русском языке встречаются пословицы, противопоставляющие энергию и активность молодых людей, закономерной возрастной пассивности старших, а также разные виды отдыха, предпочитаемые молодыми и пожилыми людьми. В данных пословицах отражаются социально-утилитарные ценности. Например:

Молодой на службу, старый на совет. Старый хочет спать, а молодой играть.

Социально-утилитарные ценности, связанные с молодостью, представлены и в высказываниях из корпусов, в частности тех, которые подчёркивают способность молодёжи легко адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни в отличие от пожилых людей, склонных к консерватизму:

Older people do not adapt as easily as young people (New Scientist. 2487 s-units).

В русском языке также можно отметить пословицу, **описывающую достоинства и молодого, и пожилого возраста**. Плюсом молодости является физическая сила, плюсом пожилого возраста – мудрость: *Молодость плечами покрепче, старость головою*. Однако имплицитно в этой пословице представлены и антиценности, ассоциируемые с возрастом: недостаток интеллекта в молодости, нехватка физической силы в старости.

В русском корпусе также встречаются высказывания, показывающие преимущества каждого возраста и диалектический переход достоинств молодости в качества, украшающие человека зрелого возраста. Например:

Старение должно быть выгодной торговой операцией, натуральным обменом физической и умственной крепости на духовную, внешней красоты – на внутреннюю (Б. Акунин. Весь мир театр).

Проведённый анализ оппозитивных изречений с компонентами «возраст» подтверждает предположение о возможности рассмотрения молодости и старости как концепта и антиконцепта, которые неразрывно взаимосвязаны, взаимопредполагают и одновременно взаимоотрицают друг друга. Рассмотренные изречения отчётливо показывают, что молодость (включая детство) и старость воспринимаются в обществе как особые группы, нередко с низким социальным престижем. Вместе с тем встречаются оппозитивные изречения, подчёркивающие престиж одной из групп на контрасте с другой. Престижность старости связана в первую очередь с интеллектуально-познавательными ценностями, молодости – с социально-утилитарными. Также в русском корпусе отмечены высказывания, отмечающие достоинства обоих противопоставляемых возрастных периодов.

Список литературы

1. Белугина Е.В. Социально-психологический анализ феномена возраста // Известия вузов Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. С. 12 – 16.
2. Боева-Омелечко Н.Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XV111. С. 39 – 42.
3. Бочина Т.Г., Сюнь Ц. Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 44 – 48.
4. Григорьева А.И. 1000 русских и английских пословиц и поговорок. М.: АСТ, 2009. 222 с.
5. Жигулёв А.М. Русские пословицы и поговорки. М.: Наука, 1969. 447 с.
6. Корнышева А.Е. Особенности социального статуса пожилых людей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 83 – 85.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
8. Молотков А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. М.: Сов. энцикл., 1968. 543 с.
9. Пинтова А.А. Универсальная бинарная оппозиция старый/молодой в английской и русской пословичных картинах мира // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 77. С. 144 – 147.
10. Стефанович Г.А. Английский язык в пословицах и поговорках. М.: Просвещение, 1980. 94 с.

Электронные ресурсы:

- Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.07.2021).
- Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 18.07.2021).
- British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс] // <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 18.07.2021).

Сведения об авторе:

Зайцева Наталия Викторовна кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления 344022 Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70/52 . Тел.: +7 9185333071; e-mail: nat-parakhina@yandex.ru

Zaytseva Natalia Viktorovna; Ph. D. of philology, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, URIU, Pushkinskaya st. 70/52, Rostov-on-Don, 344022. Phone: +7 9185333071, e-mail: nat-parakhina@yandex.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
«FINGERPRINT» В СОСТАВЕ КОМПЛЕКСНЫХ
НОМИНАТИВОВ**

Шашкова В.Н.

Орловский юридический институт

МВД России имени В.В. Лукьянова

г. Орел, Россия

Уколов В.В.

Орловский юридический институт

МВД России имени В.В. Лукьянова

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье выявлены основные механизмы номинации, действующие в составе комплексных номинативов с лексическим компонентом «fingerprint», к которым относятся уточнение сигнификативного значения посредством добавления дескриптивной лексической единицы, аффиксация и конверсия, а также синтаксические модели, формирующие сложные номинативные единицы с лексическим компонентом «fingerprint», а именно: Adj + N; N + N; N's + N; N + pr + N; V + N.

Ключевые слова: номинативная единица, механизмы номинации, уточнение сигнификативного значения, аффиксация, конверсия, синтаксическая модель, семантический компонент, отпечаток пальца.

Abstract: The article elicits the main nomination mechanisms operating in the complex nominative units with the lexical component “fingerprint”, which include specification of significative meaning by adding a descriptive lexical unit, affixation and conversion, as well as syntactic models forming complex nominative units with the lexical component “fingerprint”, namely Adj + N; N + N; N's + N; N + pr + N; V + N.

Key words: nominative unit, nomination mechanisms, specification of significative meaning, affixation, conversion, syntactic model, semantic component, fingerprint.

Исследование специфики номинации в рамках лексико-семантических групп способствует выявлению общих тенденций, характерных для языка юридической терминологии, а также разработке заданий для специалистов, приобретающих навыки владения английским языком при освоении профессии юриста. Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью и неоднородностью аспектов категоризации лексем и сложных номинативных единиц, относящихся к тематическому полю «Fingerprinting», а также важностью теоретического и прикладного анализа семантики и выявления особых признаков комплексных номинативных единиц в рамках исследуемых семантических групп в английском языке [1].

Исследование проводилось с опорой на эмпирические данные трёх источников: Collocations Dictionary [2], Online OXFORD Collocation Dictionary [4] и Corpus of Contemporary American English (COCA) [3].

Наиболее распространённые типы коллокаций, образующих сложные номинативные единицы, включают следующие группы:

- Adj + N: *a latent fingerprint; a patent fingerprint; a plastic fingerprint; a genetic fingerprint; an electronic fingerprint.*

Первая группа включает в себя три типа отпечатков пальцев, традиционно выделяемых в зарубежной криминалистике: латентный, видимый и снятый с пластиковой поверхности, а также относительно новый термин в криминалистике «генетический отпечаток», референтно отсылающий к ДНК, присутствующей в большинстве следов биологического происхождения. Все четыре термина отличаются способом снятия. Термин *an electronic fingerprint* отражает форму хранения отпечатков пальцев в электронных базах данных.

- N + N: *fingerprint identification; fingerprint reader; fingerprint scanner, fingerprint card; DNA fingerprint.*

Примеры показывают преобладающую тенденцию: ключевое слово *fingerprint* используется в препозиции к существительному, которое оно семантически модифицирует. Существительные варьируются от слов общей семантики, обозначающих экспертизу и её цель (*identification*), до более конкретных существительных, обозначающих инструменты, используемые при дактилоскопии, и её результаты (*scanner, card*).

Таким образом, можно сделать вывод, что в данной лексико-семантической группе первое существительное, то есть существительное в препозиции к существительному-ядру терминосочетания, отражает специфический признак существительного-ядра и реализует такой механизм номинации, как уточнение сигнификативного значения комплексной номинативной единицы за счёт введения дополнительной лексемы.

- N's + N: *the petitioner's fingerprints; the suspect's fingerprints; the defendant's fingerprints; the accused's fingerprints.*

Существительное в препозиции к *fingerprints* всегда относится к субъекту, указывая на тип агенса в рамках семантической пропозиции. Типичным механизмом номинации является уточнение сигнификативного значения. Оно сочетается с суффиксацией (*petitioner, defendant*) или конверсией (*suspect, accused*).

- N + prep + N: *a set of fingerprints; a pattern of fingerprints; contamination of fingerprints; comparison of fingerprints, transmission of fingerprints.*

Как видно из примеров, все они подпадают под одну и ту же схему: предлог *of* используется для связи элементов комплексного номинатива. Кроме того, все существительные в препозиции к существительному «fingerprints» по частеречной принадлежности являются отглагольными существительными. Следовательно, можно сделать вывод о сочетании двух механизмов номинации, а именно: уточнения сигнификативного значения существительного-ядра одним и тем же лексическим элементом в каждой коллокации (этим неизменным лексическим элементом является *fingerprints*) и конверсии,

которая, в свою очередь, сопряжена с аффиксацией: *contaminate* → *contamination*; *compare* → *comparison*; *transmit* → *transmission*.

● V + N: *to leave fingerprints*; *to provide fingerprints*; *to bear fingerprints*; *to submit (one's) fingerprints (to the police)*; *to bear fingerprints*; *to find fingerprints*; *to register fingerprints*; *to examine fingerprints*; *to compare fingerprints*; *to verify fingerprints*; *to fingerprint a suspect*.

Эта группа неоднородна по своему содержанию и подлежит классификации в зависимости от основного актанта, к которому относится действие. Преступник оставляет отпечатки пальцев, граждане, присутствующие на месте преступления, также могут оставить отпечатки пальцев. Сотрудники правоохранительных органов просят граждан предоставить или сдать отпечатки пальцев с целью исключения их из круга подозреваемых. На предметах остаются отпечатки пальцев. Криминалисты находят отпечатки пальцев, получают их от подозреваемых, регистрируют и исследуют. Они сравнивают отпечатки пальцев с отпечатками из базы данных и проверяют снятые отпечатки. В зависимости от того, к какой части речи относится лексема «*fingerprint*», она может функционировать как существительное, связанное с рядом глаголов, которые можно референтно классифицировать по актанту, или как глагол, принимающий в качестве прямого объекта номинативные единицы, обозначающие объект дактилоскопии: *to fingerprint a suspect*, *to fingerprint a weapon*.

● V (+ N) + prep + N: *to examine (smth) for fingerprints*; *to dust (smth) for fingerprints*.

В приведённых в качестве примеров комплексных номинативах семантический компонент цели выражен лексемой «*fingerprints*» с предшествующим предлогом со значением цели «*for*».

Проведённое исследование позволило выявить доминирующий механизм номинации, регулярно проявляющийся в сложных номинативных единицах с лексическим компонентом «*fingerprint*», которым является уточнение сигнификативного значения термина путём добавления дескриптивной

лексемы. Этот механизм часто функционирует параллельно с аффиксацией и конверсией.

Закономерности, лежащие в основе терминологических сочетаний с лексическим компонентом «fingerprint», включают следующие синтаксические типы сочетаний: Adj + N; N + N; N's + N; N + pr + N; V + N. Каждая из данных групп допускает дальнейшую семантическую категоризацию по функционально-ролевому принципу.

Перспективы данного исследования заключаются в создании лингводидактической модели терминов и терминологических сочетаний, относящихся к референтной области криминалистики.

Список литературы

1. Хижняк С. П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2014. – 244 с.
2. Collocations Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <https://1735.slovaronline.com/7032-fingerprint>].
3. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>].
4. Online OXFORD Collocation Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <https://www.freecollocation.com/search?word=fingerprint>].

Сведения об авторах:

Шашкова Валентина Николаевна; кандидат филологических наук, доцент, профессор, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Российская Федерация, Орел, ул. Игнатова, д. 2; valentina.shash@mail.ru.

Shashkova Valentina Nikolaevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named

after V.V. Lukyanov, Ignatov st., 2, Oryol, 302027, Russian Federation;
valentina.shash@mail.ru.

Уколов Василий Вадимович; курсант 204 учебной группы факультета подготовки следователей, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Российская Федерация, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Ukolov Vasiliy Vadimovich; cadet of group 204 of the Faculty of Investigators Training, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Ignatov st., 2, Oryol, 302027, Russian Federation.

TRUTHFULNESS OF DEMOCRACY: AN EAGLE'S EYE VIEW

Fareeq Ghazi Awla

Belgorod state university

Institute of Cross-cultural Communications and International Relations

Abstract

Democracy is the word coined to denote that the rule or government is 'by the people, for the people, and to the people, but in the reality is it true? Any system in human existence is made to guide the people in a better way. If we go back to the history of human existence, one can find that human was none other than an animal. What made him attain supremacy in the living society is the systems he generated to lead a better life. But the question arises here is that democracy, even though most of the politicians and law-making officials boast that democracy is the best to govern the people, in reality, does not serve its existence. In this study, the researcher tends to analyse the viscidities of democracy.

Keywords: Democracy, Administrator, Truth, Government, Elected Administrative Representative

Introduction

Democracy is a system of governing a nation in which the people are considered as the supreme in selecting their ruler or governing legislation. The sharing of authority among the people elected is the main issue and is being decided by the constitution. To make it convenient for the adoption there are two kinds of democracy. Direct Democracy in which the people directly elect their rulers and in Indirect Democracy the ruler is deliberated by the representatives who are elected by the people. In most of the democratic countries Liquid Democracy has been constructed which means combining both direct and indirect democracies.

The existence of democracy is crystal clear, that it is to serve better for the welfare of the society but in reality, it is only on papers and words. Instead of developing the society, as we witness around us, the society is self-developed rather than by the system. Analysing the pros and cons of the democratic system is the aim of the researcher in this study.

Existence of Democracy

Democracy is the term first used by the Greeks in 508 - 507 B.C. In Greek 'demos' means, common people and 'Kratos' means strength, and democracy means strength of common people. Hsia et al (2007) said that Athenian democracy is the first in the history of human existence that established and practiced democracy. Athenian democracy followed the system of Direct Democracy and had a random selection process of electing government officials which provide a fair chance to common people to represent the administration of the government. In the Athenian democratic system, the common people were having liberty in decision making. Though the individuals were not secured with their rights they were enjoying the liberty of having peaceful living in their cities.

The Apella was another democratic system introduced by Spartans around 700 BC. According to Apella, men above 30 years old had to participate in the assembly

held once in a month and the votes in decision making were cast by range voting which meant voting by shouting. Even though critiques like Aristotle, Plato criticised it by saying ‘childish system’, it was famous for straightforwardness and precluding the biased voting. In this system vote buying or selling, as has been happening in the contemporary world, was totally deluded. According to Fennel, the next well-known democracy Roman Republic was not successful, as not every citizen, but only prosperous and noble folks had the right to the vote. Though unsuccessful the Roman Republic paved a path towards the growth of modern democracy. Roman and Greek have been being imitated to the modern model of representative democracy.

In the medieval period, many countries and populations started implementing a democratic system to elect their representatives in administration. According to Levilain (2002) in the history of the Roman Catholic Church, the first pope elected implementing the democratic system was Pope Alexander II and has been followed as Papal Electoral System. After Pope Nicholas II, the cardinal bishops of then voted for Bishop Anselmo de Baggio of Lucca and who was known as Pope Alexander II after the crowning. Elections of Uthman in the Rashidun Caliphate, electoral system of Chola kingdom in the Indian subcontinent at 920 AD, Holy Roman Empire’s Imperial Diets, Polish-Lithuanian Commonwealth, the Republic of Ragusa (at present Croatia), Tuatha electoral system in Ireland, and Sikh democratic republic state in 1699 by 10th Sikh Guru Gobind Singh Ji were the popular democratic systems of the medieval era and contributed a few elements to the modern democratic system. In 1215, Magna Carta was written and the establishment of the Parliament of England was engrained to restrict the monarchy of the Kings and the constitution written was Magna Carta. The first democratic representation of power was held by Simon de Montfort in 1265 (Jobson, 2012).

The famous democracies of the world in the modern era were the Parliament of Great Britain, the Corsican Republic, the United States Constitution, the Polish Constitution, and the Declaration of Rights of Man and of the Citizens, those were the inspiration of creating other democracies all over the world (Koenigsberger 1986). End of I and II World Wars and decolonisation paved the way to the

modifications and amendments of democracy in most of the countries. According to Mayne and Geibel (2018), there are different kinds of democracy. They are Full Presidential Republics, Semi Presidential Republics, Parliamentary constitutional Monarchy, Absolute Monarchy, Parliamentary Republics, and the One-Party States.

Literature Review

So many researchers and theorists have defined the chronological and communal aspects of the progress of democracy. According to Ronald and Christian (2005), the democratic system emerged to improve the living standard of the common people in the contemporary establishment of human settlement that leads to a peaceful life. The aim of democracy should be the care well of commons not farewell to their peace. Douglas and Andrew (2017) disputed that the purpose of democracy should be peace-making among the common people and borders but it had been made to assume that democracy caused peace. The real core of democracy is lost in the realm of industrialisation and corporatisation. To achieve industrial development the objective of democracy is mislaid.

Michael and Victor (2012) argued that the real core of democracy can be attained and enjoyed by the common people only when the country becomes wealthier that leads to an educational society and equalised society. When the common people receive the power they can claim for more improvement policies from the people elected leaders. The leaders too have to oblige to the claims to safeguard their position as in democracy the leaders' position is not certain. Retaining power is held in the hands of common people as they have the power of casting their votes.

In a democracy, the definite result must be attained like science but in reality, the conclusion is arrived by corruption instead of by popular vote (Michels, 1999). According to Michels, democracy should be developed in the process of development and could not be realised by the common people. He meant that democracy is designed to be part of the common people's life. Wydra (2007) strongly argued that the development of democracy cannot to be 'purely procedural or as a static concept.' He added that democracy is 'an ongoing process of meaning formation.' According

to him the growth of democracy is based on fulfilling the need and welfare of common people.

Truth - Democracy and the necessity

According to Cloud (2018), people's interest is the main objective of democracy and the people are made to believe it as faith to somebody else's interest instead of conveying the reason for why democracy exists. Here one can observe that people's interests are made as truth and the truth becomes faith. Adding to this interest cannot be the reality but it is witnessed on non-normative facts. Democracy is also based on non-normative facts and the elected administrators make the people trust and live on empty words. When the administrators assess the reality of the people's interest the democracy can reach its goal of existence.

When we try to define the truth we should agree that perception differs in any field of study. A truth, that is a statement may be acceptable by a few and others not. Whether people accept the truth is based on their socio-cultural and environmental background (Losee, 2014). While studying the truthfulness of democracy it does not stop with the truth but it further prolongs towards the commitment which means democratic values. It does not just mean the administrative representatives' commitment but it depends on the common people's commitment towards democratic values. Democratic values are designed differently by the different political values in the contemporary scenario.

The democratic commitment of common people means that they should be aware of the role of the elected administrative representatives first. When the common people fix their democratic commitment exactly the administrative representatives will draw their democratic role towards the welfare of the society and common people. To make it simple the power of decision making should be with the common people not like what is practiced at present. In contemporary democracy, decision making and democratic commitment are controlled by the administrative representatives. The political leaders who are going to be the elected administrative representatives of the common people design the etiquette of democracy but in terms of real democracy it should be done by the common people.

The classical study of democracy clearly indicates that the implementation of democracy needs a good institution (Diamond, 1999). Here good institution means again the responsibility and willing of the common people. When the democratic institution is established firmly the common people support democracy steadily. The relationship between the institution and common people is conceptualised when the active participation of common people in the institution is established. Democratic quality is conceptualised not just with the active participation in elections by common people but their active participation in the institution. According to Mayne and Geissel (2016), “relationship between the citizen and institutional components of democratic quality is one of mutual dependence or mutual conditionality”. To attain good democratic quality it is important to maintain active participation of common people in the institution. A country’s democratic quality is measured with the country’s political institutions and common people’s participation.

Hypocrisy in Democracy

Famia (2001) quoted Socrates that democracy with uneducated common people played a great role in determining the democracy status of a country. The populism of a leader is determined by the uneducated common people and when the popularised leader gains the power the country demise. Socrates was in a strong opinion that the right to vote should not be based on by birth or citizenship but to be given only to the common public who have knowledge about democracy. Boschen et al. (2010) argued that a systematic study of democracy specified the role of ignorance in democratic quality. Compared to democratic knowledge the chair of administrative representation is decided by the ignorance of democratic knowledge of common people. Ignorance and populism of a leader lead to the demise of a country and democracy.

Democracy is illusory as the role of democracy is wrongly propagated by the elite people. Instead of serving the common people, in the name of democracy, it is masked to serve only for the elite community. Elite oligarchy is the prime threat to the democratic value of any nation as the elected administrative representatives tend to serve only for them. Here the core objective of democracy is distorted. The

democratic institutions also here transfer their power from oppression to manipulation that leads to spoiling the realm of democracy (Gibler and Owsaik, 2017). If a country has proper democratic value the wealth may not be concentrated in the hands of a few. When the democracy status is decided by elite oligarchy the elected governance ordained to forget their duties and promises.

According to the Policy Studies Organization, Potomac Institute for Policy Studies (2005), political instability is another reason for democratic failure. Once the government is elected the elected representatives frequently change the policies according to their whims and fancies. The opposition party's criticism, criticism from biased media and unexpected political changes are the few reasons for the instability. But instability leads to the economic crisis that affects the common public voraciously. This makes the people criticise strongly the democratic value of any country. The main reason for people's detestation democracy is that most of the democratic countries' priority goes only with economic growth compared to the welfare of people.

Lipset (1959), argued that democracy failed in most countries because the conduct of the election was unfair. Fraudulent in the election is more evident that ruins the democracy value of a country. The countries' economic status plays a vital role in the conduct of the election. According to him, it is more evident that countries with high per capita income have less violence and fraudulent in the election compared to the low per capita income countries. The population is another reason for the misconduct of the election. If the government is stable in policies, fraudulence in the election is lesser.

Conclusion

In this article, it is discussed the truth of democracy in both positive and negative point of view. The article begins with the fact behind the existence of democracy and changes and the development of democracy is discussed. While discussing the truth and hypocrisy of democracy it is evident that the quality of democracy depends on the common people only. Unless the common people being educated on democracy, the nation's administration and livelihood of the common

people will be still categorised by the elite oligarchy as happened in the monarchy kingdom. The idea of democracy is implemented only to achieve the effective participation of every citizen in governance. Until the common people come out of the ideology that their democratic duty ends with the right to vote there is no utilisation of democracy.

This article also explicates that democratic quality not only depends on the elected administrators but also on the knowledge and participation of the democratic institution by the common public. The clear understandings of democracy will surely lead to a more civilised and democratised society. The welfare of the common people should be the motive of democracy which can be attained by better understandings of the truthfulness of democracy.

References

R. Po-chia Hsia, Lynn Hunt, Thomas R. Martin, Barbara H. Rosenwein, and Bonnie G. Smith. (2007). *The Making of the West, Peoples and Cultures, A Concise History,*

Volume I: To 1740 (Boston and New York: Bedford/St. Martin's).

Levillain, Philippe. 2002. *The Papacy: An Encyclopaedia.* Routledge.

Jobson, Adrian (2012). *The First English Revolution: Simon de Montfort, Henry III and the Barons' War.* Bloomsbury.

H. G. Koenigsberger (1986). *Politicians and Virtuosi: Essays on Early Modern History* (Vol. 49). A&C Black.

Mayne, Quinton; Geißel, Brigitte (2018). *"Don't Good Democracies Need "Good" Citizens?"*

Citizen Dispositions and the Study of Democratic Quality". Politics and Governance. 6 (1): 33.

Inglehart, Ronald. Welzel, Christian *Modernisation. (2005). Cultural Change and Democracy:*

The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press.

- Gibler, Douglas M.; Owsiak, Andrew (2017). Democracy and the Settlement of International Borders, 1919–2001. *Journal of Conflict Resolution*. 62 (9): 1847–75.
- Albertus, Michael; Menaldo, Victor (2012). Coercive Capacity and the Prospects for Democratisation. *Comparative Politics*. 44 (2): 151–69.
- Robert Michels (1999) [1962 by Crowell-Collier]. Political Parties. Transaction Publishers.
- Harald Wydra, *Communism and the Emergence of Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 22–27.
- Cloud, D. (1994). Materiality of discourse as oxymoron: A challenge to critical rhetoric. *Western Journal of Communication*, 58(3), 141–163.
- Losee, R. M. (2014). Information and knowledge: Combining justification, truth, and belief. *Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline*, 17, 75-93.
- Diamond, L. J. (1999). *Developing democracy: Toward consolidation*. Baltimore, MD, and London: Johns Hopkins University Press.
- Mayne, Q., & Geissel B. (2016). Putting the demos back into the concept of democratic quality. *International Political Science Review*, 37(5), 634–44.
- Femia, Joseph V. (2001). Against the masses: varieties of anti-democratic thought since the French Revolution. Oxford: Oxford University Press.*
- Böschen, S., Kastenhofer, K., Rust, I., Soentgen, J., & Wehling, P. (2010). The political Dynamics of Scientific Non- Knowledge. *Science, Technology and Human Values*, 35(6), 783–811.
- Gibler, Douglas M.; Owsiak, Andrew (2017). Democracy and the Settlement of International Borders, 1919–2001. *Journal of Conflict Resolution*. 62 (9): 1847–75.

The Review of Policy Research, Volume 22, Issues 1–3, Policy Studies Organization, Potomac Institute for Policy Studies. Blackwell Publishing, 2005.

Lipset, Seymour Martin. (1959). Some Social Requisites of Democracy: Economic

Development and Political Legitimacy. American Political Science Review. 53(1): 69–105.

КУЛЬТУРА, ЭТИКА VS АГРЕССИЯ, КОНФЛИКТ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Гончарова Л.М.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина;

Российский новый университет

г. Москва, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках

научного проекта № 19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

Аннотация. В статье рассмотрены противоречия, отражающие коммуникативную ситуацию в современном социуме. На материале медиаречи проанализированы примеры соблюдения и нарушения культурных и этических принципов, лежащих в основе традиционных коммуникативно-речевых норм.

Ключевые слова: культура речи, трансформация культурно-речевых норм, медиакоммуникация, речевая агрессия, эвфемизмы.

Abstract. The article examines the contradictions that reflect the communicative situation in modern society. Based on the material of the media speech, examples of compliance and violation of cultural and ethical principles underlying traditional communicative and speech norms are analyzed.

Keywords: speech culture, transformation of cultural and speech norms, media communication, speech aggression, euphemisms.

Коммуникативная ситуация в современном обществе характеризуется неоднозначностью оценок существующей на данном этапе речевой культуры, полярностью «языковых» настроений – от восторженного отношения к лексическим новшествам и изменениям до крайнего их неприятия, а также разнородностью представлений различных социальных групп о нормах общения в реальном и виртуальном пространстве.

С одной стороны, очевидное для носителей языка и культуры стремление к сохранению языка заставляет членов языкового сообщества регулярно и публично заявлять о важности поддержания традиционных ценностей, языковых норм и общественных конвенций. С другой стороны, как мы уже не раз отмечали [1; 2], мы становимся свидетелями явных изменений, которые невозможно игнорировать: это трансформация формата общения вследствие влияния интернет-среды (например, модификация этикетных норм), изменение принципов передачи информации в связи с возможностями технических средств (стремление к ускорению и компрессии сообщений), а также увеличение числа конфликтогенных и агрессивных ситуаций в медиaprостранстве (телепередачи, ток-шоу, политические выступления, даже спортивные события и пр.), чего ранее (в доперестроечный период) невозможно было даже представить.

Агрессивный посыл массмедиа, безусловно, привлекает внимание массовой аудитории, но вместе с тем создает негативную коммуникативную среду в социуме, порождая споры групп сторонников и противников тех или иных событий и заявлений, а также транслируя примеры конфликтного коммуникативного поведения.

Вместе с тем традиционные культурно-этические и этикетные нормы, подкрепленные законодательными требованиями (ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», ФЗ «О СМИ» и пр.) не позволяют представителям публичного пространства выходить за рамки сложившихся правил вербального и реального поведения. Это заставляет говорящего проявлять особую осторожность в выборе языковых средств выражения. В этом

отношении эвфемизмы являются мощным средством речевой манипуляции и потому чрезвычайно востребованы в современном медиаполитическом дискурсе [6]. Эвфемизмы нашли широкое применение в средствах массовой информации как способ воздействия на адресантов с целью замаскировать или скрыть неприятную действительность и воздействовать на мнение аудитории. Кроме того, «слова-заменители», помогая влиять на зрителя и участвуя в формировании речевого облика медиаресурса, способствуют формальному соблюдению языковой толерантности, но вместе с тем порождают подтекст и двусмысленность сообщения. При этом агрессия, жестокость и конфликтность остаются. Это хорошо понимает аудитория, даже если формально явлению присваивается «культурная оболочка». Эвфемизмы в медиадискурсе используются в следующих случаях:

1. Необходимость сокрытия проблем в социальной сфере, чтобы избежать прямого конфликта, а также использование эвфемизмов как способа «сохранения лица» (*девальвация национальной валюты, монетизация льгот*).

2. Стремление завуалировать действия, нарушающие права человека, разного рода аморальные поступки с целью избежать осуждения общественности (*нейтрализация, подавление* вместо «уничтожение», *особый метод допроса* вместо «пытка»; *отсутствие бытовых условий в лагере беженцев* вместо «антисанитария», «бесчеловечные условия»).

3. Желание избежать оскорбления субъекта с более низким социальным статусом или работника непрестижных профессий (*кофе-леди, хозяйка кассы, клининг-менеджер, девушки с пониженной социальной ответственностью*).

4. Отрицание ответственности вследствие перераспределения вины (*мы не могли предполагать, что наши партнеры не выполняют свои обещания*).

5. Нейтрализация различных видов дискриминации: расово-этнической (*афроамериканец, иудей/семиты*); половой (*they* как гендерно-нейтральное обозначение); денежно-имущественной (*малоимущие, малообеспеченные, люди с материальными проблемами, нуждающиеся*); возрастной (*люди пенсионного возраста, люди почтенного возраста*); по состоянию здоровью (*человек с*

ограниченными возможностями, люди с особыми потребностями, особые дети, дети с особыми нуждами, слабослышащие, слабовидящие люди, люди с нарушением зрения и слуха).

Стоит отметить, что журналистской речи, в отличие от политической, свойственна большая свобода выражения и, соответственно, образности. Это связано с тем, что характер журналистской речи зачастую предполагает и косвенную авторскую оценку. Речь журналистов создается исходя из принципов определенного воздействия на адресата и с целью повлиять на принятие адресатом такого решения, которое необходимо отправителю сообщения [5]. Здесь отметим, что нередко журналисты используют дисфемизмы, создавая откровенно агрессивно-провокационный контент.

Владимир Познер «*Может быть, наступило время?*» <https://pozneronline.ru/1998/07/12183/> (дата обращения 07.06.2021). Статья посвящена проблеме расизма и ксенофобии в России. Журналист не стесняется грубых дисфемизмов, стремясь описать жестокую действительность, такой, как она есть. Тем не менее, дисфемизмы противопоставляются эвфемизмам, на контрасте создавая иллюстрацию современного автору нетолерантного мира. Сам Познер берет все эвфемизмы и дисфемизмы, которые использует, в кавычки, выделяя их в тексте графически, привлекая тем самым внимание к проблеме использования слов-заменителей в речи и актуальности использования корректных высказываний по отношению к людям другой национальности и расы: *«Что до русских, то они не питали особо дружеских чувств к “хохлам”, “чуркам”, “чернозадым” и прочим “братьям и сестрам” по Союзу. ... Сегодня опасно иметь так называемые “кавказские” черты лица в Москве, да и не только в Москве, сегодня опасно иметь черный цвет кожи в нашей стране, которая не так давно клялась в дружбе “угнетенному негритянскому народу”.*

Политкорректность и толерантность являются одними из важных требований современного медиадискурса как совокупности речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации. Однако

нельзя не сказать о явной иронии, насмешке и даже издёвке, заключенной во многих высказываниях. Они не только разрушают мнимую корректность, но напротив, вводят дополнительные намеки, нередко обеспечивая откровенно злобный подтекст.

Откровенно негативными являются различные ток-шоу (тематика – от политики до бытовых разбирательств), где агрессия уже не вуалируется, а аккумулируется в качестве основного привлекательного формата: *«Ты поступил как жулик. Ты обещал... Это обыкновенный фашист... Это обыкновенный фашизм... Какие там мозги – там ветер гуляет!... Он хочет показать, что он самый крутой негодяй, самый крутой мальчиш-плохиш...; это надо обсуждать не только политикам, но и психиатрам... это сумасшедшие люди... Это является абсолютным бредом и враньём...»* [Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым от 08.08.21].

Является ли данная ситуация нормой? С точки зрения этикетного общения, о котором писала Н.И.Формановская, это абсолютное нарушение и разрушение традиционных форм вежливости [4; 7]. Однако на сегодняшний день подобное, став привычным, не вызывает удивления, а напротив, воспроизводится и повторяется в других ситуациях и форматах. Хотя, повторимся, формально подобное коммуникативное поведение отрицается и осуждается.

В заключение отметим, что говорить об изменении правил и культурно-речевых норм сегодня пока рано. Но уже нельзя не задуматься о трансформации правил этикетного поведения и адаптации речеповеденческих норм к реалиям современной жизни. И как бы ни хотелось нам сохранить классические формы вежливости, общество все больше подчиняется правилам публичного медиадискурса, ориентируясь при этом на рейтинговые передачи, подчиняющие свой формат жанровым чертам бытовых скандалов и склок. Данную ситуацию нельзя оставлять без внимания, поскольку она постепенно разрушает культурные традиции страны и речевые нормы общества. Об этом говорят представители науки и культуры: «Сейчас мы являемся свидетелями

новой волны деструкции норм. Способствуют этому и Интернет, и общая обстановка в стране, вызывающая накал эмоций. Всё это порождает новую моду и на ненормативное поведение, и на речь (свободу выражения, а не только точек зрения). Наше отношение к такой «свободе» остаётся принципиально негативным. Как нам кажется, борьба с нормами – безумие. Насаждение ненормативного – это не свобода мнений, которая необходима, а показатель низкой культуры человека. Это очень опасно и для языка, и для общества в целом» [3, с.15].

Список литературы

1. Гончарова Л. М. Культура речи и речевой этикет: изменения в современных социокультурных условиях // Актуальные проблемы культуры речи: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 26 апреля 2019 года / отв. ред. И. С. Папуша. – Москва: Московский государственный областной университет, 2019. – С. 56-60.

2. Гончарова Л. М. Речевая агрессия как коммуникативное явление: лингвоаксиологический подход // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 26-30.

3. Кормилицына, М. А. Факторы риска для языка в медиасреде // Медиалингвистика : Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 года / Ответственный редактор А.А. Малышев. – Санкт-Петербург: Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017. – С. 14-15.

4. Костомаров В. Г. Язык текущего момента. Понятие правильности / В. Г. Костомаров. – СПб.: Общество с ограниченной ответственностью Центр "Златоуст", 2014. – 220 с.

5. Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в современной речи : учебное пособие. - Самара : Изд-во СГАУ, 2009. - 59 с.

6. Горопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2 (2). – с. 569-573.

7. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета. – М.: Рус. яз., 1984. – 193 с.

Сведения об авторе:

Гончарова Любовь Марковна; кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия, 17485, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6; e-mail: img2015@yandex.ru; +7-916-229-4075

Goncharova Liubov Markovna; Pushkin State Russian Language Institute, 6, Academician Volgin St., Moscow, 17485, Russia; e-mail: img2015@yandex.ru; +7-916-229-4075

УДК 811.11-112

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МЕТАЯЗЫКЕ
МУЗЫКИ**

Мальцева Е.И.

Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Россия

Аннотация: Исследование посвящено проблеме междисциплинарного трансфера между лингвистикой и теорией музыки, который является источником многозначности лексических средств метаязыков этих областей. В ходе исследования были использованы немецкоязычные этимологические и специальные словари, энциклопедии по истории и теории музыки, а также профессиональные рецензии, что позволило проследить историю

формирования многозначности. В результате исследования были установлены причины междисциплинарного трансфера.

Ключевые слова: трансфер, транстермины, метаязык, значение, номинация

Abstract: The research focuses on the problem of interdisciplinary transfer between linguistics and music theory, which is a source of ambiguity of lexical means of metalanguages in these areas. The research material includes German etymological and specialized dictionaries, encyclopedias on the history and theory of music, as well as professional reviews, which allowed us to trace the history of the formation of polysemy. The result of the study states the reasons for the interdisciplinary transfer.

Key words: transfer, trans-terms, metalanguage, meaning, nomination

Исследование посвящено анализу лексических средств, общих для метаязыка лингвистики и музыки, которые рассматриваются как примеры междисциплинарного *трансфера*, т.е. переноса знаний из одной области в другую [4]. В основе сопоставления музыки и языка лежит семиотический подход, представляющий оба явления как *знаковые системы*. Язык, являясь первичной знаковой системой, одновременно служит инструментом описания (метаязыком) вторичных, например, искусства [3]. Специальные единицы, пережившие трансфер из одной области знаний в другую, обозначаются понятием *транстермины* [2].

Материалом исследования служат профессиональные немецкоязычные музыковедческие статьи и рецензии, а также специальные словари и энциклопедии по истории и теории музыки.

Важным представляется отметить, что трансфер между языком и музыкой свойственен разным культурам и эпохам и по этой причине рассматривается как универсальное явление, сопровождающее формирование метаязыка музыки в принципе. Семиотика, сблизившая различные знаковые системы, значительно усилила тенденцию к сопоставлению языка и искусства (в частности музыки).

Однако сравнение этих сфер можно обнаружить уже в античных текстах, в которых музыка и язык описываются как схожим образом устроенные явления. А в научных трактатах Средних веков на основе «лингвистических» дисциплин (грамматики, риторики и поэтики) складывается терминология музыкальной теории.

Например, первоначально латинская лексема *figura* (от *лат.* внешний вид, образ), перейдя из области изобразительного искусства, стала термином риторики (*лат.* *figurae verborum* ‘фигуры речи’), а в трудах немецких музыкальных теоретиков XVII-XVIII вв. (И. Бурмейстера, А. Кирхера) по аналогии с *figurae verborum* образуется понятие *figura musica* ‘музыкальная фигура’, обозначающая небольшой фрагмент произведения [1]. Вплоть до начала XIX в. в рамках учения о музыкально-риторических фигурах (*нем.* *Figurenlehre*) создаются учебные пособия, описывающие около 100 фигур (*Antitheton, Ellipsis, Hyperbole, Parenthese* и др.).

Применение понятия *язык* (*нем.* *Sprache*) по отношению к музыке можно обнаружить у немецких музыкальных теоретиков XVIII в., например, И. Н. Форкеля, обозначавшим вербальное общение языком разума (*нем.* *Sprache des Verstandes*), а музыку – языком сердца (*нем.* *Sprache des Herzens*) [5]. При этом считается, что музыка является единым (универсальным) для всех людей средством коммуникации. Помимо этого, лексема *Sprache* употребляется и с названиями музыкальных инструментов (*нем.* *Sprache der Blasinstrumente* ‘язык духовых инструментов’), указывающими таким образом на «носителя» этого «языка».

Во второй половине XVIII в. стремительно развивается инструментальная музыка, которая уже не служит подражанием человеческому голосу и сопровождением речи, а является самостоятельным произведением с особой структурой. Благодаря идеям рационализма структура музыкального произведения рассматривается через призму грамматики. Например, лексема *Satz* – в метаязыке лингвистики ‘предложение’ – в музыкальной форме обозначает небольшой фрагмент произведения, состоящий из двух более

мелких отрезков. В таком употреблении *Satz* часто выступает в качестве второго компонента сложносоставных слов *Halbsatz*, *Vordersatz*, *Zwischensatz*, *Nachsatz* и др., которые обозначают разные по объему и месторасположению в произведении единицы. Помимо этого, музыкальный термин *Satz* служит номинации более крупного структурного фрагмента – части произведения, например, симфонии (нем. *Kopfsatz* ‘первая часть’, *Finalsatz* ‘заключительная часть’).

Обозначению небольшого фрагмента произведения, сопоставимым с предложением языка, служат и лексемы *Aussage* (букв. нем. ‘высказывание’) и *Gedanke* (букв. нем. ‘мысль’; ср. русск. *музыкальная фраза*, *мысль*). Обе лексемы могут употребляться в качестве второго компонента и сопровождаться атрибутом (нем. *musikalische Aussage*, *musikalischer Hauptgedanke*). Отметим, что *Aussage* и *Gedanke* в «лингвистическом» смысле относятся к общей лексике, однако при трансфере в метаязык музыки они приобретают терминологические свойства. При употреблении *Aussage* и *Gedanke* в музыкальном смысле очевидно сопоставление с речемыслительной деятельностью человека, а значение лексемы *Satz* подчеркивает и структурную схожесть вербального и музыкального отрезков.

Свойство образовывать более крупные фрагменты из элементов описывается так называемой музыкальной *грамматикой*. Саму лексему *Grammatik* употребляют теоретики XIX в. (Г. Вебер, Г. В. Финк), стремящиеся уподобить законы построения музыкального произведения правилам языка (нем. *Musikalische Grammatik oder theoretisch-praktischer Unterricht in der Tonkunst*). А раздел музыкального *синтаксиса* (нем. *musikalische Syntax*) уже в современном музыковедении описывает модели, по которым отдельные элементы образуют более крупные единицы [6].

Идее о рациональном (грамматическом) восприятии музыки противопоставлена идея о независимости искусства в целом от языка, что отразилось в другом нелингвистическом значении лексемы *Sprache*. Развитие новых направлений в начале XX в., приведших к отказу от привычной формы и

техники изложения, способствовало ослаблению жестких правил композиции. Таким образом, музыкальный язык, обладая некоторыми общими элементами и правилами (такими, как мотив, тема, кульминация и т. п.) может изменяться в произведениях автора и приобретать индивидуальные черты. Так, примеры *die Sprache Mozarts* 'язык Моцарта', *zwei Komponisten – zwei Sprachen* 'два композитора – два языка' указывают на то, что каждый композитор отличается своим неповторимым музыкальным языком. А если творчество композитора разнообразно, то меняется и его язык (*mit einer veränderten Musiksprache* 'с измененным музыкальным языком', *Elemente der neuen Musiksprache* 'элементы нового музыкального языка'). Именно это «музыкальное» значение *Sprache* обычно встречается в современных рецензиях и статьях.

Подобный отказ от уподобления музыки языку свойственен и значению лексемы *Grammatik* в современных текстах: законы музыки не соответствуют законам языка, но могут создаваться каждым автором самостоятельно (нем. *Grammatik einer zukünftigen, neuen Musik*).

Итак, сравнение музыкальных и вербальных явлений с давних пор свойственно научной мысли. В зависимости от отдельной концепции или от уровня сформированности науки в целом на передний план выдвигались сходства или различия между музыкой и языком. Предположительно первой считается идея об общей природе музыки и языка, которая сводится к протяженности во времени и коммуникативной основе. Эти свойства позволяют членить произведение на структурно-смысловые фрагменты, описывать модели и правила, по которым такие фрагменты образуются, а также подчеркивать способность музыки передать эмоциональное состояние. В современных семиотических концепциях отрицается непосредственная схожесть между музыкой и языком, однако исходные объединяющие факторы до сих пор позволяют обращаться к лингвистике для поиска средств номинации музыкальных явлений.

Список литературы

1. Захарова О. И. Фигура // Энциклопедия Belcanto.ru [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.belcanto.ru/figura.html>]
2. Комарова Л. Н. Транстерминологизация и транстермины // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. – С. 189-191.
3. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). Сост. Р.Г. Григорьева. Предисл. С.М. Даниэля. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.
4. Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 5-36.
5. Handwörterbuch der musikalischen Terminologie [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: daten.digitalesammlungen.de/0007/bsb00070513/images/index.html?fip=193.174.98.30&seite=471&pdfseite=]
6. Lexikon Neue Musik / J. Hiekel, Ch. Utz (Hg.). – Stuttgart: J.B. Metzler, 2016. 686 S.

Сведения об авторе:

Мальцева Елизавета Игоревна; Московский государственный лингвистический университет, 119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр.1; elizaveta_korshu@mail.ru; +79851141059

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ
МИРА В СЛОВАРЕ

Цуканова Е.М.

*Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
г. Орел, Россия*

***Аннотация:** Статья посвящена описанию основных ценностей современного немецкого лингвокультурного сообщества, эксплицитно представленных в лингвокультурологических комментариях к словарным статьям одноязычного словаря. Выявлено, что к основным ценностям, характеризующим этнокультурную специфику современного немецкого общества, относятся: любовь к своей стране и выдающимся представителям своей нации, верность традициям, ценность здоровья, активной жизненной позиции, качества и комфорта жизни во всех сферах.*

***Abstract:** The paper deals with basic values of modern German linguistic-and-cultural society explicitly presented in cultural background information in a monolingual dictionary. The author reveals and confirms that basic values that characterize ethnic specifics of German society are love for your country and outstanding representatives of your nation, loyalty to traditions, value of health, active life position, quality and comfort of life in all spheres.*

***Ключевые слова:** культура, лингвокультурное сообщество, ценности, культурологический комментарий, нормативно-ценностная система.*

***Key words:** culture, linguistic-and-cultural society, values, cultural background information, value system.*

Изучение особенностей менталитетов различных этносов на современном этапе является проблемой, интересующей философов, культурологов, психологов, лингвистов и представителей других наук. С понятием «менталитет» тесно связан термин «картина мира». Традиционно

принято считать, что картина мира представляет собой осознанное представление о мире и является «входом» в менталитет этноса. В отличие от менталитета, «картина мира» представляет собой совокупность мировоззренческих знаний об окружающем мире.

В данной статье речь пойдет о ценностной картине мира, через призму которой можно определить доминанты национальной культуры.

Понятие «культура» многозначно. Причиной многообразия трактовок, по мнению П.С. Гуревича, заключается «...прежде всего, в том, что культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Каждый исследователь обращает внимание на одну из ее сторон. Кроме того, культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи, историки, антропологи... Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами» [2, с. 45].

Говоря о дефиниции понятия «культура», стоит отметить изначальное значение, которое закладывалось в это слово. Еще при Цицероне понятие «культура» применялось к человеку, и воспринималась как воспитанность и образованность индивида как идеального гражданина. Под этим понималось его способность добровольно ограничивать себя в чем-либо, а также подчинение моральным, правовым, религиозным нормам. Также культура была применима и к обществу в целом. В таком случае имелся в виду определенный порядок вещей, противостоявший естественному состоянию с его спонтанными и необдуманными действиями. Именно так сформировалось «классическое» понимание культуры с точки зрения воспитания и образования человека, а сам термин стал использоваться для обозначения некоего комплексного развития человека и общества во всех направлениях: интеллектуальном, духовном, эстетическом.

Если в самой общей форме попытаться выделить из многочисленных определений феномена «культура» существенные для ее взаимодействия с языком аспекты и обобщить их, – это та часть картины мира, которая

отображает самосознание человека, исторически видоизменяющегося в процессах личностного или группового развития.

Однако действительность, зафиксированная в коллективном сознании этноса, не может существовать без системы оценок фрагментов действительности, без ценностных ориентиров. Объективный окружающий мир становится миром, отраженным путем оценивания всего существующего через призму эмоций и ценностей. Ценности определяют отношения человека с природой, обществом и собственным внутренним миром и поэтому имеют огромную важность для любой культуры, т.е. ценности являются важным показателем уровня культуры. Таким образом, определение культуры как «...исторически определенного уровня развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженного в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях...» [4, с. 325] является наиболее релевантным в рамках данного исследования.

Ценностная и культурная картины мира неотделимы друг от друга. Ценностная картина мира складывается из совокупности актов оценивания всех субъектов лингвокультурного социума. Культурный пласт ценностных ориентиров напрямую сопряжен с онтологическими характеристиками культуры. Культуру как общественное явление еще часто определяют через ценности, ценностные ориентации социума и индивида. Каждой культуре свойственна своя шкала или система ценностей – результат условий ее жизни и истории. (Следует отметить, что в рамках одной языковой культуры ценностная картина мира представляет собой неоднородное образование, поскольку у различных социальных групп могут быть различные ценности).

Проведенное нами исследование, иллюстративным материалом которого являются 86 культурологических комментариев к словарным статьям одноязычного словаря "Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache" [5], изданному в ФРГ в 2008 году и предназначенному для изучающих немецкий язык в качестве иностранного, отражает промежуточные результаты по

выявлению основных ценностей в рамках ценностной картины мира немецкого лингвокультурного сообщества.

Следует подчеркнуть, что роль словаря в познании чужой культуры трудно переоценить. «Современный словарь – это и основной учебник иностранного языка (нормативная и педагогическая функция), и культурологическая (страноведческая) энциклопедия в самом широком смысле слова» [1, с. 68]. Это возможность пользователю не только получить сведения о лексике и грамматике другого языка, но также посредством системы вербализованных понятий приобщиться к иной культуре, иному видению мира, и, следовательно, к результатам отражения языком объективной действительности, результатам познавательной деятельности человека в данном культурном сообществе.

Кроме того, словарь должен, прежде всего, удовлетворять потребность общения между людьми, разделенными, по словам Л. К. Латышева и А. Л. Семенова, «лингвоэтническим барьером, под которым авторы понимают препятствие не только в виде отсутствия общего языка, но и в расхождении национальных культур» [3, с. 6]. В этом смысле можно говорить об особой гносеологической функции словаря.

В соответствии с данными, полученными нами из практического анализа фактологического материала, следует, что к основным значимым ценностям немецкого лингвокультурного сообщества можно отнести «любовь к своей стране и выдающимся представителям своей нации». Составители словаря акцентируют внимание не-носителей языка на отдельных регионах Германии, характеристики нации в целом, важных исторических вехах, известных композиторах, писателях, просветителях разных эпох. Культурологические комментарии сопровождают следующие словарные статьи: "Bayern", "Berlin", "Deutschland", "Die Teilung Deutschlands", "Deutsche Nation", "Das Ruhrgebiet", "Die Verbreitung der deutschen Sprache", "Die Wende in der DDR", "Die Wiedervereinigung", "Die Hanse", "Dialekte", "Johann Sebastian Bach", "Johann Wolfgang von Goethe", "Günter Grass", "Otto von Bismarck", "Marlene Dietrich",

"Ludwig II. von Bayern", "Martin Luther", "Wolfgang Amadeus Mozart", "Friedrich von Schiller", "Die Gruppe 47", "Das Land der Dichter und Denker", "Der Expressionismus", "Geschichte des deutschen Films", "Die Presse in Deutschland", "Fernsehen und Radio", "Die politischen Parteien in Deutschland".

В следующих культурологических комментариях достаточно подробно описываются обычаи проведения праздников или нормы поведения в определенных бытовых ситуациях "Advent", "April, April!", "Die Begrüßung", "Die Einladung", "Die Feiertage in Deutschland", "Die Heiligen Drei Könige", "Der Karneval im Rheinland", "Der Nikolaus", "Das Oktoberfest", "Ostern", "Silvester", "Weihnachten", "Weihnachtsmärkte", "Der Stammtisch" что, на наш взгляд, является фактом репрезентации одной из основных ценностей немецкого лингвокультурного сообщества «верность традициям», которые должны передаваться из поколения в поколение и соблюдаться гостями, прибывающими в Германию. Показательным является тот факт, что описываются традиции как религиозные, так и семейные, и народные.

«Ценность здоровья» – неоспоримая ценность современного немецкого общества. Из комментариев к данным словарным статьям "Gesunde Ernährung", "Die deutsche Küche", "Grillen", "Das Brot", "Das Brötchen", "Die Essenszeiten", "Das Frühstück", "Kaffee und Kuchen", "Die Mittagspause", "Der Biergarten", "Das Bier", "Die Kneipe" следует, что здоровье понимается как состояние полного физического, духовного и социального благополучия и является основным условием и залогом полноценной жизни. Авторами подчеркивается, что все, что влияет на здоровье нации, это – продумано, упорядочено, высокого качества, надежно.

«Активная жизненная позиция» в разных сферах жизнедеятельности как показатель высокого социального статуса современных немцев воспринимается как ценность. Данный вывод следует из анализа культурологических комментариев "Die Deutschen – ein reisefreudiges Volk", "Die Vereine", "Das Wandern", "Bürgerinitiativen",

«Высокий уровень качества жизни и комфорт как условие жизни», также можно отнести к ценностям современного немецкого лингвокультурного сообщества. Это важно для немцев еще и потому, что стало возможным лишь благодаря их практицизму, трудолюбию, рациональности, что и привело общество к хорошо отлаженной организации и четкому порядку в социальной сфере, который иллюстрируют культурологические комментарии к словарным статьям "Anmelden – ummelden", "Das Auto der Deutschen liebstes Kind?", „Lärm", "Die Mülltrennung", "Der Zug", "Die Autobahn", "Die Autokennzeichen", "Das Hochschulsystem", "Die Krankenversicherung", "Die Öffnungszeiten", "Das Schulsystem", "Wie bekomme ich einen Studienplatz?", "Die Volkshochschulen".

На основании результатов исследования можно утверждать, что основным компонентам ценностной картины мира современного немецкого лингвокультурного сообщества относятся: любовь к своей стране и выдающимся представителям своей нации, верность традициям, ценность здоровья, активной жизненной позиции, качества и комфорта жизни во всех сферах.

Список литературы

1. Берков В. П. О словарях XXI века: Из лексикографической футурологии // Мир русского слова. – СПб.: 2000. – № 3 – 68с.
1. Гуревич П.С. Философия культуры: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов // П. С. Гуревич. – 2-е изд., доп. – М. : Аспект пресс, 1995. – 286 с.
2. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания; Учеб. пособие для студ. перевод, фак. высш. учеб. заведений // Латышев Л. К., Семенов А. Л. – М., 2003. – 60 с.
3. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.
4. „Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache“. – Berlin, München: Langenscheid KG, 2008. – 1309 S.

Сведения об авторе

Цуканова Елена Михайловна, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

Tsukanova Yelena Mikhailovna, associate professor of the Department of the German language, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

**РАЗДЕЛ №2: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ:
ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ**

УДК 811.161.1'36

**УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ
РЕГИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПРОЦЕССА В
ОБУЧЕНИИ РКИ**

Борискина О.В.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Г. Орел, Россия

***Аннотация:** в статье исследуются особенности учебного текста при регионально-ориентированном обучении иностранных студентов русскому языку; обосновывается использование текста с региональным компонентом как средства для культурной коммуникации, который способствует формированию индивидуальной модели лингвокультурного сообщества, что помогает скорейшей адаптации обучающихся в новой для них иноязычной среде выбранного региона.*

***Ключевые слова:** учебный текст, требования к содержанию текста, текстообразующий подход, лингвокультурологическая компетенция, региональный компонент, работа с грамматическим и лексическим материалом.*

**TEXT AS THE BASIS FOR IMPLEMENTING A REGION-ORIENTED
PROCESS IN RFL (RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE) EDUCATION**

Boriskina O.V.

Oryol State University named after I.S. Turgenev

Orel, Russia

***Abstract:** The article investigates the peculiarities of the educational text in the region-oriented teaching of the Russian language to foreign students; it substantiates*

the use of the text with a regional component as a means of cultural communication, which provides the formation of an individual model of the linguistic and cultural community, which helps students to adapt more quickly to the new foreign language environment of the chosen region.

Key words: *educational text, text content requirements, textual approach, linguistic and cultural competence, regional component, work with grammar and vocabulary.*

Многие методисты отводят важную роль тексту в процессе обучения русскому как иностранному. Текст в этом случае является одновременно средством как усвоения нового языкового материала, так и овладения всеми видами речевой деятельности.

Трактовка понятия «текст» у разных лингвистов неоднозначна. Одни признают функционирование текста только в письменной речи, другие допускают существование текста и в устной монологической речи, третьи говорят о тексте в диалогической речи как реализации любого речевого замысла.

Верецагин Е.М. рассматривает текст «как объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [2, с. 69].

И. Р. Гальперин [3, с. 76]. считает: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющей определенную направленность и прагматическую установку». Дидактические материалы занятия (тексты) должны быть интересны и направлены на активизацию фоновых знаний студентов.

Трудность представления текстового содержания регионального компонента по иностранным языкам состоит в отсутствии аутентичных

материалов на языке по данным аспектам. Разработка содержания самими педагогами связана с несовпадением терминов, используемых в разных областях науки.

Приобретение страноведческой, этнокультурной и лингвокультурологической компетенций как разновидностей коммуникативной компетенции является чрезвычайно важным на подготовительном этапе обучения русскому языку как иностранному. В нашем исследовании мы рассматриваем требования к учебному тексту с точки зрения комплексного компетентностного подхода.

С точки зрения компетентностного подхода учебный текст в контексте обучения русскому языку как иностранному должен отвечать следующим требованиям: быть образцом речи и ее функциональных стилей: научного, литературно-разговорного или художественного; быть стимулом для продуцирования речевой реакции обучающихся, содержанием мотивировать на создание собственных текстов или устных высказываний.

В иностранной аудитории особенно важно методически правильно организовать материал: тексты следует подбирать по тематическому принципу. На таких текстах можно тренировать все виды речевой деятельности (отработка навыков чтения, говорения, аудирования, письменные задания). Овладение всеми видами речевой деятельности способствует накоплению лексики и быстрой культурно-речевой адаптации обучающихся.

Грамматический и лексический материал в текстах можно подавать комплексно, таким образом сложность текстов можно регулировать. Последовательность подачи грамматического и лексического материала в этом случае также определяет сам текст.

Подбирая или составляя учебный текст, преподаватель должен соблюдать существующие требования:

- 1) текст должен вызвать интерес у обучающихся (включение информации о стране и регионе изучаемого языка, необходимой для дальнейшей коммуникации с жителями в бытовой и отчасти профессиональной сфере);

2) текст должен иметь определённую коммуникативную ценность (текст – это стимул для продуцирования ответной речевой реакции обучающихся, мотивация на создание собственных текстов или устных высказываний);

3) текст должен отражать основные стилистические особенности языка, поскольку текст – это образец речи и ее функциональных стилей: научного (тексты изложения теоретического материала), литературно-разговорного или художественного. Как отмечает Г. В. Жофкова [4, с. 3-4], «в текстах должны звучать актуальные, жизненные проблемы, вызывающие у учащихся живую мысль, желание высказаться, спорить, не соглашаться, заставляющие их решать различного типа речевые задачи».

4) соответствие требованиям преемственности и перспективности: тексты по уровню лексической, грамматической, синтаксической сложности должны соответствовать степени овладения учащимися языком, но при этом развивать их умения и навыки, предлагая содержательно и грамматически новую информацию (основа для совершенствования навыков построения монологического и диалогического высказываний, средство привлечения к участию в неформальных и официальных коммуникативных ситуациях, созданию устных и письменных речевых продуктов в соответствии с параметрами ситуации обучения).

Таким образом, содержание текстов и комплекс упражнений по тексту призваны реализовать компетентностный и личностно-ориентированный подходы при обучении всем видам речевой деятельности.

Типы заданий организуют формирование определённых программой знаний, умений и навыков. Современные подходы в обучении русскому языку как иностранному все чаще требуют включения в учебный процесс таких технологий, которые позволяют не только изучить определённый материал, но и быстро усвоить новые языковые явления, развить память и нестандартное мышление, помочь легко сориентироваться в любой коммуникативной ситуации. Это происходит потому, что в наше время совершенно изменились мотивы изучения языка, язык перестал быть самоцелью. Задача преподавателя

иностранный язык – обучение языку как реальному и полноценному средству общения [4].

Современный этап развития методики преподавания русского языка характеризуется поиском результативных путей обучения, ориентированного на усиленное внимание к функциональному аспекту изучаемых явлений языка. Методика преподавания РКИ связывает эффективность обучения с формированием ряда компетенций, среди которых основными являются не только лингвистические, но и коммуникативная, лингвострановедческая и межкультурная. Взаимодействие языка и культуры давно привлекает внимание исследователей и стало предметом пристального внимания в методике РКИ.

Методисты и преподаватели-практики полагают, что невозможно изучать иностранный язык, не обращаясь к особенностям национальной культуры, тем более если обучение происходит в языковой среде, где студент постоянно наблюдает живые коммуникативные процессы и слышит используемые в них языковые выражения. Культурологический подход к обучению иностранному языку, который помогает студенту ориентироваться в культуре чужой страны, получил обоснование в работах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Л. Блумфилда, В.А. Масловой, В.Н. Телии.

Текстообразующий подход широко используется во многих методиках РКИ. Использование текстов при обучении грамматике русского языка развивает навыки владения иностранным языком. Именно текст выполняет те учебные функции, которые необходимы обучающимся, желающим овладеть новым для себя языком: дидактическую, познавательную обучающую, развивающую, коммуникативную.

Использование национально-регионального компонента при обучении русскому языку как иностранному повышает эффективность педагогического процесса, требует учета возрастных особенностей учащихся, уровня их языковой подготовки, применения творческих приемов развития личности учащихся, ориентирует на «свободное развитие человека», творческую

инициативу, самостоятельность обучаемых, мобильность будущих специалистов.

Основная задача преподавателя русского языка как иностранного заключается в том, чтобы максимально использовать материал учебного текста для развития грамматических и речевых навыков и умений студентов. Это обусловлено необходимостью побуждения студентов-иностранцев к высказыванию, а также их подготовки к естественному общению. Следовательно, преподаватель должен, прежде всего, тщательно проанализировать текст с точки зрения его потенциальных возможностей для выхода в ситуацию естественного общения и представленного в нём лексико-грамматического материала, необходимого для оформления речевого высказывания [5].

Региональная проблематика приобретает все большую актуальность в настоящее время, когда большое количество иностранных студентов едет изучать русский язык не в столичные или крупные университеты и центры, а выбирает региональные учебные заведения. Поэтому содержание учебных текстов, используемых в преподавании РКИ должно быть интересным с тематической точки зрения и быть направленным на активизацию фоновых знаний студентов. Знакомство и усвоение лингвокультурологической информации о выбранном регионе позволяет формировать ценностные ориентиры студентов, знакомить с национально-культурными традициями страны изучаемого языка в целом, расширить активный и пассивный словарь обучающихся [1].

Грамотно подобранный или составленный текст дает возможность проводить разнообразные виды работ с грамматическим и лексическим материалом, выявить и контролировать уровень знаний обучающихся. Инофоны учатся понимать содержание текста, его смысл, выполняют всевозможные задания и упражнения грамматического и лексического плана, узнают значения новых слов.

На начальном этапе текст должен быть адаптирован и при первом прочтении понятным должно быть около 70% содержания текста. С переходом на следующий уровень обучения текст включает лексику и грамматические явления, уже знакомые обучающимся, и процент незнакомых слов значительно меняется. Именно тексту отводится важная роль отводится при систематизации и обобщению материала урока или темы.

Использование в учебном тексте регионального компонента, отражающего местный лингвострановедческий материал позволит сделать процесс обучения РКИ в языковой среде более эффективным.

Список литературы

1. Бредихина И.А. Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности: учеб. пособие / И. А. Бредихина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.– 104 с.

2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. – М.: Русский язык, 1983; 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990. – 346 с.

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд.6-е. – М.: УРСС Эдиториал, 2008, 144 с.

4. Жофкова Г. Роль и место учебного текста в концепции учебника русского языка как иностранного // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. Сб. науч. Трудов. – Пермь, 1999. – С. 2–9.

5. Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19/ Морковина Ирина Юрьевна – М., 1982. – 21 с.

Сведения об авторе

Борискина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета имени И.С.Тургенева, 302028,

Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д.95;
olgaboriskina2012@yandex.ru; 89200819053

Boriskina Olga Victorovna; candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S.Turgenev, Komsomolskaya st.,95,302028, Russian Federation; olgaboriskina2012@yandex.ru; 89200819053

УДК 378.14

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА**

Борунова Е.Б., Пескова И.М.

Московский государственный педагогический университет

г. Москва, Россия

Аннотация: В статье описан опыт организации дистанционного обучения иностранному языку студентов естественнонаучных специальностей Московского педагогического государственного университета в 2020-21 гг. Обсуждаются внутренние и внешние факторы, влияющие на эффективность онлайн-обучения в бакалавриате и магистратуре.

Ключевые слова: дистанционное образование, языковое предметно-интегрированное обучение, эффективность обучения, платформа Moodle, мотивация, саморегуляция учебной деятельности.

Abstract: The article describes the experience of organizing distance learning of a foreign language for students of Natural Sciences at Moscow State Pedagogical University in 2020-21. Internal and external factors affecting the effectiveness of online training in undergraduate and master's courses are discussed.

Key words: distance education, content and language integrated learning, learning efficiency, Moodle platform, motivation, self-regulated learning.

В 2020 г. одним из последствий пандемии стал незапланированный глобальный педагогический эксперимент по переходу образования на

дистанционный формат обучения. По статистике ЮНЕСКО, введение дистанционного обучения затронуло 1,5 млрд. (90,2%) учащихся во многих странах мира [1]. Данная ситуация выявила ряд проблем, обсуждение которых представляется важным в контексте дискуссий о необходимости цифровизации современного образования и соотношении офлайн- и онлайн-обучения. Основной целью нашей работы является рассмотрение этих проблем и выявление факторов, влияющих на эффективность дистанционного обучения английскому языку студентов естественнонаучных специальностей педагогического вуза.

Кафедра интегрированного предметно-языкового обучения Московского государственного педагогического университета (МПГУ) занимается интегрированным обучением студентов бакалавриата и магистратуры, сочетающим языковую подготовку с профессиональными темами из области естественнонаучных и математических дисциплин (Content and Language Integrated Learning, CLIL). Цель интегрированного предметно-языкового обучения — формирование у студентов когнитивной академической языковой компетенции (Cognitive Academic Language Competence, CALP), подразумевающей способность и готовность к учебно-познавательной, а в перспективе — профессиональной (научной, педагогической) деятельности с использованием иностранного языка [2]. Большую часть коллектива кафедры составляют преподаватели с двумя профилями подготовки. Систематически проводятся педагогические и методические исследования, позволяющие оптимизировать учебный процесс с применением CLIL [2, 3]; было подготовлено и издано учебное пособие «Английский язык для специальных целей в магистратуре естественных факультетов» [4]. Важной частью организации и курирования научной работы обучающихся является проведение кафедрой ежегодной студенческой конференции «Языковое образование сегодня».

При реализации обучения в удаленном формате в 2020-21 гг. преподаватели кафедры использовали сочетание разнообразных форм

коммуникации и Интернет-ресурсов: видеоконференции на платформах Zoom, GoogleMeets, Teams; опросы в GoogleForms; тематические группы и чаты в социальных сетях и мессенджерах; переписку по электронной почте. Важным ориентиром и, пожалуй, наиболее полезным ресурсом для самостоятельной работы студентов были разработанные преподавателями онлайн-курсы на платформе Moodle. С весны 2020 г. в МПГУ выполнение заданий соответствующего курса Moodle было обязательным условием аттестации студента по изучаемой дисциплине.

Эффективность онлайн-обучения определяется совокупностью различных компонентов, важнейшими из которых являются объективные критерии — академическая успеваемость и посещаемость; а также субъективные факторы — оценка самим студентом сложности и полезности конкретного курса, субъективное приращение знаний, мотивированность, самомотивация и т. д. [5]

Факторы, оказывающие влияние на эффективность дистанционного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей, можно условно разделить на внешние, организационно-педагогические, и внутренние, преимущественно психологические [5].

Рассмотрим организационно-педагогические проблемы, возникающие при дистанционном обучении [6]. Существуют трудности технического плана: многим учащимся и преподавателям пришлось столкнуться с нестабильностью Интернет-соединения, перегруженностью сайтов, вызывающей замедления в их работе, недостаточным для качественного учебного процесса уровнем гаджетов, видеокамер и аудио-гарнитуры. Перечисленные факторы часто характеризуют как первичное цифровое неравенство. На практике возникающие технические затруднения с разной степенью успешности удается преодолеть за счет вариативности в выборе способов коммуникации преподавателя и студентов.

Вторичное цифровое неравенство обусловлено неодинаковым опытом работы онлайн и уровнем владения компьютерными и сетевыми технологиями (базовые операциональные навыки обращения с техникой, социальные навыки

взаимодействия онлайн, креативные навыки производства и распространения контента онлайн и др.). Решению этой проблемы в некоторой степени способствовали бесплатные курсы повышения квалификации преподавателей, организованные в МПГУ.

К психолого-педагогическим трудностям, выявленным длительным периодом «дистанта», относятся снижение мотивации к обучению и недостаточная способность студентов к саморегуляции собственной учебной деятельности [6]. В списке проблем при переходе на удаленный формат работы большинство исследователей ставят на первое место именно значительное уменьшение учебной мотивации и познавательного интереса обучающихся, чему есть несколько причин: домашняя обстановка вместо настраивающей на учебу университетской образовательной среды; ослабление контроля со стороны педагогов и администрации; отсутствие непосредственного общения с преподавателем и однокурсниками и др. Низкая мотивация в сочетании со слабо развитыми у студентов умениями организовывать и регулировать свою учебную деятельность приводит к невыполнению или поверхностному выполнению заданий, нарушению сроков их сдачи, списыванию и использованию подсказок, пассивности при обсуждении учебного материала (появился термин «online silence» — отсутствие реакций со стороны собеседника при его формальном подключении к чату), частым пропускам занятий.

В период удаленного формата учебного процесса в 2020-21 гг. нами проводился мониторинг учебных достижений учащихся, посещаемости онлайн-занятий, выполнения заданий для самостоятельной работы, соблюдения сроков (дедлайнов) сдачи заданий в группах бакалавриата и магистратуры. Сбор такой статистики облегчается за счет применения инструментов, имеющих на платформе Moodle. Для оценки субъективных факторов, влияющих на эффективность онлайн-обучения, нами были проведены беседы и анкетирование, в качестве учебного задания студентам было предложено

написать эссе «Плюсы и минусы дистанционного обучения» на английском языке.

Согласно результатам мониторинга, успешность изучения студентами иностранного языка в дистанционном формате несколько ниже, как и регулярность посещения занятий, и активность учащихся. По результатам анкетирования, проведенного в группах будущих учителей химии и биологии, около 64% студентов отмечают отрицательное влияние удаленной формы работы на приращение своих знаний. Около 60% учащихся бакалавриата высказали пожелание быстрее вернуться к традиционному очному формату обучения, 16% и 24% высказались соответственно в пользу смешанного обучения и сохранения «дистанта». В случае магистратуры большее число учащихся заинтересованы в дистанционном (30%) и смешанном (36%) обучении, что связано с занятостью магистрантов собственной профессиональной деятельностью в школе. В качестве основных трудностей при изучении иностранного языка онлайн студенты указали: увеличение объема учебной работы и времени, затрачиваемого на выполнение заданий; уменьшение устной разговорной практики; неспособность «заставить себя» заниматься, находясь дома; необходимость отвлекаться на помощь младшим братьям/сестрам в их онлайн-обучении; быструю утомляемость и дискомфорт в глазах, голове, спине; технические проблемы.

Повышению эффективности дистанционного обучения иностранному языку студентов естественнонаучных специальностей педагогического вуза способствуют:

создание образовательной онлайн-среды с использованием разнообразных цифровых платформ и ресурсов;

вариативность в осуществлении контакта со студентами;

индивидуализация обучения;

увеличение учебного времени в формате видеоконференций, позволяющих максимально приблизить общение к естественным условиям;

строгое соблюдение дедлайнов и регулярность их использования в течение семестра.

Список литературы

1. Covid 19 Impact on Education // UNESCO, 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>

2. Борунова Е.Б., Шварц Е.С. Развитие иноязычной компетенции магистрантов и аспирантов естественнонаучных специальностей // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в вузе. — 2015. — Вып. 4. — С. 27-34.

3. Борунова Е.Б., Пескова И.М. Из опыта интегрированного предметно-языкового обучения студентов естественнонаучных специальностей педагогического вуза // Актуальные проблемы обучения химии, биологии, экологии и естествознанию в условиях цифровизации образования: сборник научных трудов. — Москва, МПГУ, 2020. — С. 22-25.

4. Шварц Е.С., Борунова Е.Б., Забенькина Е.О., Пескова И.М. Английский язык для специальных целей в магистратуре естественных факультетов. Учебное пособие. — Москва, МПГУ, 2020. — 120 с.

5. Хахалина М. С., Щерба О. Ю., Порязь Н. В. Проблемы применения системы дистанционного образования MOODLE при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей педагогического вуза // Исследования языка и современное гуманитарное знание. — 2021. — Т. 3. — № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-1-97-105>

6. Борунова Е.Б. Образование в условиях пандемии: глобальный педагогический эксперимент // Химия в школе. — 2021. — № 5. — С. 2-6.

Сведения об авторах:

Борунова Елизавета Борисовна; кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный педагогический университет, 119435, Российская

Федерация, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1; eb.borunova@mpgu.su;
+79671615580.

Borunova Elizaveta Borisovna; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya St., 1/1, Moscow, 119435, Russian Federation; eb.borunova@mpgu.su; +79671615580.

Пескова Ирина Михайловна; кандидат биологических наук, доцент, Московский государственный педагогический университет, 119435, Российская Федерация, Москва, Малая Пироговская ул., д. 1/1; im.peskova@mpgu.su;
++79031122264.

Peskova Irina Mikhailovna; Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University, 119435, Russian Federation, Moscow, Malaya Pirogovskaya St., 1/1; im.peskova@mpgu.su; +79031122264.

УДК 378.1+372.881.1

К ВОПРОСУ О СВОЙСТВАХ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНИКА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Игнатов К. Ю.

МГУ имени М. В. Ломоносова,

г. Москва, Россия

Аннотация: Достижения в общей филологии показывают ошибочность взгляда на электронный учебник как представленное в электронном виде печатное издание. Выделены важные характеристики электронного учебника, в зависимости от возможных путей цифровизации образования: снижения доступности путём создания элитарных образовательных анклавов или повышения доступности при снижении качества.

Ключевые слова: цифровизация образования, лингводидактика, электронный учебник

Abstract: Achievements in philology show the fallacy of the widespread misconception about an electronic textbook as a printed edition presented in electronic form. A range of characteristics of an electronic textbook to be used for successful digitalization of modern education are outlined, depending on the course of impending developments in education: reducing its accessibility by creating elite educational enclaves or increasing it at the expense of quality.

Keywords: digitalization of education, linguodidactics, electronic textbook

Начиная с 2020 года серьёзные карантинные ограничения на привели к тому, что большинство вузов вынужденно было хотя бы на время перейти на дистанционную форму обучения. Несмотря на бравурные заявления чиновников от образования и красиво составленные отчёты, многие преподаватели высшей школы соглашаются с тем, что ситуация была близка к катастрофической даже в тех отраслях знаний, где нет необходимости постановок экспериментов в лабораторных условиях. Самое первое, с чем столкнулись преподаватели и студенты, – отсутствие учебников и пособий, которые можно было бы использовать при дистанционным обучении. Казалось бы, эту проблему удалось быстро решить путём активного сканирования существующих печатных материалов, но такое представление ошибочно.

Понимание того, что представляет собой печатный учебник и каким требованиям он должен отвечать по форме и содержанию не вызывает споров, в то время как в отношении электронного учебника встречаются самые разные, порой противоположные, мнения. В Приказе Министерства просвещения Российской Федерации от 18 декабря 2019 г. N 695 указаны критерии для экспертизы электронных учебников, и, среди прочего, обращается внимание на «наличие в электронной форме учебника дидактически обоснованных и методически проработанных мультимедийных и интерактивных средств, активизирующих познавательные способности и повышающих эффективность обучения по предмету». Таким образом, электронный учебник по форме – не механистически перенесённый в электронный формат учебник печатный, а

самостоятельный продукт, которым можно пользоваться с помощью электронного устройства: компьютера, планшета или телефона. Что же представляет собой электронный учебник содержательно?

В литературе можно встретить разные подходы к пониманию содержания электронного учебника. Вместе с тем, в общей филологии довольно подробно разработана типология текстов на основе используемых *орудий речи* и *материалов речи*. Ю.В. Рождественский писал, что «Лингвосемиотика, лингводидактика и информационное обслуживание составляют три стороны единого процесса усвершенствования речевых контактов общества» [2, с. 264–299] и, исходя из этого, выделял характерные свойства материалов и орудий речи (называя это *фактурой речи*) для разных типов речевых произведений: устных, письменных, печатных, массовой информации и коммуникации. Если, например, для письменного текста характерен ограниченный круг авторов (как правило, один), одно орудие речи (стило) и однородный материал (восковая табличка, пергамент, бумага и т.д.), то уже в случае печатного текста авторство «размывается», появляются литературные редакторы, усиливается вклад технических специалистов, ключевую роль приобретают сложные технические приспособления для изготовления произведения речи. Текст электронного учебника относится к *текстам массовой коммуникации и информации*, поскольку рассчитан на потенциально безграничное число адресатов. А потому для него будут характерны черты, которые демонстрируют существующие сегодня тексты массовой коммуникации. Выделим наиболее общие отличительные свойства текстов электронных средств массовой информации и коммуникации.

Во-первых, «размытие» авторства. В привычный для преподавателей и студентов коллектив авторов и составителей печатного учебника войдут художники, дизайнеры, редакторы (не только, собственно, лингвистические, но и технические: видео, аудио и т.д.), разработчики программного обеспечения и т.д. Причём роль новых специалистов может быть вполне сопоставима с

вкладом создателей «полуфабриката» электронного учебника, если за такой принять учебник печатный.

Во-вторых, как это бывает всегда при расширении авторского коллектива, педагогическая позиция группы авторов постепенно превращается в ценностную матрицу и, далее, в идеологическую установку. Это особенно заметно в работе многих информационных платформ, которые сталкиваются с жёсткой цензурой содержания (наглядный пример – социальные сети). Так возрастает роль идеологической составляющей в электронном учебнике.

В-третьих, учебнику нового типа предстоит пройти между Сциллой и Харибдой современных электронных ресурсов: с одной стороны, стремление достичь новых технических эффектов, влияющих на восприятие содержания, с другой – потребность снизить требования к устройству воспроизведения учебника. Возможное решение – создание различных технических версий (для персонального компьютера, планшета, телефона) или развитие адаптивности учебника к аппаратным условиям использования (возможна разработка и системы «пассивной интерактивности», которая позволит пользователю при желании изменить размер, увеличить картинку и т.д., а также изменить глубину погружения в текст: видеть либо упражнение и задание целиком, либо его отдельные части). Скорее всего, учитывая объективные реалии развития техники, особенно в странах «периферийного капитализма», такой учебник должен работать в режиме «офф-лайн». Отметим, что многочисленные примеры компьютерных игр, которые также относятся к текстам массовой коммуникации, доказывают, что основой успеха всегда служит оригинальная идея, а не техническая изощрённость её исполнений (хрестоматийный пример – Тетрис, самая популярная видеоигра в истории, созданная в СССР на заре компьютерной эры). Причина такой популярности кроется в оригинальности идеи, с одной стороны, и доступностью – с другой.

В-четвёртых, неизбежно удорожание издания и, как следствие, усиление его коммерциализации. Сегодня нет ни одной формы текстов массовой информации и коммуникации, где бы реклама не играла существенной роли.

Скорее всего, реклама распространится и в учебные издания, хотя можно допустить, что в учебниках будет разделение на общедоступную часть и полную версию, доступную по платной подписке.

В-пятых, нужно учитывать усиление требований к специализации обучения. Иностранный язык изучается не «в общем и целом», «для всех и обо всём», а в целях исключительно профессиональных. Например, опыт преподавателей-практиков в лингвострановедении доказывает: «Применение материалов, разработанных специально для студентов-регионоведов, в сочетании с использованием учеников и учебных пособий ведущих международных издательских домов позволяет добиться наилучших результатов» [1]. В равной мере это относится и к другим специальностям, подготовку к которым осуществляют вузы.

Наконец, что очень важно, появление нового типа текста не заменяет и не отрицает предыдущие типы, хотя и влияет на них. Также и электронные учебники не вытеснят традиционные печатные, но окажут на них существенное влияние. Одно из направлений подобного влияния, заметного уже сегодня, реализуется в гипертексте. Уже сегодня многие учебные платформы широко используют гипертекст. При создании гипертекста в учебнике иностранного языка неизбежно встают специфические вопросы. Например, стоит ли с помощью гипертекста давать толкование слов или их перевод? Стоит ли выделить для этого отдельный уровень гипертекста? Какие слова наделять гипертекстом этого уровня? Стоит ли этот уровень дробить, чтобы градуировать перевод (например, от контекстуального до расширительного и переносного)? Необходимость гипертекста не оспаривается в работах, посвящённым электронным учебникам, но является ли легко узнаваемая сегодня многоуровневая организация текста собственно гипертекстом? Стоит отметить, что именно Тед Нельсон, который в 1965 году в докладе на конференции *Association for Computing Machinery* впервые ввёл понятие «гипертекст», сегодня в составе большой группы исследователей разрабатывает «Проект *Xanadu*» [3]. Этот проект, по словам последователей Кубла-хана

Кольриджа, представляет собой улучшенную версию интернета, которая призвана исправить неверное понимание гипертекста современными пользователями. Действительно, во многом современные программные Интернет-продукты лишь имитируют бумагу, а потому уже ставший привычным гипертекст в Интернете – упрощённая реализация примитивной системы текстовых связей. В полной мере это относится и к цифровым версиям интерент-учебников иностранного языка: независимо от разрешения сканирования, формата сохранения и качества последующей обработки учебник не становится цифровым, а остаётся всего лишь цифровой версией печатного издания.

Таким образом, вездесущие *pdf* и *djvu* версии существующих учебников никак нельзя признать электронными учебниками, и их распространение не просто попирает авторские права, а нарушает элементарные методологические принципы составления учебной литературы. Современный учебник иностранного языка должен представлять собой единство формы и содержания, созданное на основе достижений лингвосемиотики, лингводидактики и информатики в сочетании с достижениями методики преподавания иностранных языков. Многие издательства сейчас пытаются создать так называемые обучающие Интернет-платформы, и это самое близкое к, собственно, электронному учебнику, но создание действительно электронных учебников – дело будущего.

Список литературы

1. **Смирнова Г.Е., Карелина Н.А.** Изучение английского языка студентами-регионоведами: от мотива к мотивации // Педагогика и просвещение. 2020, № 2, с. 60–68. doi: 10.7256/2454-0676.2020.2.32975 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32975

2. **Рождественский Ю.В.** Лекции по общему языкознанию. 4-е изд. М.: Добросвет. Издательство «КДУ», 2013. – 364 с.

3. **Project XANADU** [Электронный ресурс] // Проект Занаду. URL: <http://xanadu.com> (дата обращения: 08.08.2020).

Сведения об авторе:

Игнатов Кирилл Юрьевич; кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1; kirillignatov1972@yandex.ru.

Ignatov Kirill; Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, Moscow, 119991, Russian Federation; kirillignatov1972@yandex.ru.

УДК 378.147.88

**ТЕСТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ
СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Миронова Т.П.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Фанарюк К.А.

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

г. Орел, Россия

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика применения методики тестирования при изучении партитивного артикля на занятиях по практической грамматике французского языка на языковом факультете.

Ключевые слова: тест, методика тестирования, грамматика, партитивный артикль, французский язык.

Abstract: This article considers the specifics of the application of the testing methodology when studying the partitive article during classes on the practical grammar of the French language at the language faculty.

Key words: test, testing methodology, grammar, partitive article, French language.

Главной целью обучения иностранному языку является формирование иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. В структуру иноязычной коммуникативной компетенции входит языковая (лингвистическая) компетенция, одним из компонентов которой является грамматическая компетенция, предполагающая способность понимать и выражать мысли в процессе производства и распознавания грамотно сформулированных высказываний.

Грамматика – раздел языкознания, изучающий грамматический строй языка и закономерности построения правильных осмысленных речевых отрезков на этом языке – является важной составляющей занятий по иностранному языку на языковом факультете. На курс «Практическая грамматика», изучаемый на первом курсе, отводится небольшое количество часов: 72 аудиторных часа в год (2 часа в неделю). В связи с этим, преподаватели все чаще обращаются к разработанной учеными методике обучения грамматике иностранного языка на основе применения тестов, которая позволяет не только оптимизировать учебное время, отводимое на изучение конкретного грамматического материала, но и повысить эффективность процесса усвоения грамматики и формирования грамматической компетенции, стимулировать стремление студентов к самообразованию и саморазвитию [1].

В большинстве научных работ, посвященных применению тестов в обучении иностранному языку, тестирование рассматривается лишь в качестве средства контроля знаний, умений и навыков обучаемых, между тем оно может являться эффективным средством обучения. Логично и последовательно

организованная система тестовых заданий позволяет охватить все этапы изучения грамматического материала: введение, закрепление и автоматизацию, контроль.

На наш взгляд, формирование грамматической компетенции будет более эффективным, если выстроить учебный процесс следующим образом. Первый этап – ознакомительно-тренировочный, предполагающий знакомство учащихся с соответствующим грамматическим материалом и первичную тренировку. Второй этап – практическая работа продуктивного характера, т.е. использование заданий со свободно-конструируемым ответом и творческих заданий. Третий этап – контроль степени сформированности грамматической компетенции. Каждый из данных этапов имеет свои цели, в связи с чем для их реализации применяются различные типы тестов.

В процессе обучения грамматике иностранного языка наиболее эффективными считаются следующие тестовые задания:

- выборочные

Это самые распространенные и простые тестовые задания, которые предполагают выбор одного или нескольких ответов среди нескольких предложенных. Соответственно, выделяют тесты альтернативного (да/нет, верно/неверно, справедливо/несправедливо и др.) и множественного выбора (выбор одного или нескольких правильных ответов в ряду предложенных).

- лакунарные

Лакунарные тестовые задания представляют собой текст, в котором пропущены отдельные слова. Задача испытуемых – восстановить текст, т.е. вместо пропусков вставить нужную форму грамматического явления. Стоит отметить, что это должен быть связный текст, а не отдельные фразы, т.к. при подстановке слов в связный текст, обучающий опирается не только на смысл и грамматическую структуру отдельно взятого предложения, но и на весь контекст в целом. К лакунарным тестам относятся также задания на исправление ошибок в письменном тексте.

- табличные

Выполнение табличного тестового задания предполагает систематизацию языкового материала по определенным критериям и формулирование правила на ее основе.

- матричные

Суть матричных заданий – составить логически связный текст по заданной или свободной тематике, в котором необходимо употребить предложенные грамматические структуры или явления.

Проиллюстрируем применение данных тестов на примере введения и закрепления темы «Партитивный артикль» на занятиях по грамматике французского языка.

На каждом этапе изучения данного грамматического явления используется определенный вид тестовых приемов. Введение грамматического материала осуществляется на ознакомительно-тренировочном этапе при помощи таких заданий как табличные и выборочные тесты.

Табличные тестовые задания помогают выявить определенные закономерности использования тех или иных грамматических явлений и сформулировать на их основе правила.

Observez le texte [2, с. 20].

*C'est gentil à toi de faire les courses: alors, s'il te plaît, tu achètes **du** riz (ms), **de l'eau** (fs), **de la viande** (fs) et **de l'huile** (fs), ... et tu prends **de l'argent** (ms) dans mon sac.*

a. *Quelles sont les formes de l'article partitif ? Complétez le tableau.*

	<i>Devant une consonne</i>	<i>Devant une voyelle ou un h muet</i>
<i>au masculin singulier</i>		
<i>au féminin singulier</i>		

b. *Les articles partitifs désignent des quantités non comptables.* *Vrai /*

Faux

Выборочные технологические приемы обеспечивают систематизацию знаний и начальную стадию формирования языковых грамматических навыков и умений, а также их первичное закрепление.

При изучении партитивного артикля мы предлагаем студентам выполнить выборочные тесты, где необходимо выбрать одну из двух (трех) форм партитивного артикля:

1. *Il y a ... thé dans la tasse.* a) du b) de la c) de l'

Il faut acheter ... farine. a) du b) de la c) de l'

2. *Le matin, je prends (du - de l') café (ms) ou (du - de l') thé (ms) et les enfants prennent (du - de la) lait (ms) chaud. À midi, à la cantine, je choisis souvent (de la - de l') salade (fs) ou (de la - de l') omelette (fs). Le soir, je prépare (de la - du) soupe (fs), surtout l'hiver. Nous mangeons souvent (du - de la) viande (fs) froide ou (du - de l') poisson (ms) [2, с. 20].*

На речевом этапе формирования грамматической компетенции мы закрепляем изучаемый материал посредством использования различных по степени сложности выборочных, лакунарных и матричных технологических приёмов тестирования.

В представленном ниже выборочном тесте студентам нужно соединить формы партитивного артикля с существительными:

manger

du ▪ *salade*

de la ▪

▪ *fruits*

des ▪

▪ *poisson*

et boire

de l' ▪ *légumes*

▪ *eau*

К моменту изучения партитивного артикля студенты уже знакомы с другими видами французского артикля: определенным, неопределенным и слитным. Выполнение следующего выборочного теста осложнено присутствием среди вариантов ответа ранее изученных студентами видов артикля:

Il y a ... beurre dans le frigo. a) *le* b) *de l'* c) *du* d) *un*

L'enfant boit ... eau. a) *de l'* b) *du* c) *l'* d) *une*

Далее, предлагаются лакунарные задания с сюжетной канвой. Они способствуют развитию комбинаторских способностей учащихся, навыков лингвистического прогнозирования, образованию устойчивых ассоциаций на определённые речевые ситуации, а также интенсификации их продуктивной речевой и интеллектуальной деятельности. В следующем тесте студенты должны заполнить пропуски подходящими формами партитивного артикля:

Ce soir je voudrais préparer un bon dîner. Au supermarché, j'ai acheté ... viande, ... jambon, ... riz, ... salade, ... fromage et ... jus d'orange. A la boulangerie j'ai acheté ... pain. Puis je suis allé à l'épicerie. J'y ai trouvé ... confiture, ... moutarde, ... huile et ... chocolat. Le repas va être délicieux !

На данном этапе можно выполнить матричные задания, которые носят продуктивный и творческий характер:

Vous travaillez dans un hôtel de votre pays qui accueille une clientèle britannique et française. Vous préparez la formule buffet du petit-déjeuner. Décrivez avec des partitifs ce que vous mettez sur le buffet.

В следующем матричном задании студенты могут использовать все знакомые им виды артикля, в том числе партитивный:

Rédigez un texte « Dimanche, j'ai fait un pique-nique à la campagne » en utilisant *le, la, les, un, une, des, de, du, de la* et les mots proposés.

[pique-nique, jus de fruit, chocolat, gâteau, boisson, soleil, dimanche, famille, campagne, confiture, football, sieste] [3, с. 17].

Контрольные тестовые задания измеряют степень сформированности грамматической компетенции посредством усложненных лакунарных приёмов

тестирования. Полученные результаты показывают трудности усвоения грамматического явления учащимися и их готовность к изучению нового учебного материала, позволяют вносить коррективы в организацию учебного процесса. Так, в следующем лакунарном задании студентам предлагается вставить в текст не только формы партитивного артикля, но и формы ранее изученных артиклей: определенного и неопределенного:

Complétez le dialogue avec l'article qui convient, quand c'est nécessaire [3, с. 16].

– *Allô Karine! Comment tu vas? On ne s'est pas parlé depuis ___ semaines!*

– *Je vais bien, merci. Oui je crois qu'on s'est croisées ___ mois dernier mais on n'a pas eu ___ temps de bavarder.*

– *Alors? Tu as ___ nouveau fiancé? C'est ___ gentil garçon?*

– *Oui, c'est ___ homme charmant! Il fait ___ sport, il joue ___ guitare, il aime ___ théâtre. On organise ___ fête bientôt. Tu pourras le rencontrer! Cela devait être ___ samedi 15 juin mais il s'est cassé ___ jambe droite ___ semaine dernière. Alors, on a reporté ___ soirée au 25 août.*

– *Quel dommage! Il va me falloir ___ patience pour attendre jusqu'en août!*

На данном этапе также могут успешно применяться задания на поиск и исправление ошибок в употреблении артиклей:

C'est Pierre, un cousin de Lucien. Il est étudiant à la Sorbonne. C'est le jeune homme sérieux. Dans sa bibliothèque il y a beaucoup des livres italiens, il y a des livres français, mais il n'y a pas des livres anglais. Le garçon aime des livres. Son père lui achète des nouveaux livres pour chaque anniversaire. De la fenêtre de sa chambre un jeune homme voit un grand parc. La terre du parc est couverte des feuilles mortes. C'est l'automne. Pierre voit le garçon et la fille. La fille est petite et belle, et le garçon est grand et brun. Les enfants se promènent dans un parc et bavardent. Il ne fait pas du vent, ils font leur promenade avec du plaisir, le grand plaisir. A ce moment, maman crie à Pierre d'aller au magasin et d'acheter le pain, la confiture, trois kilos des pommes et des oeufs.

Итак, как мы видим, разнообразие технологических приемов тестирования позволяет охватить все стадии изучения нового грамматического материала: его введение, закрепление, активизацию и контроль. К сожалению, сегодня тестовая методика недооценена в полной мере, однако ее применение способствует совершенствованию, интенсификации и повышению результативности обучения иностранному языку. Несомненно, что в связи со стремительным развитием цифрового образовательного пространства, а также внедрением системы Moodle в учебный процесс тестовые технологии обучения будут все больше востребованы.

Список литературы:

1. Олейникова Е.А. Методика тестирования грамматики в процессе формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции (французский язык, неязыковой вуз): дис. ... к-та пед. наук. – М., 2010. – 390 с.
2. Akyüz A., Bazelle-Shahmaei B., Bonenfant J., Gliemann M.-F. Les 500 exercices de grammaire A1. – Paris: Hachette, 2005. – 222 p.
3. Glaud L., Loiseau Y., Merlet E. Grammaire essentielle du français B1 / L. Glaud, Y. Loiseau, E. Merlet. – Paris: Didier, 2015. – 288 p.

Сведения об авторах:

Миронова Татьяна Петровна; кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tpmironova@yandex.ru.

Mironova Tatiana Petrovna; Candidate of History, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; tpmironova@yandex.ru.

Фанарюк Ксения Анатольевна; преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 302028, Российская Федерация, г. Орел, бульвар Победы, д. 5а; ksiuha1996@mail.ru.

Fanaryuk Ksenia Anatolyevna; teacher, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА, Pobedy boulevard, 5a, Oryol, 302028, Russian Federation; ksiuha1996@mail.ru.

УДК 37.016:811.11]:159.953

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНЕМОТЕХНИК В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

Терновых Т.Ю.

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация: Статья посвящена вопросу оптимизации процесса изучения грамматической стороны иноязычной речи с помощью мнемотехник. Дается классификация мнемотехник и приводятся примеры их применения по отношению к различным грамматическим явлениям немецкого языка.

Ключевые слова: Мнемотехники, мнемические приемы, мнемическая деятельность, грамматическая сторона иноязычной речи, оптимизация процесса изучения иностранного языка.

Abstract: The paper deals with the issue of optimization of studying the grammar aspect of speech in foreign language through the use of mnemonics. A classification of mnemonics is proposed as well as examples of their use are provided for different grammar topics in German.

Key words: Mnemonics, mnemonic techniques, grammar aspect of speech in foreign languages, optimization of foreign language learning.

Во время учебного процесса как школьникам, так и студентам приходится запоминать большой объем информации. К сожалению, многие

прибегают к заучиванию наизусть, зубрёжке, что является эффективным только в небольшом количестве случаев. Обучающиеся стараются применять различные приёмы, чтобы информация осталась в памяти, но так как это происходит скорее стихийно и не осмысленно, то быстро забывается. На помощь могут прийти мнемотехники, позволяющие запоминать информацию как на родном, так и на иностранном языке. Факты из школьной программы, специальные термины при подготовке специалистов в вузе, информация на иностранном языке и для его изучения – всё это возможно эффективно запомнить, применяя мнемоники или мнемотехники, представляющие собой «совокупность приёмов, имеющих целью облегчить запоминание возможно большего числа сведений, фактов» [1, с. 144]. В ходе мнемической деятельности обучающиеся проводят 4 операции: 1) понимание смысла структуры информации; 2) группирование информации по определённому признаку (в зависимости от вида информации); 3) структурирование информации на основе внутригрупповых связей (в зависимости от цели запоминания и самого материала); 4) определение межгрупповых взаимосвязей.

Особое место мнемотехники занимают в процессе изучения иностранного языка. Более распространены мнемические приёмы, направленные на запоминание иноязычной лексики. В данной статье мы рассмотрим мнемотехники, позволяющие запоминать грамматические правила иностранного языка, приведём распространённые примеры разных авторов на немецком языке и предложим свои собственные.

Начнём с теоретических основ, при анализе которых мы можем рассмотреть следующую классификацию мнемотехник:

1. метод группирования информации по определённому признаку (деление на «блоки» (например, деление существительных по типам склонения, деление глаголов на сильные и слабые и т.п.);

2. метод места или метод Цицерона: когда нужно запомнить информацию и обучающийся, прогуливаясь по своей комнате или по городу,

мысленно закрепляет часть информации за предметом мебели / зданием в городе, и при последующей прогулке снова воспроизводит эту информацию;

3. метод связок, связующих звеньев или цепной метод: когда мы объединяем слова / явления в связную цепочку, в небольшую историю или в предложение;

4. метод акронимов: когда мы строим слов из начальных букв тех слов / явлений, которые необходимо сберечь в памяти, и запоминаем только этот акроним, зная, что за ним скрыто;

5. метод зрительных или / и слуховых ассоциаций;

6. метод визуализации: как мысленной, так и наглядной (например, в виде рисунка);

7. метод ассоциации с родным или другим иностранным языком;

8. метод рифмовки и ритмизации;

9. метод ключевых слов, когда слово или явление запоминается на основе схожести с произношением слова родного или другого иностранного языка;

10. метод создания квазислов, т. е. придуманных, несуществующих слов.

Приведём примеры мнемотехник почти каждой из рассмотренных групп, найденных в сети интернет, в пособиях других исследователей, и свои собственные. Как упоминалось ранее, в данной статье мы рассматриваем грамматический материал немецкого языка.

В качестве примера группировки возможно распределять существительные в рамках одной темы по трём столбцам: мужской, средний и женский род. При этом эффективно применять визуализацию путём выделения артиклей каждого рода различным цветом. В столбики можно группировать и слабые и сильные глаголы в изучаемой лексической теме. Возможно структурировать и запоминать грамматические термины, собирая их по алфавиту или в произвольном порядке и записывая эквивалент на родном и / или первом иностранном языке. Для лучшего запоминания предлогов с

дательным или винительным падежом можно применять Wortigel, где в центре будет написан соответствующий падеж, а по расходящимся ветвям – предлоги.

Применяя метод места или Цицерона обучающийся может закреплять, например, глаголы, после которых не употребляется частица «zu» (lehren, lernen, nennen, heißen, schicken, bleiben, helfen) за определённым предметом мебели или за зданиями по пути в школу / университет. Проходя по комнате или отправляюсь на учёбу / возвращаясь с учёбы, следует повторять данные глаголы.

Для лучшего запоминания предлогов, после которых употребляется винительный падеж, придумываем связную историю: **Gegen** 8 Uhr läuft Hans die Straße **entlang** und biegt **um** die Ecke, um **ohne** Verspätung zu kommen und **für** seine Freundin die Blumen zu kaufen: das muss er **bis** 8 Uhr abends machen.

Пример применения метода акронимов для запоминания сочинительных союзов, после которых не меняется порядок слов в предложении, представляет известный учёный-методист Н.Ф. Бориско: **ADUSO** – **a**ber, **d**enn, **u**nd, **s**ondern, **o**der [2, с. 75]. Мы используем в нашем примере не первые, а последние буквы артиклей, чтобы составить сокращение для запоминания артиклей при склонении. Для женского рода: **ERRE** – **d**ie, **d**er, **d**er, **d**ie. Для множественного числа: **ERNE** – **d**ie, **d**er, **d**en,**d**ie.

Очень эффективны для запоминания рифмовки и ритмизация. Часто их используют для запоминания предлогов, употребляемых с определённым падежом, например, предлогов, требующих дательного падежа: *Aus, bei, mit, nach, seit, von, zu* – 7 sind es an der Zahl wünschen stets den dritten Fall. *Aus, bei, mit, nach, seit, von, zu* fordern Dativ immerzu! Чтобы ориентироваться в употреблении верного падежа после предлогов, указывающих на ориентирование в пространстве, можно запомнить следующую рифмовку: *Über, unten, vor* und *zwischen, an, auf, hinter, neben, in* nehmen Dativ nach dem „wo?“ und Akkusativ nach „wohin?“ [2, с. 74-75]. Также для запоминания таких предлогов часто добавляют ритмизацию и поют их, накладывая на известные мелодии детских песен. В сети интернет мы можем также увидеть пример

применения рифмы и ритмизации при изучении трёх форм сильных глаголов: Welche ist die schönste Sprache auf der Erde? Das ist das, was ich dir jetzt erzählen werde. Man kann es beweisen, und zwar rein phonetisch: selbst die starken Verben klingen ja poetisch! Schreiben, schrieb, geschrieben; treiben-trieb-getrieben; reiben-rieb-rieben; bleiben-blieb-geblieben ... [3]. Полный текст песни можно найти на сайте, указанном в списке литературы. Также пропеть данную песню можно, используя ссылку на канале youtube: https://www.youtube.com/watch?v=IXs5g_Fr8RY . В этом же источнике находим и другие песни, которые послужат опорой для запоминания определённых предлогов: https://www.youtube.com/watch?v=9BvVFrHk_f0 , https://www.youtube.com/watch?v=33_fla9uWYk или для работы с темой Perfekt: <https://www.youtube.com/watch?v=KPoVPTX76Io> .

Мы можем предложить рифмовки и для запоминания порядка слов в придаточном предложении: «Ich weiß nicht, wie es ihm **geht**». Hier am Ende steht das Verb. „Er weiß, dass er viel **spendet**“. Setz das Verb im Satz ans Ende! Или для запоминания грамматической конструкции Accusativus cum infinitivo, в которой частица «zu» перед инфинитивом не употребляется: Ich höre sie singen, ich sehe ihn springen. Hier gebraucht man „zu“ nicht. Wiederhol dieses Gedicht!

Интересен метод создания квазислов. Приведём пример Н.Ф.Бориско, которая предлагает запоминать род существительных немецкого языка, прибавляя к их переводу на русский язык окончание, типичное для определённого рода. Этот приём способствует запоминанию рода немецких слов, если он не совпадает с родом в родном языке: **Der** Sessel (m) – кресл, **das** Regal (n) – полкo, die Couch (f)– дивана [2, с. 72].

Чтобы сохранить в память изменение корневых гласных в трёх формах сильных глаголов, представим следующую мнемотехнику. Для глаголов группы bieten, fliegen подбираем существительное, в котором есть гласные, присутствующие во 2-ой и 3-ей формах данных глаголов: **Zoo** и запоминаем это слово и группу глаголов, в которых происходят данные изменения (bieten, bot, geboten). Приведём примеры для других групп глаголов. **Zwickau** – singen,

zwingen. **Oregano** – bewerben, nehmen usw. Teek**anne** – essen, treten usw. **Vitamine** – sitzen, liegen usw. West**afrika** – nennen, rennen usw. Ach! **Hurra!** – laden, wachsen usw.

В заключение отметим, что подбор мнемотехник индивидуален и зависит от типа обучающегося (по каналу восприятия информации), его учебных привычек. Такие приёмы можно найти в сети интернет, в методических источниках, но часто бывает полезно разрабатывать их самостоятельно: в таком случае они бывают наиболее эффективны.

Список литературы:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – С. 144.
2. Бориско Н.Ф. Сам себе методист или советы изучающему иностранный язык. – Киев: «Фирма «ИНКОС», 2001. – 267 с.
3. De-online.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: https://www.de-online.ru/news/ctishok_dlja_zapominanija_nepravilnykh_glagolov/2018-04-26-484].

Сведения об авторе:

Терновых Тамара Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95;
t-ju-7@yandex.ru

Ternovych Tamara Yuryevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; t-ju-7@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И УПРАВЛЕНИЕ ИМИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Яковлева Ю.М.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье представлены типологии педагогических конфликтов, выявлена специфика конфликтов на уроках иностранного языка и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: педагогический конфликт, урок иностранного языка, разрешение конфликта.

Y.M. Yakovleva

PEDAGOGICAL CONFLICTS AND CONFLICT MANAGEMENT IN THE FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM

The article presents pedagogical conflicts classification, explores the specifics of conflicts in the foreign language classroom and suggests ways of resolving them.

Key words: pedagogical conflict, foreign language lesson, conflict resolution.

На сегодняшний день констатируется печальная статистика взрывного роста школьных конфликтов. По мнению отечественных и зарубежных исследователей полностью устранить школьные конфликты невозможно, так как они являются неизбежной характеристикой общественной жизни и вытекают из особенностей человеческой природы, однако, каждому учителю необходимо знать, как уменьшить их интенсивность, продолжительность и остроту, чтобы не пострадал учебно-воспитательный процесс. Несмотря на то, что проблематика педагогического конфликта довольно широко исследована, специфика конфликтов на уроке иностранного языка ещё мало изучена.

Отсутствие специальных исследований потенциально влечет за собой заблуждение, в том, что обучение иностранному языку аналогично другим предметным областям, что приводит к пренебрежению его конкретными характеристиками.

Термин «конфликт» является междисциплинарным понятием, которое изучается такими науками как психология, социология, политология, педагогика, история, философия и др. «Конфликт» происходит от латинского *conflictus* - «столкновение» и обозначает столкновение сил, сторон, мнений и интересов людей, вызывающее определенные действия [5, с.12]. Анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что источником конфликта являются противоречия, вызванные неудовлетворенностью потребностей конфликтующих сторон [3, с.43]. В силу того, что для нас интерес представляют конфликты, протекающие в образовательной среде, необходимо обратиться к специфике педагогического конфликта.

С.В. Баныкина отмечает, что педагогический конфликт проявляется в кризисе отношений между двумя субъектами и обострении противоречий между ними [1]. Противоречия возникают в процессе межличностного и профессионального взаимодействия субъектов образовательного процесса и приводит к негативному эмоциональному фону общения. По мнению В.В. Базелюк, педагогический конфликт – явное противостояние участников образовательного процесса, катализатором которого становятся обострившееся педагогические противоречия. Конфликт возникает из-за взаимного неприятия субъектами образовательных целей, требований, интересов друг друга [2]. Так как обе трактовки отмечают наличие противоречий, возникающих в учебно-воспитательном процессе, целесообразно рассмотреть противоречия дифференцированно по отношению к субъектам педагогического конфликта. Так, с позиции педагога это неудовлетворенность избранной профессией; ответственность за качество образования и благополучие учащихся; неудовлетворенность учителя отношением со стороны окружающих (учащихся, администрации, коллег, родителей); однообразие педагогической деятельности;

строгое планирование в рамках данной педагогической системы; неудовлетворённая потребность в использовании новых методических подходов. С позиции учащегося возможно влияние возрастных периодов на поведение; индивидуальные, психологические особенности личности ученика; непонимание действий со стороны педагога, как в сфере преподаваемого предмета, так и по отношению к учащемуся; недовольство тем, как учитель преподносит учебный материал [7, с.28-29].

Названные противоречия, а также еще целый ряд причин (культурные различия, отсутствие мотивации, переполнение классов, личные и семейные проблемы обучающихся, низкий уровень коммуникативной культуры учителей, незнание педагогами психологии личности, индивидуально-возрастных особенностей детей, и т.д.) приводят к нарушениям поведения в классе. Наиболее типичными формами плохого поведения в классе являются посторонние разговоры, использование смартфонов, невнимательность, агрессивность, перемещения по классу, шум, крики, невыполнение указаний учителя, агрессия, обман. В исследованиях можно встретить и деление нарушений поведения по степени серьезности: плохое поведения (опоздания, разбрасывание мусора, отвлечение других учащихся и т.д.), неприемлемое поведение (пропуски, грубость по отношению к учителю и учащимся, списывание, крики и т.д.), серьезные нарушения (насилие, издевательства, угрозы, вандализм, курение и т.д.) [10]. В зависимости от типа нарушения учителю необходимо принимать соответствующие меры пресечения. Что касается уроков иностранного языка, то помимо названных форм плохого поведения характерных для всех уроков, отдельно отмечаются переход на родной язык, нежелание принимать участие в ходе урока и изучать язык, посторонние разговоры, нарушающие ход урока иррелевантные вопросы [8].

Важным звеном в понимании природы педагогического конфликта и управления им является изучение динамики конфликта и стадий его развития. Выделяют латентную стадию (предконфликтная ситуация), стадию открытого конфликта и стадию разрешения конфликта [6].

Предконфликтная ситуация в педагогической среде ознаменовывается психологическим напряжением в коллективе. Существуют конкретные признаки, сигнализирующие о приближении конфликта [4]: 1) кризис (действия людей по отношению друг к другу приобретают негативный оттенок, растут взаимные претензии, наступает кризис отношений); 2) недоразумение (один из субъектов испытывает эмоциональное напряжение, которое мешает ему трезво оценивать происходящее и окружающую обстановку); 3) инцидент (любое действие участника, даже незначимое, вызывает агрессию и раздражение со стороны другого участника); 4) напряжение (состояние стресса, мешающее человеку адекватно оценивать происходящее, изменяющее его привычные действия, что вызвано взаимодействием с конкурентом); 5) дискомфорт (тревожное внутреннее или внешнее состояние, отражающееся на физическом самочувствии, настроении).

Знание признаков приближающегося конфликта позволяет предпринять попытки разрешить его мирным путём, не прибегая к радикальным действиям, через проведение разъяснительной беседы. Если подобная профилактика не приведёт к положительной динамике, конфликт переходит в открытую стадию. Педагогические конфликты стремительно начинаются, катализатором является нарушение социально значимых норм одним из его субъектов. Затем следует ответная реакция соперника, от которой зависит динамика и исход конфликта.

В случае перехода конфликта в открытую стадию, возможны несколько вариантов развития событий. Конфликт может быть предотвращён, если объект разногласий перестаёт существовать. Достичь это можно двумя способами: привлечь в качестве эксперта лицо, способное дать объективную оценку происходящему, или через уступку одной из конфликтующих сторон другой.

Подавление конфликта должно быть направлено на сокращение числа конфликтующих сторон в деструктивной фазе конфликта, применение системы заранее разработанных правил и стандартов, регулирующих отношения между потенциально конфликтующими сторонами, что поможет не допустить дальнейшего развития конфликта.

Если же разрешение конфликта на месте не представляется возможным, его можно отсрочить, приняв временные меры, способствующие ослаблению эмоциональных проявлений конфликта, изменению взглядов конфликтующих сторон, снижению значимости предмета конфликта в сознании конфликтующих сторон.

Знание стадий развития педагогического конфликта чрезвычайно важно для учителя, так как даёт возможность его предотвратить. В педагогической деятельности особое значение имеют профилактика, устранение инцидента и анализ конфликтной ситуации.

Помимо этого также существует и широкий спектр приёмов, которые учитель может применять для преодоления плохого поведения учащихся, установления дисциплины и создания позитивной учебной среды. Важно напомнить, что проблемное поведение редко возникает в успешных языковых классах, где студенты заняты, имеют адекватный уровень самооценки, и отсутствуют стимулы вести себя плохо, нарушать дисциплину или создавать барьеры между собой и другими участниками образовательного процесса. На таких уроках связь, установленная между учителем и учениками, играет решающее значение. Чтобы обеспечить позитивную атмосферу в классе Дж. Скривенер рекомендует устанавливать требования в начале года и в дальнейшем их придерживаться, продумывать ход урока заранее, вовлекать учащихся в работу, соблюдать равенство по отношению ко всем членам группы [10, с.157-158].

Однако, иногда, несмотря на усилия учителя по созданию успешной учебной среды, ситуация выходит из-под контроля, и учащиеся начинают вести себя неподобающим образом. Важно то, как учитель отреагирует в таких ситуациях. Первая задача состоит в том, чтобы выяснить, в чем заключается проблема. Дж. Хармер приводит следующие универсальные рекомендации по разрешению конфликтов [9, с.127-133]:

- 1). Действуйте незамедлительно. Чем дольше проблема остаётся неразрешённой, тем труднее в дальнейшем с ней совладать. Незамедлительная

реакция может заключаться в прекращении разговора, паузе и смирения ученика взглядом;

2). Сосредоточьтесь на поведении учащегося, а не на его личности. Недопустимо унижение ученика, учителю необходимо сохранять спокойный и дружелюбный тон, критиковать разумно и справедливо, не стремясь задеть чувства учащегося;

3). Сохраняйте спокойствие. Крики учителя не успокаивают учеников, не разряжают обстановку, а наоборот повышают общий уровень шума и в классе. Чтобы повлиять на поведение учеников, нужно смотреть им в глаза и говорить спокойным тоном, взвешенно и обстоятельно. Следует начинать с вопросов, чтобы выяснить, почему они ведут себя таким образом;

4). Двигайтесь вперёд, невзирая на помехи. Не стоит фокусироваться на мелких нарушениях дисциплины. Можно перейти к следующему этапу урока или спросить другого ученика. В крайних случаях, возможно, прибегнуть к изменению упражнения, чтобы найти выход из ситуации и позволить обучающимся переориентироваться;

5) Обсудите ситуацию наедине;

6) Используйте понятные и ожидаемые санкции. Необходимо донести до учеников идею об определённых последствиях их поступков. Схема «если совершить действие X, последует результат Y» должна быть ясна и понятна учащимся.

Что касается разговора наедине Дж. Петти [11, с.110-117] предлагает трехэтапный подход к таким разговорам при общении с подростками. Он называет стадии 'chat', 'word' и 'telling off'. На стадии 'chat' учитель должен заверить ученика о том, что он его уважает и верит в то, что он сможет справиться со своим поведением. На второй учитель должен быть настойчивее и строже, призывая ученика решить, созданную им же проблему. На стадии «выговор» учитель даёт понять, что поведение ученика недопустимо, и что его нужно незамедлительно изменить.

К описанным способам разрешения конфликтов следует добавить те, которые были получены в результате опроса учителей иностранного языка [8]. Во-первых, это четко определенные правила поведения в классе. Они объясняют учащимся, что они должны делать и не должны делать в классе. Необходимо постоянно напоминать учащимся о правилах в позитивном ключе. Они должны знать, что находятся в формальной среде, и эта обстановка имеет свои нормы. Во-вторых, это отказ от наказаний. Применение наказания часто приводит к конфликту со всем классом. Кроме того, существует мнение, что после наказания уровень беспокойства учащихся часто растет, что усугубит проблему поведения. Вместо того, чтобы наказывать учеников, большинство учителей выступают за использование приемов, которые описаны ранее и конструктивное решение конфликта. В-третьих, отмечалось использование языка тела и невербальных сигналов, чтобы дать ученикам понять, что они ведут себя неправильно. Невербальные сигналы более эффективны, чем вербальная коммуникация для избегания напряженности между учителем и учениками. Например, если учащийся часто болтает с соседом, можно фиксировать на нём взгляд, «сверля» его глазами. Возможно также и изменение тона голоса. Повышение голоса является одной из наиболее распространенных стратегий избежать или остановить плохое поведение учеников. Учителя считают это эффективной стратегией, поскольку она не требует паузы в уроке и не вызывает конфликта между учителем и учениками. Многие учителя отмечали необходимость сохранять позитивный настрой. По словам учителей, не гнев, а позитивное отношение решает проблемы быстрее и эффективнее, обеспечивает уважение к учителю.

Что касается разрешения ситуации типичной для уроков иностранного языка и связанной с нежеланием говорить на нем, то здесь также эффективны четкие правила, регламентирующие, когда использование родного языка допустимо, а когда контрпродуктивно. Также важен подбор заданий, создание доброжелательной атмосферы в классе, убеждение и другие стимулы.

Таким образом, изучение природы педагогического конфликта и знание способов разрешения конфликтов на уроке иностранного языка позволяют учителю осуществлять учебно-воспитательный процесс в бесконфликтной среде, достигать более успешных результатов в работе.

Список литературы:

1. Баныкина С. В. Педагогическая конфликтология: состояние, проблемы исследования и перспективы развития//Современная конфликтология в контексте культуры мира. Москва, 2001, с. 373-394.
2. Базелюк В. В. Конфликтологическая подготовка будущего учителя в педагогическом вузе (Методология, теория, практика). Екатеринбург, 2005.
3. Бережная Г. С. Формирование конфликтологической компетентности общеобразовательной школы: автореф. дис. канд.пед.наук: 13.00.08 / Г. С. Бережная; Рос. гос. универ. Калининград, 2009.
4. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. Санкт-Петербург: Питер, 2000.
5. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2000.
6. Журавлёв В.И. Основы педагогической конфликтологии. – М.: Российское педагогическое агентство, 1995.
7. Курочкина, И.А. Педагогическая конфликтология: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013.
8. Debreli E., Ishanova I. (2019) Foreign language classroom management: Types of student misbehaviour and strategies adapted by the teachers in handling disruptive behaviour, Cogent Education, 6:1, 1648629, DOI: 10.1080/2331186X.2019.1648629
9. Harmer J. The Practice of English Language Teaching, Longman, 2001.
10. Scrivener J. Classroom management techniques. Cambridge University Press, 2012.

11. Wolfgang, C. H., Glickman, C. Solving discipline problems: Strategies for classroom teachers. Newton, MA: Allyn & Bacon, 1986.

Сведения об авторе:

Яковлева Юлия Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; julia_for_friends@rambler.ru, 8- 953- 478- 54-74

Yakovleva Yulia Mikhailovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Orel State University named after I.S. Turgenev; 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026; julia_for_friends@rambler.ru , 8- 953- 478- 54-74

УДК 811.111(072.8)

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ
УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ЯЗЫКОВОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Иванова Е. И.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Яковлева Ю.М.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу профессиональной компетенции преподавателя иностранного языка в высшем учебном заведении и рассмотрению её аналитического компонента. Рассматриваются ошибки, допускаемые студентами магистратуры при осуществлении комплексного

методического анализа занятия. Выявлена и обоснована необходимость дифференциации аналитических умений относительно занятий в высшем учебном заведении в отличие от занятий в школе.

Ключевые слова: профессиональная компетенция учителя иностранного языка, анализ, комплексный методический анализ урока, аналитические умения.

E.I. Ivanova
Y.M. Yakovleva

TEACHING PRACTICE AS A MEANS OF ENHANCING PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS AT PEDAGOGICAL INSTITUTES OF FOREIGN LANGUAGES

Abstract: The article focuses on professional competence analysis of foreign language teachers working at university and its analytical component. The article examines mistakes made by graduate students in comprehensive methodological lesson analysis. The necessity of differentiating analytical skills applicable to school and university levels is brought to light and substantiated.

Key words: foreign language teachers' professional competence, analysis, comprehensive methodological lesson analysis, analytical skills.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что самоанализ проведенных занятий и анализ занятий коллег играет важную роль в осуществлении успешной педагогической практики как в школьных учебных заведениях, так и в вузе. Ведущие ученые и методисты Е.Н. Соловова, И.А. Зимняя и многие другие отмечают аналитический компонент профессиональной компетенции как один из основных и необходимых для формирования других аспектов компетентности учителя.

Согласно И.А. Зимней, для успешного выполнения гностической функции необходимо три компонента, среди которых изучение результатов собственной педагогической деятельности. Таким образом, аналитический компонент включен в структуру основных педагогических функций [3, с. 271].

Е.Н. Соловова дифференцирует аналитические умения учителя в зависимости от категории. Следуя из созданной ей структуры профессиональной компетенции, любой учитель должен иметь представление о параметрах анализа занятия и уметь адекватно анализировать собственные занятия, дав оценку материально-методической базе занятия. [2, с. 219]

Таким образом, умение анализировать занятия является важной составляющей профессиональной компетенции учителя и, поэтому, очень важно сформировать это умение на этапе педагогической практики в вузе и школе.

Согласно словарному определению, анализ урока – это разбор учебного занятия в целом и отдельных его сторон. В педагогических учебных заведениях он используется как средство обучения студентов педагогическому мастерству. Анализ урока активно применяется в процессе педагогической практики студентов [1, с.15], являясь одним из ключевых компонентов отчетной документации и основных параметров оценивания деятельности студентов-практикантов.

Необходимость более подробного изучения сущности анализа урока заключается в том, что важно учитывать сразу три аспекта: педагогический, психологический и аналитический. Внимание педагога-методиста должно быть одновременно направлено на совокупность факторов, обеспечивающих успешность и эффективность выполняемых на уроке действий.

Однако, если специфика анализа школьного урока хорошо изучена и понятна студентам-практикантам, то анализ занятий в высших учебных заведениях, с которыми необходимо работать студентам-магистрантам, может вызвать затруднения, так как специфика учебного процесса в вузе отличается от школьной по многим параметрам, таким как содержание обучения (темы,

ситуации общения, речевые умения и т.д.), продолжительность и этапы занятия, ожидаемые результаты.

В ходе анализа отчетной документации студентов-магистрантов по производственной и педагогической практике в языковом вузе, выяснилось, что многие студенты испытывают трудности при осуществлении анализа занятий по иностранному языку из-за ряда аспектов. В результате обобщения были выявлены следующие проблемы:

1. Анализ без учета специфики работы в языковом вузе. Большинство студентов анализировали занятие, основываясь на представлениях о школьном учебном процессе. Однако, уровень владения языком и коммуникативная компетенция студентов вуза отличается от школьного. Следовательно, требования к ходу обучения и ожидаемые результаты будут другими.

Например, в одном из анализов студентка отмечает, что переводной способ семантизации лексики являлся целесообразным, в то время как уровень языковой компетентности студентов позволял использовать дефиниции, антонимы, синонимы и многие другие беспереводные методы. В нескольких других работах отсутствует анализ количества введенных языковых единиц, степень проработки материала, соответствие материала уровню владения языком. Эти аспекты являются важной частью работы в языковом вузе, так как будущие студенты будут использовать иностранный язык не только на уровне бытового общения, но и в профессиональной сфере.

2. Использование описания как основной формы анализа. В работах студентов-практикантов преобладают обобщенные описательные тезисы о занятии, содержащие высказывания скорее оценочного характера, чем объективного. Мнения не подкрепляются фактами и примерами и очень часто никак не аргументированы. Например, в одной из работ можно увидеть следующие утверждения: «цели были доведены до обучающихся, полностью усвоены. При подготовке и проведении занятия был учтен уровень подготовленности обучающихся». Студентка не объясняет, что значит «полностью усвоены», каким образом был учтен уровень подготовки. А именно

это и является целью анализа, углубиться в процесс и найти объяснения, причины такого методического хода, чтобы в дальнейшем делать осознанный выбор в своей собственной работе.

3. Неверное использование методических терминов или полное их отсутствие. В работах студентов есть большое количество методических неточностей. Например, «домашняя работа носит закрепляющий характер». Многие работы основаны на субъективных суждениях и не содержат научного, методического компонента. Авторы работ описывают дружескую атмосферу, оптимальную форму работы, сплоченность, активность и так далее. С одной стороны, это, как и многие другие аспекты урока очень важны для будущих педагогов. С другой стороны, необходимо рассматривать занятие более комплексно с трех сторон: методической, педагогической и психологической. Помимо эмоционального климата, многие студенты забывают отметить и обосновать типы связей между упражнениями, соблюдение или несоблюдение методических принципов, способы семантизации, языковой, условно-речевой или речевой характер заданий и многое другое.

Таким образом, по нашему мнению, существует необходимость исследовать возможности развития аналитических умений учителя, включая специалистов с высшим образованием, планирующих продолжать работу в высшем учебном заведении.

Список литературы

1. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. 2009.

2. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций: Пособие для студентов педагогических вузов и учителей. — 4-е изд. — М.: Просвещение, 2006 — 219с., табл.

3. Зимняя И.А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2005 С. 173.

Сведения об авторах

Иванова Екатерина Игоревна, студентка 2-го курса магистратуры, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; katee1036@gmail.com, 8- 919-207-00-36

Ivanova Ekaterina Igorevna, second-year graduate student, Orel State University named after I.S. Turgenev; 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026; katee1036@gmail.com, 8- 919-207-00-36

Яковлева Юлия Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; julia_for_friends@rambler.ru, 8- 953- 478- 54-74

Yakovleva Yulia Mikhailovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Orel State University named after I.S. Turgenev; 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026; julia_for_friends@rambler.ru , 8- 953- 478- 54-74

УДК 37.091.33-028.23:811.1/.8]:004.738.5

ДИДАКТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ К РЕСУРСАМ МЕДИАТЕКИ

Якушев М.В.

**Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел, Россия**

Аннотация: В статье представлен анализ возможностей использования мультимедийных средств в образовательном процессе. Дается описание типов заданий и этапов работы с аудио- и видеоматериалами, размещенными в сети Интернет, на основе профессионального опыта приводятся основные характеристики рабочих листов как дидактического сопровождения к аудио – и видеоматериалам.

Ключевые слова: мультимедийные средства, ресурсы, рабочие листы, типы заданий, этапы работы, дидактическое сопровождение

Abstract: The article presents an analysis of the possibilities of using multimedia tools in the educational process. The description of the types of tasks and stages of working with audio and video materials posted on the Internet is given, based on professional experience, the main characteristics of worksheets as didactic support to audio and video materials are given.

Key words: multimedia tools, resources, worksheets, types of tasks, stages of work, didactic support

Использование мультимедийных средств в процессе обучения иностранным языкам, особенно в вузе, достаточно популярно. Существует множество аудио- и видеоматериалов, ведь темы, обсуждаемые на данной ступени обучения – молодежь, политика, субкультуры, экономика, выбор профессии, профессиональная деятельность и т.д. – достаточно обширно освещаются в прессе, находятся в свободном доступе на страницах Интернета. Проблема, однако, заключается в том, что дидактическое сопровождение к подобным материалам зачастую отсутствует. Это снижает продуктивность их использования. Возникает вопрос: как правильно организовать работу с медиатекой, обеспечить эффективное предъявление, полноценное понимание и усвоение учебного материала? Актуальность проблемы обусловлена также увеличением объема часов, отводимых на самостоятельную работу студента, что предполагает серьезную подготовительную работу преподавателя по обеспечению обучающихся соответствующими материалами и заданиями к ним.

В обучении иностранным языкам наиболее распространены аудиозаписи. Видеоматериалы являются, однако, высшей формой ситуативной наглядности. Одновременное задействование двух каналов восприятия – зрительного и слухового, присутствие паралингвистических средств облегчают восприятие,

делают его эмоционально окрашенным, существенно снимают трудности понимания.

В методической науке проведено достаточное количество исследований, посвященных классификации аудио – и видеоматериалов, описанию их функций и этапов работы с ними (О.В. Барменкова, Ю.А. Комаров, В.И. Сосновский, И.А. Щербакова, М. Brandi, D. Macaire, W. Nosch и др.).

В зависимости от преобладающей деятельности обучающихся и поставленных целей при работе с аудиозаписями и видеосюжетами мы считаем необходимым выделить **четыре этапа работы** и, соответственно, четыре типа заданий:

1. подготовительный (снятие разнообразных трудностей восприятия);
2. рецептивный (задания на восприятие, понимание и запоминание, структурирование информации);
3. репродуктивный (тренировка обучающихся в рамках условно-речевых упражнений с использованием содержательно-смысловых опор);
4. продуктивный (обеспечение практики в общении - дискуссии, ролевые игры, построение аргументативного высказывания, проектная деятельность и т.п.)

В соответствии с принципом аутентичности обучающимся предъявляются всевозможные радиотрансляции, блоки новостей, реклама, спортивные и исторические хроники, фрагменты ток-шоу, документальных и художественных фильмов и т.д. Очевидно, что перед преподавателем стоит задача обеспечить дидактическое сопровождение предлагаемого к усвоению материала, продумать четкие и подробные инструкции, ясно, конкретно и доступно сформулировать задачу и, как следствие, предложить серию заданий для каждого из вышеупомянутых этапов.

Наиболее рациональным способом предъявления таких заданий мы считаем использование **рабочих листов (Arbeitsblätter)**, которые составляются преподавателем в письменной форме заранее и существенно облегчают понимание аудио- или видеофрагмента. Сформулированные на рабочих листах

задания (которые могут прорабатываться в индивидуальном, групповом или парном режимах), способствуют ясному пониманию поставленных перед обучающимися задач, делают процесс восприятия и всю последующую работу целенаправленными.

Анализ разработок, представленных на известном немецкоязычном сайте «Deutsche Welle», предлагающем разнообразные видеоматериалы с методическим сопровождением, позволяет сделать следующие выводы:

1. В представленных разработках соблюдается последовательность работы с видеофрагментом - имеются подготовительный, рецептивный, репродуктивный и продуктивный этапы, однако, наблюдается однообразность и однотипность предлагаемых заданий;

2. На подготовительном этапе основное внимание уделено работе с новой лексикой. Обычно это одно задание, направленное либо на перевод, либо на заполнение пропусков (Lückentest), отсутствуют творческие задания с ассоциограммами, схемами и т.д., которые нацелены на прогнозирование, введение обучающихся в тему, привлечение их собственного опыта;

3. Рецептивный этап ограничивается, как правило, тестами множественного выбора, предусматривающими контроль детального понимания;

4. Репродуктивный этап также не отличается разнообразием заданий. К тому же, разработчики никогда не отступают от двухразового просмотра, что, на наш взгляд, противоречит условиям аутентичности предъявляемого материала. В любом случае, повторный просмотр / прослушивание нуждаются в предваряющей задаче, нацеленной на выполнение конкретизированного задания.

5. Продуктивный этап формально присутствует, но предлагаемые задания не совпадают с изначальным его предназначением – формирование собственно коммуникативных умений в процессе выполнения ситуативных упражнений, предполагающих подлинно речевое взаимодействие в процессе

групповой или парной работы, либо составление индивидуального неподготовленного высказывания в устной или письменной форме.

Учитывая названные недостатки, а также опыт собственной профессиональной деятельности, попытаемся сформулировать **основные характеристики рабочих листов** как дидактического сопровождения к аудио – и видеоматериалам. Итак, рабочие листы, на наш взгляд:

- способствуют развитию алгоритма решения задач, демонстрируют различные способы и вырабатывают стратегию посредством иерархической последовательности выполнения заданий;
- экономят время выполнения, поскольку предлагаются в письменном виде, не требуют дополнительных разъяснений;
- носят, как правило, практическую направленность в сочетании с развивающим, творческим характером, формируют практические умения;
- способствуют осмыслению информации, помогают устанавливать причинно-следственные связи, формируют и развивают стратегическую и дискурсивную компетенции;
- способствуют развитию самостоятельности в выборе способов решения задачи, приобретении, усвоении и применении знаний;
- обеспечивают эффективный контроль хода выполнения поставленных задач и конечного результата;
- формируют навыки самоконтроля и самокоррекции;
- компактны, четко структурируют предлагаемый материал, фокусируют внимание на наиболее существенных элементах, что облегчает его запоминание, усвоение и применение;
- стимулируют коммуникативное партнерство обучающихся;
- способствуют проявлению творческой активности, демонстрации творческих способностей, обучающихся;
- облекают материал в доступную форму, исходя из уровня обученности и особенностей обучающихся;

- воздействуют на эмоциональную и мотивационную сферу, так как содержат актуальный материал, стимулирующий познавательную деятельность и интеллектуальное развитие обучающихся;
- способствуют развитию общеучебных умений анализа, сопоставления, оценки, аргументации, структурирования и систематизации.

Таким образом, мы полагаем, что составление рабочих листов с учетом выделенных особенностей способно повысить продуктивность обучения и эффективность обращения к ресурсам медиатеки. Представленные в системе задания, ориентирующие на выполнение целенаправленных действий, повысят результативность самостоятельной работы обучающихся, сделают процесс усвоения не только управляемым и контролируемым, но и живым, интересным, эмоциональным в силу потенциальной проблемности содержания аутентичных источников.

Составление рабочих листов требует, безусловно, больших временных затрат со стороны преподавателя и наличие определенных профессиональных умений. Выделенные этапы работы и типы упражнений, функции и особенности рабочих листов будут использованы нами впоследствии при формулировке требований к разработке дидактического сопровождения для аудио- и видеоматериалов.

Сведения об авторе:

Якушев Максим Валерьевич; кандидат педагогических наук, доцент, директор Института иностранных языков Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; yakushev.m@yandex.ru; +9536258466.

Yakushev Maxim Valerjevich; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Foreign Languages of the I. S. Turgenev Orel State University, 95 Komsomolskaya str., Orel, 302028, Russian Federation; yakushev.m@yandex.ru; +9536258466.

РАЗДЕЛ №3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 811.133.1

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Козельская Е.А.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода названий литературных произведений, в частности, русской художественной литературы, ставшие объектом обратного перевода. В корпус статьи включены дидактическое упражнение и небольшой текст, предназначенные для работы студентов по поиску оптимального переводческого решения.

Ключевые слова: литературное произведение, название, перевод, вариант, автор.

Специалист в переводе должен быть человеком эрудированным и начитанным. Довольно часто переводчик сталкивается со ссылками на литературное произведение и с необходимостью передать на переводящем языке его название. Тем более он обязан продемонстрировать точность, когда речь идет о произведении, написанном на его родном языке. Если с классическими прозой и поэзией все более или менее ясно, то с художественными произведениями последних лет нельзя полагаться только на память или интуицию; следует консультироваться со справочниками или литературными журналами. Следующий небольшой список литературных произведений показывает, что, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность выбора варианта переводчиком, рекомендуется обратиться к тому наименованию, которое дано автором и под которым текст опубликован издательством.

Boris Akounine Histoires de cimetière «Кладбищенские истории», Le Gambit turc «Турецкий гамбит», Azazel «Азазель» ; Vassili Axionov Oranges du Maroc «Апельсины из Марокко», La Saga moscovite «Московская сага», Lumineuse césarienne «Кесарево свечение» ; Iouri Bouïda La Fiancée prussienne et autres nouvelles «Прусская невеста и другие новеллы» ; Evguéni Grichkovets La Chemise «Рубашка» ; Vladimir Makanine La lune si haute, si haute «Высокая высокая луна», Le Prisonnier du Caucase «Кавказский пленник» ; Iouri Mamleïev Couloirs du temps «Коридоры времени» ; Ludmila Oulitskaïa Sincèrement vôtre, Chourik «Искренне Ваш, Шурик», De joyeuses funérailles «Веселые похороны», Les Pauvres Parents «Бедные родственники», Le Cas du docteur Koukotski «Казус Кукотского» ; Viktor Pélévine Le livre saint du loup-garou «Священная книга оборотней» ; Ludmila Pétrouchevskaïa Numéro 1 ou Dans les jardins des autres possibles «Номер один или В садах других возможностей» ; Olga Slavnikova L'Immortel «Бессмертный» и другие.

Приведем упражнение, предназначенное для студентов бакалавриата, обучающихся по профилю Перевод и переводоведение, а также текст статьи из французского журнала, специализирующегося на вопросах литературоведения, в которых представлен ряд названий литературных произведений классических и современных российских авторов (некоторые фразы уже использовались нами при составлении учебно-методического пособия [1]).

1) Exactement comme Dostoïevski dans ses **Souvenirs de la maison des morts** , l'auteur de **l'Archipel du goulag** pose la question : « Et si ma vie avait tourné autrement, ne serais-je pas devenu moi aussi l'un de ces bourreaux ? [10, p.59]

2) Et pourtant, on ne cesse de dire que la prose du Pouchkine passe si facilement en français qu'on finirait par croire qu'elle n'a pas été pensée en russe. Mais les poèmes ? Mais **Poltava**, mais **Le Cavalier de bronze** ? Mais **Eugène Onéguine**, « roman en vers » (justement : « en vers ») ? Mais les contes merveilleux que tous les petits Russes savent par coeur comme nous savions Perrault (mais le meilleur Perrault n'est pas en vers, alors que **Le Tsar Saltan**, **Le Coq d'or** ont un rythme inimitable) ? [3, p.42]

3) En 1886, Ivan Tourguenev, parisien d'adoption, ami de George Sand, de Flaubert, de Maupassant, des Goncourt, a déjà vu les lecteurs français accueillir – et bien accueillir – la plupart de ses romans et de ses nouvelles, depuis **Roudine** jusqu'à **Terres vierges**, en passant par **Le Nid de gentilshommes**, **A la veille**, **Pères et enfants** et **Fumée**. [2, p.43]

4) Qu'elle évoque la réalité moscovite de l'après-guerre (**Les Pauvres Parents**), les rapports entre l'Amérique et l'Europe (**De joyeuses funérailles**), l'univers de l'enfance et de l'adolescence (**Un si bel amour** et autres nouvelles), les tumultes d'un demi-siècle d'histoire russe (**Le Cas du docteur Koukotski**) ou de simples destins individuels (**Sonetchka**, prix Médicis étranger 1996, **Médée et ses enfants** et **Sincèrement vôtre, Chourik**), Ludmila Oulitskaïa dépeint la vie telle qu'elle est. [6, p.62]

5) Vers 1183. Rédaction du **Chant du régiment d'Igor**, chanson de geste dont une copie manuscrite sera retrouvée à la fin du XVIIIe siècle et recopiée sur ordre de Catherine la Grande. Seule cette copie a survécu à l'incendie de Moscou en 1812. Il s'agit d'une source d'images poétiques pour tous les poètes russes. [9, p.35]

6) La très grande maison d'édition de Moscou privée « Eksmo » vient de publier le nouveau roman de Viktor Pelevine, **Le livre saint du loup-garou**. Des critiques et des interviews de l'auteur sont déjà parues dans les plus grands journaux à la veille de sa mise en vente en librairie. Et presque toutes les critiques étaient mauvaises ! [7, p.60]

7) « Le temps de Leskov n'est pas encore venu. Leskov est un écrivain de l'avenir », dixit Tolstoï quand l'écrivain, né en 1831 dans la région d'Orel, s'éteignit en 1895. Connu notamment pour son **Lady Macbeth du district de Mzensk** (1865) changé en opéra par le compositeur Chostakovitch, cet écrivain prolifique a réhabilité dans ses textes les couleurs pittoresques de l'oralité (skaz) et campé des personnalités typiques dans son cycle des Justes. [5, p.65]

8) **Ce bon Staline** sera peut-être aux livres de Viktor Erofeev ce qu'**Un pedigree** est déjà à l'oeuvre de Patrick Modiano. Gageons en tout cas qu'il réjouira

autant les *aficionados* que les nouveaux lecteurs de l'auteur de **La Belle de Moscou**. [5, p.66]

9) Le public de théâtre est très demandeur du premier livre en prose d'Evguéni Grichkovets, dramaturge et interprète de ses pièces que les éditions Vremia viennent juste à publier. **La chemise** est un texte faussement naïf qui raconte une journée d'un jeune manager d'aujourd'hui, amoureux et énergique, auquel il arrive moult péripéties. [7, p.61]

10) Paru en Russie en 2014, **Obitel** (littéralement « **Le Monastère** », ou « **La Demeure** ») a été publié chez Actes Sud en septembre 2017 sous le titre **L'Archipel des Solovki...**

Z.P. : Personne ne m'a demandé mon accord pour ce titre français. Mais au fond, ça m'est égal, parce que j'assume les 1 000 pages de ce texte, et parce que ceux qui le liront comprendront que le livre n'a pas le même sujet que *L'Archipel du Goulag* de Soljenitsyne. Je ne m'oppose pas à Soljenitsyne et je ne m'y rattache pas non plus. Simplement, c'est un livre sur autre chose, écrit autrement et avec d'autres buts. Mais bon, le marketing prend aujourd'hui le pas sur tout le reste : ce n'est pas grave. Si Tolstoï avait écrit *Anna Karenine* aujourd'hui, on ne l'aurait jamais appelé *Anna Karenine*, parce que les gens n'auraient pas compris. On l'aurait peut-être appelé *Comment Bronsky a tué son cheval*, par exemple, ça aurait éveillé la curiosité...[4]

11) Boris Akounine L'intellectuel populaire

En créant le personnage d'Eraste Fandorine, membre de la police secrète moscovite, Grigori Chalvovitch Tchkhartichvili, alias B. Akounine, voulait simplement, paraît-il, se reposer du travail harassant occasionné par un essai littéraire d'envergure, **L'Ecrivain et le Suicide**. Traducteur de l'anglais et du japonais (de Mishima et d'Inoué entre autres), rédacteur en chef adjoint de la revue **Inostrannaïa Literatoura** (« Littérature étrangère ») de 1997 à 2000, l'intellectuel géorgien ambitionnait de composer une série d'aventures policières en douze volets s'étalant de 1876 à 1919 et destinés à un large public. Sept sont parus à ce jour et le succès a été plus qu'au rendez-vous avec une moyenne de deux cent mille exemplaires vendus

pour chaque roman, accueilli par des critiques dithyrambiques. Eraste Fandorine, doué des cellules grises d'un Hercule Poirot, des capacités d'observation d'un Sherlock Holmes, du sens de la déduction d'un Rouletabille et de la chance d'un James Bond, a conquis un vaste lectorat, y compris chez les universitaires. Multipliant les clins d'oeil à l'actualité comme les références à Boulgakov, Dostoïevski, Tolstoï, s'amusant des codes du polar et du thriller, mais aussi du roman historique et du roman d'aventures façon Dumas et Stevenson, Boris Akounine a relié avec une aisance déconcertante la littérature dite populaire à la « grande » littérature.

Ses trépidants romans présentent de multiples niveaux de lecture qui font d'ailleurs écho à une construction qui joue magistralement des points de vue : multiples et croisés dans **Léviathan** (on suit chacun des passagers d'un bateau où un assassin a trouvé refuge), dédoublés dans l'une des **Missions spéciales** (les pensées du criminel ponctuent toute l'enquête) et **La Mort d'Achille** (le parcours du tueur prend le relais de celui de Fandorine) ils projettent sur les événements une lumière toujours changeante qui donne aux nombreux rebondissements du récit un caractère toujours plus étourdissant. On suit avec passion ce fin limier qui débusque des conspirations à grande échelle (**Azazel**, **La Mort d'Achille**), piste des tueurs en série et des héritiers d'Arsène Lupin (**Missions spéciales**), et lutte contre d'impitoyables tueurs à gages tout en croisant et recroisant des femmes fatales... Notons que l'auteur ne s'en est pas tenu là : ainsi l'excellent roman **Altyn-Tolobas** met en scène à la fois un descendant d'Eraste Fandorine (un jeune historien d'aujourd'hui) et un de ses ancêtres (Cornélius von Dorn, mercenaire allemand du XVIIe siècle) tandis que **Pélagie et le bouledogue blanc** introduit une nouvelle héroïne, une nonne vivant à la fin du XIXe siècle... B.Akounine le caméléon n'a pas fini de surprendre. [8, p.61]

Список литературы

1. Козельская Е.А. Практикум по письменному переводу с французского языка на русский. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016. 53 с.
2. Aucouturier, Michel. La révélation du «roman russe»// Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.43-45.

3. Backès, Jean-Louis. Pouchkine, une langue de diamant. // Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.41-42.
4. Breen, Julia. Zakhar Prilepine: «La Russie admire l'Europe, elle l'aime, elle l'adore.» // Courrier de Russie, 20 mars 2018 [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.lecourrierderussie.com/2018/03/zakhar-prilepine-admire-europe/>]
5. Cerf, Juliette. La selection du Magazine littéraire// Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.65-67.
6. Fillipetti, Sandrine. Ludmila Oulitskaïa, entre rires et larmes, les épopées du quotidien // Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.62-63.
7. Ivanova, Natalia. Un nouveau littéraire// Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.60-61.
8. Minh Tran Huy. Boris Akounine, l'intellectuel populaire // Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.61.
9. Nivat, Georges. Neuf siècles de littérature russe // Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.35-37.
10. Nivat, Georges. Soljenitsyne et Chalamov, l'écriture du goulag// Le Magazine littéraire, № 440, 2005. – P.56-59.

Сведения об авторе:

Козельская Елена Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

Kozelskaya Elena Anatol'yevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ И ВОПРОСЫ ИХ ПЕРЕВОДА (ЧЕШСКО-РУССКИЙ ПЛАН)

Коростенски, Й.

Западночешский университет в Пльзне

Аннотация: Целью статьи является чешско-русское сопоставление языковых интернационализмов на фоне проблематики устного перевода с одного языка на другой. На конкретных примерах указаны некоторые сложности подбора эквивалентов слов, всегда соблюдая перспективу направления от языка-источника в целевой язык.

Ключевые слова: чешско-русское сопоставление, интернационализмы, язык-источник, целевой язык

Abstract: The paper aim is comparison and confrontation of Czech and Russian international words and phrases in the process of oral translation from one language to another. Concrete examples are given to show the difficulties the interpreter faces trying to find equivalents, following the perspective of moving from the source-language to the target-language.

Keywords: Czech-Russian comparison, international words, source-language, target-language.

Устные переводчики начинающим коллегам при переводе интернационализмов часто советуют положиться на то, что во всех языках они заимствованы в почти одной и той форме. Разницу диктуют разве что фонетические особенности конкретных целевых языков. Устный переводчик выигрывает ценные секунды, употребляя готовые формы языка-источника лишь в немного преобразованном виде.

По разным определениям интернационализмы возникают сначала в одном языке, а потом распространяются в остальные. Такой интернациональной лексемой считают единицу, которая, помимо исходного языка, была заимствована в три целевых языка, не имеющих прямые родственные связи [3,

с. 131]. Лексемы, передающие значения международного характера из разных областей, прежде всего из науки, техники, политики и культуры, как правило, восходят в европейских языках к греческому и латинскому языкам (пролетариат, диалектика, коммунизм, алфавит, интонация). Количество интернационализмов постоянно растёт быстрыми темпами, особенно в переломных моментах развития общества и языка [5, с. 123].

Тем не менее, в четко нарисованной и обозримой картине существует много исключений, затрудняющих использовать сиюминутную выгоду, перенося одно и то же интернациональное слово без обработки в любой контекст целевого языка. В чем скрыты опасности такого переноса? Устному переводчику надо считаться со многими факторами.

В каждой из перечисленных нами выше областей, в которых чаще всего можно встретиться с интернационализмами, существуют ограничения. Так напр. названия всех месяцев, как единиц измерения времени, получили во многих европейских языках, включая русский, единую международную форму: *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*. Хотя такое четкое международное распределение найдем не только в английском, но и немецком, французском, итальянском и многих других языках, в чешском сохранились исконно славянские наименования месяцев: *leden, únor, březen, duben, květen, červen, červenec, srpen, září, říjen, listopad, prosinec*. Подобную, в нескольких видоизменениях, номенклатуру месяцев найдём и в украинском и польском языках. Дальше, напр. слово *вундеркинд*, которое в русском приобрело общераспространённую форму интернационализма, в чешском сохранилось исконное слово *záračné dítě*.

Действительно, существуют интернационализмы, обладающие только одним значением, совпадающим по объёму в исходном и целевом языке. К таким случаям приурочим прежде всего узкоспециальные термины, как напр. *ablaut/аблаут, gigabajt/гигабайт, demineralizace/деминерализация, oligofrenie/олигофрения, oligopol/олигополия, peristola/перистола*. [4, с. 16, 151, 541, 583; 1, с. 5, 149, 185, 403, 402] В данном случае может переводчик

использовать интернациональные слова в целевом языке, не сомневаясь ни в каких ограничениях. Переводчик должен только правильно оформить огласовку слова в целевом языке.

Но такое возможно без оговорки далеко не всегда. Поэтому примеры несовпадений многочисленны, как и варианты комбинаций в сопоставительном чешско-русском плане. Остановимся на самых типичных примерах.

В некоторых случаях, когда интернационализмы в одном из исследуемых языков развили больше, чем одно исходное значение, не найти интернационального соответствия в другом языке. Такое чешское слово как *absolvovat* не имеет в русском формально совпадающего эквивалента. В чешском данное слово обладает тремя словарными значениями: 1) *vychodit, dokončit školu, kurz, vystudovat*; 2) *„zúčastnit se; zúčastňovat se“*; 3) *církv. „poskytnout, poskytovat absoluci někomu, dávat rozhřešení“*. В данном конкретном случае проблема заключается в том, что первые два значения в чешском являются самыми частотными, но при переводе на русский приходится выбирать из исконно русских слов, как напр. *закончить курс, школу* или *принимать участие в чём*. Соответственно производные варианты слов, как напр. *absolvent/absolventka* образованы от другого корня *выпускник/выпускница*. Наименее частотное с точки зрения обоих языков представляет значение, связанное с малоупотребительной сферой религии 1) *„отпущение грехов в римско-католической церкви“*; 2) *„юридически приговор, освобождающий подсудимого от обвинения“*, совпадает в обоих языках и всё равно в русской православной традиции употребляется сложное словосочетание исконно русского происхождения *„пройти через этапы покаяния и получить отпущение грехов“*.

Достаточно видоизменило свое значение слово *бригада* (из фр. *brigade*) в чешском и русском языках, хотя исходным в обоих языках являлось значение, связанное с военным делом, конкретно с названием тактической группы войск. С точки зрения частотности употребления данное значение относится к малоупотребительным. Чаше употребляются в обоих языках

производные значения, обозначающие рабочую группу людей. Но в чешском процесс семантической деривации не остановился и то самое слово метонимически обозначает сам рабочий процесс, осуществляемый данной группой человек и впоследствии прижился как название любой кратковременной рабочей деятельности. Слова с этим значением весьма часто употребляются в чешском языке. В русском данные значения оформлены разными словами исконно русского происхождения.

Таких интернационализмов, вошедших в разряд широкоупотребительной лексики, очень много. Но их перевод на другой целевой язык, относится к числу непростых задач. Почему? Уже в исходном слове, как правило, не совпадают значения исходного и целевого языка. Допустим слова *absorbovat/абсорбировать* [2, с. 13]. Первоначально термин химии быстро освоили и другие естественные науки, напр. физика. Он обозначал ‚осуществлять абсорбцию‘. В чешском языке быстро развиваются переносные значения метафорического характера и *абсорбировать* можно в чешском *ideu, myšli*, или даже *человека*, ср. напр. *Absorboval jeho myšlenky a plně se s nimi ztotožnil. Funkce předsedy ho zcela absorbovala*. Очень важными являются и другие специфики языков. В чешском языке отмечается высокая способность языка образовать длинные ряды производных слов. Естественно, по самым разным причинам, ряды таких дериватов, как *absorbance/экстинкция, absorbát/абсорбат, absorbátor/поглонитель* (яд. физика), *absorbens/адсорбент, absorbér/абсорбер, absorbce/абсорбция, absorpciometr/абсорбциометр*, связанные на основе производности со словом *absorbovat*, не всегда в русском языке находят соответствия на уровне тех же самых интернациональных форм. Приходится учитывать факт разноскоростного развития лексики в языке - источнике и целевом языке. В то же время как в чешском термином *absorbance* в спектрофотометрии и фотометрии обозначается величина, показывающая ‚количество света, поглощенного измеряемым веществом‘, в русском употребляется другой термин *экстинкция*. Формальная степень различия между языками может показаться меньше, напр. в случае пары *absorbens/адсорбент*.

Но всё-таки для устного синхронного переводчика на международной научной конференции недопустима.

Важно учитывать не только значение, а также стилистическую оценку интернациональных лексем. Примером в данном случае могут послужить слова *korespondence*/корреспонденция. В русском языке интернационализм функционирует почти на уровне дублетного синонима с исконно русским словом *переписка*. Такого нет в чешском языке. Слово *korespondence* в чешском обладает всеми значениями, что и в русском, т. е. 1) 'обмен письмами', 2) 'сообщение о текущих событиях, присланное откуда-нибудь в органы информации', 3) 'письма, почтово-телеграфные отправления' и является доминантой в синонимическом ряду. Самый близкий к нему синоним *dopisování* уже не обладает третьим значением, а исконное чешское слово *dopisování* имеет ограничения в употреблении. Его нельзя употребить, напр. как обозначение предмета школьного обучения и т.п.

Объём публикации не позволяет представить более обширный обзор проблематики трудностей перевода интернационализмов из языка-источника в целевой язык на примере чешского и русского языков, поэтому подведём частные заключения.

Устный перевод интернациональных лексем с чешского на русский и наоборот облегчается из-за полного совпадения значений указанных лексических единиц лишь частично. Случаи полного совпадения интернационализмов, т. е. формального, содержательного и шире текстового не так много. В эту сферу входят прежде всего узкоспециальные термины, как напр. *ablaut*/аблаут и некоторые другие. Чаще всего можно встретиться со следующими проблемами.

1) В языке-источнике и целевом языке перевода представлены эквиваленты разных порядков, в данном случае интернационализмы и исконные лексические единицы, напр. в названиях месяцев (*leden* – январь).

2) В случае широко распространённых интернациональных слов, возникших на базе терминов можно встретиться с явлением, когда в языке-

источнике интернациональное слово включает несколько значений, которые в целевом языке покрыты лишь словами исконного происхождения. Напр. чешское *absolvovat* покрыто словами *выпускать, пройти через что* и т. п.

3) Несмотря на внешнее сходство двух интернационализмов, объём их значения не совпадает. В случае чешского *absorbovat* объём значения шире, чем в русском. Многочисленные словообразовательные дериваты в чешском языке не имеют в русском формального соответствия и их эквиваленты на русском подбираются в сфере исконной лексики или даже интернационализмов другого происхождения.

4) При устном переводе необходимо считаться с несоответствиями стилистического порядка.

В заключение можно сказать, что перевод указанной выше лексики является не таким простым занятием, как может на первый взгляд показаться.

Список литературы

1. Булыко, А.Н. Большой словарь иноязычных слов. «Мартин», М: 2004. 702 с.
2. Чешско-русский политехнический словарь. Русский язык, СНТЛ — Издательство технической литературы, Москва-Прага, 1948, 862 с.
3. Gazda, J. Интернационализация как интегрирующий элемент языков средневропейского пространства. Brno: Litteraria humanitas 2002. CROSSROADS OF CULTURES, 131 – 142.
4. Petráčková, V. a Kraus, J. a kol. Akademický slovník cizích slov. ACADEMIA: Praha 2001. 834 s.
5. Vavrečka, M. Lexikologie ruského jazyka. O., Pedagogická fakulta v Ostravě, 1989. 133 s.

Сведения об авторе:

Йиржи Коростенски — доцент, кандидат наук, зав.отделением славистики, кафедра германистики и славистики Философского факультета

Западнечешского университета в городе Пльзень, ул. Ритрова № 11, e-мейл: jkoroste@kag.zcu.cz. Чешская Республика.

Jirzi Korastenski – docent, candidate of philology, the Head of Slavistic Department, Chair of Germanic and Slavic languages at the Philosophic Faculty of the West Bogemian University in Plzen. Ritrova Str, 11. E-mail: jkoroste@kag.zcu.cz. Czech Republic.

УДК 81'25

МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ АНТРОПОНИМА КАК КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Кушникова Л.В., Глаголев Я.Б.

Пермский национальный исследовательский университет

г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье обсуждается проблема метапереводческой транспозиции антропонима в арт-дискурсе, представляющем собой разновидность институционального дискурса. Цель исследования состоит в описании когнитивно-синергетической деятельности переводчика в переводческом и метапереводческом пространстве на материале русско-французских и франко-русских антропонимов. Методологическим основанием работы является синергетическая модель перевода – переводческое пространство, разработанная Л.В. Кушниковой. В качестве аксиологического параметра перевода автор концепции предлагает категорию гармонии, трактуемую как согласованность и соразмерность смыслов оригинала и перевода, отвечающих требованиям принимающей культуры. В отличие от гармонии, адекватность и эквивалентность ориентированы на соответствие текста перевода требованиям принимающего языка. Переводческие ошибки на уровне языка и культуры расцениваются как дисгармония. В работе выдвигается положение о том, что универсальный механизм транспозиции,

описанный в начале XX века Ш. Балли, недооценен исследователями и может быть использован для характеристики процесса передачи антропонимов из одного арт-дискурса в другой, когда собственно перевод оказывается недостаточным для получения гармоничного текста/дискурса, и переводчик вынужден прибегать к метапереводу. Этот процесс может быть уподоблен транспозиции, которая, в ситуации межкультурной коммуникации, приобретает свойства метапереводческой транспозиции, имеющей когнитивно-синергетическую природу и приводящей к созданию качественного текста, понятного инокультурным реципиентам.

Ключевые слова: переводческое пространство, метапереводческое пространство, транспозиция, когниция, синергия, гармоничный перевод.

META TRANSLATIVE TRANSPOSITION OF AN ANTHROPONYM AS A COGNITIVE-SYNERGISTIC PROCESS

Abstract: The article discusses the problem of meta translation transposition of an anthroponym in art discourse, which is a part of the institutional discourse. The purpose of the study is to describe the cognitive-synergistic activity of the translator in the place of translation and meta translation based on the material of Russian-French and French-Russian anthroponyms. The methodological basis of the work is the synergetic model of translation – the translation space developed by L. V. Kushnina. As an axiological parameter of translation, the author of the concept suggests the category of harmony, interpreted as the consistency and proportionality of the original's meanings and the translation that meet the requirements of the host culture. In contrast to harmony, adequacy and equivalence are focused on the compliance of the translation text with the requirements of the receiving language. Translation mistakes at the language and culture levels are regarded as disharmony. The article puts forward the idea that the universal mechanism of transposition described in the early 20th century by Sh. Bally is underestimated by researchers and can be used to

characterize the process of transferring anthroponyms from one art discourse to another when the translation itself is insufficient to

obtain a harmonious text or discourse and the translator is forced to resort to meta translation. This process can be linked to a transposition which, in a situation of intercultural communication, acquires the properties of a meta translational transposition which has a cognitive-synergistic nature and leads to the creation of a high-quality text understandable to foreign cultural recipients.

Key words: translation space, meta translation space, transposition, cognition, synergy, harmonious translation.

Современное российское переводоведение расширяет свое исследовательское поле, обращая внимание не только на вполне очевидные переводческие процессы, но и на менее очевидные, метапереводческие явления, к числу которых мы относим метапереводческую транспозицию антропонимов в художественном тексте и дискурсе.

Термин «метапереводческая транспозиция» возник у нас, во-первых, в результате изучения транспозиции как универсального механизма языка (Ш. Балли) и как деривационного механизма, участвующего в текстопорождении (Л.Н. Мурзин). Во-вторых, мы изучали метапереводческую деятельность, которая была описана В.Б. Кашкиным, представлявшего метатекст и метаперевод как своего рода «взгляд на перевод со стороны». В качестве жанров метаперевода В.Б. Кашкин называет создание переводческих предисловий и послесловий; написание переводческих комментариев, ссылок, сносок; исследования, посвященные критике перевода; фильмы и книги о переводе и переводчиках [4].

Мы опираемся на трактовку имени собственного-антропонима, предложенную О.В. Фоняковой: «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие

представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [9. с. 21]. В нашей работе мы изучаем одну из разновидностей имен собственных – антропонимы.

Что касается функционирования имени собственного в художественном тексте и дискурсе, мы придерживаемся научных взглядов В.К. Катерминой, подчеркивающей идею о том, что имя есть национальный и социальный знак, в значении которого особую роль приобретает национально-культурный компонент [3]. Эта идея важна для нашего исследования, так как мы исследуем русско-французские и франко-русские антропонимические пары в художественном дискурсе.

Процесс передачи антропонимов из одной лингвокультуры в другую мы обозначили как транспозиция. В ходе работы нами была составлена типология транспозиционных преобразований. Мы установили, что возможны два типа транспозиции: переводческая и метапереводческая. В большинстве случаев мы наблюдаем переводческую транспозицию, что мы относим к формальному типу. Речь идет, преимущественно, о транскрипции и транслитерации, которые являются традиционными способами перевода антропонимов. Д.И. Ермолович сформулировал принципы и способы передачи имен собственных-антропонимов, которые положены в основу многих исследований в данном направлении [2]. В работе Д.И. Ермоловича способ транспозиции покрывает узкий сегмент перевода антропонимов, соотносимый с их этимологией.

Уточним, что в нашей работе мы воспользовались термином транспозиция в его широком общелингвистическом значении, что позволило нам отнести традиционные способы перевода к формальной переводческой транспозиции, а затем вычленив метапереводческую транспозицию и выстроить ее типологию.

В качестве методологического основания нашего исследования мы опирались на синергетическую концепцию перевода Л.В. Кушниковой, согласно которой результатом качественного перевода выступает гармоничность, предполагающая достижение соразмерности смыслов оригинала и перевода с

позиций целевой культуры. Процесс синергии совершается в переводческом пространстве как совокупности множества гетерогенных смыслодержающих и смыслоформирующих полей: поле автора, поле переводчика, поле реципиента, содержательное поле (или ядро переводческого пространства) энергетическое поле, фатическое поле. Переводчик, будучи активной, мыслящей личностью, обладая гармоничным мировоззрением, мысленно оперирует смыслами полей переводческого пространства, реализуя тем самым свои когнитивные способности. Это означает, что качественный гармоничный перевод становится возможным при условии приращения новых культурологических смыслов приемлемых в принимающей культуре. Иными словами, текст перевода является гармоничным, если он соответствует национальным мироощущениям и мирооценкам как переводчика, так и реципиента, в результате чего происходит его естественное вхождение в когнитивную сферу языковой личности [5, 6 и др.]. Согласно концепции исследователя, категории адекватности и эквивалентности отражают различные уровни качества перевода: адекватность соотносится со словарными соответствиями, а эквивалентность - с осуществлением переводчиком межъязыковых преобразований. Если переводчик допускает ошибки как на уровне языка, так и на уровне культуры, продукт признается дисгармоничным. Это значит, что синергия смыслов не произошла при переводе, когнитивная сфера реципиента не способна реагировать на смыслы текста перевода, неприемлемого в данной культуре.

Таким образом, перевод предстает как когнитивно-синергетический процесс. Как подчеркивает автор синергетической концепции перевода, важнейшая функция перевода – культуроформирующая: «... пространство перевода не существует без пространства культуры» [7, с. 131].

Если процесс перевода мы изучаем в свете концепции переводческого пространства, то, приступая к анализу метаперевода, вслед за Н.А. Пластиной, мы анализируем околопереводческое или метапереводческое пространство [8]. В рамках метапереводческого

пространства мы вычленим метапереводческую транспозицию антропонима, которая является непосредственным предметом нашего исследования.

Как показало наше исследование, при передаче антропонимов можно выделить два типа транспозиции: переводческую и метапереводческую. В случае переводческой транспозиции преобразования носят формальный характер, метапереводческая транспозиция характеризуется семантическими преобразованиями. Кроме того, метапереводческая транспозиция имеет два типа: создание основного текста перевода и создание периферийного текста перевода. При этом каждый тип метапереводческой транспозиции имеет свои подтипы.

Предметом нашего рассмотрения является переводческий метатекст, представленный в виде метапереводческой транспозиции антропонима.

Поясним, что создание переводческого метатекста мы считаем вынужденной мерой, т.е. метатекст необходим, чтобы перевод был «прозрачен» и понятен представителям другой культурной среды. В этом случае именно метаперевод обуславливает достижение качественного - гармоничного перевода.

Проиллюстрируем на конкретных примерах проявление метапереводческой транспозиции.

В качестве материала для анализа, представленного в данной статье, мы использовали рассказы современной российской писательницы Л.Е. Улицкой, опубликованные в сборнике «Сквозная линия» в оригинале и переводе на французский язык, выполненном С.Бенеш [10, 11].

В рассказе Л.Е. Улицкой «Диана», опубликованном в цитированном выше сборнике, можно наблюдать различные проявления метапереводческой транспозиции.

1) Во-первых, благодаря антропониму автор выражает свое эмоциональное отношение к тому или иному имени собственному:

Айрин Лири - какво имя! – всплеснула руками.

Irène Leary (quel nom!) leva les bras au ciel.

2) Во-вторых, антропонимы могут выражать игру слов, которая в разной степени реализуется в переводе:

Сашка-пташка! - поддразнивала его мать.

Женька-пенька! Радостно отзывался он.

Sacha-le-petit chat! disait-elle pour le taquiner.

Génia-la petite noix! répondait-il joieusement.

Мы считаем, что в *обоих* случаях перевод является гармоничным: Сашка-пташка! - *Sacha-le-petit chat!* Как видим, переводчик также создает игру слов, выбирая совершенно другие номинации, т.е. заменяя *пташка* (*птичка*) на *le-petit chat* (*кошечка*). Эта замена и является тем самым синергетическим приращением смыслов, которое произошло в сознании переводчика, в его когнитивной сфере.

3) В-третьих, антропонимы могут представлять прецедентные имена. Их знание переводчиком требует соблюдения принятых ранее норм перевода. Но если одно и то же имя принадлежит известному лицу и персонажу романа, возможны различные варианты их передачи на другие языки. Приведем примеры из того же сборника рассказов.

Ляля говорила быстро, громко и с выражением – как третьеклассница читает наизусть стихиок.

Lilia parlait à toute allure, d'une voie forte et avec une emphase, comme une écolière qui déclame une poésie.

Эта боготворимая студентами и главным образом студентками профессорша Анна Вениаминовна знала всех этих поэтов не понаслышке, а лично: почти дружила с Ахматовой, чаи пила с Маяковским и **Лилей Брик**, слушала чтения Мандельштама и помнила живого Кузмина.

Cette Anna Véniaminovna, un professeur idolâtré par ses étudiants et surtout par ses étudiantes, connaissait tous ces poètes non par oui-dire, mais personnellement: elle avait été presque amie avec Akhmatova, avait pris le thé avec Maïakovski et Lily Brik, avait entendu Mandelstam lire ses poèmes et se souvenait même d'avoir vu Kouzmine en chair et en os.

Как видим, одно и то же имя передано по-разному: *Луля - Lilia - Lily*. В первом случае мы констатируем проявление формальной переводческой транспозиции, во втором имеет место метапереводческая транспозиция по семантическому типу. Вторым вариантом мы связываем с прецедентностью, так как речь идет об известной персоне.

Согласно разработанной нами типологии, создание основного текста перевода характеризует проявление семантической метапереводческой транспозиции, в качестве подтипов которой выступают следующие: реперсонализация, деперсонализация, версификация, уподобление, генерализация, конверсия, нейтрализация.

В представленном выше примере мы наблюдаем уподобление, т.е. антропоним-прецедентное имя уподобляется существовавшему ранее вариантам, принятым в англосаксонской и французской лингвистических традициях.

Подводя итог, подчеркнем, что создание переводческого метатекста, представленного метапереводческой транспозицией антропонима, может выполнять различные функции в тексте перевода, но его предназначение едино: передать иноязычный антропоним таким образом, чтобы он был понятен реципиенту, принадлежащему к другой лингвокультуре, что обусловлено соразмерностью и согласованием смыслов, и что мы расцениваем как гармоничный перевод.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., ИЛ, 1961.- 394 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., Р. Валент, 2001.- 200 с.
3. Катермина В.В. Имя собственное в художественном тексте. Флинта, 2020.-100 с.

4. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода//Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб, 2009. Вып.10.- С. 230- 242.

5. Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, ПГТУ, 2009.-196 с.

6. Кушнина Л.В. Культурная парадигма перевода// Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб научн. тр. Пермь, 2016.- С.130-139.

7. Кушнина Л.В., Пластинина Н.А. Метапереводческая деятельность как когнитивный процесс//Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2016.- №4 (58),-Ч.1. С. 118-120.

8. Пластинина Н.А., Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия//Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики.- № 1 (15). Пермь, ПНИПУ, 2016. . – С. 50-61.

9. Фоянкова О.И. Имена собственные в художественном тексте. Л., ЛГУ, 1990. -103 с.

Источники иллюстративного материала

10. Улицкая Л.Е. Сквозная линия. М.. Эксмо, 2006.-352с.

11. Oulitskaia Ludmila. Mensonges de femmes. Traduit par Sophie Denech. Gallimard, 2003.-189p.

Сведения об авторах

Кушнина Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор. Пермский национальный исследовательский политехнический университет Россия, 614000, Пермь, Комсомольский пр. 29, e-mail: lkushnina@yandex.ru, +7-342-219-80-39

Глаголев Ярослав Борисович, старший преподаватель. Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, 614000, Пермь, Комсомольский пр. 29, e-mail: verbierrus@mail.ru, +7-342-219-80-39

Kushnina Ludmila Veniaminovna, Professor, Dr. Sc. (Philology). Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolski av Perm, 614000 Russia, e-mail: lkushnina@yandex.ru, +7-342-219-80-39

Glagolev Yaroslav Borisovitch, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, e-mail: verbierrus@mail.ru, +7-342-219-80-39

УДК 801.6

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ
НА ПРИМЕРЕ СОБСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
СТИХОТВОРЕНИЯ ЧЭНЬ ЦЗИНЖУНА «珠和兔珠人»
(«ЖЕМЧУЖИНА И ИСКАТЕЛЬ»)**

*Лучинская Е. Н., Кокора Ю. В.,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Россия*

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные трудности перевода китайской поэзии с точки зрения сохранения эквилинеарности, эквиритмичности, вида рифмовки. Анализируются способы достижения эквивалентности перевода, необходимость применения элементов вольного перевода в отдельных случаях, особенности передачи эстетической функции текста.

Ключевые слова: поэзия, дискурс, тон, иероглифика, рифма, эквилинеарность, эквиритмичность.

Abstract: This academic paper is dedicated to the main difficulties of the Chinese poetry translation. Special consideration is paid to the preservation of rhyme, equilinearity, equirhythmicity, etc. We analyze approaches and methods of achieving the equivalent translation, point out peculiarities of the aesthetic function transference, justify in some cases the necessity of a free translation.

Keywords: poetry, discourse, tone, Chinese script, rhyme, equilinearity, equirhythmic translation.

Перевод поэзии был и остается одним из самых непростых направлений переводческой деятельности. Нужно уметь переводить не слово словом, а смысл смыслом, иначе не получится воссоздать эмоциональную составляющую текста. Более того, при переводе поэзии особую роль играют такие аспекты, как стиль и форма написания произведения, эквилинеарность, эквиритмичность, вид рифмы и рифмовки и т.д. [1, с. 115].

Перевод современной китайской поэзии, хотя и отходит от традиций классического китайского стихосложения, все же вызывает трудности для переводчика относительно интерпретации образа и передачи смысла ввиду различия языковой картины мира двух народов. Также значительные различия между оригиналом и переводом наблюдаются в воссоздании формы поэтического произведения: китайский язык является тоновым, поэтому европейская система стихосложения с такими стихотворными размерами как ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий, в нем отсутствует, в результате чего достижение эквиритмичности перевода невозможно [3].

Материалом для данного исследования послужило стихотворение известной китайской поэтессы Чэнь Цзинжун в переводе ассистента кафедры теории и практики перевода и соискателя Кокоры Юлии Васильевны, ставшей лауреатом XI Конкурса молодых переводчиков им. Э.Л. Линецкой за перевод данного стихотворения.

Заглавие «珠和觅珠人» переведено буквально: «жемчужина и искатель» (от глагола «觅» – искать). Почему же было решено оставить буквальный перевод, а не заменить словосочетание «觅珠人» на существующее выражение «ловец жемчуга»? Все дело в контексте: стихотворение повествует о жемчужине, тихо ждущей в своей раковине того самого «искателя», который способен достать ее из морской пучины. В данном произведении нет отрицательной коннотации слова «человек», поэтому мы выбрали нейтральное существительное «искатель».

Стихотворение «珠和觅珠人» написано на путунхуа (普通话 – современный китайский язык), отличительными чертами являются: относительность рифмы, опоясывающий вид рифмовки, большое количество анжамбеманов.

При переводе эквилинеарность сохранить не удалось ввиду необходимости применения в отдельных случаях приемов описания:

许多天的阳光，许多夜的月 光	«Бесшумно протекает жизнь, День заменяет ночь. Лишь буря волны поднимает И уносит прочь...» [2]
还有不时的风雨掀起白浪» [4, с. 115]	

Однако получилось воссоздать общую форму стихотворения с сохранением коротких строк и анжамбеманов:

«。。。。。。那时它便要揭
起
隐蔽的纱网，庄严地向生命
展开，投进一个全新的世界»。

[4, с. 115]

«Тогда раскроет свои створки
Раковина и явит
Жемчужину, для которой
Теперь новый мир открыт» [2].

В некоторых случаях был применен прием генерализации:

«它倾听四方的脚步» – «... и слушает шаги». В данном примере глагол «倾听» (досл. «внимательно слушать») переводится посредством генерализации, также в данной строке применен прием опущения – «四方的脚步», числительные «四方» были опущены с целью облегчения структуры переведенной фразы.

В заключении хотелось бы отметить, что перевод стихотворения «珠和觅珠人» является эквивалентным. Несмотря на некоторую вольность, допускаемую при переводе художественных текстов, сохранен не только смысл, но и целостное содержание произведения. Отклонения от оригинала являются оправданными, так как грамматическая и фонетическая структуры двух языков настолько различны, что воссоздать оригинал во всей своей полноте не представляется возможным.

Список литературы

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода : учебное пособие / Т. А. Казакова. – Санкт-Петербург : Лениздат : Союз, 2001. – 317 с. – ISBN 5-289-01985-5.
2. Кокора Ю. В. Перевод стихотворения «Жемчужина и искатель» [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <http://pushkinskiydom.ru/nauchnyye-otdely/otdel-vzaimosvyazej-russkoj-i-zarubezhnyh-literatur/imena-pobeditelej-po-vsem-nominatsiyam-v-2020-godu/>]
3. Миронова Н. Н. Билингвистические и бикультурные проблемы художественного перевода. [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Mironova/13.pdf]
4. Chen Jingrong. Collection of Poems and Essays // Fudan University Press, 2008. – 154 с. – ISBN 9787309061727.

Сведения об авторе:

Лучинская Елена Николаевна, заведующая кафедрой общего и славяно-русского языкознания, доктор филологических наук, профессор. bekketsam@yandex.ru

Кокора Юлия Васильевна, ассистент кафедры теории и практики перевода, соискатель. kokora98@bk.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет». 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, Ул. Ставропольская, 149.

Data about the Authors

Elena N. Luchinskaya, Chief of General Linguistics Dep. of Kuban state university, Doctor of Philology, professor. bekketsam@yandex.ru

Julia V. Kokora, teaching Assistant of the Department of Theoretical and Practical Translation, postgraduate. kokora98@bk.ru

Kuban State University

149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russia

УДК 347.78. 034

ВАРИАТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА: ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОШИБКА

Новикова Т.В.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: На основе сравнительно-сопоставительного анализа текста оригинала и текста перевода романа Джоанн Харрис «Шоколад» автор статьи обсуждает плюсы и минусы переводческих решений и подчеркивает необходимость различать объективно возможные варианты и явные ошибки.

Ключевые слова: текст, художественный перевод, сравнительно-сопоставительный анализ, переводческое решение, трансформация/переводческий прием, вариант, ошибка.

Abstract: Taking Joanne Harris's novel "Chocolat" and its translation into Russian as the basis of comparative analysis the author of the article discusses pros and cons of the translator's preferences and makes a stress on the necessity to see the difference between an existing variant and an obvious mistake.

Key words: text, translation of fiction, comparative analysis, translator's preferences, transformation/ translation technique, variant, mistake.

Издательство Эксмо в серии БИЛИНГВА приступило к выпуску, как заявлено на обложке первого из романов, «бестселлеров на английском языке и мастерских переводов» на страницах одной книги. Нельзя не согласиться с издателями и редакторами, что грамотное использование такого рода печатной продукции может помочь «оценить свои возможности как переводчика», а также «усовершенствовать знание английского языка» [8]. К этим благородно заявленным целям правомерно добавить еще одну, не менее привлекательную, хотя и для сравнительно ограниченного круга пользователей, а именно – развитие и совершенствование умений и навыков критического отношения к работе переводчика. Естественно, что последняя из компетенций может основываться только на усвоении основных положений транслатологии, а также на знании традиций переводческой культуры того или иного языкового сообщества, в частности в том, что касается перевода литературных произведений.

В настоящей статье мы изучим иноязычные вкрапления и слова с национально-культурным компонентом, то есть посмотрим, как переводчица И. Новоселецкая использует находящийся в ее распоряжении арсенал переводческих приемов, часто ли она варьирует эти приемы в отношении аналогичных единиц оригинала, а также привлечем внимание к ошибочным решениям. Это позволит нам оценить достижения и увидеть те трудности, которые приходилось преодолевать переводчице в процессе работы над романом Джоанн Харрис «Шоколад» [8].

Мы провели выборку интересующих нас единиц из семнадцати глав текста на страницах 4-315. На текст оригинала в этом параллельном издании приходится примерно 150 страниц. Примечательно, что в таком представлении двух текстов убедительно демонстрируется бОльшая лаконичность, а следовательно и компактность, английского текста в сравнении с текстом на русском языке. Так как нас интересуют сами переводческие решения, мы не концентрируемся далее на абсолютных цифрах и процентных соответствиях. Изучаемые нами однородные единицы оригинала объединены в несколько групп, которые не являются строгой классификацией, но позволяют нам упорядочить выборку. В том случае, когда единица в тексте встречается несколько раз, в скобках указывается страница лишь первого употребления, если все последующие словоупотребления представлены таким же образом.

1.Обращения

Большинство единиц этой группы представлены в тексте перевода как чистые вкрапления из французского языка, с той только разницей, что в русском тексте они начинаются с прописной буквы, тогда как в английском тексте начальная буква в большинстве единиц заглавная:

- Madame - madame (10-11)
- Maman - maman (14-15)
- Monsieur le Cure - monsieur le cure (28-29)
- mon pere - mon père (32-33)
- Cherie - cherie (90-91)

Однако для просто monsieur в обращении в русском тексте используется словарное «мсье» (94-95), то есть переводчица поступает также как с аналогичными единицами - приложениями:

- Madam Rocher – мадам Роше (96-97)
- Mademoiselle Rocher – мадемуазель Роше (96-97)
- Monsieur Reynaud – мсье Рейно (304-305) и мсье Рейно (310-311).

В передаче не собственно прямой речи вновь фигурирует вкрапление:

- Я слышала, наш m'sieur le curé уже против тебя ополчился (72-73)

- M'sieur le curé говорит, что у животных нет души (112-113).

2. Топонимы

В этой группе мы не рассматриваем классические словарные соответствия: Париж, Вена, Барселона и др. Наша выборка – это микро-топонимы, представленные с помощью смешанного перевода: переводческая транскрипция для французского слова и семантический перевод имени нарицательного для английского слова:

- Notre –Damé cathedral – собор Парижской Богоматери (182-183)
- the Avenue des Marais – Болотная улица (198-199)
- the Place des Beaux-Arts – площадь Изящных Искусств (139-140)
- the cafe de la Paix – Кафе де ля Пэ (182-183)
- the region Les Maraude – район Марод (68-69)
- the Florida Everglades – «флоридский парк Эверглейдс» (82-83).

Здесь добавляется имя нарицательное, указывающее на функциональную принадлежность имени собственного.

- the Florida Keys – «Флорида – Кис» (184-185). Понимание значения переводческой транскрипции в этом примере облегчается контекстом: «А Диснейленд посмотрим?... И Флорида-Кис? И Эверглейдс?»

- La Celeste Praline Chocolaterie Artisanale – Шоколадная «Небесный миндаль» (52-53). В этом примере отмечается семантическое стяжение двух имен нарицательных: «шоколадная» и «ремесленная мастерская», а также перестановка слов в словосочетании, что соответствует традициям оформления вывески в русскоязычной культуре.

3. Религиозные праздники/события

Каждая единица этой группы служит примером использования отдельной переводческой трансформации:

- Mardi Gras – пост (4-5), лексическая замена, тогда как словарно по НБАРС Марди Грас (вторник на масляной неделе) [6]

- Ash Wednesday – Пасхальная среда (20-21), пословный семантический перевод

- Mass – служба в церкви (86-87), описательный перевод-разъяснение
- Lent – Великий пост (96-97), словарное соответствие
- St. Valentine - День святого Валентина (42-43), семантический

перевод с добавлением имени нарицательного.

4. Блюда, напитки, ингредиенты шоколадных изделий

Многочисленные единицы этой группы представлены в переводе исключительно разнообразно, причем так, что в некоторых случаях логика переводчицы просматривается не совсем четко:

- mendians - «готовлю на кухне mendians» - «нищих» (86-87), вкрапление и семантический перевод с последующим контекстным разъяснением значения; далее на этих же страницах и на стр. 110-111 – чистое вкрапление
- chocolat espresso – шоколад –эспрессо, семантический перевод на стр. 168-169, но вкрапление на стр.166-167
- chococcino – шоколадный капучино (168-169), словарное соответствие с добавлением и вкрапление на стр.306-307, что логичнее, чем в предыдущем примере
- kahlua – «Калуа» (168-169), переводческая транскрипция без каких-либо семантических указателей и «ликер ”Калуа”» (272-273)
- couverture – брикеты шоколадной глазури (258-259), семантический перевод-толкование
- cafes-creme, denis, cafe –cognac – кофе со сливками, пиво, кофе с коньяком (226-227), семантический перевод
- crème de cacao (248-249), grand creme (306-307), вкрапления
- pain au chocolate (208-209), pain d’epices (246-247), вкрапления с последующим введением в текст слов «пирог» и «коврижка».

Примечательно на этом фоне, что mocha, встречающееся чаще других видов шоколадных напитков, представлено на протяжении всего текста только словарным «мокко» (168-169).

5. Реалии

Подавляющее большинство единиц этой группы связано с французским языком и его культурой.

А. вкрапления

- Grand Festival du Chocolat (254-255), значение этого словосочетания легко расшифровывается в связи с наличием интернациональных корней.

В ряде случаев последующее контекстное разъяснение существенно упрощает понимание таких иноязычных вставок:

- maître d'école – директор местной школы (65-66)
- huotres de Saint-Malo – крошечные плоские пралине (106-107)
- cornet-surprise – бумажный пакет с пасхальными подарками (248-249)
- clochettes, bourdons, carillons, chimes, so-si-do-mi-sols –большие колокола и маленькие (250-251)
- spécialité du jour (226-227) в контексте со словом «кафе» понимается как фирменное или дежурное блюдо.

В текст перевода включаются также две строчки французской песенки:

- Ou-ti-i, mistigri ? Passe sans faire de mal ici (70-71). Такой прием соответствует классическому принципу включения иноязычного стилистически маркированного мини-текста, если таковой является также вкраплением в текст оригинала.

Б. словарные соответствия

- The Legion d'honneur – Орден Почетного легиона (228-229), с добавлением имени нарицательного

- Sachet – саше (310-311), с последующим разъяснением значения «нелепая вещица, пучок трав и костей » (312-313)

- the shanty- towns – бидонвили (194-195), где английское сложное слово представлено франкоязычной реалией, значение которой можно найти в НСИС [3]

- bouillabaisse – буайес (126-127), которое понимается из контекста как нечто, связанное с кухней, но даже в НСИС [3] это слово не фиксируется.

Проанализированные примеры дают возможность перевести поставленный нами вопрос о вариативности в плоскость обсуждения правильности/неправильности перевода. Как отличить переводческое решение от ошибки? Должен ли переводчик всегда следовать за своим чутьем, работать по наитию и включать в текст то, что просится на страницу «здесь и сейчас»? Следует ли ему придерживаться какого-либо строго определенного принципа при обращении с аналогичными единицами оригинала? Ответ очевиден. Будучи творческой личностью и отвечая собственным авторитетом за конечный продукт своего труда, каждый переводчик поступает по-своему, причем каждый раз еще и с учетом особенностей конкретного текста. Всем, кто занимается переводом, хорошо известно, что «практически любой текст допускает возможность нескольких вариантов перевода» [7, с. 256]. Более того, в новое время даже при переводе Библии уже перестали соблюдаться принципы *concordance*, когда на протяжении всего текста слово оригинала всегда переводится одним строго определенным словом. Очевидно, мы не вправе говорить о каких-либо ошибках переводчицы И. Новоселецкой в тех примерах, которые были приведены. В них скорее проявляются как оригинальные творческие решения, так и отдельные недостатки и просчеты. Впрочем, все отмеченные недоработки легко устраняются при последующем редактировании, на необходимость которого указывают как теоретики перевода [5], так и признанные мэтры переводческой профессии [1].

Вопрос же ошибок в переводе, который до сих пор остается открытым, несмотря на имеющиеся вполне убедительные теоретические обобщения [2, с. 514-536], естественно, должен обсуждаться как на научных платформах, так и в студенческой аудитории. В отношении некоторых фрагментов проанализированного текста у нас есть явные возражения лексического, грамматического и стилистического характера. Приведем лишь некоторые наиболее яркие примеры:

- *fringe* и *hair* как «ресницы» (208-209), (218-219), в чем трудно усмотреть конкретизацию

- sharp как «отточенный» (274-275), а речь идет о чувстве юмора у подростка, который в силу возраста просто не мог его отточить
- unclaimed sweets как «невостребованные сласти» (12-13), которые детишки подбирают на местном карнавале, где буквальный перевод первого слова звучит казенно рядом с архаичным «сласти»
- morning bells, mourning bells как «перезвон с утра, набат траура» (252-253), где синтаксический повтор мог бы стать уместной компенсацией игры слов в оригинале
- they know not what they do как «они знают, что они делают» (40-41), где отрицательное предложение представлено как утвердительное, но без модуляции.

Мы отдаем себе отчет в том, что на каждый из отмеченных выше случаев при желании можно найти вполне, а может быть и не вполне убедительное объяснение. Перевод художественного текста не есть перевод официального документа. Здесь границы правильности/неправильности довольно расплывчаты, а критик может грешить субъективностью.

С позиций преподавателя сегодня нам важно подчеркнуть несколько запоздалое, но такое необходимое появление книг, выполненных в формате постраничного представления оригинального и переводного текстов. Несмотря на все чаще и чаще звучащие утверждения, что современный студент предпочитает не иметь дело с бумажными источниками, мы убеждены, что обращение к роману Джоанн Харрис в данном издании окажется исключительно полезным и продуктивным как на практических занятиях, так и при написании выпускной квалификационной работы [4]. А начать знакомство с романом предлагаем с вопроса ПОЧЕМУ? и взгляда на обложку: почему в оригинале *Chocolat*? Потому что все последующее повествование будет пронизано «французским флером» и даст пищу для ума и сердца равнодушному читателю-исследователю, интересующемуся переводом.

Список литературы

1. Галь, Нора. Слово живое и мертвое. – Москва: Издательство «Эксмо», 2018. – 352с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. - 544с.
3. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов.- М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2008. -1040с.
4. Новикова Т.В. Работа с параллельными текстами и формирование профессиональной компетенции переводчика// Язык в слове, фразеологизме, тексте: коллективная монография. – Орел: ОГУ, 2015.- С.493-499.
5. Новикова Т.В. Место редакторской правки в процессе подготовки студента-переводчика// Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: Материалы I Международной научно-практической конференции. – Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016. – С.170-175.
6. Новый Большой англо-русский словарь: В 3т. Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. – М.: Рус. яз., 1999. – 832с.
7. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – 306с.
8. Харрис, Джоанн. Шоколад = Chocolat /Джоанн Харрис; [перевод с английского И. Новоселецкой]. – Москва: Эксмо, 2021. – 752с.

УДК 808.03

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Титова Г.А.

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация: Статья описывает исследование, посвященное переводу англоязычных рекламных слоганов на русский язык. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ текстов англоязычных слоганов и их

русских переводов, отобранный материал был систематизирован в соответствии с классификацией уровней переводческой эквивалентности, предложенной профессором В.Н. Комиссаровым, на основании полученных данных были сделаны статистические выводы и обобщения.

Ключевые слова: рекламный слоган, переводческая эквивалентность, типы переводческой эквивалентности, оригинальный текст, цель коммуникации

Abstract: The article describes a study devoted to translation of English slogans into Russian. The study involved comparative analysis of English commercial slogans and their Russian translations, organizing the material according to the five levels of equivalence described by Prof. V.N. Komissarov, and making statistical inferences and conclusions.

Key words: commercial slogan, equivalence of translation, types of equivalence, source text, purport of communication.

Реклама является неотъемлемой частью современного мира, а рекламный текст имеет свои особенности, которые подлежат детальному анализу с точки зрения лингвистики и становятся особенно заметны при переводе.

Перевод коммерческой рекламы – это не только культурный обмен, предполагающий предоставление обновленной информации и знаний, создание и распространение позитивных культурных образов и идей, но и экономическая деятельность, имеющая определенную коммерческую цель. Ошибки в переводе названий фирм, упаковки и рекламных слоганов нередко обходятся в миллионы долларов, не говоря уже о вреде имиджу и репутации компании. Перевод рекламы становится все более важным в свете современной глобализации продуктов и услуг. Однако количество системных теоретических исследований перевода рекламы далеко отстает от потребностей практики.

Данная статья посвящена описанию сопоставительного исследования особенностей перевода английских рекламных слоганов на русский язык. Слоган определяется как краткая, запоминающаяся фраза, привлекающая внимание, используемая в рекламе. [1] Предназначение слогана – донести до аудитории, что именно бренд предлагает в плане эмоционального и

потребительского опыта. Слоган должен быть ясным и иметь отношение к жизни целевой аудитории.

Информационный комплекс рекламного слогана складывается из когнитивного, эмоционального и эстетического компонента. Когнитивная информация включает название фирмы, название и объективные характеристики товара. Эмоциональная информация, как правило, представлена средствами эмоционально-положительной, нередко гиперболизированной оценки продукта. Помимо этого, эмоциональная информация в рекламе может передаваться с помощью синтаксических средств, таких как восклицательные, инверсированные, незаконченные предложения, синтаксические повторы и др. Эстетический компонент передается с помощью ритмической организации сообщения, рифмы, аллитерации, стилистических приемов, метафоры, метонимии, эпитетов, игры слов и пр.

При переводе не всегда есть возможность передать все вышеперечисленные свойства и компоненты информации, и переводчику нередко приходится делать выбор в пользу каких-либо из них и жертвовать другими.

Для обозначения относительной общности перевода и оригинала используется термин переводческая эквивалентность, предложенный В.Н. Комиссаровым, который выделил и описал пять уровней эквивалентности [2: 51–85]. В ходе проведенного исследования отобранные примеры англо-русских переводов слоганов были систематизированы по предложенным В.Н. Комиссаровым **уровням эквивалентности** перевода. Остановимся подробнее на каждом из них.

Эквивалентность переводов первого типа предполагает сохранение только цели коммуникации оригинального текста при передаче его на ПЯ. Этот тип характеризуется наименьшей общностью содержания текстов оригинала и перевода по сравнению с другими типами.

К процессу создания переводов первого типа эквивалентности применим термин пересоздание (*transcreation*), предполагающий, что переводчик создает

заново содержание и образы рекламного текста, однако сохраняет его намерение и воздействие.

Первый тип эквивалентности можно проиллюстрировать следующим примером перевода рекламного слогана.

Maybe she's born with it, Maybe it's Maybelline – Все в восторге от тебя, а ты – от «Мэйбеллин».

В данном случае при переводе отказались как от дословного перевода фразы «может быть, она родилась с этим», так и от эквивалентной замены «может, она красивая сама по себе, от природы», вероятно, чтобы избежать излишней громоздкости и ритмического несоответствия. В сохранении фразы с maybe – «может быть» также не было необходимости, так как в любом случае при переводе на русский созвучность maybe – Maybelline утрачивается. В итоге было создан новый текст, сохраняющий положительную эмоциональную оценку и рекламный призыв.

Другие примеры перевода слоганов, иллюстрирующих данный тип эквивалентности:

The Pub is the Hub. Паб – наше всё.

So be a shade braver. – Поэтому не бойся меняться. (Nice 'N' Easy)

Don't be vague. Ask for Haig. – Не скучай. Haig наливай'. (Haig Scotch Whisky)

Bayer works wonder – brand: Bayer Aspirin – 'Байер никогда не подводит'. (Bayer Aspirin)

Во втором типе эквивалентности, как и в первом, оригинал и перевод имеют одинаковую цель коммуникации, но при этом ещё и отражают одну и ту же внеязыковую ситуацию. Например:

Us Tareyton smokers would rather fight than switch! – Нас хоть бей – ничего кроме Tareyton курить не будем! (TAREYTON)

В данном случае, хотя меняется синтаксис слогана и происходит ряд лексических замен, сохраняется общая ситуация готовности терпеть физические страдания ради любимого продукта, доносится мысль о том, что

даже силой нельзя заставить курильщиков Tareyton променять свою любимую марку сигарет на другие.

Другие примеры, иллюстрирующие этот тип эквивалентности:

Life. Beautifully arranged. – Жизнь прекрасна. Особенно, когда предусмотрено всё. (VERTU)

Ultimate driving machine. – Полный драйв. (BMW)

Equal Day. Equal Time – ‘Каждый день – точный ход’. (Bulova Accutron Watches)

В третьем типе эквивалентности в переводе сохраняется цель коммуникации, описание ситуации и некоторые понятия, задействованные при описании ситуации в оригинале. Рассмотрим пример:

Hair comes alive in our hands. – Искусство пробуждать красоту волос. (Wella)

В данном случае в тексте перевода сохраняется общая ситуация – продукт изменяет состояние волос в лучшую сторону, – но при этом добавляются элементы «искусство» и «красота», которых нет в оригинале, утрачиваются элементы our hands, comes alive, хотя сема «оживлять» все же находит отражение в переносном значении слова пробуждать – вызывать к жизни.

Данный тип эквивалентности также можно проиллюстрировать следующими примерами:

Ultimate driving machine. – Полный драйв. (BMW)

A crown for every achievement. – Венчая достижения. (ROLEX)

With all that space in the sky, why feel cramped? – В небе слишком много места, чтобы летать в тесноте. (BМI, авиакомпания)

В четвертом типе эквивалентности, наряду с тремя компонентами содержания, которые сохраняются в третьем типе (цель коммуникации, указание на ситуацию и способ ее описания), в переводе воспроизводится и большая часть синтаксических структур текста оригинала. Это предполагает одинаковое количество предложений, их принадлежность к одному и тому же типу по функции и структурной сложности и т.п. Например:

No bottles to break – just heart – ‘Разбивать не склянки, а сердца’.
(Arpege Perfume)

В данном случае сохраняется цель коммуникации, ситуация – парфюм в прочном флаконе, заставляющий влюбляться, способ ее описания: противопоставление по объекту того, что разбивается, и синтаксическая организация: односоставное инфинитивное предложение.

Другие примеры этого типа эквивалентности:

The international boundless style. The world’s favorite whisky. – Стиль, не признающий границ. Виски, который предпочитают во всём мире. (JOHNNIE WALKER)

We all look up to someone. – (Мы все на кого-то смотрим с почтением. AUDI A4 TDIe Advanced Edition).

Browse the web as fast as you think. – Исследуйте Сеть со скоростью мысли. (GOOGLE Chrome)

More than meets the eye. – Больше, чем Вы видите на первый взгляд. (MAURICE LACROIX).

Get the London look. – Выгляди по-лондонски. (RIMMEL LONDON)

В пятом типе эквивалентности достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода. Переводы этого типа характеризуются сохранением всех основных частей содержания оригинала, параллелизмом в структурной организации текста, а также максимальной соотносённостью лексического состава. Например:

M&Ms melt in your mouth, not in your hand. – M&Ms тает во рту, а не в руках.

В этом случае сохраняется коммуникативная цель (донести положительные характеристики продукта до потребителя), ситуация и ее описание (конфеты тают во рту, и не тают до этого); синтаксическая организация (двусоставное предложение, осложненное однородными обстоятельствами места), а также лексический состав в полном объеме. Другие примеры этого типа эквивалентности:

Happiness is a cigar called Hamlet. Счастье – это сигары Гамлет (Hamlet)

A cold day in hell is an average day in Sweden. – Холодный день в аду – ну, это обычный день в Швеции. (SAAB)

Start your revolution. – Начни свою революцию. (CARRERA Y CARRERA)

Apple Macintosh: Think different! – ‘Apple Macintosh: думай иначе!’

Don't imitate. Innovate. – Не подражай. Твори сам. (HUGO BOSS)

Finlandia. Vodka From The Top Of The World. – “Finlandia” Водка с вершины мира.

Jameson – the Spirit of Ireland – Jameson – дух Ирландии.

Проведенный анализ 70 переводов англоязычных рекламных слоганов и их переводов на русский язык показал, что среди всех типов эквивалентности преобладает четвертый тип, далее следует пятый тип. Процентное соотношение таково: первый тип – 8%, второй тип – 7%, третий тип – 14%, четвертый тип – 42% и пятый тип – 29%.

Преобладание переводов четвертого и пятого типа эквивалентности и сравнительно небольшое количество переводов первого типа эквивалентности можно объяснить тем, что при создании современной рекламы специалисты изначально думают о возможностях перевода её текста на другие языки. Кроме того, рекламные тексты, будучи рассчитаны на привлечение широкой аудитории, как правило, содержит достаточно простые, но оригинальные конструкции и лексику. Таким образом, работа переводчика рекламы, это не только творчество, но и рутинная переводческая работа.

В целом же, перевод рекламного текста включает элементы буквального, свободного, эквивалентного перевода, которые применяются в зависимости от контекста и различных обстоятельств и адаптируются к целевой аудитории и психологии потребителей. Чтобы найти наилучший вариант передачи рекламного слогана, способный эффективно воздействовать на потенциального покупателя и стимулировать его к приобретению товара, переводчик должен применить языковые навыки, культурную осведомленность, знание рынка, гибкость мышления и креативность.

Список литературы

Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/slogan>]

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

Сведения об авторе:

Титова Галина Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; g.titova@yahoo.com; +74862752993.

Titova Galina Anatolevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya St., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; g.titova@yahoo.com; +74862752993.

УДК 81'282.2, 81'42

КОНЦЕПТ «СИБИРЬ» В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО РАССКАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ
ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКИХ СЁЛ)²

Волошина С.В.

Томский государственный университет

г. Томск, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются представления жителей сёл Томской области о Сибири как о доме, месте ссылки или переселения. Материалом выступают 200 автобиографических рассказов, записанных в результате диалектологических экспедиций с 1960-х гг. по 2021 г. Сибирь в исследуемых автобиографических рассказах представляется как уникальный географический регион с определенными климатическими условиями, историей, а также как часть жизни людей.

Ключевые слова. Автобиографический рассказ, речевой жанр, Сибирь, концепт

Abstract: The article describes the ideas of residents of Tomsk region villages about Siberia as a home, a place of exile or resettlement. The material consists of 200 autobiographical stories recorded during dialectological expeditions from the 1960s to 2021. The conceptual layer of the concept "Siberia" is described. Siberia in the autobiographical stories is a unique geographical region with certain climatic conditions and history, as well as the part of people's life.

Keywords: autobiographical story, speech genre, Siberia, concept

Изучение языкового ландшафта территории – одна из актуальных задач

² Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

современной лингвистики. Исследователи в основном обращаются к описанию лингвистического ландшафта стран и городов, при этом меньше внимания уделяется отдельным регионам и сельской местности. Языковой ландшафт Сибири как уникального трансграничного региона с особой историей, климатом, межнациональными, межкультурными отношениями, сложным сочетанием образов жизни, языков и говоров является мало изученным.

Термин «языковой ландшафт» интерпретируют по-разному: в более широком значении исследователи предлагают трактовать его как многоаспектный комплекс, который включает в себя не только языковые особенности городского пространства, но и базу говоров, существующих на определенной территории, современную устную речь ее жителей, текстовые репрезентации региона и т.д. [4]. Представляется, что изучение такого многоаспектного комплекса включает в себя также анализ речевых жанров и концептов, в которых отражается специфика региона.

Цель данной работы – описание концепта «Сибирь», функционирующего в речевом жанре автобиографического рассказа.

Материал исследования – 200 автобиографических рассказов, записанных сотрудниками кафедры русского языка ТГУ в результате диалектологических экспедиций с 1960-х гг. по 2021 г. в сёла Томской области. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus>), аудиозаписи речи сельских жителей, сделанные автором исследования в результате экспедиции в сёла Первомайского, Шегарского и Асиновского районов Томской области с 2008 г. по 2021 г.

Автобиографический рассказ – информативный, спровоцированный исследователями речевой жанр, основной целью которого является рассказ о жизни с момента рождения информанта и до момента общения с диалектологами. Поскольку представление жизненного пути человека сопровождается информацией о пространстве, в котором происходило или происходит то или иное событие, проходит этап жизни, исследуемые

автобиографические рассказы можно считать полем реализации концепта «Сибирь».

Материал включает автобиографические рассказы диалектоносителей – носителей старожильческих говоров Среднего Приобья, а также не диалектоносителей, в том числе добровольных и вынужденных переселенцев в Сибирь.

Как отмечает Т.А. Демешкина, изучение речевой культуры трансграничного региона, в которой наблюдается сплав диалектных, просторечных черт, особенностей русского литературного языка, других языков и культур разных народов может быть осуществлено с применением комплекса методов, среди которых методы концептуального анализа [2].

Исследование концепта «Сибирь» производится с помощью выделения в его структуре понятийного, образного и аксиологического слоев [3, с. 107]. Однако в данной работе рассматривается только понятийный слой в силу его большой разработанности. Понятийный слой концепта – это варианты его обозначения, описания, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [3, с. 107].

Среди единиц, репрезентирующих исследуемый концепт и определяющих его название, выделяется лексема *Сибирь*. План выражения концепта представлен также лексическими единицами, идентифицирующими сибирское пространство: *лес, тайга, болото, мороз, снег, ссылка, шишковать* и др., называющими жителей Сибири: *сибиряк, остяк, чалдон*; топонимами: *Томская область, Обь, Кеть, Чулым, Нарым, Новосибирск* и др., словами, употребление которых характерно для Сибири: *пимы, обласок, колба* и т.п. Среди лексем, участвующих в вербализации концепта, выделяются производные от его названия слова: *сибирский, сибиряцкий, по-сибирски*.

В речевой практике сибиряков Сибирь наделяется разными характеристиками и представляется прежде всего как домашнее, родное пространство: *Рождён в Сибири. Семьсят второй год живу. И отец, и прадед сибиряк, сибиряки настоя'иши; Роди'лса ту'тока, коренной сибиряк, никуда не*

ездил и как чужое пространство, место переселения или ссылки: Сюды' сослали. Нам-то досталось. Я сын кулака. Родителей сослали в Нарым на съедение медведям.

В автобиографических рассказах и местных жителей, и переселенцев, ссыльных Сибирь репрезентируется как:

- обширный географический регион, огромная часть северной Евразии: *Деды и прадедушки жили. Только повернешь, брат живёт. Обширно тайги тут. Конца нет тайги.*

- регион с суровым климатом: *Наша Сибирь, она непредсказуема. ... в ноябре, такие мороза были, что такие по пять сантиметров щели на земле. Разрывало, разрывалась земля от мороза. Я ... здесь же родилась, здесь и все мы, здесь мои корни. Мне как-то кажется, так оно и должно быть. Холодно – значит, одеваемся, тепло – значит, раздеваемся; Стояли страшные морозы. Весь перемерзнешь. Я ноги себе отзнобливала; На холодном краю сибиряки живут.*

- богатая природными ресурсами территория: *А лес какой раньше был. Дедушка водил нас всех и учил грибки срезывать... По ягоду тоже ходили: смородину, по клюкву, бруснику; Ишо' охо'тничали. Сохатых видели, лисят, волков, медведе'й; Зимой налим, стерлядь ловится, щука иной раз попадет. Один раз вытащили нельму килограмм на 30. Бывает стерлядь по килограмму. ... Отец раз добыл осетра 52 кг; там нашли... нефть и всё, и там есть в нашей Томской области город Кедровый. Вот он с севера, они оттуда переехали. Только они переехали в 59-м, а мы сюда приехали в 61-м году, на 4 года он меня старше.*

- место ссылки: *Жили тут ссыльны каки-то немцы, но не те, что с фронту, каки-то други; Большой поселок был, чисто кулацкий, ни одного из местного населения не было. Все были сосланные кулаки. И у каждого ребятни этой всякой, я до сих пор помню многих.*

- многонациональный регион: *Латыши, эстонцы ненадёжные, их тоже сюда сослали. В войну даже финны в леспромхозе работали. Немцы с*

Поволжья все здесь высланные; Здесь столько их было всяких разных. Жили и евреи, их ещё до войны правда убрали, в тридцать первом году. Были жили немцы, каких сослали во время войны, так и живут.

В рассказах ссыльных и переселенцев Сибирь зачастую представляется как территория, которую нужно было осваивать, в которой нужно было выживать и адаптироваться: *Как они первую ночь переночевали, непонятно. Но лес, тайга, рубили, на другой день. Зимой-то, кто шалаши делал, кто землянки копал, кто рубил, бараки строили. И как они выжили, я не знаю; В Нарыме они их на снег выбрасывали и уезжали. Те землянки делали, чтоб до весны дожечь. Старые, малые померли. Потом стали обживать; Приняв решение переселяться, дедушка Игнатий, наверное, и не предполагал, на какие тяготы они пошли, да еще с маленькими детьми, что тысячу раз могли погибнуть в скитаниях. Собравшись в путь, они сначала доехали из Тюмени до Томска на поезде, в «телячьем вагоне», затем до Колташево плыли на пароходе...*

При характеристике жизни в Сибири в исследуемых текстах функционирует система бинарности, включающая такие оппозиции, как «Сибирь / Россия (Россея)», «сибирский / российский», «коренной / ссыльный», «старожилы / новосёлы» и т.п.: *А наши сибиряки, ка'жный лепился как бы один к одному жить. А российские приезжие гектар занимали; В Россе'и земли мало было. Ну и сюды' заехали ночевать наши старики. А им тогда' и предлагают, а почему бы вам не остаться здесь. Ну и остались. Много ссыльных ходило; Здесь сибиряк, а на той стороне наезжий народ. Боле никого мы не знаем; Чалдо'ны, сибиряки, коренные. А в Петровке россе'йски, они недавно переехали, они ра'не приехали, это новосёлы.* Актуализация оппозиции «свой/чужой» может сопровождаться описанием жителей Сибири, их физических, личностных качеств и черт характера: *В бой раз сводили, ну а там видят, что сибиряк он не боится, ну меня и в разведку...; Когда Днепр форсировали, меня ранили. Днепр переплывали, которы плавали, которы плохо, а я сибиряк, хорошо плавал...; Сибиряки боевы' все были.* В исследуемых текстах лексема *сибиряк* употребляется в сочетании с такими прилагательными, как *коренной*,

закоренелый, вечный, настоящий, природный, закалённый: Мы здесь **вечные сибиряки**, родители наши, и бабушка, и дедушка...; **Сибиряк природный**, тут сибиряков мало, нас тут четверо, старые, только мы два старые; **Закаленны чалдоны мы, сибиряки**, нигде не были.

Длительное проживание на территории Сибири влияет на самоидентификацию ссыльных, переселенцев, которые считают себя сибиряками и отмечают отличия от представителей своей национальности: *Мы сохраняем культуру сибирских эстонцев. Это уже сложилось больше века. Своя уже культура. Поэтому когда говорят, что эстонцы не любят Россию, это те эстонцы; 54 года я уже в Сибири живу. Я уже сибирячка настоящая стала. В Белоруссию, если бы кто-то был, я бы съездила, но там никого нету.*

Описание концепта «Сибирь» показывает его взаимосвязь с такими концептами, как «Ссылка», «Дорога», концептами природного мира («Болото», «Лес», «Медведь» и др.).

Таким образом, концепт «Сибирь» – один из ключевых концептов, функционирующих в автобиографических текстах жителей сибирских сёл. В исследуемых рассказах репрезентируется географический, природно-климатический, исторический (административно-политический), этнокультурный компоненты концепта. Сибирь представляется как пространство дома и как чужое пространство, которое необходимо было осваивать. Представляется, что изучение концептов и речевых жанров, в которых отражается региональная специфика, способствуют описанию языкового ландшафта территории.

Список литературы

1. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 47. С. 28-38.
2. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // В печати

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

4. Красовская Н.А. Языковой ландшафт: возможные подходы к использованию термина // II Милоновские краеведческие чтения: Сб. науч. статей. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020. С. 36-39.

УДК 821.111

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ СРАВНЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Головушкина М.В.

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Россия

Аннотация: В данной статье делается попытка исследовать стилистический прием сравнение в романе Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Предлагается рассмотреть определения и классификации сравнений, а также пролить свет на авторские мотивы использования данного стилистического приема. Исследование имеет цель выяснить причины использования Диккенсом сравнений, концентрируясь на их структуре и функциях.

Ключевые слова: сравнение, стилистический прием, определение, классификация, функция.

Abstract: The present study is an attempt to investigate the use of stylistic device «simile» in Charles Dickens' novel, «The Pickwick Papers». It also sets to analyze similes' definitions and classifications and to cast light on the author's motives behind the use of such a figure of speech (simile). This investigation aims at laying a finger on Dickens' use of simile in the novel, focusing on its structure and functions.

Keywords: simile, stylistic device, definition, classification, function.

Сравнение, как один из часто используемых стилистических приемов, в течение длительного времени привлекает внимание, как отечественных, так и зарубежных лингвистов и из-за характерных особенностей, структуры и семантических связей является одним из наиболее часто используемых стилистических приемов в литературных текстах. Сравнение может помочь автору выразить свою точку зрения, описывать различные предметы и явления, дать оценку персонажам. Более того, сравнение, как одно из выразительных средств художественного произведения, делает текст более ярким, семантически насыщенным и отличительным в своем повествовании. Несмотря на то, что вопрос использования сравнения в художественной литературе и других функциональных стилях довольно часто обсуждается в научной литературе, данная тема остается актуальной и на сегодняшний день, поскольку в любом художественном произведении, любой эпохи сравнения используются для различных целей, причем не только для украшения произведения, но и для плавного и образного повествования, для описания предметов, явлений и персонажей, для сопоставления каких-либо языковых единиц. Более того, особенности структуры конструкций с компаративным значением и дискуссионные вопросы вокруг проблемы сравнения (например, расхождение отмечается в вопросе определения сравнений в русском и английском языке) требуют детального изучения.

Актуальность темы работы определила цель исследования – проанализировать стилистические и лингвистические особенности языковой единицы сравнения в английском художественном тексте на примере романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач:

Исследовать дефиниции «сравнение», «simile» в лексикографических источниках отечественной и зарубежной лингвистики;

Проанализировать лингвистические и стилистические особенности сравнений, критерии их классификации;

Произвести прямую выборку примеров стилистического приема «сравнение» из романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»;

Провести анализ роли и функции сравнений в репрезентации художественной картины мира Чарльза Диккенса на примере романа «Посмертные записки Пиквикского клуба».

В отечественном литературоведении под сравнением подразумевается «вид тропа, в котором одно явление или понятие проясняется путем сопоставления его с другим явлением. При перенесении значения с одного явления на другое, сами эти явления не образуют новые понятия, а сохраняются как самостоятельные» [6, С.3]. В зарубежной лингвистике «simile» - это, прежде всего, сравнительное утверждение, которое включает два непохожих элемента [11]. Термин «simile» также используется, чтобы показать, что это, главным образом, фигура речи, требующая очевидной ссылки на источник или «target element» (главный элемент) и на недвусмысленную структуру, связанную с ним [9]. Например, «as dead as a doornail» означает «без каких-либо признаков жизни, причем значение слова «doornail» - дверной гвоздь, не важно, для формирования сравнения. Носители языка часто употребляют такие обороты в их повседневной речи. Часто сравнения образуют идиомы, часть из них соответствует русским аналогам, но есть и уникальные сравнения, которые подчеркивают менталитет англичан: «as mad as a hatter» - «совершенно безумный».

Поскольку для литературоведения наиболее значимым является художественная сторона понятия сравнения и его значимость для образования новых смысловых языковых единиц для нашего исследования наиболее значимым является определение J.A. Cuddon, так как оно наиболее полно отражает специфику сравнения как лингвистического явления. J.A. Cuddon определяет «simile», как фигуру речи, в которой один элемент похож на другой, применяемую для усиления экспрессивности [8]. Он рассматривает сравнение как метафору, в которой два термина имеют подобное семантическое значение,

связаны эквивалентностью, их значение чисто стилистическое и только добавляет дополнительное, коннотационное значение специализированному термину.

Несмотря на то, что существуют различные классификации сравнений, например по степени развития элементов сравнительной конструкции (Федосеева Н.С.) [7], по морфологической выраженности сравнения (Пауль Г.) [5], по грамматической природе определяемого слова (Ефимов А.И.) [3], по стилистической оформленности (Карцевский С.О.) [4], для нашего исследования значимой является классификация по «comparable markers» [10], т.е. приемам, используемым для сравнения: 1) глаголы (look like, seem, sound like, appear, remind of one, resemble); 2) прилагательные (similar to, the same as, akin to, identical to, comparable to); 3) существительные (a sort of, some kind of); 4) предлоги в сравнительных оборотах (as, like), так как маркер «as» может предавать не только компаративные, но и другие значения, например временные when, since; 5) союзы (as if, as though, as when).

В нашей работе мы попытаемся проанализировать различные маркеры сравнений, используемые Чарльзом Диккенсом в его романе «Посмертные записки Пиквикского клуба», для того, чтобы понять с какой целью он использует данный стилистический прием. Выборка из художественного пространства произведения показала, что предлоги «as» и «like» являются самыми часто встречающимися компаративными маркерами, к тому же они образуют сравнительные обороты (look like, feel like, the same as, as much as) и являются частью сложных союзных конструкций (as if, as though, as when).

Сравнительные конструкции, включающие в себя вспомогательный элемент – компаративный маркер, который демонстрирует сам факт сравнения предметов, внося в конструкцию дополнительные оттенки значения (уверенности, неуверенности, сомнения, предположения), являются элементами художественного стиля Диккенса. Например, чтобы показать неуверенность и некую неловкость, Диккенс включает сравнительную конструкцию в слова Сэмюэла Уэллера слуги мистера Пиквика.

«Why, if I felt like a walking brandy bottle I should n't be quite so staggy this morning [1,с.179]». — Ну, не чувствуй я себя, как ходячая бутылка бренди, я бы тверже держался сегодня на ногах,— ответил Сэм [2, с. 252].

Портретная характеристика у Диккенса является средством изображения не только внешности, но и средством отображения внутреннего мира его героев. Неидеальный внешний вид главного героя смешного и нелепого Мистера Пиквика сравнивается с его почти идеальным нравственным образом.«Mr. Pickwick has always behaved himself like a perfect gentlemen. His money always as good as the bank – always [1, с. 301]». - Мистер Пиквик держал себя как настоящий джентльмен. Деньги всегда были за ним все равно, что в банке, всегда! [2, с. 413]

В этом примере проявилось стремление Диккенса раскрыть истинную человечность, присущую внешне смешному, нелепому, наивному Пиквику. В этой двусмысленности хорошо просматривается взаимозависимость внутреннего и внешнего, связь, на которой строится диккенсовское художественное пространство. И, наоборот, при описании одного из «великих людей» из мира юриспруденции Диккенс с помощью развернутой метафорической гиперболы, где «as» является предлогом сравнительного оборота, показывает «посредственность» личности судьи Мистера Напкина.

«Now George Nupkins, Esquire, the principal magistrate aforesaid, was as grand a personage as the fastest walker would find out, between sunrise and sunset, on the twenty-first of June, which being, according to the almanacs, the longest day in the whole year, would naturally afford him the longest period for his search [1, с. 274]». - Джордж Напкинс, эсквайр, упоминаемый выше главный судья, был самой величественной особой, какую мог бы встретить самый быстрый ходок в промежуток времени от восхода до заката солнца в день двадцать первого июня, каковой день, согласно календарю, является самым длинным днем в году, что, естественно, обеспечивает ходоку наиболее продолжительный срок для поисков [2, с.377].

Восприятие личности Мистера Напкина, а затем ее авторской морально-нравственной оценки проявляет себя, как результат мыслительной операции с элементами анализа и находит свое языковое выражение в описании портрета. В стремление раскрыть истинную сущность представителей данной профессии, Диккенс с помощью стилистической единицы сравнение противопоставляет величие судьбы с его посредственностью, создавая типичную карикатуру, за которую известен автор. Богатство воображения и умение глубоко проникать в душевный мир человека позволяют Диккенсу создавать очень убедительные афоризмы. «Sugar-loaf hat [1. с.169]» - шляпа в форме сахарной головы [2, с.237], «saw – like voice [1, с.199]» - скрипучим голосом [2, с.278], «and out shouted the mob again, as if lungs were cast-iron, with steel works [1, с.136]» - и толпа снова заорала, словно у нее были чугунные легкие со стальным механизмом [2, с.193], «as brisk as bees [1, с. 312]» - оживленные, как пчелы[2, с.428]. Благодаря афористической форме изложения его персонажи сохраняются в памяти читателя подобно наиболее ярким впечатлениям реальной действительности.

Общее назначение романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» не сводится только к сравнению весёлых Пиквинистов и помпезных судейских чиновников, в романе звучат и социальные мотивы. Например, рассказывая о выборах в Итенсуиле, Диккенс высмеивает и критикует современную ему партийную систему и порядки выдвижения кандидатов в члены парламента. «It appears, then, that the Eatanswill people, like the people of many other small towns, considered themselves of the utmost and most mighty importance, and that every man in Eatanswill, conscious of the weight that attached to his example, felt himself bound to unite, heart and soul, with one of the two great parties that divided the town—the Blues and the Buffs[1, с.134]». - Можно думать, что население Итенсуилла, как и многих других городков, приписывало себе исключительное и особое значение и что каждый житель Итенсуилла, сознавая, сколь важен его личный пример, долгом своим почитал примкнуть душою и сердцем к одной из двух великих партий, на которые делилось население, — к партии Синих или к

партии Желтых [2, с.194]. В данном английском предложении предлог «like» является основным средством создания сравнительного оборота, который наряду с иронией, преувеличением и другими стилистическими средствами помогает Диккенсу увеличить присутствие автора в повествовании и оценить электорат Итенсуилла.

В нашей работе мы постарались рассмотреть сравнения с точки зрения авторских мотивов их использования в определенном контексте. На наш взгляд, Диккенс может иметь психологические мотивы при выборе данного стилистического средства, так как он хочет включить читателя в когнитивные процессы, увеличить присутствие автора в повествовании романа. Он создает индивидуально-авторские сравнения, отличающиеся неожиданностью и уникальностью, концентрирует внимание читателей на определенных качествах персонажей, помогая взглянуть на них под нужным ему углом, но, не навязывая свою точку зрения. Таким образом, сравнение в художественном тексте романа «Посмертные записки Пиквикского клуба» выполняет несколько функций, среди которых можно выделить функцию создания художественного образа, функцию оригинальности и неожиданности, изобразительную функцию, оценочную функцию, функцию авторского присутствия, функцию афористической формы изложения, функцию повышения художественной образности. Благодаря художественному пространству насыщенному различными стилистическими приемами и средствами (метафорами, сравнениями, афоризмами, эпитетами), Чарльз Диккенс не просто показывает, что видит, но хочет объяснить, как он смотрит, воспринимает и переживает мир.

Список литературы

1. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквинского клуба: роман на англ.яз. / Ч. Диккенс. – Москва : «Зарубежная классика – читай в оригинале», Т.8, 2016.- 672 с.

2. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквинского клуба. Главы I-XXI / Ч. Диккенс. – Москва : Издательство «Правда», 1981. - 480 с.
3. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М.: МГУ, 1961. - 519с.
4. Карцевский С.О. Сравнение// Вопросы языкознания. 1976. - №1. -С.107-112.
5. Пауль Г. Принципы истории языка/ Пер. с немецкого под ред. А.А. Холодовича- М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 500с.
- 6.Трегубчак А.В. Семантика сравнений и способы ее выражения: Автореф. . .канд. филол. наук. Москва, 2008. – 23 с. . [Электронный ресурс] Режим доступа [<https://www.dissercat.com/content/semantika-sravneniya-i-sposoby-ee-vyrazheniya/read>]
- 7.Федосеева Н.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком языке: Автореф. . .канд. филол. наук. Н. Новгород, 1997.- 17с.
8. Cuddon J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. – London: PenguinBooks Ltd, 1999, 1024 p.
9. Gibbs R.W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language and Understanding. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994, 540 с.
10. Isgandarova N. The Linguistic Peculiarities of Similes in the Novel “Dombey and Son” by Charles Dickens - Ministry of education of the Azerbaijan republic, Khazar university school of humanities and social sciences – 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа [<https://www.semanticscholar.org/paper/MINISTRY-OF-EDUCATION-OF-THE-AZERBAIJAN-REPUBLIC-OF-Isgandarova-Orujova/13ab41214fcb3e5a67bdfef96632a756f44dee89>]
11. Miller G. A. «Images and Models, Similes and Metaphors» in Ortony, A., (ed) 1979, Metaphor and Thought, Cambridge: Cambridge University Press, 1979, pp. 202-250.

Сведения об авторе:

Головушкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Английский язык», Факультет истории и филологии,

Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация,
Пенза, ул. Красная, 40, e-mail: marina52004@mail.ru. +79050159786

Golovushkina Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department of English Language, Faculty of History and Philology, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: marina52004@mail.ru. +79050159786

УДК 82-1

**ИСКУССТВО ПЛАКАТА И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

Мартынова Е.М.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье проводятся семиотические параллели между таким жанром живописи, как плакат, и публицистической поэзией Роберта Ивановича Рождественского. Выделяются основные отличительные черты искусства плаката и обосновывается его сходство с композицией, стилистикой, цветописью и функциями произведений поэта.

Ключевые слова: плакат, поэтика, публицистика, сатира, соцреализм, цвет.

Abstract: *The article draws a semiotic parallel between a poster as a genre of painting and the poetics of R.I. Rozhdestvensky. The main distinctive features of the poster art are highlighted and its similarity with the composition, stylistics, color solution and functions of the poetic heritage of R.I. Rozhdestvensky is justified.*

Key words: *poster, poetics, political journalism, satire, socialist realism, color.*

Реализация творческого потенциала человека происходит в разных сферах жизни. Искусство, имеющее много граней и ракурсов, является самым вероятным приложением талантов. Живопись, литература, музыка всегда находят своих адептов. Нередко в творчестве авторов происходит симбиоз нескольких видов искусства. Например, в литературном или музыкальном произведении угадываются визуально-пространственные коды какого-то жанра живописи, цветомузыкой могут быть расцвечены поэтические творения. Так, по мнению исследователей, импрессионизм свойственен поэтике К.Д. Бальмонта [1], И.А. Бунина, П.А. Нилуса, А.М. Федорова [3], М. Волошина [2]; экспрессионизм характерен для произведений Л.Н. Андреева, А. Белого, В.В. Маяковского [11]; лубочное искусство проявляется в музыке И.Ф. Стравинского [5] и др.

Жанр плаката занимает свою нишу в изобразительном искусстве. Среди его функций называют аппелятивную, идеологическую, экспрессивную и информативную. К дифференцирующим признакам плаката относят такие паралингвистические элементы, как выделение цветом ключевых компонентов, сегментирование текста, разнообразие шрифтов и т.д. [10, с. 19].

С помощью плаката советское государство решало многочисленные задачи по просвещению и мотивации граждан, формированию их мировоззрения, патриотическому воспитанию, социальной инженерии и др.

В.В. Маяковский, признанный мастер рекламы, революционной пропаганды и агитации, стал одним из активных создателей и идейных вдохновителей плакатов «Окон РОСТА». Он не только генерировал тексты, но и выполнял функции художника. Особенности этих плакатов были острота и актуальность поднимаемых тем, их сатирическое представление [4].

Современные исследователи отмечают преемственность художественной манеры В.В. Маяковского в творчестве Р.И. Рождественского. Она выразилась в выборе жанра лиро-эпоса, формы монолога-обращения к читателю-слушателю, синтаксических конструкций, гиперболизации, сохранении

сатирических традиций, ироническом иносказании, обличении мещанства, защите нравственных и эстетических ценностей [6, 8, 9].

«Трепетная, неплакатная» лирика сочеталась в поэзии Р.И. Рождественского с публицистикой поэта-гражданина и патриота, клеймившего пороки советского общества. Именно в его публицистической поэзии проявился семиотический код плакатного искусства: ритмическое и графическое оформление, лексические и синтаксические повторы, стиль лозунга и призыва. Творения поэта, «не боящегося правды», передавали его «честную, святую убежденность» в социалистических идеалах, несли мощный эмоциональный заряд и являли собой вдохновляющий пример служения Родине. Но если советский плакат был рупором соцреализма, то стихи Р.И. Рождественского, на наш взгляд, продвигали идеи социалистического идеализма. Сатира, вышедшая из-под пера поэта, проникнута горечью. Сатирические изображения «не пытавшихся» и «не пытающихся»; псевдоискусствоведов; выборов, которых ждут, потому что «выбросят пивко»; очередей, которые «появились раньше нас»; собраний литераторов, после которых невозможно отмыться, не вызывают смеха.

Значимую роль в восприятии идей, заложенных в стихотворных строках Р.И. Рождественского, играет пунктуация. Возвания, наказания, просьбы-требования к людям настоящего и будущего выделяются восклицательными знаками, что также является признаком плакатной живописи. Показательно в этом плане побудительно-восклицательное стихотворение «Оптимисты». Произведение наполнено яростными призывами к «настоящим ребятам» «волноваться, недосыпать», «предъявить на планету права», «поворачивать реки вспять» и т.д. Семнадцать восклицательных знаков усиливают и без того мощную энергию, идущую из самого «нутра» поэта.

Прием сегментации стихотворной строки применяется Робертом Рождественским для создания более длительных пауз, расстановки смысловых акцентов. Так, в стихотворении «Мы – политики» автор разделяет эпитеты, характеризующие мир его мечты. Поколению поэта хочется, «чтобы все на

земле / было правильным. / Справедливым. / Гордым до зависти...» [7]. С верой и болью он провозглашает: «Значит, все это наше! / Кровное! / Наше личное. / Наше общее» [7]. Для ритмической смены образов поэт также использует прием антонимического контраста: «близкое» – «дальнее», «чужое» – «личное», «будничные кефиры» – «праздничные пол-литры», «сильные» – «слабые» и т.д.

В знаменитом стихотворении «Родина моя», воспевающим красоту родного края и вобравшем в себя огромную любовь Р.И. Рождественского к Отчизне, для изображения этнического многообразия и демонстрации дружбы народов СССР поэт применяет излюбленный способ художников-плакатистов – акцентирует внимание на цветовой гамме. Черный, рыжий и льняной цвета – единство противоположностей – в потоке неиссякаемого солнечного света.

Композитору Д. Тухманову, написавшему музыку на эти стихи, тоже удалось с помощью ритмического рисунка передать стиль плаката. Вспомним речитатив: «Я, ты, он, она, вместе – целая страна. Вместе – дружная семья. В слове «мы» – сто тысяч «я»!» [7]. Необходимо отметить важную роль личного местоимения «мы» в публицистике Р.И. Рождественского. Для поэта «мы» – это сила. Стихотворение «Что же такое «мы»?...», написанное в духе советского плаката, подтверждает этот факт, рефреном повторяя мысль «Можно убить меня. Нас убить невозможно!» [7].

Советский военный плакат открыл новую эру в эволюции плакатного искусства. В период Великой Отечественной войны мастера этого жанра И. Тоидзе, В. Корецкий, А. Кокорекин и др. создали выдающиеся по энергетике и силе эмоционального воздействия произведения. Мотив войны звучит и в поэзии Р.И. Рождественского. Память о павших за Родину является ключевым посылом его стихов. Императив «Помните!» из поэмы «Реквием» прямо или косвенно проходит сквозь все произведения поэта. Другие императивы отражают его наказ «вступающим в жизнь» – «стройте и протестуйте», «мучайтесь», «думайте» и пр.

Интересна в семантическом плане цветопись «Баллады о красках». В ней одни и те же цвета получают разную смысловую нагрузку: рыжий – цвет апельсинов, солнца, а в военное время – «бешеного огня»; цвет зеленого вина контрастирует со «злой зеленью застоявшихся полей»; белый цвет теряет свою положительную семантику – «смертельная белизна» видится поэту цветом войны. Кроваво-траурный фон поэмы «Реквием» формируется из контраста багрового цвета крови, знамени, заката и черного цвета надгробного камня.

Образ убитого людьми времени, мертвых минут встает перед глазами в стихотворении «Вслушайтесь! Вглядитесь!...». Многократный повтор лексем «убивать» и «мертвый», сегментация строк, риторические вопросы рисуют плакат, выполненный в духе сюрреализма. Лозунг «Даешь новизну!!» на фоне «зубастой» и кричащей, еще не оперившейся молодежи мог бы увенчать плакат, отражающий суть стихотворения «Спор». Вырастают плечо к плечу «незаменимый» Юрий Гагарин и еще тысячи «незаменимых» граждан России в поэме «Посвящение». «Гранитный букварь» Кремлевской стены и призыв учить детей по жизням людей, чей прах покоится за «каменным алфавитом», – визуальное воплощение поэмы «Двести десять шагов».

Проведенный анализ показывает, что существует сходство между композиционной, цветовой, стилистической реализацией публицистики Р.И. Рождественского и семиотической системой искусства плаката. Объединяющие их черты включают лаконичность образа, отчетливый ритм, формируемый за счет лексических и синтаксических повторов, цветовой контраст и минимализм, наличие императивов, отличающихся категоричностью и многочисленностью восклицательных знаков, апелляция к человеку-гражданину настоящего и будущего.

Список литературы

1. Агапов О.А. Лирика К.Д. Бальмонта в свете его религиозных изысканий: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004. – 16 с.

2. Гордина М.А. Особенности синтетизма творчества М. Волошина: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 22 с.
3. Зимина-Дырда Т.Ю. Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Федорова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 23 с.
4. Козленков В.А. Рекламно-агитационные стратегии Владимира Маяковского на рубеже 1910-х-20-х годов: «Окна РОСТА» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 1. – С. 139-143.
5. Мизюркина О.В. Синестетичность в творчестве И. Стравинского: ранний период: автореферат дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2018. – 28 с.
6. Прищепа В.П., Сипкина Н.Я. Орфей великой эпохи. Биография поэта. Поэтическое творчество Р.И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов: монография. – Иркутск, 2012.
7. Рождественский Р.И. Собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://thelib.ru/books/rozhdestvenskiy_robert/sobranie_stihotvoreniy_peseni_poem_v_odnom_tome-read.html]
8. Сипкина Н.Я. Лирико-публицистическая поэма «Письмо в XXX век» Р.И. Рождественского: традиции В. Маяковского // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10. – С. 153-157.
9. Сипкина Н.Я. Сатирические образы и приемы в поэзии Р.И. Рождественского в сопоставительном аспекте с сатирой В.В. Маяковского // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 204-209.
10. Спешилова А.Ю. Плакат времен второй мировой войны: жанровые разновидности, композиция, язык: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 22 с.

11. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика: автореферат дис. ... доктора филол. наук. – М., 2006. – 32 с.

Сведения об авторе:

Мартынова Елена Михайловна, доктор филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302015, Российская Федерация, Орел, ул. Приборостроительная, 35; lm1973@mail.ru.

Martynova Elena Mikhailovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Federal Guard Service Academy of the Russian Federation; Priborostroitel'naya st., 35, Oryol, 302015, Russian Federation; lm1973@mail.ru.

УДК 811.33

**АФОРИСТИКА И КРЫЛАТЫЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ
МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ**

Королькова А.В.

Смоленский государственный университет

г. Смоленск, Россия

Аннотация:

В статье рассматривается современный медиадискурс как сложное лингвокультурологическое явление, в рамках которого активно функционируют афоризмы и крылатые единицы.

Афористика и крылатые единицы в современном медиапространстве интертекстуальны, они способствуют своеобразному диалогу общеизвестных текстов современной лингвокультуры. При этом изречения и крылатые единицы интерпретируются и преобразуются в соответствии с позицией автора. Крылатые единицы и афоризмы на современном этапе развития языка являются

неотъемлемой частью межтекстовых взаимодействий, формируя новый тип медиaprостранства.

Ключевые слова: афоризм, крылатое выражение, медиадискурс, медиaprостранство.

Abstract:

The article considers the modern media discourse as a complex linguistic and cultural phenomenon, within which aphorisms and winged expression are actively functioning.

Aphorisms and winged expression in the modern media space are intertextual, they contribute to a kind of dialogue of well-known texts of modern linguistic culture. At the same time, sayings and winged expression are interpreted and transformed in accordance with the author's position. Winged expression and aphorisms at the present stage of language development are an integral part of intertextual interactions, forming a new type of media space.

Key words: aphorism, winged expression, media discourse, media space.

Современный медиадискурс представляет собой сложное лингвокультурологическое явление. Медиадискурс включает в себя не только связный текст как таковой, но и экстралингвистические факторы, в том числе социальный контекст, национально-специфический контекст, особенности формы распространения и пр. Отметим, что в трактовке понятий *медиа́текст*, *медиадискурс* мы солидарны с позицией Т.Г. Добросклонской, которая отмечает, что «медиа́текст – это сообщение плюс канал, медиадискурс – это сообщение со всеми прочими компонентами коммуникации» [4, с.22].

Большая часть СМИ на данном этапе развития коммуникации практически полностью функционирует в сети Интернет, т.е. медиа́тексты помещаются в некое пространство, где начинают функционировать самостоятельно, часто независимо от автора; они цитируются в произвольной форме, перефразируются, иногда чьи-то отрезки текста приписываются другим

авторам и пр. При этом мы не будем останавливаться на отдельной проблеме фейков.

Для медиатекстов начала XXI века нормой становится аргументация – «обращение к авторитету». Заметим, что такая модель манипулятивных технологий прекрасно работает в рекламе. В качестве «авторитета» часто выступают известные писатели, поэты, ученые, политические деятели. Авторы медиатекстов совершенно не смущает, что зачастую приводимые ими афоризмы относятся к совершенно другому времени, отражая культуроспецифичность, например, XIX века или демонстрируя лингвокультурологические особенности взглядов какого-либо другого (не русскоязычного) этноса. Поэтому зачастую возникает проблема неправильной интерпретации используемых афоризмов, явного искажения первоначального смысла изречения.

Например, известное крылатое выражение А.С. Пушкина из стихотворения «19 октября» 1825 года:

Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село...

Это выражение частотно в современном русскоязычном медиадискурсе; в сети присутствует несколько миллионов интернет-страниц разного рода. Особенно часто усеченный вариант «целый мир – чужбина» используется в заголовках. На портале Wordyou.ru в разделе политических новостей размещена статья «И целый мир – чужбина», в которой говорится о бедственном положении мусульман-рохинья в Мьянме [5].

Необходимо отметить, что большая часть афоризмов в медиапространстве является (по терминологии Н.Т. Федоренко и Сокольской из монографии «Афористика» [9]) «вводной», т.е. извлеченной из какого-либо текста, часто совершенно произвольно. Однако афоризмы в таком виде активно используются в разных медиатекстах.

Приведем пример. В заметке блогера Танковой О. «Дома новы, а предрассудки стары», название которой является афоризмом из «Горя от ума»

А.С. Грибоедова, свободное обращение с афористическим наследием драматурга позволяет автору сделать своеобразный вывод о современной системе образования: «Воистину, «Молчалины блаженствуют на свете» в России во все века и во все реформы. Как ни крои систему образования, менталитет страны неизменен» [8].

Современное медиапространство активно употребляет не только вводную афористику русской лингвокультуры, но и изречения античных авторов, известных зарубежных писателей и ученых. Например, известное изречение Сократа «Кто хочет – ищет возможности, кто не хочет – ищет причины» активным образом используется блогерами, авторами статей СМИ. В поисковой системе Яндекс по информационному запросу нашлось свыше 10 млн. страниц, где вольно трансформируется данный афоризм.

Использование афоризмов в медиапространстве XXI века имеет характерные особенности. Во-первых, многие авторы статей в сети Интернет пытаются продемонстрировать высокий уровень образования, некое интеллектуальное превосходство, что может дать им право на трансляцию «единственно верного собственного мнения». Особенно часто подобный прием используется в живых журналах, предназначенных для женщин. Так, особой популярностью пользуются афоризмы И. Бродского, А. Ахматовой, М. Цветаевой о любви.

Во-вторых, само медиапространство подталкивает авторов не только излагать свою индивидуальную позицию по различным вопросам, но и, используя манипулятивный прием присоединения к авторитету, добровольно включаться в некое сообщество «по интересам». В подобном случае использование афоризмов известных людей становится маркером «принадлежности к своим». Так, например, люди, придерживающиеся радикально-коммунистических взглядов, любят изречения не только классиков марксизма-ленинизма, но и Эдуарда Лимонова.

Важно подчеркнуть еще одну особенность функционирования афоризмов в медиапространстве. Трудности нашего времени в период пандемии стали

своеобразным толчком для активного развития в сети Интернет образовательных обучающих медиаплатформ, образовательных ресурсов, включая страницы педагогов, репетиторов, онлайн-школ и пр. На этих страницах не только опубликовано большое количество литературных текстов, но предлагаются подборки афоризмов по темам и авторам.

Помимо вполне профессиональной публикации афоризмов с правильной атрибуцией в рамках образовательной среды, существует множество интернет-публикаций изречений известных авторов на отдельных сайтах. На подобных страницах встречается большое количество фактических ошибок, которые вводят в заблуждение читателей и в первую очередь школьников.

С.Г. Шулежкова совершенно справедливо отмечает, что крылатые единицы (крылатые выражения и крылатые слова) «относятся к числу наиболее мобильных пластов языка, чутко реагирующих на изменения, происходящие в социально-политической, экономической, культурной жизни общества» [10, с.16].

Медиапространство активно использует «узнаваемые афоризмы» известных авторов, которые помогают, например, создать яркий заголовок: «Они сошлись. Вода и камень...» (из Livejournal «Пишет Татьяна») [11], а также трансформированные, но вызывающие нужные аллюзии, например, в газете «Аргументы и факты»: «Они сошлись – ГУЛАГ и АБВЕР» [3]. Уточняем, что в данных примерах речь идет не столько об афоризмах, сколько о трансформированных крылатых выражениях. Крылатыми выражениями (крылатыми словами) вслед за В.М. Мокиенко и Х. Вальтером мы называем «устойчивые выражения, соотносимые с конкретным автором или фольклорным произведением» [7, с.8]; крылатые выражения в современной лингвистике часто именуют крылатыми единицами (включая туда и крылатые выражения, и крылатые слова).

Крылатые выражения в период активного употребления в языке, особенно в метаязыке СМИ постепенно утрачивают печать авторства, т.е. носители языка помнят, что эти слова принадлежат, например, кому-то из

писателей, но затрудняются с конкретизацией. Крылатые выражения, особенно трансформированные, помогают авторам медиатекстов создавать яркие креативные заголовки. В такую языковую игру активно включаются и читатели. Так, например, произошло с известным афоризмом «Платон мне друг, но истина дороже». В РФ с недавнего времени действует система взимания платы с грузовиков, имеющих максимальную массу свыше 12 тонн. Систему назвали «Платон» (сокращение от «плата за тонны»). Грузоперевозчики, разумеется, не обрадовались новому налогообложению, возникли протесты, которые активно освещали и комментировали в СМИ и социальных сетях, в живых журналах. В качестве примера можно привести статью из ЖЖ, которая цитирует известный афоризм, употребляя его в заголовке и обыгрывая антропоним Платон: «"Платон мне друг, но истина дороже"... Известная фраза «Платон мне друг, но истина дороже» обретает новый, почти саркастический смысл. Еще за 500 лет до нашей эры древнегреческий философ Платон советовал своим ученикам выбирать истину, а не веру в авторитет учителя. Авторитет – это не аргумент. Также рассуждают сегодня дальнобойщики по всей стране...» [12].

Крылатые выражения настолько активны и многочисленны в медиадискурсе нашего времени, что возникла необходимость фиксации их в словарях. Составление словарей крылатых выражений позволяет упорядочить всю систему крылатых единиц в современном языке, описать закономерности ее функционирования, дать стилистическую характеристику. Так, в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» описано свыше четырех тысяч крылатых единиц, среди которых широкоупотребительные ироничные: «Ох рано встает охрана» (из мультипликационного фильма «Бременские музыканты») [2, с.164]; «Пора переквалифицироваться в управдомы» (из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок») [2, с.222]; «Рассеянный с улицы Бассейной» (из стихотворения С. Я. Маршака «Вот какой рассеянный...») и пр. [2, с. 294].

Особой частью современной лексикографии в области описания крылатых единиц стали словари крылатых выражений И.А. Крылова, А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, адресованные широкому кругу словесников, в том числе и журналистам, и школьным преподавателям. Словарные статьи данных изданий включают в себя не только крылатые единицы (включая и прецедентные имена), но и толкование их значений, ссылки на первоисточник, широкие контексты употребления в современной речи.

Приведем пример словарной статьи из словаря «Крылатых выражений А.С. Пушкина»

А ТАЙНЫ НЕ УЗНАЛИ Жених (1825) Тужила мать, тужил отец, И долго приступали, И отступились наконец, А тайны не узнали. • О научных исследованиях. [Загол.] А ТАЙНЫ НЕ УЗНАЛИ. [В тексте] Как утверждают специалисты, Марс — планета крайностей... (Общая газета. 1999. № 22) [7, с.15].

Словари подобного типа не просто фиксируют факты глубокого проникновения авторского слова в живую разговорную речь русского языка, но и позволяют проследить и проанализировать механизмы развития различных типов индивидуально-авторских трансформаций крылатых единиц.

В целом можно утверждать, афористика и крылатые единицы в современном медиапространстве интертекстуальны, они способствуют своеобразному диалогу общеизвестных текстов современной лингвокультуры. При этом изречения и крылатые единицы интерпретируются и преобразуются в соответствии с позицией автора. Крылатые единицы и афоризмы на современном этапе развития языка являются неотъемлемой частью межтекстовых взаимодействий, формируя новый тип медиапространства.

Список литературы:

1. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова ("Горе от ума") / В.М. Мокиенко, О.П. Семенец, К.П. Сидоренко; Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского

яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный кабинет им. В. А. Ларина. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 799 с.

2. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: Ок. 4000 единиц / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулержкова. – М.: Рус. словари [и др.], 2009. – 623 с.

3. Геворкян Ю. Они сошлись – ГУЛАГ и АББЕР. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://aif.ru/culture/3144>]

4. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006 № 2. С. 20 – 33.

5. И целый мир – чужбина [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <http://wordyou.ru/22348-oon-prizyvaet-prekratit-nasilie-v-myanmar.html>]

6. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова: словарь / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, сор. 2018. – 794 с.

7. Словарь крылатых выражений Пушкина /В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Фолио-пресс, 1999. – 747 с.

8. Танкова О. Дома новы, а предрассудки стары [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: https://www.b17.ru/blog/doma_novi_a_predrassudki_stari/]

9. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. /Н.Т. Федоренко, Л.И. Сокольская. – Москва: Наука, 1990. – 415 с.

10. Шулержкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С.Г. Шулержкова. – Москва: Азбуковник, 2002. – 286 с.

11. Livejournal «Пишет Татьяна» [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://s0no.livejournal.com/311922.html>]

12. Livejournal «Пишет karambolll» [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL:<https://karambolll.livejournal.com/122633.html>]

Сведения об авторе:

Королькова Анжелика Викторовна; доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, 214000, Российская Федерация, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; lika.korolkova@bk.ru; +89206651162.

Korolkova Anzhelika Victorovna; Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Journalistic of Smolensk State University, 4 Przhevalsky street, Smolensk, 214004, Russian Federation; e-mail: lika.korolkova@bk.ru +89206651162.

УДК 81:159.955+37.025.7

**ПРИРОДА ПАРАДОКСА. ПАРАДОКС КАК ФОРМА
ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на материале произведения Carroll L.
«Through the Looking-Glass and What Alice Found There»)**

Л.В. Калашиникова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

***Аннотация:** В статье акцентируется внимание на природе парадокса и понимании парадокса как формы языковой игры. Парадокс рассматривается как художественный прием для раскрытия природы характеров героев, ситуаций, для достижения на фоне противоречия в художественном произведении комического эффекта, реализующего тонкую иронию автора. Особым приемом создания неоднозначности является игра слов, ведущая к игре со смыслом. Парадокс обладает уникальным потенциалом смыслообразования, и является мощным стимулом познавательной и творческой активности.*

***Ключевые слова:** нонсенс, парадокс, метафора, метафорическое мышление, когнитивные структуры, ассоциации, игра слов.*

Abstract: *The article focuses on the paradox nature and the paradox understanding as a form of a language play. The paradox is considered as an artistic device to reveal the nature of the characters, situations, to achieve a comic effect against the background of the contradiction in the fiction work, implementing the subtle irony of the author. A special method of creating ambiguity is a word play, leading to a play with the meaning. The paradox possesses a unique potential for sense-making, and is a powerful stimulus for cognitive and creative activity.*

Key words: *nonsense, paradox, metaphor, metaphoric thinking, cognitive structures, associations, word play.*

Исследование нонсенса в мировой литературе имеет очень давнюю историю и отличается особой жанровой спецификой, для которой характерно следование фольклорным традициям, лингвистическая игра, нарушение логических связей, мозаичность и т.д. [9].

Отражение нонсенса на реальных, логических отношениях вещей неизбежно ведет к нарушению языковых норм. Когда несоответствие языковой нормы рушит привычные смысловые схемы, давая необычное и неожиданное толкование, возникает противоречие или парадокс.

Благодаря многомерности сознания, субъект, воспринимая новую информацию, в ходе аналитико-синтетической деятельности связывает ее с имеющимися когнитивными структурами, всякий раз сталкиваясь с проблемой противоречивости поступающей и имеющейся информации, а, следовательно, и с необходимостью поиска разрешения возникающего противоречия.

Все бессмысленное и противоречивое проявляется в языковой практике при общении с другими субъектами или в процессе автокоммуникации (термин Ю.М. Лотмана), приобретая смысл и формируя новую реальность. Когда вывод не совпадает с предпосылкой, и не вытекает, а противоречит ей, давая неожиданное объяснение, именно тогда возникает парадокс, «утверждающий два смысла одновременно» [1, с 33–55, 89–103] и доставляющий особое удовольствие для читателей, особенно для детей. Перед читателем возникает проблема выбора: принимать или не принимать эти смыслы.

Имеются многочисленные труды, посвященные определению природы парадокса, его типам и классификации, нонсенса, смысла, таких исследователей как Брукс К., Барнет С., Пропп В.Я., Дюбуа Ж., Аругюнова Н.Д., Пальяро Х., Вильяр Х., Davison A. [12], Дружинин А.М., Успенский Б.А., Бахтияров К.Н., Ушаков Д.Н., Шмид В., Береснева А.В., Карасик В.И., Дживанян А.А., Ляпона М.В., Семен Г.Я, Заботина Е.Н. и многие другие. По причине отсутствия четкой границы между нонсенсом и парадоксом изучение этих загадочных явлений происходит в неразрывном единстве. Juliette Smeed [14], рассматривающая нонсенс как литературную традицию, отмечает, что первоначально нонсенс зародился далеко не как жанр детской литературы. Своим происхождением нонсенс обязан бессмысленным стихам, адресованным конкретным людям и социальным группам из гостиниц и клубов Лондона в XVII веке. Они предназначались для развлечения взрослых, и только позже – для детей. «Дети младшего возраста, благодаря их повышенной рефлексии, могут распознать широкий спектр закономерностей, в том числе и окружающего мира. Это побуждает их задаваться вопросом, когда вещи озадачивают и отличаются от ожидаемого, реагировать на «глупости и юмор» [14; 11].

Основоположниками этого жанра безусловно считаются Э. Лир (1812-1888) и Л. Кэрролл (1832-1898), которые писали в середине-конце девятнадцатого века первоначально для конкретных детей, с которыми дружили, а позже – для детей вообще. Именно во многом благодаря их влиянию нонсенс сегодня считается в основном детским жанром.

Ученые (Френкель А., Бар-Хиллел А., Костюк В., Дацюк С [2]. Смирнова Е.Д. [6] Бирюкова Е.Е. и другие), занимающиеся исследованием природы парадокса и нонсенса, опираясь на типологию, приводимую в Большой Советской Энциклопедии [16], выделяют следующие типы: логические, выражающие противоречие правильным умозаключениям; семантические, связанные с понятием обозначений в лингвистических терминах; прагматические, противоречащие реальному положению дел [7].

Актуализация противоречия в художественном произведении возможна как на уровне слова или словосочетания, так и на уровне всего произведения в целом, и проявляется в форме композиционно-синтаксического или стилистико-морфологического противопоставления. Парадокс привлекает, заостряет внимание читателя, заставляет взглянуть на привычные предметы, явления с совершенно другой точки зрения, стимулирует мыслительные процессы. С учетом функционирования парадокса в художественном произведении Яшина Е.А. [8] выделяет следующие виды парадокса: философский (исторический), отражающий законы существования взаимодействия людей в обществе; характерологический и сюжетный, описывающие многогранность характера образа героя произведения или природных явлений; иронический – особый вид парадокса, реализующий иронию автора.

Общность механизмов создания парадокса и нонсенса состоит в замене объективной реальности фантастической, невероятной, ведущей к изменению отношений не только между предметами, но и идеями, что является причиной нарушения способов, с помощью которых устанавливается и фиксируется смысл, то есть языковых норм [13]. Э. Сьюэлл [10] определяет нонсенс как вид интеллектуальной игры со словами, имеющими двойственную природу, очень похожей на игру в шахматы, где одни фигуры могут превращаться в другие.

Л. Кэрролл в произведении «Through the Looking-Glass and What Alice Found There» [15] создает мир нонсенса, разрушающий смысловые связи с логикой, объективной реальностью и законами природы. В пределах этого абсурдного мира формируется другая фантастическая реальность, где предметы, события приобретают совершенно иные качества и свойства, подчиняются другой четко организованной логике. Л. Кэрролл придумывает Зазеркалье – страну шахмат. Всем известно, шахматы – самая логичная игра в мире. В этой самой логичной «стране» происходят самые нелогичные события.

Л. Кэрролл считается мастером логических парадоксов. Изображая зазеркальный мир, Л. Кэрролл прибегает к инверсии – стилистическому

приему, используемому в литературе (от лат. *inversio* — *перевоорачивание, перестановка*); это – игра наоборот. Намеренно нарушая причинно-следственную связь событий, условности, он делает большие предметы маленькими, а маленькие большими; удаляет предметы, приближая их, останавливая бег и ускоряя покой.

Известен тот факт, что, обладая безграничной фантазией, он не упускал возможности продемонстрировать детям действие законов физики (поведение симметричных тел в зеркальном пространстве, законы оптических иллюзий, законы перемещения тел в пространствах разного типа, перемещение во времени и пространстве и т.д.), обнажая противоречие между реальностью и вымыслом. Создавая эффект языковой игры, он переворачивал плоскости реальности и нереальности с ног на голову: в перевернутом мире все предметы меняют свои качества, свойства и размеры – и визуально и физически.

Полагаем, что Л. Кэрролл намеренно, задавая правила игры в Зазеркалье – «мир наоборот», утверждает форму жизни произведения, ее оригинальную философию. Если они принимаются, то восприятие зазеркального мира становится естественным, то есть по правилам. Героиня произведения, Алиса, пытаясь действовать в соответствии с логикой своего мира, попадает в необычные ситуации. Назревание парадоксов логического типа – несоответствие предпосылки и ожидаемого результата, нарушение причины и следствия, опрокидывание постулируемой истинности и т.д. – ведет к появлению дополнительных условий, противоречащих стандартной ситуации, необходимости поиска алгоритма решения задачи и созданию проблемной ситуации, разрешение которой дает новый опыт субъекту [3, с. 22-32]. При этом, когда знания субъекта об окружающем мире «не работают», на помощь приходят воображение и фантазия, включается ассоциативное мышление [4].

В игре слов проявляется семантический парадокс, который может быть, как характерологическим, так и ситуативным. Например, игра с фонемами, демонстрирующая юмористический потенциал омонимов: *«bed»* в значении *«клуба»* и *«bed»* – *«постель»*.

Другой не менее яркий пример: образ ивы (Chapter II «The Garden of Live Flowers») [15], которая говорила: «*Bough-wough!*». Это – междометие, звукоподражательное слово, образованное путем полной редупликации. Повторы такого рода типичны для детской речи. При восприятии речи, особенно в раннем возрасте, большую роль играет ритм, рифма, мелодика, поэтому все детские песни, стихи, считалки строятся на повторах. Игра слов основана на совпадении звучания английских слов «*bow*» – «*bough*» – «*whill+ow*». На наш взгляд, многие переводчики уловили эту особенность, например, у Демуровой Н.М. «дуб – дубасит» (Демурова, 1991); у Л.Л. Яхнина – **граб**, который быстро **заграбастает**, а ветки как **грабли** (Яхнин, 1992); у А.А. Щербакова «тополь – топнет» (Щербаков, 1969); **фикус**, который **кусается** у В.Э. Орла (Орел, 1980) [5].

Мы обратили внимание на интересный момент: «*branches are called boughs*» [15]. Эти слова синонимичны и имеют интересную историю. Слово «*boughs*» редко используется в повседневной речи. Online Etymology Dictionary [17] указывает «*branch*» (с. 1300, *braunch*), заимствовано из старофранцузского, куда попало из поздней латыни «*branca*». Эти слова объединяются общим значением «форма». Далее, «*branch*» было заменено на родное «*bough*», распространенное в староанглийском языке, пришедшее из протогерманского языка «*bogaz*» (источники также древнескандинавский «*bogr*» и древневерхненемецкий «*buog*») [5].

Дополнительные смыслы появляются при языковой игре с фразовыми и многозначными глаголами. Фразовый глагол *to get at (them)* имеет значение «**достать кого-либо**» (физически), а также «**придираться, нападать на кого-либо**»; «*all begin together*» – **делать что-либо одновременно, например, распускаться** в значении «**расцветать**», и в значении «**вести себя невоспитанно**». Игра слов «*make one wither to hear the way they go on*» активизирует русский фразеологизм «**уши вянут**» от услышанного, чего-то нелепого и глупого; «*turn white*» очень похоже на образное выражение «**побелеть от страха**». Игра слов ведет к игре смыслов [5].

Игра значениями, их искусное противопоставление, создает яркие метафорические образы. Например, сравнение девочки с цветком с девятью шипами, порождает концептуальную метафору. Девять шипов вокруг головы – это не что иное, как королевская тиара с девятью зубцами – одна из самых крупных тиар в коллекциях европейских монархов с полуторавековой историей, созданная в 1860-х годах [5].

Исследование лингвистического механизма [4; 5], создающего и реализующего парадоксы в художественном тексте произведения Л. Кэрролла, на разных языковых уровнях: синтаксическом, лексико-грамматическом, семантическом, графическом, стилистическом, дало основания утверждать следующее.

Парадокс есть особая языковая структура, обладающая смыслообразующим потенциалом, и представляет собой форму языковой игры. Можно выделить несколько типов языковой игры и игры слов: гипербола, избыточная буквализация, игра с фонемами, игра с ограничением выбора для достижения юмористического эффекта. В исследуемом фрагменте выявлены случаи лексической антонимии и грамматической омонимии, противопоставление значений одной и разных лексических единиц; фразовых и многозначных глаголов; используется прием градации признака.

Игра со смыслом порождает образность. Об этом свидетельствует наличие разнообразных стилистических фигур, характеризующихся образной мотивированностью.

Цель языковой игры – создание неоднозначности. Намеренное нарушение литературных норм, стереотипов характеризует противопоставление поведения субъекта, действующего по правилам игры, и его поведения в соответствии с логикой и законами реальной действительности, и приводит к парадоксам разного типа, например, семантический парадокс, представленный противоречиями характерологического и ситуативного типа, основан на игре слов и их значений. Нарушение стереотипов категоризации действительности приводит к фразеологическому парадоксу. Особенно стоит отметить

возникновение иронического парадокса – особого вида парадокса, реализующего иронию автора, который в игровой форме предлагает возможные и невозможные решения поставленной проблемы.

Выявлено, что момент реализации парадокса в художественном тексте совпадает с появлением метафор. Метафорическое мышление соединяет абсурдное и логическое, ассоциируя когнитивные структуры прошлого опыта и новую информацию, создавая дополнительные смыслы. Парадокс, как и метафора, обладает уникальным потенциалом смыслообразования. Мысль, выраженная в художественном тексте с помощью парадокса, не останется незамеченной. Парадокс является мощным стимулом познавательной и творческой активности, так как возникающие дополнительные условия, противоречащие стандартной ситуации, создают проблемную ситуацию, разрешение которой дает субъекту новый опыт.

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла. 1995. С. 33-55, 89-103. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica.txt_with-big-pictures.html].
2. Дацюк С. Языковые парадоксы. // Zhurnal.Ru. – Киев, 1998. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: http://www.uis.kiev.ua/~_xyz/paradox.html].
3. Калашникова Л.В. Метафорическое мышление как основа когнитивной деятельности субъекта на этапе наглядно-образного мышления. «Игра по правилам» – один из способов решения познавательных задач. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 22-32. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-3-22-32>.
4. Калашникова Л.В. Интерпретация нонсенса как прием развития воображения у детей (на материале произведения Carroll L. «Through the Looking-Glass and What Alice Found There»). // Актуальные проблемы

филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 200-212. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-200-212>.

5. Калашникова Л.В. Лингвистический механизм создания и реализации парадоксов в художественном тексте. Смыслообразующий потенциал парадокса (на материале произведения Carroll L. «Through the Looking-Glass and What Alice Found There»). // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №2. С. 212–227. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-212-227>.

6. Смирнова Е.Д. Теоретико-познавательные и логико-семантические основания парадоксов. // Логические исследования. 2007. № 14. С. 271-282. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-1472-2007-14-0-271-282>.

7. Стрельцова Н.Д. Парадокс и нонсенс: типология и причины появления. // *Синергия*. 2017. № 1. С. 18-27. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoks-i-nonsens-tipologiya-i-prichiny-poyavleniya>].

8. Яшина Е.А. Виды парадокса в художественном тексте. Гуманитарные науки. Образование. // Вестник Томского Государственного Университета. 2007. № 8(52). С. 280-288. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-paradoksa-v-hudozhestvennom-tekste>].

9. Чарская-Бойко В.Ю. К вопросу о концепции абсурда и нонсенса в европейской традиции. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №110. С. 215-218. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptsii-absurda-i-nonsensa-v-evropeyskoy-traditsii>].

10. Sewell E. The Field of Nonsense. London: Chatto and Windus. 1952. 198 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/40092554>.

11. Alcock, S. (2010). Young children's playfully complex communication: Distributed imagination. *European Early Childhood Education Research Journal*. 18(2), p. 215-228. DOI: <https://doi.org/10.1080/13502931003784404>.

12. Davison, A. Linguistic or pragmatic description in the context of the performadox. *Linguist Philos* **6**, 499–526 (1983). DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00636288>.

13. Haight, M.R. Nonsense. *The British Journal of Aesthetics*, Volume 11, Issue 3, SUMMER 1971, p. 247–256. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjaesthetics/11.3.247>

14. Smeed, Juliette. (2012) Nonsense and Early Childhood. *New Zealand Tertiary College*. Vol. 3(1). [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.hekupu.ac.nz/article/nonsense-and-early-childhood>].

15. Carroll L. Through the Looking Glass and What Alice Found There. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://birrell.org/andrew/alice/IGlass.pdf>].

16. Большая Советская Энциклопедия. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://bse.sci-lib.com/article086820.html>].

17. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.etymonline.com/search?q=branch>].

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Валентиновна; доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; lkalashnikova@inbox.ru; +79036374205.

Kalashnikova Larisa Valentinovna; Doctor of Philology, Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; lkalashnikova@inbox.ru; +79036374205.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В КОНТЕКСТЕ
КОМИЧЕСКОГО

Л.В.Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический

университет

г. Пермь, Россия

С.Кан

Пермский национальный исследовательский политехнический

университет

г. Пермь, Россия

Аннотация: Авторы статьи обсуждают проблему перевода ономастической метафоры с русского языка на китайский в рамках юмористического дискурса с позиций достижения комического эффекта. В качестве ономастической метафоры могут выступать прецедентные имена, прозвищные имена, говорящие имена. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать функционирование ономастической метафоры в переводном дискурсе. В результате исследования установлено, что в процессе перевода метафоричность антропонимов может либо усиливаться, либо угасать. В первом случае имеет место процесс реметафоризации, во втором - деметафоризации. Если реметафоризация способствует воссозданию комического эффекта, то деметафоризация снижает прагматическое воздействие антропонима, что влечет за собой неполноценное понимание дискурса реципиентом.

Ключевые слова: антропоним, ономастическая метафора, реметафоризация, деметафоризация, комический эффект, переводческое пространство.

Abstract: The authors of the article discuss the problem of translating an onomastic metaphor from Russian into Chinese within the framework of humorous discourse from the standpoint of achieving a comic effect. As an onomastic metaphor, precedent names, nicknames, and speaking names can be used. The aim of

the research is to analyze the functioning of the onomastic metaphor in translation discourse. As a result of the study, it was found that in the process of translation, the metaphoricity of anthroponyms can either increase or fade away. In the first case, the process of remetaphorization takes place, in the second - demetaphorization. If remetaphorization helps to recreate the comic effect, then demetaphorization reduces the pragmatic impact of the anthroponym, which entails an inadequate understanding of the discourse by the recipient.

Key words: anthroponym, onomastic metaphor, remetaphorization, demetaphorization, comic effect, translation space.

Современные исследования метафоры и комического в рамках когнитивного подхода открывают новые грани их взаимодействия. Авторы справедливо констатируют, что метафора выступает одним из когнитивных механизмов, создающих комический эффект. Интересные наблюдения в этом направлении содержатся в работах М.В.Влавацкой, Т.П.Мироновой, Е.В.Стояновой и др.

В центре нашего исследования – ономастическая метафора и особенности ее функционирования в переводном юмористическом дискурсе, выступающем разновидностью комического дискурса. Мы изучаем русско-китайский юмористический дискурс и используем в качестве материала для анализа короткие юмористические рассказы великого русского писателя-юмориста А.П.Чехова в оригинале и переводе на китайский язык. Ономастическая метафора представлена в нашем исследовании в виде говорящих имен, прозвищных имен, прецедентных имен.

Как известно, ономастическая метафора является неиссякаемым источником наименований человека. В процессе перевода возникает естественная необходимость сохранения метафоричности оригинала, что создает определенные переводческие трудности. Для изучения особенностей перевода ономастической метафоры мы обратились к синергетической модели переводческого пространства одного из авторов данной работы [3]. Эвристические возможности данной модели позволили нам проследить, какие

преобразования претерпевает метафора в переводном дискурсе: насколько возможна реметафоризация, в каких случаях происходит «угасание» метафоры или имеет место деметафоризация.

Наряду с концепцией переводческого пространства, в качестве теоретических источников проводимого исследования выступают следующие теории и концепции: теория имени собственного, теория метафоры, теория комического, теория перевода.

Теория имени собственного интересовала древнегреческих, древнеримских, древнекитайских ученых. Она получила интенсивное развитие в современной отечественной лингвистике в работах А.В.Суперанской, В.Д.Бондалетова, О.И.Фоняковой, В.В.Катерминой, Е.А. Хамаевой и др. В настоящее время активно развивается ономастика художественного дискурса, что обусловлено внедрением идей антропоцентризма в лингвистику и обращением ученых к изучению языковой личности. Как подчеркивает В.В.Катермина, «Изучение художественной ономастики открывает пути для более глубокого познания человека как члена культуры и пользователя языком, как индивида, переносящего на бумагу свой личный опыт и свое ценностное отношение к миру, а также как творца художественных образов» [1, с.4]. Имя собственное признается современными учеными и как национальный, и как социальный языковой знак, т.е. обладает национально-культурной спецификой, что представляет несомненный интерес для теории перевода.

Необходимо отметить, что специфика китайского языка находит отражение в семантике, форме и функционировании антропонимов. В исследовании Е.А. Хамаевой подробно изложена система китайских антропонимов [7].

В рамках нашего исследования представляют интерес следующие положения автора. Во-первых, в китайской культуре человек на протяжении своей жизни имеет несколько антропонимов: родовая фамилия, клановая фамилия, первое имя, детское молочное имя, школьное имя, второе имя, прозвище, посмертное имя, хромовое имя. Во-вторых, антропонимы не

содержат гендерных различий, как в европейских языках. При этом женские имена обычно обозначают название цветка, драгоценных камней, бабочек и пр. Мужские имена обозначают мужество, силу, доблесть и т.д. В-третьих, фамилия является неизменной частью антропонима, а выбор имени зависит от фамилии. В-четвертых, имя выступает индикатором социальной принадлежности человека. В-пятых, многие имена имеют прозвища, которые являются более свободными по форме. Например, прозвища могут быть представлены редким иероглифом, обладать причудливым произношением, иметь эксцентрическую семантику.

Заметим, что в китайском языке антропоним состоит из фамилии и имени. Обычно фамилия представлена одним иероглифом, и она предшествует имени. Имя может содержать один или два иероглифа. Приведем некоторые примеры из монографии Е.А.Хамаевой: антропоним Не Цзин – «шепот хрусталя», фамилия Пань – «вода после промывки риса, рисовая вода», фамилия Ян – «тополь», фамилия Е – «листва». Если изучать прозвища, они имеют отрицательную коннотацию и отражают этические антиценности китайцев. Например, антропоним Чжан Ин – «муха», антропоним Гоу Дань – «собачий отпрыск, ублодок». Как утверждает автор, большинство китайских антропонимов метафоричны.

Основополагающие идеи теории метафоры были заложены в античности. Современная метафорология ориентирована на когнитивное направление исследований, заложенное Дж.Лакоффом и М.Джонсоном в середине XX века. С позиций когнитивной метафоры человеческое мышление и познание по своей сути метафорично, так как процесс метафоризации позволяет человеку выражать новые, ранее неизвестные понятия, сквозь призму известных понятий, используя с этой целью знакомые образы и ассоциации и формируя новые ассоциативные связи в сознании человека.

Мы считаем, что когнитивная природа метафоры в какой-то степени аналогична когнитивной природе перевода: в сознании переводчика формируются как образы и ассоциации исходного текста, так и создаются

новые ассоциативные цепочки, которые, с одной стороны, соотносятся с исходной культурой, с другой стороны, оказываются приемлемыми в целевой культуре. Такое представление о сущности процесса перевода возникает при изучении концепции переводческого пространства Л.В.Кушниной в когнитивном освещении. Согласно данной концепции, достижение качественного – гармоничного – перевода становится возможным, если переводчику удастся осуществить синергию множества гетерогенных смыслов, формируемых в его полях – текстоцентричных и субъектоцентричных. К текстоцентричным полям автор относит содержание текста, а также энергетическое и фатическое поля. К субъектоцентричным относятся поля субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента. Как подчеркивает автор концепции, « в переводческом пространстве создается такая речевая ситуация, которая обеспечивает синергию смыслов его полей. Синергетический эффект заключается в том, что исходный смысл текстовых единиц «наращивается», имеет место осознанное или неосознанное приращение смыслов, в результате чего происходит лингвокультурная адаптация» [3, с.140].

При гармоничном переводе ономастической метафоры также имеет место лингвокультурная адаптация.

Мы изучаем в работе также теорию комического, ключевые положения которой сформулированы М.М.Бахтиным и Б.Дземидоком. Как подчеркивает современный исследователь Э.В.Шабунина, «комическое являет собой воспроизведение в искусстве явлений, основанных на несоответствиях, алогизмах, противоречии...» [8, с.136]. Автор подчеркивает ключевую роль противоречий для возникновения комического эффекта. В частности, давая персонажу имя в виде прозвища, которое мы рассматриваем как ономастическую метафору, писатель использует несоответствие между иллюзией и контекстом употребления. При переводе это несоответствие может быть нейтрализовано, что приводит к исчезновению комического эффекта.

В работе Е.В.Стояновой изучается процесс метафоризации в широком смысле, но мы считаем, что ее результаты релевантны для нашего исследования. Автор подчеркивает, что соотносительность метафоры и комического проявляется в соизмерении противоречивого и соотносении несоразмерного [6]. Трактую комическое как отклонение от нормы или стереотипа, как проявление противоречия или ошибки, как разновидность семантической аномалии, автор приходит к выводу, что реализация комического равноценна метафорическому моделированию. Семантическая двуплановость метафоры коррелирует с природой комического, что позволяет вычленивать так называемую комическую метафору, которая аккумулирует и транслирует культурные традиции и опыт народа. Согласно результатам исследований Е.В.Стояновой, в данном процессе участвуют различные типы метафор: концептуальная интеракция, метафоризация культурных знаков, окказиональная (обновленная) метафора, метафора-сценарий. Все они выступают действенным лингвокогнитивным средством экспрессивной речи и обладают имплицитной манипулятивной функцией.

В исследовании Т.П.Мироновой представлен анализ ономастической метафоры на примере перевода с русского языка на французский бессмертной поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души». Как отмечает автор статьи, «Мертвые души» были переведены на французский язык более 10 раз, и лишь современный вариант от 2005 года может быть признан успешным. Как пишет переводчик А.Колдефи-Фокер, «я заметила, что французы, которые не читают по-русски, никогда не смеются, читая «Мертвые души». С другой стороны, читая Гоголя по-русски в оригинале, ты смеешься на каждом шагу. Вот почему я решила попробовать сделать новый перевод, читая который, люди будут смеяться. И смеются (цит. по Мироновой 2020). Речь идет о переводе говорящих имен, которые создают колоритные образы поэмы. Напри мер, говорящее имя *Собакевич* переведено А.Монго как *Sobakevitch*, а А. Колдефи-Фокер - как *Kabotievitch*, где *cabo* означает *пес, псуна*, что обеспечивает полноценный комический эффект [5].

В работе мы анализировали ономастическую метафору, представленную говорящими именами и прозвищами в русско-китайском юмористическом дискурсе на примере антропонимов из рассказа А.П.Чехова «Толстый и тонкий». Имена главных персонажей романа: *Порфирий (тонкий)* и *Миша (толстый)*. При встрече они вспоминают свои детские прозвища:

«Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил».

Согласно энциклопедическим источникам, Герострат поджег храм для того, чтобы его помнили потомки. И хотя он был казнен и жители его родного города Эфес постановили не упоминать его имя, тем не менее, о преступлении стало известно, также как и об его исполнителе. Имя Эфиальт закрепилось в истории как символ предателя.

В данном контексте антропонимы - говорящие имена, являются одновременно прецедентными именами, что встречается достаточно редко. Антропонимы *Герострат* и *Эфиальт* мы рассматриваем как проявление ономастической метафоры. Если при переводе на китайский язык идея говорящего имени сохраняется, мы констатируем проявление реметафоризации, если она исчезает, мы констатируем проявление деметафоризации. Более того, в случае реметафоризации комический, прагматический эффект воссоздается при переводе, в то время как в случае деметафоризации прагматический эффект существенно снижается.

Приведем перевод данных антропонимов на китайский язык и дадим нашу интерпретацию процесса реметафоризации/деметафоризации.

«他们给你起了个外号叫赫洛斯特拉托斯，因为你用纸烟把课本烧穿一个洞。他们也给我起了个外号叫厄菲阿尔忒斯，因为我喜欢悄悄到老师那儿去打听同学们的小报告。»

В переводе каждый знак приобретает различные значения, обусловленные транскрипционными преобразованиями. Так, например, имя «Герострат», которое при переводе имеет следующую форму: «赫洛斯特拉托斯», содержит

такие значения: первый знак «хэ»-величественный, второй знак «ло»-застыть, третий знак «сы»-такой, четвертый знак «тэ»-особенный, пятый знак «ла»-тянуть, шестой знак «то»-держат, седьмой знак «сы»-такой. Вместе с тем, в совокупности значений китайские читатели воспринимают это имя как прецедентное, которое отсылает их к греческой мифологии.

Таким образом, прозвищный характер имени является эксплицитным как в исходной, так и в принимающей лингвокультурах, в то время как прецедентный характер имени носит имплицитный характер и в русской, и в китайской лингвокультурах. Так происходит реметафоризация. Мы констатируем проявление переводческой гармонии при передаче ономастической метафоры, что обуславливает воссоздание комического эффекта и обеспечивает соответствующее прагматическое воздействие. Аналогичным образом можно объяснить имя «Эфиальт».

Завершая, подчеркнем, что исследование ономастической метафоры в ее речевом воплощении в русском и китайском юмористическом дискурсе позволяет глубже понять не только язык и дискурс, но и языковую личность как творца художественного дискурса.

Список литературы

1. Катермина В.В. Имя собственное в художественном тексте. М., Флинта, 2020. 100с.
2. Ковалева А.С., Влавацкая М.В. Юмористическая специфика оригинальной и переводной версий кинофильма Л.И.Гайдая «Бриллиантовая рука»// Межкультурная коммуникация. Сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2019.- С.134-141.
3. Кушнина Л.В. Синергетическая концепция переводческого пространства //Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология. Колл. монография под ред. Л.В.Кушниковой. М, Флинта, 2020. - С.133-150.

4. Лакофф. Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., Едиториал, УРСС, 2004. 256с.
5. Миронова Т.П. «Говорящие» фамилии: переводить или транскрибировать // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы IV международной научной конференции. Орел, 2020. - С. 273-280.
6. Стоянова Е.В. Метафора в контексте комического в медиатексте//Медиалингвистика. 2020, том 7, №2. - С. 225-237.
7. Хамаева Е.А. Китайские антропонимы. М., Издательский дом ВКН, 2020. 272с.
8. Шабунина Э.В. Природа комического в романах П.Г.Вудхауза о Дживсе и Вустере. дисс. канд филол. наук. СПб, 2016. 315 с.
9. Selected Short Stories by Chekov. Translated by Ru Long. Beijing, People's Literature Publishing House, 2015. 720с. 契科夫短篇小说选. 汝龙译, 北京, 人民文学出版社, 2015. 720р.

Сведения об авторах:

Кушнина Людмила Вениаминовна; доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет, 614000, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский проспект, д.29; lkushnina@yandex.ru; +79026303311.

Kushnina Lyudmila Veniaminovna; Grand PhD (Philology), professor of Foreign Languages, Linguistics and Translation Department, Perm National Research Polytechnic University, Komsomolsky prospect, 29, Perm, 614000, Russian Federation; lkushnina@yandex.ru; +79026303311.

Кан Синьюнь; аспирант 3 курса кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский Национальный Исследовательский Политехнический Университет, 614000, Российская Федерация, г. Пермь, Комсомольский проспект, д.29; kangxinyun1994@163.com; +79638710657.

Kang Xinyun; third year post-graduate of the department of Foreign languages, linguistics and translation, Perm National Research Polytechnic University, Komsomolsky prospect, 29, Perm, 614000, Russian Federation; kangxinyun1994@163.com; +79638710657.

УДК 81

**О НЕКОТОРЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
СТИХОТВОРЕНИЙ ВЯЧ. ИВАНОВА**

Токарев Г.В.

Тульский государственный педагогический

университет им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены стилистические особенности стихотворений Вяч. Иванова, написанных в стилистике Хазифа. Поэт демонстрирует блестящее владение стилем, намеренное подражание приёмам Хазифа в целях трансфера его мировоззренческих установок.

Ключевые слова. Вяч. Иванов, Хазиф, стилистика, поэтическая коммуникация.

Abstract. The article considers the style features of poems by Vyach Ivanov, written in the style of Khazif. The poet demonstrates a brilliant mastery of the style, a deliberate imitation of Hazif's techniques in order to transfer his worldview.

Key words. Vyach. Ivanov, Khazif, style, poetic communication.

В творческой биографии Вяч. Ивонова особый интерес представляют стихотворения, посвящённые персидскому поэту Хазифу. Проследим своеобразие приёмов, используемых русским поэтом и постараемся вывить, с какими целями они используются.

Лирический герой стихотворения «Снова свет в таверне верных после долгих лет, Газиф» считает себя преемником, наследником и другом персидского поэта Хафиза. Хафиз идентифицируется лирическим героем как «князь экстаза» и мистагог.

Лексический ряд стихотворения воплощает идеологию творчества восточного кумира. Это слова, выражающие беззаботное, радостное время препровождения:

Вина пряны, зурны сладки, рдяны складки пышных риз

*И триклиний наш укромный станет вечерей любви,
Станет вечерей улыбок, дерзновений и томлений:*

Топос стихотворения – таверна. Самого же поэта лирический герой называет кравчим, шутливо сопоставляя Хафиза с придворным, подающим еду и напитки.

Упои нас, кравчий томный!

Употребление слов *томления, лень, волны движений* создаёт эффект пластичности текста.

*Стан твой строен, хмель мой зыбок, — гибок ум, но полны лени
Волны ласковых движений под волной ленивых риз...*

Этот же эффект производят многообразные хиазмы, инверсии, лексические повторы: *кравчий томный / станет вечерей любви, станет вечерей улыбок / волны ласковых движений под волной ленивых риз... / негу мудрых — мудрость неги.*

Ключевое слово стихотворения – свет – передаёт эмотивную интенцию произведения: наслаждение жизнью, общением с друзьями, умиротворяющая лень.

Снова свет в таверне верных после долгих лет, Гафиз!

Стихотворение «Друзья! вам высоких веселий» построено на антитезе жизни и смерти. Противопоставлению подчинены лексические и синтаксические поэтические средства. Вс. Иванов прибегает к символическим приёмам, в частности, он опирается на символику цветов. Тюльпанам как символу пробуждения и обновления, розам – символу любви противопоставлены кипарисы и асфодели как символы смерти.

Венчанных тюльпаном и розою, время

Настало...

В могильный венок асфоделей,

Мне в руку вложите печальную ветвь кипариса!

Этот же приём используется в стихотворении «Старцы на пире Гафиза»:

«Тáк ли прѣжде рóза рдѣла, соловѣй над рóзой пѣл?

С остывáющею крóвьёю – лѣлии хладнѣе жизнь..

Внутренний мир лирического героя, воплощённый с опорой на эпитеты *злой, лютой*, противопоставлены определениям с положительно эмотивностью и оценочностью: *окрылительный, пленительно-нежный, желанный, жданный*. Противопоставление отражено и на синтаксическом уровне с опорой на синтаксические параллелизм *вам – мне*:

Вам розы Шираза,

И грезы экстаза.

Вам солнечно-сладкие соты!

Вам Вахк бьет в кимвалы,

И вам расточает наркозы...

Мне – злые занозы,

Мне – лютые жала,

Мне – стрелы в удел от Эрота!

Образ лирического героя выстраивается на основе аллюзии на распятие Иисуса Христа

Я ж наг и привязан

К столпу, как отмеченный узник!

Однако автор переосмысляет образную основу, наполняя её противоположным христианскому, эротическим содержанием.

Эрот вас предводит,

Мучители-други,

И каждый союзник

В союзе жестоком,

И каждый наводит,

*Прицелившись солнечным оком,
Стрелу в мои жаркие перси...*

Такое образное решение передаёт аксиологию поэзии Хафиза.

В стихотворении «Встреча Гостей» используется символ, репрезентирующий Хафиза, его философию: превознесение дружбы и любви, – таверна, в которой собираются его друзья. В стихотворении актуализируются различные культурные пласты, путём использования прецедентных имён:

*Ты, Антиной-Харикл и ты, о Диотима,
И ты, утонченник скупающего Рима –
Петроний, иль Корсар, и ты, Ассаргадон,
Иль мудрых демонов начальник – Соломон,
И ты, мой Аладин, – со мной, Гиперионом,
Дервишем Эль-Руми, – почтишь гостей поклоном!*

Для выражения мысли о незыблемости идей Хафиза, их важности для каждого используется амфитеза:

*Жид, эллин, перс иль франк, матрона иль гетера, –
Знай: всех единая здесь сочетала вера –*

Название стихотворения «Старцы на пире Гафиза» подчёркивает оценку поэтом глубины заветов Хафиза. Мировоззренческие ценности дают человеку жизненные силы, наполняет смыслом жизнь.

В стихотворении, посвящённом Р.М. Глиэру, известному музыканту первой половины XX века, написано в стиле Хафиза, для него характерна игривость интонаций, эротизм. В основе посвящения лежит метаморфоза символов: семь роз, семь одалиск превращаются в семь соловьёв. Несмотря на разную интерпретацию символов, все они так или иначе связаны с репрезентацией идеи эротической любви. Для создания шутиливой тональности автор прибегает к изменению сочетаемости слов на основе перекрёстного принципа:

*А ныне трели тар-алмей
И хроматические слёзы*

Ты в гармонические розы

Преобращаешь, чародей!

Аналогичные приёмы используются в стихотворении «Эль-Руми, Эль-Руми». Огонь, конь, алая звезда символизируют страсть, энергию. Динамику, ритмичный бег коня передаёт синтаксический строй стихотворения: лексические повторы, рефрены, асиндетоны.

Эль-Руми, Эль-Руми!

Сёрдце му́кой не томи!

Твой огóнь –

Бёлый ко́нь

Мчи́тся, мчи́тся на лу́гу

От погóнь.

Ди́кой во́льности не трóнь!

Allahón, Allahón!

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях Вс. Иванов вступает в диалог с персидским поэтом Хафизом, транслируя идеологию поэта и используя его излюбленные приёмы. Проанализированные стихотворения отражают процесс поэтической коммуникации, специфика которого в данном случае отражается в трансфере ценностей собеседника в новую культурную среду.

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, проспект Ленина 125, 300026, Тула, Россия, grig72@mail.ru, orcid 0000-0002-2362-0902

Grigoriy V. Tokarev, PhD in Philology, Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Lenin Avenue 125, 300026, Tula, Russia, grig72@mail.ru, orcid 0000-0002-2362

**ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА, СВЯЗАННЫЕ С ПРОФЕССИЕЙ ИЛИ
РОДОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНОВ САН-
АНТОНИО**

Чечиль А.П.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена созданию и использованию говорящих имен в произведениях Сан-Антонио. Автор отдельно анализирует говорящие имена собственные (характонимы), указывающие на профессию и род деятельности персонажей. Исследуются механизмы и особенности функционирования указанных лексических единиц в рассматриваемых текстах.

Ключевые слова: характоним, говорящие имена, ономастика, неологизм, антропоним.

Abstract: The article concentrates on the creation and use of speaking names in the works of San-Antonio. The author considers separately proper names (charactonyms), indicating the profession and occupation of the characters. The mechanisms and features of the functioning of these lexical units in the texts under consideration are investigated in the article.

Key words: charactonym, speaking names, onomastics, neologism, anthroponym.

Проблема морфологии и функционирования «говорящих имен» (характонимов) по-прежнему не теряет своей актуальности и часто становится предметом исследований, как литературоведческой, так и лингвистической направленностей. Совершенно очевидно, что такого рода антропонимы и топонимы представляют собой значимые элементы художественного текста.

Более того, некоторые исследователи считают, что «в литературных произведениях нет нейтральных, стилистически немаркированных имен», поскольку «имя персонажа венчает художественный образ, придает ему завершенность, и информация, заключенная в самом его звучании, играет немаловажную роль» [1, с. 48]. Обычно, выбирая имена протагонистов, «автор ориентируется на [...] общепринятую в данной культуре формулу, с помощью которой можно передать информацию о национальном, возрастном, социальном и пр. положении героя» [3, с. 4].

С этой точки зрения непосредственный интерес для исследователей представляют романы французского писателя Сан-Антонио, в которых особое место отведено «авторским» именам собственным (в том числе «говорящим») фамилиям и топонимам), в изобилии представленным в 175 романах саги о знаменитом комиссаре. Учитывая тот факт, что все анализируемые книги написаны в жанре «иронического детектива», большинство онимов выбраны автором не случайно, напротив, они призваны дать дополнительную информацию о протагонисте либо просто вызвать у читателя улыбку. Называя своих персонажей, автор мастерски использует потенциал французского языка для создания комического эффекта посредством языковой игры и каламбура.

Необходимо отметить, что наиболее часто Сан-Антонио создает именно «говорящие» имена и фамилии, в то время как число авторских топонимов сравнительно невелико, что, вероятно, можно объяснить тем фактом, что автор «отправляет» своих персонажей в реально существующие страны и города (за редким исключением), в противном случае ему пришлось бы выдумать целый параллельный мир, однако такой задачи писатель перед собой явно не ставил.

Говоря об именах собственных в исследуемых романах, стоит отметить, что количество «авторских онимов» возрастает по мере того, как автор совершенствует свой неповторимый стиль. Так, в ранних произведениях писателя (приблизительно 10 первых книг) отсутствуют какие-либо придуманные автором «говорящие» имена и фамилии, в то время как последние его романы, наоборот, практически не содержат «банальных» онимов.

В ходе работы над исследованием был проанализирован корпус, включающий 8594 имени (это все имена собственные, фигурирующие в саге Сан-Антонио), в результате чего для анализа было отобрано 518 наиболее иллюстративных (в ракурсе данной тематики) имен собственных, которые представляется возможным объединить в 11 групп, в зависимости от семантической составляющей указанных онимов. При этом стоит отметить, что значение характонима «зависит от семантики мотиватора, от ассоциаций, которые способно вызвать то или иное имя, и от словообразовательных особенностей «говорящего» имени собственного» [2, с. 32].

Одна из наиболее многочисленных групп включает фамилии и имена, тем или иным образом связанные с родом деятельности персонажей. Так, например, одну из героинь романа *Le cri du morpion*, художницу по профессии, зовут Geneviève Ardécaut. Очевидно, что фамилия ее созвучна словосочетанию Art déco, хотя графически выглядит иначе. Подобный прием (совпадение на фонетическом уровне, но различие на уровне графическом) используется автором чаще других и является наиболее продуктивным механизмом при назывании героев. Необходимо также отметить, что этому благоприятствует и сам французский язык, в котором, благодаря множеству графем, соответствующих отдельным фонемам, а также наличию непроносимых согласных в конце многих слов, данный прием априори весьма продуктивен.

Схожим образом функционируют следующие ассоциативные связи, возникающие при чтении имен: парфюмер Jean Baum (*j'embaume* – я благоухаю), водитель Bobraque (*beau braque* – красивый драндулет), работник транспортной компании Maurice Coursyvite (*cours-y vite* – беги быстрее), командующий подводной лодкой Prosper Hiscaupe (*persicope*), дирижер Alexandre Raimineur (*ré mineur*), врач César Ryenne (*césarienne* – кесарево сечение), поэт Vou-Rimé (*bouts-rimés*), работник автосервиса Paul Déchapement (*pot d'échappement* – выхлопная труба), медсестра Anna-Lyse Dhurine (*analyse d'urine* – анализ мочи), официантка Marthe Inidraï (*martini dry*), оператор Ki

Rat'Ja Mé Cé Fo To (*qui rate jamais ses photos* – который никогда не делает плохих фото) и т.д.

Если в предыдущих примерах значение «говорящих имен» словно лежит на поверхности, в ряде случаев понять авторский замысел несколько сложнее. Ср.: фокусник Nivunikõnu (*ni vu ni connu* – намек на ловкость рук, граничащую с мошенничеством), нотариус Me Lachoz-Auclair (*met la chose au clair* – часто работа нотариуса заключается в том, чтобы пролить свет на все обстоятельства дела), актер Eugène Auvère (*au vert* – известно, что во Франции среди актеров считается очень плохой приметой играть спектакль в одежде зеленого цвета), крановщик Méoutuva Didon (*mais où tu vas, dis donc* – намек на то, что под краном стоять нельзя, поскольку груз может сорваться), следователь Pasoparatobaco (должна возникнуть ассоциация с французским словосочетанием *passage au tabac* – выбивание показаний у задержанного в полиции), бомж Sam Gratt (*ça me gratte* – нечистоплотность приводит к кожным заболеваниям и педикулезу, которые и вызывают чесотку), кинорежиссер Cèzetrantecinque (*seize et trente-cinq* – аллюзия на переход кинематографа от 16-миллиметрового формата пленки к 35-миллиметровому).

Следует отметить, что достаточно часто у Сан-Антонио можно констатировать некий контраст между ожидаемым результатом реализации той или иной профессии (рода деятельности) и фамилией персонажа, которая словно говорит читателю о том, что данный герой – плохой профессионал. Ср.: врачи Boubon, Dizenterios Pzoriазis, Electre Hochoc, Blen Horragy, Strepto Koque, Но То Psing, Tifus et Linfecté, репетитор Pléonasme, музыкант Octave Hodessus (*octave au-dessus* – на октаву выше), писатель Kelchâr Habia (*quel charabia* – какая тарабарщина) и даже бог одного племени Kontpassurmoa (*compte pas sur moi* – не рассчитывай на меня).

В романах встречаются также представители вымышленных занятий. Так, например, на страницах исследуемых произведений можно встретить изобретателя алиби Séramoacélautre (*c'est pas moi, c'est l'autre* – это не я, это он), а также создателя «страхометра» (*trouillomètre*) Hector Azéраux (*à zéro*).

Если в большинстве случаев не существует устойчивой связи между фамилией героев Сан-Антонио и их характером или иными моральными или физическими характеристиками, все же возможно выделить одну категорию, в которой авторские онимы, совершенно очевидно, обладают отрицательной коннотацией: это имена сотрудников полиции и военнослужащих. На первый взгляд, это достаточно странно, ведь в жанре детектива полиция (почти) всегда «на правильной стороне», однако данный факт, вероятно, можно объяснить стремлением Сан-Антонио продемонстрировать контраст между его героем (супер-полицейским) и остальными, довольно посредственными, за редким исключением, коллегами.

Как бы то ни было, фамилии сотрудников полиции достаточно явственно указывают на физические, моральные и интеллектуальные качества своих «владельцев»: генералы Sasser Akdal (*ça sert à que dalle* – ни на что не годен) и Mégat-Laumane (*mégalomane* – страдающий манией величия), бригадиры Auvrecon (*pauvre con* – придурок) и Vairdepeurs (*vert de peur* – позеленевший от страха), жандарм Bonhanibe (*bon à nibe* – никудышный), начальник бельгийской полиции Nicolas Buton Debraghetta (*bouton de la braguette* – пуговица от ширинки), офицер Bidoche (пузо), комиссары Justin Courdebyte (*court de bite* – короткий член) и Mhoudepaaf (*mou de paf* – импотент), постовые Dug Cong (*du con* – тупой) и Kesaclou (*caisse à clou* – ящик с гвоздями) и даже инспектор Morove-Naches (*mort aux vaches* – смерть легавым).

Всего было зафиксировано 59 имен (из 518 проанализированных), так или иначе связанных с профессией или родом деятельности.

В заключение следует отметить, что, Сан-Антонио использует в своих романах различные механизмы для создания имен протагонистов. Значение авторских онимов достаточно легко раскрывается при чтении романов в оригинале, однако зачастую является настоящим камнем преткновения для переводчиков с французского языка. При этом в числе подобных характеронимов мы находим достаточно большое количество «говорящих» имен собственных,

указывающих на профессиональную деятельность и род занятий протагонистов.

Список литературы

1. Бардакова В.В. «Говорящие» имена в детской литературе // Вопросы ономастики. 2009. №7. С. 48-56.
2. Крылова А.В. Семантические особенности «говорящих» имён в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 28-35.
3. Полякова Н.А. Топология поэтической ономастики // Автореферат дис. к.ф.н. Москва, 2009. – 26 с.

Сведения об авторе:

Чечиль Алексей Павлович; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; тчечиль@inbox.ru; +79538174881.

Chechil Aleksei Pavlovich; Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; тчечиль@inbox.ru; +79538174881.

**АНАФОРА КАК СРЕДСТВО СВЯЗНОСТИ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА
В ОСВЕЩЕНИИ МЕРЕОЛОГИИ**

Юдкин – Рипун И.Н.

*Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии
Национальной Академии Наук, Киев, Украина*

Аннотация: Анафора в расширенном толковании как средство дейксиса обособляется в качестве дополнения к событийному ряду текста. Анафорические мотивы выполняют посредническую миссию в качестве частиц, составляющих общие звенья различных цельных сущностей. Анализ феномена прозаической анафоры демонстрирует продуктивность обращения к мереологии – разделу логики, посвященному отношению частей и целого.

Ключевые слова: дейксис, парентезис, комплетивные отношения, перипетия, ротация, опосредование, альтернатива

Abstract: Anaphora taken most widely as a device of textual deixis is separated with the task of supplementing the series of textual events. The anaphoric motifs implement the mediating mission as the particles that belong to the mutual links of intersection between different entire entities. The analysis of the phenomenon of prosaic anaphora demonstrates the productiveness of the approach of mereology as the logical doctrine on the relations between the parts and the whole.

Key words: deixis, parenthesis, completive relations, peripety, rotation, mediation, alternative

Расширенное понимание анафоры и анафорической ссылки в лингвистике текста как возвращения к уже приведенным данным (в частности, «когда объект, на который осуществляется ссылка, явно не был упомянут, но ... тесно связан с некоторым явно упомянутым объектом» [7, с. 180]) позволяет обобщить понятия рефренов, реминисценций, лейтмотивов как средств замыкания текста, цикличности его строения. При таком понимании анафора

рассматривается в составе дейктических средств подобно вербальной маске, когда «производитель речи меняет свою перспективу», так что «субститутом говорящего оказывается герой повествования» [9, с. 11-12]. Заметим, что в драматическом произведении смысл реплик текст роли всецело определяется персональным дейксисом, их отнесением к персонажу [10].

Изучение анафоры в прозаическом тексте, нацеленное на выявление источников его целостности (помимо субъектно-предикатных отношений), позволило получить ряд результатов, свидетельствующих о ее значимости: так, в «Мертвых душах» выявлен анафорический ряд обозначений мусора, характеризующий домашнюю обстановку персонажей [4]; в «Мадам Бовари» дейктическая связь, осуществляемая «обменом бессмысленных реплик», отсылает к переживаниям персонажей [8, с. 64]; в повести Э. Юнгера «В стальных бурях» времен Первой мировой войны обнаружено целых 32 анафорических ряда, относящихся, в частности, к погоде, морю, танцу [12, с. 56-66]. Исключительно важна роль анафорических реминисценций у Т. Манна, в частности, в «Докторе Фаустусе», где «трюк со временным сдвигом» [1, с. 210] воссоздаёт музыкальные полифонические приёмы. Расширенное понятие анафоры как феномена дейксиса оказывается созвучным понятиям рамочных конструкций (нем. *Klammerung*), мотивных арок, кольцевой формы (нем. *Vogelform*). В «Декамероне» – образце повествовательных рамок – в одной из новелл обнаруживается «интегрально-акустический фон сюжета – гул торга» [2, с. 187], создаваемый анафорическими ссылками.

Возвращение анафорического мотива становится средством драматическое триединство (места, времени, цели) повествовательного цикла. В тексте складывается рекурсия – обратная связь анафорических ссылок, обеспечивающая константность, постоянство внутренней среды. Эта константность связана с меронимией – обозначением частных, деталей. Анафорические мотивы обозначают части целого уже в силу возвращения в новом контексте, ротации, замыкающей и обособляющей повествовательный цикл. Само по себе возвращение мотива предполагает выделенный компонент,

деталь его характеристики. В отличие от предикации и атрибуции в анафоре речь идёт не о приписывании предмету признаков, а о соотношении частей, связанных дополнительными, комплетивными отношениями; не об управлении, а о примыкании. Обобщая констатацию, что «подлежащее и прямое дополнение образуют как бы комплекс, противостоящий сказуемому» [3, с. 51], можно говорить о субъектно-объектных комплетивных отношениях, где анафора предстаёт в качестве приложения, парентезиса для осевой линии повествования. Такое обособление анафоры как ряда побочных деталей связано и с регистровой стратификацией повествования: анафорический ряд дополнений противостоит информативному регистру повествования о медитативном (обобщения происходящего). Следствием является опосредующая роль анафорических мотивов как частиц, деталей, входящих в различные цельности, являющихся их пересечениями. Поэтому представляется полезным привлечь к изучению анафоры представления мереологии – раздела логики и системного анализа, посвященного отношению частей и целого [11].

Обеспечивая постоянство внутренней среды текста возвращением деталей, анафора способствует дифференциации событийного ряда как ряда цельностей, включающих эти детали. Такая посредническая миссия анафоры, построенной на выделении частей как мест пересечения цельностей, наглядно прослеживается в новеллистике А.П. Чехова. Так, в «Бабьем царстве» (1894) события одного дня жизни госпожи обрамляются деталями анафоры: *«Ей стало весело, она позвонила»* - в начале; *«Она легла, не раздеваясь, и зарыдала»* - в конце. Такие детали входят как частицы в мир переживаний героини и в объективный событийный мир, демонстрируя переход от открытости миру к замыканию в себе. В «Черном монахе» (1894) обрамление создаётся, когда герой, Андрей Коврин, заходит в парк и замечает *«сосны с обнажившимися корнями, похожими на мохнатые лапы»*, а перед смертью вновь видит *«сосны с мохнатыми корнями»*. Частица неизменной природы входит и во внутренний мир героя. В «Страхе» (1892), повествующем о ночном любовном приключении рассказчика, вечером *«узкие клочья тумана, ... как молоко бродили над рекой»*,

а утром, после свершившегося *«вчерашний туман робко жался к кустам и пригоркам»*. В «Даме с собачкой» (1899) героиня вначале облачена в берет, а в конце – в серое платье; в «Случае из практики» (1898) анафорический ряд составляет описание фабричных корпусов, в частности, окон, по разному представляющихся врачу, посетившему городок. Эффекты психологического параллелизма в этих примерах достигаются благодаря тому, что анафоры создают ряд повествования, альтернативный событийному. Драматическая перипетия (опровержение возражений, двойное отрицание) оказывается следствием сопряжения цельностей, пересекаемых в анафорическом мотиве.

Проиллюстрируем сказанное прозой К.Г. Паустовского. В главе «Сон в бабушкином саду» из 1-го тома мемуарной прозы (*«Далекие годы»*) макропредикат (и фабулу) повествования составляет история творческого дебюта автора, испытанное им впервые состояние вдохновения (*«я не знаю, как называть это состояние», «не было ни капли восторженности», «мне всё казалось удивительным»*). Круг субъектов действия очерчивается прежде всего самим автором и бабушкой (*«из этого нашего одиночества и родилась взаимная привязанность»*), туда входят их сосед виолончелист Гартенбергер, незнакомка, воспетая в рассказе автора, и редактор Кузьмин. Но помимо этой субъектно-предикатной оси повествования в главе развивается целый ряд мотивов, представленных анафорическими циклами. Прежде всего, это мотивы сада и – по контрасту – городской среды. *«Бабушка любила стихи, книги, деревья»*, отмечено в начале, что сразу же вводит давний топос «сада поэзии». Не только жилище *«в маленьком флигеле, в саду»* или *«заброшенный парк Кинь Грусть»*, где автор обдумывал творческие замыслы, но особенно *«пасмурные сырые вечера, когда в саду почти не было посетителей»* и когда на концерте автор увидел незнакомку, составляют анафорический ряд, где детали становятся точками пересечения внутреннего мира автора и обстоятельств его бытия. Миру садов противостоит мир уличной суеты, представленный таким компонентом, как пыль, которая сопровождает блуждания автора по городу. *«Пыль дымилась над Сенным базаром»*, и далее, по дороге на Подол через

урочище Кожемяки, *«молотки высекали из кожи струйки пыли»*, так что именно пыль становится общим местом улицы и топчущей её обуви.

Ещё один анафорический ряд объектов представлен наименованиями женской одежды: бабушка – *«седая, вся в чёрном»*; в Купеческом саду, на концерте *«белели платья женщин»*, когда автор встретил незнакомку; в финале, после удачного дебюта автора *«бабушка надела черное шелковое платье. Раньше она надевала его только на Пасху»*. Детали одежды служат дифференциации событийного ряда (повседневность, встреча, чествование). Примечательна и анафорическое обыгрывание омонимов в завершении главы: *«бабушка спекла мазурку»* - вид печенья из песочного теста с вареньем, а сосед, *«Гаттенбергер, как бы догадавшись, играл мазурку Венявского»* – танец.

В главе «Мимо войны» (2-й том воспоминаний «Беспокойная юность»), повествующей о посещениях «писательских сред» в Москве и беседах со знакомым типографским наборщиком, анафорический ряд составляют характеристики словесности. Начинается глава скепсисом (*«прекраснодушные слова о свободе»*, *«я слышал эти слова»*), который постепенно снимается, когда сосед автора на вечере *«следил за каждым словом»*, а далее призывал *«одними словами живописать»*. Такой ряд высказываний увенчивается авторским выводом: *«Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским словом»*. Осмысление слова предстаёт тут как самостоятельная линия повествования, обособленная от событийного ряда.

Подобная самостоятельность анафорического ряда образов очевидна в новелле «Стекольный мастер», где событийный ряд – умирание и завещание сельской бабушки, приезд её внука – стеклодува на похороны. Вместе с соседским дедом и рассказчиком так очерчивается и круг действующих лиц. Однако параллельно возникает побочная сюжетная линия, создаваемая анафорическими ссылками на стеклянные объекты и увенчивающаяся мечтой о стеклянном рояле. Эта линия вступает в дополнительные, комплементивные отношения с событийным рядом. Стеклянные изделия внука у бабушки *«звенели долго и тонко»*, а сама бабушка, составляя завещание, вспоминает, как

«внук мой придумал сделать из тяжелого стекла некоторую вещь, – называется она по городскому роюль». Эта анафора пересекается с иной – с описанием зимней погоды (*«лежал тяжелый иней», «присыпано морозной пылью»*). Такое пересечение осуществляется в словах внука о своей мечте: *«... роюль будет как снежный. Светиться должен и звенеть».* Рукотворные изделия, частицы ремесленного дела становятся посредниками, открывающими мироздание.

В новелле «Рождение рассказа» событие – посещение писателем дачи приятеля зимой для литературной работы и охватившее его там вдохновение. Однако это повествование дополняется сквозным анафорическим рядом мотивов, представляющих в разных ракурсах снег как компонент зимней природы. *«Перепадал снег». «Снег залетал на площадку вагона и таял на лице».* Герой отбивал *«куски льда»* над ручьём, взяв у дочери приятеля *«лыжную палку».* И вновь *«косо летел между сосен редкий снег. Он возникал из тьмы и тотчас же исчезал в этой тьме».* Здесь уже снег становится чем-то более значимым, нежели явление природы. Он представляет акт творения. И наконец, в завершение *«кусочки прозрачного льда»* даны в воде, которой умывается герой, он вновь *«по обледенелой лесенке»* идет *«докалывать лед»*, а последняя фраза просто символична: *«Лыжную палку он захватил с собой».* Частицы зимнего мира – лед, снег, лыжная палка – становятся точками пересечения различных сущностей, посредниками для проникновения в их смысл.

Таким образом, анафорические цепочки создают ткань повествования, в которой детали, частности очерчивают то, что именуется атмосферой повествования, внутренней средой текста. Осевые компоненты повествования, определяемые субъектно-предикатными отношениями (в частности, сюжетом), дополняются альтернативными побочными линиями, без которых текст неполон. Как писал В.Г. Короленко, *«вы берёте одну нить, покрываете её другой, она на время исчезает, чтобы появиться уже в другом месте ... Понятия от целом и о составных частях покрывают друг друга»* [6, с. 629]. С этой давней идеей «плетения словес» созвучны мысли И. Канта, который

предложил в «Критике чистого разума» (ч. 2, отд. 1, гл. 1) широко используемое в феноменологии понятие «трансцендентальной ведущей нити открытия» (нем. *transzendentaler Leitfaden der Entdeckung*, калька лат. *pergus probandi* «нить доказательства»; в шеститомнике оно неудачно переведено как «способ открытия»). Комплетивное, дополнительное отношение анафоры к событийному ряду дает основания определять его как трансцендентную, побочную линию повествования. Такие повествовательные линии, нити обеспечивают многомерность текста, в частности, через замыкание повествовательных циклов анафорическими ссылками. «Надо прочесть много книг, чтобы написать пять строк, разбросанных по всем рассказу», заметил Л.Н. Толстой [5, с. 540], давая по существу определение прозаической анафоры как подобных рассредоточенных «разбросанных строк».

Список литературы:

1. Апт С.К. Над страницами Томаса Манна. М.: Сов. писатель, 1980. 392 С.
2. Вайман С.Т. Бальзаковский парадокс. М.: Сов. писатель, 1981. 368 С.
3. Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи М.: Высшая школа, 1980. – (Библиотека филолога) – 192 с.
4. Завьялова Ф.Н. «Мусорная парадигма» в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Филологические науки. 2008, № 5. – С. 16 – 25.
5. Ломунов К., сост. Толстой Л.Н. / Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.). Сб. в 4 т. Под общ. ред. Б. Мейлаха. Т. 3. Л.: Сов. писатель, 1955. С. 429 – 600
6. Николаева Е., сост. Короленко В.Г. / Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.). Сб. в 4 т. Под общ. ред. Б. Мейлаха. Т. 3. Л.: Сов. писатель, 1955. С. 601 – 658
7. Попов Э. В. Общение с ЭВМ на естественном языке. М.: Наука, 1982 – (Проблемы искусственного интеллекта) – 360 С.

8. Пушмина С.А. Текстовый дейксис в художественном произведении: семейный роман // Вестник Тюменского гос. университета. Филология. 2013, № 1. С. 61 – 68

9. Успенский Б.А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. – С. 3 – 30

10. Юдкин-Рипун И.Н. Дейктическая мотивировка идиоматической лексики в драмах Н.В. Гоголя (к 200-летию юбилею) / Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы»: Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2009. – С. 308 – 325.

11. Юдкін-Ріпун І.М. Предметний зміст художнього тексту: від феноменології до мереології // Культурологічна думка. 2021. № 20. – С. 22 – 34

12. Lubrich, Oliver. Sprachbilder des Krieges. Zur ersten Fassung von Ernst Jüngers „Im Stahlgewitter“ // Pandaemonium Germanicum. 2012. Bd. 16. N. 2. – S. 53-88

Сведения об авторе:

Юдкин – Рипун Игорь Николаевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рильского НАН Украины, 01001, г. Киев, ул. Грушевского, 4, Украина. dr.iyudkin@gmail.com

Yudkin – Ripun Igor Nikolayevich, doctor of arts in musicology, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine, leading researcher, Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, Hrushevski Street, 4, Kiev, 01001, Ukraine dr.iyudkin@gmail.com

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ОЦЕНОК И ЦЕННОСТЕЙ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Богданова Л.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются оценочные характеристики лексики, обозначающей культурно значимые для общества понятия. Целью статьи является определение и анализ причин изменений в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: оценочные смыслы, культурные ценности, изменение оценки, субъективный компонент значения, семантика, языковая картина мира

Abstract: The article deals with the evaluation characteristics of lexis which denotes the concepts that are culturally significant for the society and have received various reflections in Russian. The aim of the paper is to show how the marks of evaluation change.

Key words: evaluation senses, cultural values, subjective component of meaning, semantics, linguistic view of the world

В современном меняющемся мире происходит пересмотр традиционных ценностей. Трансформация ряда культурных ценностей находит отражение в лексике русского языка. В задачу работы входит выявление языковых признаков изменения в мире культурных ценностей. «Симптомами» изменения в ценностной картине мира могут быть частотность употребления слов, обозначающих ценности, расширение или сужение соответствующих

лексических значений, изменение оценочного знака, появление новых лексических единиц.

Работа выполнена на материале словарей и Национального корпуса русского языка.

Как показывает анализ языковых явлений, объектом оценки может стать всё, что окружает человека. Но для субъекта оценки, человека оценивающего, основным объектом является именно человек. Процесс оценивания практически всегда включает в себя субъективный компонент. Для слов, содержащих оценочную сему, характерен наиболее ощутимый отрыв от объективных характеристик предметов и явлений: «оценка обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определённой части общества, и только по отношению к ним оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное» [1, с. 50]. Из этого следует, что одни и те же явления могут оцениваться как позитивные и как негативные. То, что для одного человека *трусость*, для другого – *осторожность*, а *жестокость* нередко описывается как *справедливость*. Оценки и ценности, с одной стороны, достаточно устойчивы в том или ином социокультурном пространстве, с другой стороны, они текучи и изменчивы. Деятели культуры, писатели, поэты неоднократно обращали внимание на забвение тех или иных слов и их «уход» из лексикона, приравнивая этот факт к утрате тех ценностей, которые эти слова обозначают. Так, Д.С. Лихачёв среди «уходящих» слов отмечал *любезность*, *воспитанность*, *порядочность*. Для В.С. Высоцкого была особенно болезненной деактуализация слова *честь*: «Досадно мне, что слово “честь” забыто». Для Б.Ш. Окуджавы ключевыми словами были *совесть*, *благородство*, *достоинство*: «Совесть, благородство и достоинство – вот оно, святое наше воинство». Однако современная молодёжь нередко затрудняется при попытке объяснить, что значат слова, обозначающие многие культурно значимые понятия. И, как показывает практика, словари далеко не всегда помогают понять, какие закреплённые обществом оценки

зафиксированы в словарях, каков оценочный знак представляемого понятия, какие признаки включены в его содержательный объём [2].

Уже неоднократно отмечалось, что значимость успеха в современном мире привела к закреплению в русском языке словосочетания *успешный человек* (калька с английского). Содержательная сущность этого понятия определяется так: «*Успешный человек* — это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект*» [3, с. 8]. Успешной реализации жизненного проекта способствуют *амбиции, амбициозность, честолюбие*, поэтому оценочный компонент значения этих слов постепенно становится положительным. По данным Национального корпуса русского языка [4], в 60-80-е годы XX века эти качества оценивались отрицательно (ср. *амбициозный и спесивый; честолюбивый и посредственный*). Контексты употребления слова *честолюбивый* были в основном отрицательными: *Это был человек, видимо, тяжёлого и резкого характера, честолюбивый и обиженный* (Василий Гроссман, *Жизнь и судьба*, ч. 1, 1960). Человек не честолюбивый, напротив, оценивался в 70-80-е годы XX века положительно: *К ним, как бывает, примазывались ловкачи, но дядя Гриша не обращал на это внимания, простодушный, не честолюбивый, интересы производства были у него на первом плане, истинный мастер своего дела, передовик в подлинном значении этого слова* (Анатолий Рыбаков, *Тяжелый песок*, 1975-1977).

Совсем иная картина наблюдается в XXI веке. Это слово стало чаще использоваться по отношению к субъекту говорящему, т.е. в позиции от первого лица, что способствует либо смягчению, либо устранению негативной оценки: *Просто много думаю о себе, очень честолюбивый* (Алексей Слаповский. 100 лет спустя // «Волга», 2009). Употребление этого слова в одном ряду с положительными характеристиками также доказывает его позитивную оценку, изменившуюся с негативной – на позитивную: *За дело взялся толковый следователь. Честолюбивый и одаренный.* (Леонид Зорин, *Глас народа*, 2007-2008 // «Знамя», 2008); *Как, отчего, он, карьерный,*

блестящий, честолюбивый, соль нации, вдруг... И халат, и затворничество, и подите все к черту! (Н.В. Кожевникова, Сосед по Лаврухе, 2003).

Честолюбие в современном обществе способствует карьере, а карьера – успеху, что является желанной целью для многих людей. Русский язык до сих пор не располагает нейтральным обозначением для человека, стремящегося добиться высоких результатов в своей деятельности, занять высокое положение в обществе. В Словаре С.И. Ожегова 1970 г. [5] находим такое определение слову *карьерист*: ‘1. Род занятий, профессия (устар.); 2. **В буржуазно-дворянском быту** (выделено нами: Л.Б.): положение в обществе, достигнутое деятельностью в какой-н. области’. Слово *карьерист* в этом же словаре дано с пометой *неодобр.*: ‘Человек, который проникнут карьеризмом’. В Словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой 2000 г. [6] «идеологическая добавка» в значении слова *карьерист* уже снимается, и данное слово определяется как ‘путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также само достижение такого положения’. Однако слово *карьерист* до сих пор сохраняет негативную оценку, хотя *карьерист* в современном русском дискурсе используется преимущественно в положительных контекстах: *блестящая карьера, делать карьеру, добиваться карьерного роста*, – всё это оценивается явно позитивно. Однако *быть карьеристом* по-прежнему не очень хорошо (об этом свидетельствуют и данные опроса студентов).

Карьеру, по-видимому, не может сделать человек без амбиций. *Амбиции* также в советскую эпоху оценивались явно отрицательно. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [6] представлены следующие значения: 1. ‘Обострённое самолюбие, а также спесивость, чванство’. 2. ‘Претензии, притязания на что-н.’ (неодобр.). *Ничем не обоснованные амбиции*.

Примеры из НКРЯ [4] показывают, что в современном употреблении это слово может использоваться в контекстах с общей положительной оценкой: *Для того чтобы выйти на американский рынок и удержаться там, нужны не только амбиции и достойный продукт, но и супертехнологии работы в*

ритейле», — отмечает Ануш Гаспарян. (Вера Кузьмина, Вытютюкивание на экспорт // «Эксперт», 2015).

Анализ материала позволяет предположить, что *честолюбие* и *амбициозность* – это те качества, которые помогают в наше время стать *успешным* человеком. Синтагматика современного употребления указывает на положительную оценку этих качеств (*честолюбивый* и *талантливый*).

При этом *скромность*, *кротость*, *застенчивость*, *стыдливость*, по мнению многих молодых людей, мешают двигаться вперёд, в связи с чем оценочный потенциал прилагательного *скромный* постепенно меняется. Обзор иллюстративного материала разных лет показывает положительные контексты употребления слова *скромный* в примерах из XIX и XX веков (*солидный* и *скромный*; *скромный*, *серьёзный* и *верный*, *скромный* и *добрый* и т.п.). В текстах XXI века допускается негативное контекстное окружение, в частности, характеризующее внешний вид современного *скромного* человека (мужчины): *Напротив садится скромный мужчина — застенчивый взгляд, сальные волосы, мешковатые штаны, легкая сутулость, пакетик в руках* (Полина Осетинская, Рояль на линолеуме // «Русская жизнь», 2012). При помощи союза *но* может создаваться оценочное противопоставление: *Конечно, скромный немного, скрытный, но такой простой!* (Ксения Букша, Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013), где *скромный* и *скрытный* – это плохо, а *простой* – хорошо. По-видимому, *скромность* можно квалифицировать как «уходящую» ценность, хотя в мире словарей это слово по-прежнему предстаёт с положительной оценкой.

Ещё более сложная ситуация с описанием такой русской ценности, как *кротость*: *кроткий* определяется как ‘незлобивый, покорный, смиренный’ [6]. Однако *покорность*, связанная с подчинением чужой воле, далеко не положительное качество, поэтому не может быть востребована современными молодыми людьми.

Итак, ценностное содержание, которое осознаётся как препятствие на пути к успеху и самореализации человека, может привести к утрате

актуальности ряда традиционных социокультурных ценностей (*скромность, кротость, стыд* и др.).

Утрата актуальности той или иной ценности может иметь в языке следующие проявления:

а) снижение частотности употребления;

б) «размывание значения», которое приводит к затруднениям при определении значения слова;

в) смена оценочного знака.

Работа в данном направлении выводит на изучение таких актуальных вопросов, как формирование ассоциативного потенциала слов, определение национально-культурной специфики оценочного компонента, декодирование ценностных установок говорящего.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

2. Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Russian Journal of Linguistics (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика). 2017. №4 (21). – С. 729–748.

3. Левонтина И.Б. Русский со словарём. М.: Азбуковник, 2010. 368 с.

4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: www.ruscorgora.ru].

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1970. 900 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.

Сведения об авторе:

Богданова Людмила Ивановна; доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 117447,

Российская Федерация, Москва, Севастопольский проспект, 12-4 - 69;
libogdanova1@mail.ru ; +7-916-827-5543.

Bogdanova Liudmila Ivanovna; Doctor of Philology, full Professor,
Lomonosov Moscow State University; Sevastopolskiy, 12-4-69; Moscow, 117447,
Russian Federation; libogdanova1@mail.ru ; +7-916-827-5543.

УДК 811

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДА

Верижникова Е.А., Савина К.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье акцентируется внимание на языке не только как на средстве общения, но также как на важном инструменте распространения и популяризации культуры народа. На примерах демонстрируется то, что язык является отражением истории страны, в котором можно проследить этапы развития и исторические события в государстве, а также увидеть особенности менталитета народа.

Ключевые слова: исторические события, заимствования, традиции, европейские языки, достижения науки, восточная и европейская культуры.

Abstract: The article focuses on the language not only as a means of communication, but also as an important tool for spreading and popularizing the culture of the people. The examples demonstrate that the language is a reflection of the history of the country, in which it is possible to trace the stages of development and historical events in the state, as well as to see the peculiarities of the mentality of the people.

Key words: historical events, borrowings, traditions, European languages, scientific achievements, eastern and European cultures.

Несмотря на то, что о глобализации начали говорить лишь во второй половине двадцатого века, взаимодействие разных государств и народов происходило ещё во времена Древнего Мира, благодаря чему происходил культурный обмен. И уже тогда знание иностранных языков имело большое значение: перевод книг, трудов ученых, осуществление торговли, международная коммуникация. В Древности владение языком было делом узкой прослойки населения, сродни роскоши, а со временем это умение превратилось в необходимость.

Так же, как и значение знаний в области лингвистики, сам язык меняется с течением времени. Его можно сравнить с живым организмом, который постоянно пребывает в процессе развития и преобразования, а также подвергается внешним воздействиям. Язык — это зеркало души народа: в нём находят отражение культура, значимые исторические и социальные события, менталитет и даже образ мысли, присущий народу. Всё это можно проследить на многочисленных примерах, отличительных особенностях различных языков. Яркой иллюстрацией влияния исторических событий на развитие языка может послужить ситуация, сложившаяся во времена нахождения Чешских земель под властью немецких колонизаторов. В данный период чешский язык был вытеснен немецким и встал на путь исчезновения, будучи близким к сохранению лишь в письменных источниках [2, с.62]. Однако, в конце восемнадцатого века, благодаря усилиям добровольцев, начался путь его возрождения. Так как язык был восстановлен из письменных источников, он изобилует случаями исключений из грамматических правил, которые вызывают трудности у изучающих, а детям в чешских школах остаётся только заучивать их наизусть. Другим примером воздействия исторических процессов на язык является влияние французского языка на русский в период доминирования Франции в различных аспектах жизни общества: например, в политике и культуре. Это привело к тому, что определённая прослойка общества прибегала к использованию французской речи сначала в светской беседе, а потом и в жизни, последствием чего стало наличие большого количества французских

заимствований, которые стали неотъемлемой частью повседневного общения и взаимодействий.

В последнее время нельзя представить полноценное изучение языка без знакомства с разговорной речью и сленгом. В пример можно привести характерное явление в современном французском языке: верлан - особый пласт французского сленга и языка в целом. Кроме того, верлан приобретает особое влияние и вес во французском искусстве, а также культуре.

Другим значимым аспектом в формировании языка являются местные традиции. Например, в странах Азии основополагающую роль в формировании межличностных взаимодействий играет возрастная принадлежность, определяющая место человека в отношениях с другими. Для обращения к людям, которые считаются старшими в азиатской культуре по отношению к собеседнику, следует употреблять обращение “아저씨” (Ajusshi) к мужчине и “아줌마” (Ajumma) к женщине, что может быть эквивалентно обращениям “Господин” и “Госпожа”. На самом деле, вышесказанное в большей или меньшей степени относится и к европейской культуре. А вот уважительное обращение людей примерно одинакового возраста не является типичным для Запада, в то время как на Востоке, пусть даже совсем небольшая разница в возрасте (несколько месяцев) является причиной употребления юношей обращений “형” (Hyeong; Hyung), что означает “старший товарищ (брат)”, и “누나” (Nuna; Noona), что значит “старшая сестра”, девушки аналогично употребляют “오빠”(Oppa), что значит “старший брат”, и “언니” (Eonni; Unnie), что значит “старшая сестра”. Эта особенность проявляется не только в уважительном общении со старшими. В корейском языке, например, есть особое слово, которое используется для обозначения самого младшего человека в группе (не просто значащее “младший”) - 막내 (maknae). Кроме того, общение с коллегами требует определённого обращения “선배” (sunbae;

seonbae), что означает старший коллега, с добавлением суффикса, выражающего уважение к собеседнику, если коллега старше говорящего. Подобная система обращений к собеседнику также распространена в других странах восточной Азии. Ещё одной составной частью культуры уважительного обращения в Корее и, соответственно, в корейском языке является существование разных стилей речи, употребление которых в каждой конкретной ситуации зависит от обстановки и статуса собеседника по отношению к говорящему:

1. 하소서체 (Hasoseo-che) – высокий стиль, использовавшийся при обращении к членам королевской семьи, в настоящее время является архаичным.

2. 하십시오체 (Hasipsio-che) – официально-вежливый стиль, используемый при общении со старшими.

3. 해요체 (Haeyo-che) – неофициально-вежливый стиль, используемый при общении людей одного возраста друг с другом, между коллегами и при обращении младших к старшим, если разница в возрасте небольшая.

4. 하오체 (Hao-che) – более устаревший неофициально-вежливый стиль, являющийся разговорной формой некоторых диалектов.

5. 하계체(Hage-che) – неофициальный стиль, используемый старшими по отношению к молодым людям или между товарищами.

6. 해라체 (Haera-che) – информативный стиль, встречающийся в газетах, новостных строках, статьях и литературе.

7. 해체 (Hae-che) – неофициальный или фамильярный стиль; используется между близкими друзьями, родственниками, а также старшими при обращении к младшим [1, с.10].

В европейских языках подобная черта выражена в меньшей степени. Например, в английском языке используется при общении лишь одно местоимение — “you”, в отличие от многих других языков. Также в пример можно привести шведский язык, в котором, на фоне эгалитарной волны в стране, преимущественное употребление получило местоимение “Ты” (du), в то время как местоимение “Вы” (ni) находит употребление в редких случаях.

В вопросах международной коммуникации уже долгое время главенствует английский язык. Возвышению английского языка способствовала колонизаторская деятельность Британской империи в период Pax Britannica (Британского мира) и в целом её доминирования в международных отношениях. Дальнейший переход от Pax Britannica к Pax Americana (Американский мир) соответствует периоду мировых войн в первой половине 20 века. То есть на смену Британской империи в роли доминирующей державы пришли Соединённые Штаты Америки, тем самым продолжая гегемонию английского языка в мире, которая поддерживается высокой популярностью культур англоязычных стран, в первую очередь культуры США. Прямым следствием данных событий является огромное влияние английского языка на остальные языки, в том числе образование англицизмов, которые можно встретить практически в каждом языке.

Заимствования из других языков могут быть обусловлены не только влиянием государства на международной арене или распространённостью языка и культуры, но и выдающимися достижениями, прорывом страны в той или иной области (в том числе, науки). Например, в английском языке слово “sputnik” получило широкое распространение именно после запуска Советским Союзом первого искусственного спутника Земли “Спутник-1” 4 октября 1957 года.

Таким образом, язык в межкультурной коммуникации не является исключительно средством общения, но также играет важную роль в распространении и популяризации культуры страны или народа, и, следовательно, способствует развитию международных отношений и

экономики. Кроме того, язык является отражением истории страны, в котором можно проследить этапы развития и исторические события в государстве и особенности менталитета народа, воплощая в себе бесценную роль культурного наследия.

Список литературы

1. Гурьева А.А. Васильев А.А. Как правильно общаться по-корейски: язык социального статуса в Корее: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2017. – 120 с.

2. Нешименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. — М.: Наука, 1978. – 329 с.

Сведения об авторах:

Верижникова Екатерина Анатольевна, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; старший преподаватель, veriekaterina@mail.ru.

Verizhnikova Ekaterina Anatolyevna, Oryol State University named after I.S. Turgenev ", Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; senior lecturer, veriekaterina@mail.ru.

Савина Ксения Викторовна, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; студент, kseniasavina172@gmail.com.

Savina Ksenia Viktorovna, Oryol State University named after I.S. Turgenev ", Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; student, kseniasavina172@gmail.com.

**ОППОЗИЦИЯ «ПРАВОЕ :: ЛЕВОЕ» КАК КОГНИТИВНЫЙ
ПАТТЕРН ЯЗЫКОВОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Савицкая Е.В.

Самарский государственный социально-педагогический университет

г. Самара, Россия

Аннотация. В статье характеризуется понятие “когнитивный паттерн”, трактуемое как фрагмент когнитивного субстрата языкового мышления. На примере когнитивного паттерна «правая – левая сторона», входящего в число коллективных пространственных представлений, свойственных английской лингвокультуре, демонстрируется историческая преемственность и структурная аналогия предметно-практической и ментально-теоретической деятельности. Описывается спектр предметных областей, моделируемых с помощью когнитивного паттерна «правая – левая сторона».

Ключевые слова: когнитивный паттерн, когнитивный субстрат языкового мышления, культурный архетип, стереотип поведения, пространственный образ

Abstract. The author characterizes the concept of cognitive pattern interpreted as a fragment of the cognitive substrate of verbal thinking. Using the example of the cognitive pattern “right-left side”, one of the collective spatial images belonging to English linguoculture, the author demonstrates the historic continuity and structural analogy of manual (practical) and mental (theoretical) activity. The spectrum of subject matters modelled by using the cognitive pattern “right-left side” is described.

Key words: cognitive pattern, cognitive substrate of verbal thinking, cultural archetype, behavioral stereotype, spatial image

Исследователи неоднократно указывали на существование культурно-исторической преемственности между предметно-практической и ментально-теоретической деятельностью и на наличие структурной аналогии между ними. «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании

человека фигурами логики, – отметил в этой связи В.И. Ленин, опираясь на идеи Г. Гегеля. – Фигуры эти имеют ... аксиоматический характер ... в силу этого миллиардного повторения» [4, с. 188]. Новые формы мышления эволюционируют, сохраняя в своей глубинной основе прежние формы в виде исторических наслоений языковой семантики. Совокупность прежних форм, образующих исторический фундамент для совокупности новых форм, в нашей работе носит наименование *когнитивный субстрат языкового мышления*.

В него входят выработанные многовековой практикой, находящиеся в границах здравого смысла мысленные представления о каузальных и других существенных связях между предметами и явлениями, окружающими людей, а также давние мифические представления о реальности, поверья, различные предрассудки, ассоциации, возникшие по принципу синестезии, информация, наследуемая генетическим путем, и т.п.

Когнитивный субстрат лежит в основе всего языка и всего языкового мышления. Он распадается на участки, содержащие представления народа об устройстве отдельных частей мироздания. В нашей работе эти участки названы *когнитивными паттернами*.

Английское существительное *pattern* “схема, образец, модель, шаблон” стало гуманитарно-научным термином в начале XX столетия [3, с. 65] и было заимствовано другими языками, в том числе русским. Данный термин используется в гносеологии, лингвокультурологии, когнитивной психологии, культурной антропологии и других науках. Паттерном, как правило, называют характерный для этноса мыслительный стереотип, который определяет идентичность данного этноса, препятствует его размыванию и обуславливает социокультурную специфику поведения представителей данного этноса. Л.Н. Гумилев считал стереотип этносообразующим фактором: «Каждый этнос имеет свою внутреннюю неповторимую структуру и стереотип поведения» [2, с. 97].

Когнитивный паттерн определяется как «совокупность совместных взаимно-сопряженных отношений между различными объектами, явлениями, свойствами и процессами окружающего мира. Иными словами, когнитивные

паттерны – это модели познания действительности, и, в более широком смысле, модели знания и мышления, определенный набор правил и критериев. «Они» представляют собой базовые интуитивные репрезентации (образы), которые задают специфическое видение действительности» [1, с. 2].

К числу основных когнитивных паттернов относятся спатиальные образы (*лат. spatium* “пространство”). Эволюция снабдила человека врожденной способностью ориентироваться в пространстве и, оперируя предметами внутри него, на этой основе осуществлять сенсомоторное мышление. Представления о пространстве внедрены в ментальность человека, составляя фундамент для очень многих наглядных моделей мира: ведь всё, что происходит вокруг человека и с ним самим, заключено в трехмерном физическом пространстве.

Упомянутый когнитивный паттерн имеет такие измерения, как верх – низ, поверхность – глубина, ширина – узость, близость – дальность, центр – периферия, правая – левая сторона и др. В порядке иллюстрации приведенных теоретических положений ниже дается описание символики правой и левой сторон в английской лингвокультуре и ее отражения в английском языке.

По экспериментальным данным, подавляющее большинство (свыше 90%) людей характеризуется праворукостью, в то время как у приматов праворукость и леворукость представлены примерно одинаково [6, с. 51]. Предположительно это объясняется тем, что первобытным людям, в отличие от животных, приходилось совершать тонкие мышечные движения при изготовлении разных изделий, а также при говорении (с его сложной артикуляцией), вследствие чего у них получил высокое развитие центр мелкой моторики, расположенный в левом полушарии мозга, которое управляет правой половиной тела [5, с. 301].

Правая рука стала более ловкой в манипуляциях и потому ведущей; в итоге правая сторона окружающего пространства начала представляться людям более освоенной, комфортной и безопасной, чем левая. Оценочная асимметрия отражена в семантической системе английского языка.

Приведем примеры.

• Прилагательное *right* “правый” восходит в конечном счете к индоевропейской

основе **reg-* “вести прямо”; отсюда производное значение “правильный”.

• К этой же лексической основе восходят и другие слова с данным корнем: *лат.* *rectus* “прямой”, *regula* “правило”, *rex* “царь”, *rector* “правитель”, *англ.* *straight* “прямой”, *erect* “выпрямленный”, *direct* “прямой”, *regular* “правильный” и др.

На этой лексической основе у английского имени прилагательного *right* развились значения “расположенный справа”, “правый (в когнитивном, а также моральном смысле)”, “правильный”, “подходящий”, “тот, который нужен”, “непосредственный”, “справедливый”, “здоровый”, “исправный”, “уместный”.

Перечисленные лексические значения имеют семантический инвариант “соответствующий норме / канону / стандарту”. Существительное *right* означает не только “правая сторона”, но также “право” (в юридическом и моральном смысле), “привилегия”, “справедливость”, “порядок”, а наречие *right*, помимо всего прочего, еще и “точно”, “как раз”, “что надо”, “как следует”. Этот спектр значений естественным образом проистекает из представления о том, что правая рука и правая сторона – это нечто удобное, подходящее, надлежащее.

Современное английское прилагательное *left* “левый” этимологически восходит к древнеанглийскому *lyft* “слабый”; от представления о более слабой руке произошло значение “находящийся слева”. Производные значения слова *left* – “кривой”, “неверный”, “незаконный” – не столь многочисленны, как значения слова *right*. Все они характеризуются негативной оценочностью.

Легко убедиться, что не все лексико-семантические варианты слова *right* имеют антонимы в виде лексико-семантических вариантов слова *left*. Так, например, антонимом прилагательного *right* в значении “правильный” является не прилагательное *left*, а прилагательное *wrong* “неправильный” (от *германск.* **wrang-* “изогнутый”). Говоря в целом, у слова *left* семантическая структура менее развита, чем у слова *right*.

Значение “неловкий, неуклюжий” реализовано в английских устойчивых словесных оборотах *left-handed compliment* (букв. “леворукий комплимент”, *перен.* “неловкий комплимент”) и *to have two left feet* (букв. “иметь две левых ноги”, *перен.* “быть неуклюжим”). Значение “сомнительный, фальшивый”

реализовано в английском устойчивом словосочетании *to come from the left field*

(букв. “прийти с левой стороны”, *перен.* “не заслуживать доверия”).

Во фразеологизме *to get up on the wrong side of the bed* (букв. “встать не с той стороны кровати”, *перен.* “быть не в духе”) под «не той» стороной имеется в виду именно левая (ср. рус. *встать с левой ноги*), исторически связанная с поверьями. Действия, совершаемые через левое плечо, имеют в английской лингвокультуре обрядовое происхождение:

to spit over the left shoulder (плюнуть через левое плечо) – обряд, служащий в качестве оберега от неудачи;

to throw a horseshoe over the left shoulder (бросить подкову через левое плечо) – обряд, совершаемый «на счастье»;

to pay over the left shoulder (платить через левое плечо) – отрицать / отказывать в ироничной форме;

to do smth. over the left shoulder (делать что-либо через левое плечо) – делать что-либо понарошку, не всерьез;

to throw salt over the left shoulder (бросать соль через левое плечо) – обряд для защиты от нечистой силы (согласно поверьям, чёрт, во-первых, находится у человека за левым плечом, а во-вторых, боится соли).

Таким образом, противопоставление правого и левого – разветвленный когнитивный паттерн, играющий роль культурного архетипа и отраженный в семантической системе английского языка. Правая сторона ассоциируется с позитивными аспектами жизни людей, а левая – с негативными. Но имеется и исключение. В англоязычном политическом дискурсе имя прилагательное *right* означает “консервативный”, а имя прилагательное *left* – “радикальный”. Это связано с исторической традицией, восходящей к эпохе Великой Французской

революции: во время заседаний Конвента консерваторы-жирондисты занимали правую сторону зала, а радикалы-якобинцы – левую. Это обстоятельство носит достаточно случайный характер. Поэтому в политических определениях right и left нет однозначной оценки; положительное либо отрицательное отношение к консерватизму и радикализму зависит от политических взглядов говорящего.

Такова, по нашим представлениям, сущность когнитивных паттернов, продемонстрированная нами на примере оппозиции правой и левой сторон.

Список литературы

1. Безингер А.А. Когнитивные паттерны [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://xn--e1abcgakjmf3afc5c8g.xn--p1ai/communication/forums/psychology/kognitivnye-patterny/>].

2. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Л.Н. Гумилев. Этносфера. История людей и история природы: сб. статей. М.: Кристалл, 2002. – С. 97-132.

3. Зайдаль Т.В. Паттерн как объект исследования культурной антропологии // Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 65-68.

4. Ленин В.И. Философские тетради // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Том 29. – М.: Госполитиздат, 1969. – 782 с.

5. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.

6. Хрянин А.А. Феномен левостороннего мануального предпочтения и психофизиологические особенности леворуких людей // Известия Пензенского гос. пед. ун-та. Естественные науки. – Пенза: ПГПУ, 2007. № 5 (9). – С. 51-54.

Сведения об авторе:

Савицкая Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, Самара, ул. М. Горького, 65/67; lampasha90@mail.ru; 8-903-309-08-67.

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 M. Gorki Street, 443090, Samara, Russian Federation; lampasha90@mail.ru; 8-903-309-08-67.

ВО САДУ ЛИ...? (к размышлениям о природе и типологии
сверхсловных номинаций)

Щекотихина И.Н.

*Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация: Рассматривается вопрос о природе и типологии сверхсловных номинативных единиц на основе анализа словосочетаний со словом «сад» и их трактовки другими исследователями.

Ключевые слова: сверхсловная номинация, словосочетание, коллокация, теория номинатемы.

Abstract: The question of the nature and typology of word-group nominative units is considered on the basis of the analysis of word combinations with the word “garden” and their interpretation by other researchers.

Key words: word-group nomination, word group, collocation, nominatheme theory.

Вернуться к вопросу о природе и типологии сверхсловных номинаций, который мы рассматривали в ряде предыдущих публикаций [7; 8], нас побудило желание поделиться некоторыми размышлениями, навеянными еще десять лет назад знакомством с теорией, в рамках которой предлагалось любопытная интерпретация словосочетаний и сочетаний слов.

Речь идет о теории В.И. Теркулова [5; 6], в которой вводится понятие номинатемы как «абстрактной (структурной) языковой единицы, представляющей собой модель номинации, независимо от того, в каких субстантных единицах эта модель реализуется» [6, с.50]. Номинатема представляется как базовая (и единственная) единица языка, напрямую связанная с концептом и являющаяся его минимальной формой выражения, его базовым именем. Все остальные образования, выполняющие номинативную функцию (слово, словосочетание, фразеологизм, сочетание слов, предложение

и т.д.) понимаются как речевые реализации/манифестации/воплощения номинатемы, которые автор называет глоссами. Концепт, в свою очередь, понимается как «инвариантное значение номинатемы, определяющее тактики ее воплощения в речи» [6, с.157].

С точки зрения данной теории, номинатема может быть как универбальной (словесной), так и поливербальной (многокомпонентной, коллокативной), а разные типы словосочетаний и сочетаний слов могут быть воплощением как словесной номинатемы, так и коллокативной. Иными словами, автор выделяет номинатемы со словесной доминантой и номинатемы с доминантой словосочетанием/коллокацией.

Свободное словосочетание в данном контексте трактуется как «аналитический денотативный лексико-семантический вариант номинатемы со словесной доминантой, существующий в пределах тождества последней» [6, с.142]. Это означает, что оно «реализует объемно значение главного слова» [6, с.144], а «зависимое слово является лишь вербализованным компонентом этого значения» [там же].

Фразеологическое сочетание В.И. Теркулов считает «аналитическим лексико-семантическим вариантом словесной номинатемы» [6, с.189], фразеологическое единство – «коннотативным лексико-семантическим вариантом коллокативной номинатемы» [6, с.189-190], а фразеологическое сращение – «лексикализованной вторичной коллокативной номинатемой с опрошенной структурой» [6, с.190].

Представленные положения выглядят вполне убедительными и позволяющими интегрировать в единую систему описания различные типы номинативных единиц. Однако результаты анализа конкретного языкового материала с позиций данной теории в ряде случаев заставили нас усомниться, во-первых, в корректности процедуры анализа и полученных выводов, во-вторых, в возможности с легкостью распределить все многообразие номинативных средств по указанным группам (типам).

Так, анализируя различные значения звукокомплекса «сад», отмеченные в Словаре русского языка С.И. Ожегова, В.И. Теркулов выделяет четыре базовых значения: 1. Сад — плодово-фруктовый; 2. Сад — ботанический; 3. Сад — зоологический; 4. Сад — детский [6, с.190].

Сопоставляя современную семантику и внутреннюю форму слова «сад», исследователь разделяет приведенные в словаре номинативные единицы на две группы: а) группа «посаженное + ограниченное в пространстве» (совпадение внутренней формы и семантики) – *фруктовый (плодовый) сад + ботанический сад*; б) группа «ограниченное в пространстве» (различие внутренней формы и семантики) – *зоологический сад + детский сад*.

Слово «сад» выступает в качестве доминанты (родового «объединителя») для сочетаний первой группы. Для сочетаний второй группы такой моновербальной доминанты не выделяется. Номинативная сущность этих номинаций, по мнению исследователя, изначально полностью реализуется только в словосочетаниях в отличие от сочетаний первой группы, в которых эта сущность уже воплощена в самодостаточном слове «сад». Соответственно данные сочетания определяются «не как аналитические лексико-семантические варианты номинатемы «сад», создающиеся по моделям актуализации её инвариантного значения в зависимом слове, а как самостоятельные номинативные единицы» [6, с.192]. Использование однословного наименования во всех остальных случаях является результатом эллипса в сторону главного слова (сад ← детский сад), свидетельствующего об особом свойстве номинатем-коллокаций – стремлении «воплотиться в слове как своем формальном дублете» [6, с.193], что часто приводит к универбализации.

В этой связи возникает ряд вопросов по поводу отнесения к первой группе сочетания *ботанический сад*, которое проявляет это особое свойство. Эллипсоид «сад» (сад ← ботанический сад) и универб «ботсад», как и само словосочетание, трактуются как лексико-семантические варианты, находящиеся в пределах тождества номинатемы «сад». Из этого следует, что сочетание *ботанический сад* трактуется либо как свободное словосочетание,

либо как фразеологическое сочетание, т.к., по В.И. Теркулову, эти единицы имеют статус не самостоятельных языковых единиц, а речевых реализаций, т.е. глосс номинатом, разворачивающихся на базе слов.

На наш взгляд, здесь кроется какое-то противоречие и, возможно, методологическая ошибка, допущенная при семантическом анализе. Мы считаем, что выделенные исследователем компоненты значений не отражают сути и специфики семантики рассматриваемых слов и сочетаний. Так, компоненты «посаженное + ограниченное в пространстве» представляют лишь часть интенционала слова «сад», что отождествляет его, например, со значением слова «огород». Здесь утерян дифференцирующий (видовой) компонент, указывающий на характер насаждений (деревья, кусты, цветы).

Нам здесь видится следующая структура: «участок земли» + «насаждения»: «плодово-ягодные и декоративные». Эта структура реализуется во всех сочетаниях, раскрывающих семы жесткого и сильного импликационала (размер, принадлежность, вид насаждений, количество насаждений, сезонные характеристики, параметры развития растений, внешний вид и т.д.), например, *большой, школьный, яблоневого, молодой, цветущий, заросший, благоухающий и т.п.* Можно ли утверждать, что эта же иерархия сем реализуется в сочетании «ботанический сад»?

По словам В.И. Теркулова, «между компонентами первой группы реализуются отношения привативности, включения: *плодово-фруктовый сад* (маркированный компонент), по сути, является разновидностью *ботанического сада* (немаркированный компонент)» [6, с.191]. Как нам думается, при такой трактовке искажается структура значения сочетания *ботанический сад*. Конечно, в семантике этого сочетания сохраняются все выделенные нами компоненты интенциональной части значения. Однако их значимость в общей структуре значения меняется. Почему это происходит?

Атрибут «ботанический» (имеющий отношение к ботанике как науке) имплицитно такие семы, как «исследование/изучение», «коллекционирование», «систематизация» и т.п. Данный набор сем не входит в

жесткий импликационал исходного значения слова «сад», не отражает существенные свойства и связи его денотата. Он соотносится с несколько иной реальностью, которая, конечно же, имеет связь с базовым прототипом (участок земли с плодово-ягодными и декоративными насаждениями), но характеризуется специфическим функциональным назначением. Эта специфика, по сути дела, формирует новый денотат и, соответственно, сигнификат.

Как правило, входящий в импликационал слова «сад» компонент «назначение» в исходном значении слова подразумевает семы «хозяйственные нужды» или «рекреативная деятельность». Атрибут «ботанический» вводит сему «научная деятельность», которая занимает одну из ядерных позиций и изменяет характер родовой семы – статусные характеристики денотата («участок земли» → «учреждение»).

В сочетании «зоологический сад» компонент «насаждения» вообще уходит в разряд несущественных (периферийных), т.е. здесь происходит еще большая трансформация исходного значения, затемняющая его мотивированность.

В сочетании *детский сад* наблюдается более значительное семантическое преобразование, связанное с взаимодействием сем «выращивать» и «воспитывать».

(Обращаем внимание на то, что мы проводим семный анализ слов и их сочетаний. В случае концептуального анализа речь шла бы об экспликации компонентов когнитивных структур/концептов).

Еще более наглядно различие между объемной, аналитической реализацией значения слова «сад» и самостоятельным номинативным комплексом проявляется в сочетаниях *весенний/зимний сад* и *зимний сад*. В первом случае сочетания реализуют значение слова «сад», выводя в фокус внимания сему «сезонные состояния», а во втором сочетание выводит на образ несколько иного обозначаемого (не столько участка земли (открытого пространства), сколько специализированного помещения для разведения растений).

Хотелось бы также отметить тот факт, что в сочетаниях типа *фруктовый/красивый/молодой/школьный/заросший сад* номинация носит преимущественно описательный характер, выполняя идентифицирующую, дифференцирующую, характеризующую и т.п. функцию, а между компонентами можно выявить отношения предикации (в широком смысле как приписывание признака): характеризующей, оценочной, реляционной. Такие сочетания легко поддаются синтаксической трансформации, выявляющей ролевые отношения между его компонентами: *красивый сад – сад красив;* *фруктовый сад – сад засажен фруктовыми деревьями;* *школьный сад – сад принадлежит школе.*

В устойчивых номинативных комплексах такая трансформация во многих случаях затруднена или невозможна, поскольку помещение ядерного слова в позицию определяющего слова может привести к искажению значения сочетания. Чем выше степень преобразования значения, тем сложнее такая трансформация. Сочетание *ботанический сад* с трудом поддается аналогичной трансформации, т.к. не определяется через слово «сад», не выявляет прямого (прозрачного) ролевого отношения между компонентами «сад» и «ботаника». Здесь устанавливаются более глубинные отношения. Кроме того, в этом сочетании в отличие от сочетаний первого типа искажение (утрата) значения имеет место и при опущении первого (атрибутивного) компонента. Слово «сад» в высказывании «Пойдем в сад» вне контекста скорее будет интерпретировано как участок земли с соответствующими насаждениями, нежели учреждение, занимающееся коллекционированием, разведением и изучением растений.

Таким образом, при анализе значения, реализованного в сочетании *ботанический сад*, В.И. Теркуловым были нивелированы семы «учреждение», «коллекционирование», «изучение», которые прямо не выводятся из исходного значения слова «сад» и поэтому не могут быть раскрыты с помощью распространенного номинатива. Таким образом, вряд ли можно утверждать, что данная номинация является аналитическим лексико-семантическим вариантом номинатива «сад».

Между тем указанные семы были отмечены С.И. Ожеговым, что позволило ему поставить сочетания *ботанический сад* и *зоологический сад* в один ряд, иллюстрирующий значение «учреждение, коллекционирующее, разводящее и изучающее растения, животных» [3]. В Словаре сочетаемости слов русского языка [4] сочетание *ботанический сад* не входит в ряд единиц, демонстрирующих регулярную (свободную) сочетаемость слова «сад», а стоит особняком, как представитель нерегулярной сочетаемости данного слова. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о самостоятельном номинативном статусе данного сочетания, а не о статусе варианта, находящегося в пределах семантического тождества со словом «сад», хотя, несомненно, семантически оно ближе к нему, чем, например, сочетания *зоологический сад* и *детский сад*. По нашему мнению, даже в группе сочетаний первого типа (*школьный сад*, *красивый сад*, *фруктовый сад* и т.п.) отношения между компонентами неравнозначны и проявляют разный характер семантической взаимозависимости.

В целом же теория номинатемы, несмотря на конструктивность в решении ряда лингвистических проблем, опять-таки проводит четкую границу между свободным и устойчивым, и в этом, как нам думается, кроются причины некоторых «нестыковок» между теоретическими постулатами и эмпирическими выводами. Попытка «втиснуть» все типовое многообразие словосочетаний в рамки двух типов номинатем вызывает больше вопросов, чем дает ответов.

Нам в этом смысле более перспективной видится мысль о том, что «в пределах лексически распространенного номинатива можно говорить не о реализации единой номинативной сущности, а о сложном единстве разных номинативных элементов, интегрированных в функциональную целостность» [1, с.9]. Элементы, из которых строится словосочетание, мыслятся при этом не как субстанциональные элементы (слова), а как функциональные единицы (семантемы). Под семантемой понимается «сложное единство сигнификата и средств его реализации (номинативных сущностей, синтагм-глоссе), эксплицируемых в речи в зависимости от прагматических установок

говорящего» [1, с.7]. Иначе говоря, свободные словосочетания представляют собой не речевые реализации некой единой абстрактной сущности, а самостоятельные функционально интегрированные единства.

На наш взгляд, такая трактовка в большей степени соответствует естественной природе речевой деятельности человека, хотя опять-таки распределяет все многообразие номинативных средств на два типа по основанию свободы/устойчивости (моделирующий и типический способ номинации). Мы же, как это уже неоднократно подчеркивалось в наших публикациях, склонны разделять позицию исследователей, считающих, что «на уровне сочетаний слов в лингвистическом континууме наблюдается широкая многоступенчатая градация степеней устойчивости» (Кулаева 2003). Более подробно наша позиция изложена в прошлогодней публикации (Щекотихина 2020).

Список литературы

1. Забашта Р.В. К проблеме определения границ номинативных сущностей // Лінгвістичні студії. 2011. Вип. 22. С.7-12. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/lingst_2011_22_3

2. Кулаева О.А. О внутренней «сцепленности» неустойчивых словосочетаний // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. Вып. 4-1. С. 211–215.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка [под ред. Н. Ю. Шведовой]. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. 750 с.

4. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; П.Н. Денисов, Н.К. Зеленова, Е.М. Кочнева и др.; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2005. 811, [5] с.

5. Теркулов В.И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка: монография. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. 240 с.

6. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / научн. редактор М.В. Пименова. Горловка: ГППИИЯ, 2010. 228 с. (Серия «Знак – Сознание – Знание» – Вып. 1).

7. Щекотихина И.Н. К вопросу о типологии вербальных стереотипов // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 9. Международный сборник научных трудов. Москва – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. С. 125-133.

8. Щекотихина И.Н. Парадоксы сверхсловной номинации (к вопросу о воспроизводимости/творимости словосочетаний) // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение / материалы IV Международной научно-практической конференции (13 октября 2020 г., г. Орёл). Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. С. 278-283.

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В НАУКЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

Саниева С.К.

«Адыгейский государственный университет»

г. Майкоп, Россия

Аннотация: В статье представлен анализ взаимосвязи языка и сознания, что позволяет подтвердить мнение большинства лингвистов о выделении такой категории как «языковое сознание». В результате исследования мы приходим к выводу, что сложность изучения проблемы языкового сознания заключается как в специфике самого предмета изучения, так и в существовании различных, зачастую противоречащих друг другу, концепций, занимающихся данной проблемой. Особую значимость в исследовании приобретает выделение этнокультурного компонента, который, на наш взгляд, является неотъемлемой частью любого языкового сознания.

Ключевые слова: сознание, языковое сознание, речевое сознание, коммуникативное сознание, этноязыковое сознание, знаковость.

***Abstract:** The article presents an analysis of the relationship between language and consciousness, which allows confirming the opinion of the majority of linguists on the allocation of such a category as "linguistic consciousness". As a result of the study, we come to the conclusion that the complexity of studying the problem of linguistic consciousness lies both in the specifics of the subject of study itself and in the existence of various, often contradictory, concepts dealing with this problem. Of particular importance in the study is the isolation of the ethnocultural component, which, in our opinion, is an integral part of any linguistic consciousness.*

***Key words:** consciousness, linguistic consciousness, speech consciousness, communicative consciousness, ethno-linguistic consciousness, symbolism.*

На сегодняшний день понятие сознания является одним из ключевых терминов, который оперирует во всех гуманитарных науках и становится предметом различных психолингвистических исследований. Несмотря на давнюю историю изучения, данное понятие до сих пор не имеет однозначной трактовки в современной науке ввиду нематериальности своей природы, различных подходов к его определению, а также парадоксальности того факта, что объект изучения в то же время является и его субъектом. Понятие сознания многомерно и объемно, оно не поддается линейному описанию и даже в рамках одной науки зачастую вызывает противоречивые характеристики и конкурирующие между собой концепции. Исходя из этого, до сих пор актуальным остается постулат Д. Чалмерса о том, что «Сознание – это великая тайна», ибо никакие физические процессы, которые согласно научно-материалистическому мировоззрению лежат в бытийном фундаменте всякого наблюдаемого события, не могут объяснить наличия субъективно переживаемого содержания ментального (сознательного) опыта [7, с.8].

Если раньше термин сознания преимущественно рассматривался в философии и психологии, то уже в XX веке рамки его научного исследования значительно расширяются и углубляются, и оказываются в центре внимания у представителей естествознания, лингвистики, кибернетики, когнитологии и других отраслей науки.

Изучение характеристики сознания в философской, психологической и естественнонаучной парадигме не входит в задачи нашего исследования, однако важно отметить значимость его разностороннего анализа, так как сознание как высшая форма отражения действительности предполагает такие формы функционирования, как способность к мысли, творчество, рефлексия, порождение абстрактных и конкретных представлений, формирование моральных и культурных понятий и др., которые неразрывно связаны со способностью индивида не только понимать и воспринимать окружающую действительность, но и воспроизводить ее на различных уровнях.

Попытки решения проблемы соотношения сознания и его вербальной репрезентации предпринимались многими ведущими учеными. Еще в XIX веке известный русский лингвист А.А. Потебня говорил о взаимосвязи языка и мысли. Он полагал, что слово необходимо рассматривать как внутренне необходимый орган мысли, как средство добывать мысль из восприятий, «поскольку внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию: она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [5, с. 160]. Язык, полагал ученый, помогает человеку не только понимать окружающий мир, но и самого себя [Там же, с.149].

В настоящее время повышенное внимание к данному феномену отражает устремление современной науки к человеку думающему, говорящему и включенному в процесс коммуникации. Поэтому первостепенной задачей нашего исследования является целостно-системное рассмотрение проблемы сознания посредством языка в рамках лингвистической науки и ее междисциплинарных областях.

Изучение проблемы языка и сознания в разное время решались такими зарубежными и отечественными учеными, как Э. Сепир, А. А. Потебня, Л.В. Щерба, Г. Г. Шпет, Л. В. Выготский, А. Н. Леонтьев, Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Р.М. Фрумкина, Е. Ф. Тарасов, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева и др., что позволяет говорить о сложности и многоаспектности понятия *языковое сознание*.

На сегодняшний день вопрос о правомерности выделения языкового сознания в отдельную категорию пока остается открытым, поскольку любое сознание всегда объективируется лингвосемиотическими опосредователями, среди которых могут быть не только языковые знаки, но и другие знаковые средства передачи информации.

О.В. Литвяк подчеркивает, что термин «языковое сознание» является абсолютно идентичным такому понятию, как «знаковая функция языковой единицы». В состав данного понятия обязательно должно входить изучение текущих реалий языка, которые могут компилировать данные во время процесса общения. Такая характерная черта репрезентирует как определенная взаимосвязь языка с когнитивным механизмом и его логикой и как уникальная черта, позволяющая обозначить огромное многообразие объективного мира [2, с. 9].

Некоторые лингвисты при определении языкового сознания выделяют ряд аспектов так или иначе связанных с языком. Так, А.Н. Портнов одним из таких аспектов признает дифференциацию *языкового* и *речевого сознания*, связанную с иерархией значений и операций в языке, с механизмами построения и понимания высказываний, текстов, с рефлексией над семантикой, синтактикой и прагматикой как основными семиотическими измерениями [4, с. 48-49].

И.А. Стернин, признавая, что речевая деятельность является составной частью более широкой – коммуникативной деятельности, проводит разграничение *языкового*, *когнитивного* и *коммуникативного сознания*. Исходя из этого, языковое сознание лингвист трактует как компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека и представляющий собой один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности, как оперирование речью, а коммуникативное сознание как совокупность знаний и механизмов, обеспечивающих всю коммуникативную деятельность человека [6, с. 8-9].

Подтверждая коммуникативный характер языкового сознания, Е.С. Никитина отмечает и его этнокультурную вариативность, говоря о том, что при исследовании языкового сознания личности, необходимо иметь в виду те особенности речевого поведения индивидуума, которые определяются коммуникативной ситуацией, его языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, полом, возрастом, психологическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности [3, с. 16].

Безусловно, язык и культура, являясь видами человеческой деятельности, не только онтологически между собой связаны, но и могут рассматриваться как взаимообусловленные двуединства одного целого – сознания. Поэтому, на наш взгляд, правомерно говорить о том, что сознание человека в целом и языковое сознание в частности всегда этнически обусловлены. Благодаря языку осуществляется преемственность человеческой культуры, происходит накопление, усвоение и передача опыта, полученного предшествующими поколениями. Язык формирует человека, определяет его миропонимание, образ жизни, менталитет, национальный характер, идеологию. Поэтому деятельность, культурные факты и их вербальные репрезентации представляют собой возможность анализировать сознание и личность не только отдельного человека, но и целого этноса посредством словесных знаков с включенной в них национально-культурной информацией.

Следует отметить, что в последнее время особенно актуальным стало выделение этнокультурного компонента в языковом сознании, что обусловлено современной ситуацией глобализации, социальных катаклизмов и взаимовлияния языковых культур. Безусловно, все эти процессы не могут не накладывать свой отпечаток на языковое сознание как индивида, так и целого этноса, когда и так подвижная по своей природе структура языкового сознания, может утрачивать свою однородность и приобретать различные инварианты, направленные на идеалы и нормы определенных социальных групп, возникающих в современном мире. В этом случае наиболее эффективным будет

изучение языкового сознания, исходя из его онтологии за счет сравнения и сопоставления с характерными чертами исследуемых этнокультур. И здесь наибольшую актуальность, на наш взгляд, приобретает междисциплинарный подход, который позволяет использовать методики и результаты, как лингвистики, так и других смежных с ней наук, и в полном объеме исследовать языковые средства как репрезентанты языкового сознания, «обеспечивающие доступ ко всему богатству многостороннего опыта человека» [1, с. 139].

Список литературы

1. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 561 с.
2. Литвяк О.В. Ценностно-смысловое пространство художественного текста: лингвокогнитивное измерение: монография / О.В. Литвяк, О.П. Давыдова. – Симферополь, ИТ «АРИАЛ», 2019. – 176 с.
3. Никитина Е.С. Проблема сознания в психологии (исторический аспект) // Язык и сознание: парадоксальная рациональность, М.: Институт языкознания РАН, 1993, с. 35-50.
4. Портнов А.Н. Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX-XX веков: методолгический анализ основных направлений исследования: Автореф.дис....д-ра филос. наук. – Иваново, 1998 .
5. Потебня А.А. Мысль и язык, Харьков, 1892. – 228 с.
6. Стернин И.А. Коммуникативное и языковое сознание // Язык и национальное сознание. Вып.4. – Воронеж: Истоки, 2002. – С. 4-14.
7. Черепанов И.В. Аналитическая философия сознания: учебное пособие. - Новосибирский государственный технический университет. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. – 106 с.

Сведения об авторе:

Сапиева Саида Казбековна; кандидат филологических наук, доцент, Адыгейский государственный университет, 385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Гайдара 119, кв.34; atika16@yandex.ru; +9034651635.

Sapieva Saida Kazbekovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Maykop State University, Gaydara st., 119, 34; Maykop, 385000, Russian Federation; atika16@yandex.ru; +9034651635.

РАЗДЕЛ №6: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81-119

ТЕКСТЫ СМИ КАК ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО МЕДИАДИСКУРСА)

Азарова И.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

***Аннотация:** В статье на основе проведённого анализа делается вывод о том, что даже тексты, размещённые в СМИ под рубрикой "Культура. Искусство", за счёт использования различных языковых манипулятивных средств и приёмов в комбинации с тщательно отобранным визуальным иллюстративным материалом, приобретают характерные черты, превращающие их в оружие информационно-психологической войны, нацеленное на создание и поддержание выгодного адресанту негативного образа мишени манипуляции в глазах адресата.*

***Ключевые слова:** информационно-психологическая война, лингвистика информационно-психологической войны, оружие информационно-психологической войны, дискурс-анализ, манипулятивные приёмы, тексты СМИ.*

***Abstract:** Based on the analysis, the article concludes that even the texts published in the media under the heading "Culture. Art", due to the use of various linguistic manipulative means and techniques in combination with carefully selected visual illustrative material, acquire characteristic features that turn them into a weapon of information and psychological warfare aimed at creating and maintaining a negative image of the target of manipulation in the eyes of the addressee.*

***Key words:** information and psychological warfare, linguistics of information and psychological warfare, weapons of information and psychological warfare, discourse analysis, manipulative techniques, media texts*

Проблема манипулятивного воздействия современных СМИ на сознание и поведение индивида последние два десятилетия находится в фокусе пристального внимания представителей различных научных дисциплин. В лингвистике такого рода исследования изначально велись в рамках политической и медиалингвистики. По мере накопления данных о противоборстве в информационном пространстве, возникла необходимость отдельного, более тщательного исследования всех аспектов такого феномена как информационно-психологическая война (ИПВ), под которой понимается "противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путём намеренного, прежде всего речевого, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством мер информационно-психологической защиты от такого противодействия" [9, с.43]. Многие учёные заговорили о необходимости выделения лингвистики ИПВ в отдельное научное направление [6, с. 106]. С.Л. Кушнерук и А.П. Чудинов, анализируя публикации общероссийской электронной библиотеки Elibrary (<https://elibrary.ru/>) за 2003-2018 гг., посвящённые разным аспектам манипуляционного воздействия, отмечают, что несмотря на "методологическую неоднородность и терминологическую вариативность", представляется возможным сформулировать ряд положений, характеризующих новое направление - лингвистику ИПВ, объектом которой в самом общем виде можно признать "использование языка как средства ведения информационно-психологических войн" [5, с. 107]. Сам феномен ИПВ является по сути дискурсивным, ненормативным конструктом, "наличие которого осознаётся в результате конструирования медиареальности" [5, с. 108].

Любая война ведётся с помощью оружия. На сегодняшний день нет единых чётких критериев отнесения речевого произведения к оружию информационного противоборства [6, с. 16]. А.А. Бернацкая, например, обосновывая допустимость и целесообразность анализа художественного текста в контексте информационно-психологической войны [2], выделяет

следующие признаки, позволяющие классифицировать текст как оружие ИПВ: "степень идеологической ангажированности", "стабильно негативный вектор оценочности по отношению к основным объектам и мишеням манипулятивного воздействия" с учетом широкого исторического и социокультурного контекста создания речевого произведения [2, с. 71-72].

Для выявления данных признаков в отношении текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации, вполне применим метод дискурс-анализа, который, по мнению Г.С. Мельник и Б.Я. Мисонжникова, объединяя в себе различные аналитические методы герменевтики, "предполагает рассмотрение процессов текстопостроения, осуществляемых в определённых общественных, политических и культурно-исторических ситуациях" и "даёт возможность в русле прагмалингвистики выявить многие закономерности текстообразования и воздействия текста на аудиторию, в реализации аспектов лингвистической семантики, в частности - специфику проявления пресуппозиции в конкретных авторских высказываниях" [7, с. 101-102]. Такой подход представляется обоснованным, поскольку на сегодняшний день практически все печатные СМИ имеют онлайн версии своих изданий и за счёт использования различных визуальных и аудио средств, предоставляемых возможностями интернета и способствующих созданию различных ментальных картин и образов, тексты СМИ в их онлайн версии становятся поликодовыми, полисемиотическими единицами, манипулятивный и пропагандистский потенциал воздействия которых значительно увеличивается, а их анализ выходит за рамки исследования только вербальной составляющей [7, с. 101; 8, с. 115].

Если анализировать тексты СМИ, функционирующие в немецкоязычном медиадискурсе, можно сделать вывод, что они активно используются как информационное оружие, направленное против нашей страны. Формирование негативного, агрессивного, враждебного образа России в общественном сознании стало уже мейнстримом, которого придерживаются практически все солидные издания, позиционирующие себя однако как беспристрастные СМИ,

нацеленные на качественную аналитическую журналистику [7;1]. При этом, даже тексты статей, размещённые под рубрикой "Культура. Искусство", содержат в себе явную ангажированность и пропагандистский потенциал.

Рассмотрим кратко публикацию в онлайн версии одной из немецких газет "Die Welt" (<https://www.welt.de/>) "In Russland stirbt die Kunst", опубликованную 06.11.2019 г. (перевод с русского - Beate Rausch) [10]. Автор - российский писатель В. Ерофеев, чьи материалы достаточно часто и охотно печатаются различными немецкими изданиями, известен своими резкими неоднозначными высказываниями не только в адрес общественно-политического устройства современной России, но и в адрес русского народа. Литературное творчество В. Ерофеева знакомо и немецкой читающей публике, многие его произведения переведены на немецкий язык. В конце статьи, в краткой справке о личности автора о нём пишут как об "одном из важнейших писателей современной России". Таким образом, используются распространённые манипулятивные приёмы "апелляция к авторитету", "репортаж с места событий": личность автора, его бэкграунд должны свидетельствовать о его глубоком знании темы "изнутри" и внушить читателям доверие к его "экспертным" словам и оценкам.

Примечательно, что оригинальный авторский текст на русском языке был опубликован 28.20.2019 г. в электронном журнале "Сноб" (<https://snob.ru/>) под достаточно нейтральным названием "1917, 1931, 2019. Почему искусство заканчивается" [4]. То есть, использованная переводческая трансформация - "In Russland stirbt die Kunst", при помощи которой переводчик пытается выразить средствами языка перевода мыслительное содержание текста оригинала в необходимом объеме, с одной стороны, призвана привлечь внимание читателя, с другой стороны, превращается в данном контексте в элемент манипуляции. Если внимательно прочитав адрес ссылки - <https://www.welt.de/kultur/kunst/plus203042984/Viktor-Jerofejew-Russland-toetet-die-Kunst.html>, можно обнаружить интересную деталь. В отличие от предложения заголовка, в котором объектом выступает существительное "die Kunst", в адресе ссылке "die Kunst" превращается в субъекта действия "России",

которая его "убивает": "Russland tötet die Kunst". Сразу становится понятно, что речь пойдет отнюдь не о собственно творческих проблемах российской культуры, не о "кризисе жанров". Читателя ожидает очередное повествование об агрессивных действиях России, теперь уже против своих деятелей искусства. Эта тема поддерживается и "заглавной" фотографией, которая отсутствует в оригинальном тексте: на фотографии изображен обнаженный мужчина в коконе из колючей проволоки. Этот перформанс 2013 года скандально известного "художника" Петра Павленского преподносится, судя по подписи внизу, как "символическая картина жизни в современной России". Использование такого яркого визуального образа задаёт вектор и тон дальнейшего повествования. У читателей не должно остаться сомнений в том, что Россия - полицейское государство, жёстко ограничивающее свободу своих граждан.

Далее автор рассуждает о "достижениях" новейшего российского "готового к жертвам", "на грани самосожжения" искусства, относя к ним творчество "самых радикальных художников нашего времени, известных и в Европе" П. Павленского, групп Pussy Riot, Woina, Blue Noses, называя их творчество "искусством нового авангарда". Словосочетание "новый авангард" активизирует в сознании образованных читателей, которые и заглядывают в рубрику "Культура. Искусство", их знания об истории искусства русского авангарда конца 19-го начала 20-го века, оказавшего огромное влияние на мировую и, в том числе, на немецкую культуру. Таким образом автор придает значимости "полным откровенных провокаций" работам - "кураца, вылезающая из вагины", "разведённый Литейный мост длинною в хороший член", поднимает их до высот достижений русских художников-авангардистов, с восторгом восклицая: "Всё это нравится, нравится, нравится. Всё это хорошо".

Особого упоминания заслуживает употребление автором местоимения множественного числа "мы", которое традиционно входит в разнообразные приёмы языковой демагогии и активно используется в манипулятивном дискурсе [3]. Так, по мнению И.Ю. Граневой, манипулятивный и демагогический потенциал использования местоимения "мы" заключается в

том, что оно "эксплуатирует важную общечеловеческую идею кооперативности, представление о фундаментальной общности людей в целом и о важных для человека объединениях людей по национальному, родовому, семейному и другому признаку" [3, с. 18]. В начале анализируемой статьи местоимение "мы" употреблено как отличительный знак принадлежности к узкому кругу "нормальных людей", ценителей "смелого и бескомпромиссного творчества" - "мы все (нормальные люди)". Активируя таким образом оппозицию "мы - они", "свой - чужой", автор противопоставляет "нормальных людей" "другим", "ненормальным", которые это творчество "вовсе не считали искусством". В конце статьи местоимение "мы", не теряя своего манипулятивного потенциала, обретает другие семантические характеристики : "мы сделали из своей жизни такой спектакль", "мы придумали головокружительную предвыборную карусель", "мы готовы со всей серьёзностью обсуждать общий запрет театров и человеческую честность наших режиссёров", "мы приплыли в Африку с рации и ракетами", "вокруг нас нет никаких стран-союзников". В данном случае автор подчёркивает свою принадлежность к определённому национально-культурному сообществу и признаёт за собой право рассуждать и давать оценки от лица всех русских. Кроме того, происходит вовлечение адресата (незаметное для него) в "модальные рамки" автора и навязывание адресату авторского видения действительности [3].

Продолжая мысль о "бунтарском", "храбром", "бескомпромиссном" современном искусстве, автор утверждает, что оно уже является "уходящей натурой", оно трансформировалось в нечто традиционное. Причину "традиционализации" современного искусства в России автор видит в том, что "жизнь снова стала более захватывающей, чем любая фантазия", "время имеет более сильные образы". И это, по мнению автора, не первый случай, когда "в России жизнь перекрывает искусство", когда искусство "затихло", "литература перестала существовать", а "в реальной жизни идёт напролом живое и мёртвое мракобесие". Жизнь в современной России это, по мнению автора, "триумф

произвола". Сравнивая нынешнее положение дел в России со "смадом" и "дымом" из "политического крематория", автор практически перечисляет темы, которые уже давно и прочно стоят в верхних строчках списка предпочтительных и желательных для редакций немецких СМИ тем, и которые уже давно связаны в западном медиадискурсе со стереотипным восприятием России [1]: полицейский произвол, пытки, судебные разбирательства, приговоры, протесты и массовые беспорядки, махинации на выборах, операции российских частных армий на Украине, в Сирии, в Африке, "белорусские устрицы" и другие санкционные продукты, пожары в лесах Сибири, "театральный запрет (дело Кирилла Серебренникова)".

В. Ерофеев, конечно, является мастером слова, поэтому текст характеризуется обилием эмоционально-окрашенной лексики (в том числе с негативной семантикой и семантикой активного агрессивного действия), множеством ярких образных сравнений, аллюзий, метафор, которые в совокупности провоцируют необходимую автору эмоциональную реакцию аудитории, стимулируют образное мышление, способствуют созданию ярких картин, надолго закрепляющихся в памяти реципиентов.

Еще один приём, в силу своей высокой эмотивности и эмфатичности, давно признанный удачным приёмом манипулятивного воздействия на уровне синтаксиса - риторические вопросы. В конце текста мы видим целую серию риторических вопросов, в которых снова употребляется местоимение "мы", включающее адресата в систему ценностей и приоритетов автора: "Какое искусство нам теперь нужно?", "Когда мы вернёмся к (...) надеждам?", "Кто будут эти "мы", что с "нами" станется?". Не давая ответов на поставленные вопросы, автор навязывает адресату свои собственные ощущения безысходности, отчаяния и бессилия, свое чувство отсутствия перспектив для деятелей искусств и для всех "нормальных" людей в России. Эти вопросы, как открытый финал, оставляют читателя наедине с теми негативными образами, которые были сформированы в его сознании во время чтения текста.

Безусловно, данный текст отражает авторский взгляд и личное отношение В. Ерофеева к общественно-политической ситуации в России и к ситуации, сложившейся в современном российском искусстве. Изначально текст был написан на русском языке и для русского читателя. И как каждый авторский текст он имеет большой интерпретационный потенциал в силу своей многозначности. Однако появление этого материала на страницах авторитетного немецкого общенационального издания с учетом применённых переводческих трансформаций и тщательно отобранного иллюстративного материала (отсутствующего в оригинале), во-первых, вписывается в общий мейнстрим западного медиадискурса и в редакционную политику "Die Welt", а во-вторых, превращает авторский текст, авторское эссе в идеологически ангажированное произведение, в оружие манипулирования сознанием и мнением образованной части немецкой аудитории, интересующейся искусством. В тексте преобладает негативный вектор оценочности по отношению к России - объекту манипулятивного воздействия. С помощью такого рода текстов СМИ создаётся и поддерживается выгодный редакции издания образ современной России - отвратительное, смердящее общество, агрессивная, нетолерантная страна, где нет места современному прогрессивному искусству. Такой образ России, к сожалению, культивируется в немецком медиадискурсе, в котором развязана информационно-психологическая война против нашей страны.

Список литературы

1. Азарова, И. В. Языковые средства формирования образа России в контексте чемпионата мира по футболу 2018 года (по материалам немецкоязычных СМИ) [Электронный ресурс] / И. В. Азарова // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Орёл, 28 марта 2019 года. – Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,

2019. – С. 12-25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38075561> (дата обращения: 02.08.2021)

2. Бернацкая А.А. О легитимности анализа художественного текста в аспекте информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. - 2018. - № 3. - С. 67–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-legitimnosti-analiza-hudozhestvennogo-teksta-v-aspekte-informatsionno-psiologicheskoy-voyny> (дата обращения: 02.08.2021).

3. Гранева И. Ю. Местоимение "мы" в аспекте проблемы языкового манипулирования сознанием [Электронный ресурс] / И. Ю. Гранева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 2-2. – С. 16-19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11686717> (дата обращения: 02.08.2021)

4. Ерофеев В. 1917, 1931, 2019. Почему искусство заканчивается. [Электронный ресурс] // Сноб. 28.10.2019. URL: <https://snob.ru/entry/184477/> (дата обращения: 31.07.2021)

5. Кушнерук С.Л., Чудинов А.П. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неопределённость и первые результаты [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. - 2019. - №4 (1). - С.105-118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41879338> (дата обращения: 02.08..2021).

6. Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. I : монография [Электронный ресурс] / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова, Г.А. Копнина; ред. А.П. Сквородников .— Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017 .— 341 с. : ил. — Авт. указаны на обороте тит. л.; Библиогр.: С. 310-337 .— ISBN 978-5-7638-3688-2 (кн. 1) .— ISBN 978-5-7638-3739-1 .— URL: <https://rucont.ru/efd/664672> (дата обращения: 02.08.2021)

7. Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я. Лингвистические приёмы антироссийской пропаганды - новый тренд массмедиа Германии [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. - 2020. - Т.15, №5. - С. 99-109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-priyomy-antirossiyskoy-propagandy->

novyy-trend-massmedia-germanii (дата обращения: 02.08.2021).

8. Патюкова, Р. В. Методы и приёмы языкового манипулирования в текстах СМИ [Электронный ресурс] / Р. В. Патюкова, Н. Н. Оломская // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – Т. 1. – № 4(33). – С. 112-118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44239964> (дата обращения: 02.08.2021).

9. Сковородников А.П, Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. - 2016. - №1(55). - С. 42-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-informatsionno-psihologicheskoy-voyny-k-obosnovaniyu-i-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 02.08.2021)

10. Jerofejew V. In Russland stirbt die Kunst // WELT- Aktuelle Nachrichten, News, Hintergründe & Videos. - 06.11.2019. URL: <https://www.welt.de/kultur/kunst/plus203042984/Viktor-Jerofejew-Russland-toetet-die-Kunst.html> (дата обращения: 31.07.2021)

Сведения об авторе:

Азарова Ирина Владимировна; старший преподаватель кафедры немецкого языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; azarrina@yandex.ru; +7(920)809-80-00.

Azarova Irina Vladimirovna; Senior Lecturer of the Department of German, Oryol State University named after I.S. Turgenev, 95 Komsomolskaya str., Oryol, 302028, Russian Federation; azarrina@yandex.ru; +7(920)809-80-00.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КОММУНИКАТИВНОГО
СОБЫТИЯ В НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

Долгова Е.В.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

Кравцова А.А.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орёл, Россия

Аннотация: В данной статье предпринята попытка проанализировать особенности освещения Игр в зарубежных и отечественных медиа. Авторы приводят определение лингвистического образа и коммуникативного события. Проводится анализ освещения Олимпиады Токио-2020 как главного эпизода новостного дискурса, представленного англоязычными и национальными Интернет-СМИ.

Ключевые слова: медиакommunikация, новостной дискурс, образ, коммуникативное событие.

Abstract: This article attempts to analyze the features of the coverage of the Games in foreign and domestic media. The authors provide a definition of a linguistic image and a communicative event. The article analyzes the coverage of the Tokyo 2020 Olympics as the main episode of the news discourse presented by English-speaking and national Internet media.

Key words: media communication, news discourse, linguistic image, communicative event.

Олимпиада Токио-2020 является глобальным международным событием, привлекающим внимание болельщиков всего мира, которое выходит за рамки профессиональной спортивной журналистики и масштабно освещается не

только спортивными каналами, но и посредством социальных сетей, веб-сайтов, Интернет-СМИ.

Олимпиада трансформировалась из спортивного события в некий особенный медиафеномен, неотъемлемой частью которого стало изменение параметров традиционного журналистского жанрообразования и содержания. Это производство особого типа контента, который не только удовлетворяет потребность в получении спортивных новостей, но и формирует общественное мнение, даёт повод для рассмотрения данного коммуникативного события в рамках международных экономических, политических, социальных отношений. Олимпийские события широко освещаются в новостном дискурсе международных и национальных информационных агентств, причем данному медиаконтенту отводится отдельная тематическая рубрика, наряду с COVID-19.

Несмотря на обширный информационный поток, транслирующий олимпийские события разных лет, доля конкретных исследований, которые объединили бы накопленные знания в лингвистической области, относительно невелика. В данной статье предпринята попытка рассмотреть образ Олимпиады Токио-2020 как коммуникативного события в рамках его представления в новостном дискурсе электронных Интернет-СМИ.

Воздействующий потенциал новости позволяет инициировать дальнейшую коммуникацию, трансформируя презентуемые смыслы в такую категорию, как образ, формируемый в сознании реципиента.

Лингвистический образ представляет собой абстрактное понятие, которое находит реальное воплощение в языке и речи. Материальную основу лингвистического образа формируют языковые единицы различных уровней [1, с. 352]. Кроме знаменательного слова лингвистический образ может быть выражен словосочетанием, предложением, сверхфразовым единством, а также отдельным отрывком или целым текстом «посредством семантических контактов слов с содержанием отдельных отрывков текста» [5, с. 25].

Указывая на тесную связь образа с дискурсом, американский коммуникативист Рон Полборн пишет, что с помощью слова человек постоянно

выражает и действительность, и мнимость, что при малых затратах даёт большой эффект, позволяя манипулировать смыслами, оправдывать, обвинять и т.п. [4, с. 8].

В лингвистическом же отношении важным представляется определение образа, которое предлагает Л.А. Шестак, исследовавшая образ как языковую сущность. «Языковой образ есть сближённый, наложенный, амальгамированный или поэлементно выраженный функционированным знаком смысл видения одной картины через абрис-гештальт другой». [6, с. 269].

Продолжая мысль о взаимосвязи образа и дискурса, нельзя не выделить такое понятие, как коммуникативное событие (коммуникативная ситуация), которое зачастую отождествляется с многозначным понятием дискурс, хотя взаимозаменяемыми их назвать можно лишь при определенных обстоятельствах. Необходимым условием существования дискурса является коммуникативное событие, целью дискурса служит реализация данного коммуникативного события в речи. Наиболее четкое и емкое определение коммуникативному событию дает И. Н. Борисова, понимая событие как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [2, с. 13]. Современная лингвистика связывает процесс коммуникации с понятием дискурса, а, следовательно, с тем или иным коммуникативным событием. Отличительной особенностью современности является широкое распространение и использование коммуникационных технологий, которое привело к изменению самого значения понятия коммуникация. Появилось новое информационное пространство, организованное с помощью СМИ. Л. В. Матвеевой было введено понятие «феномен разорванной коммуникации», отличительной чертой которого является то, что интересы и потребности собственников СМИ и целевой аудитории могут принципиально не совпадать [3, с.121].

Исследование определенного коммуникативного события в медиа лингвистике имеет свои отличительные черты. Прежде всего, в медиа

пространстве отсутствует персональная адресность, коммуникация имеет всевременной характер, общение может происходить в различных форматах.

Образ Олимпиады Токио-2020 как главный эпизод новостного дискурса, представленный в Интернет-СМИ, определенным образом влияет на социальную реальность, вносит изменения в жизнь общества, реципиент выстраивает свое отношение к событию, исходя из полученной информации, зачастую интерпретированной автором.

В этой связи привлекает внимание анализ освещения Олимпиады Токио-2020 англоязычными и национальными Интернет-СМИ. Британский новостной медиа-сайт The Guardian, британская общественная служба новостей BBC уделили большое внимания описанию олимпийских событий, обладая при этом широкой «зоной охвата» аудитории в силу большой посещаемости сайтов данных СМИ в Интернете. Следует отметить, что при освещении непосредственно спортивной составляющей коммуникативного события преобладают тексты с позитивной тональностью, о чём свидетельствует достаточно солидный объем лексики с положительными эмоциональными и экспрессивными коннотациями. Напр.: *heartening performances*, *an entertaining lap of honour*, *successive gold*, *the highest-scoring player*, *the most successful Olympian*, *the all-time most successful gymnast*, *the biggest challenge*, *the favourites for the one lap sprint*, *a bumper morning of medal action*, *incredible role models in society for sport*, *performances of soul and glow*.

Эмоции, чувства и усилия спортсменов описываются посредством широкой палитры метафор, создающих образ жёсткой конкуренции, честной спортивной борьбы и горечи поражений. В частности: *survived a scare*, *a tearful interview*, *to break the Olympic record*, *to smash the world record*, *to dug deep to overpower*, *beaming as they climbed to the highest step of the podium*.

Наряду с этим, подчеркнем, что медиаконтент, отражающий условия проведения и организации, статус Олимпийских Игр, мозаичен, фрагментарен и далеко неоднозначен. Например, в представлении Токио как страны-хозяйки Олимпиады используются эпитеты, как с положительной, так и с

отрицательной оценкой: *Tokyo has been a warm, courteous and resourceful host, but also a troubled one. Outside the stadium there were protests in the streets and cries of "No Olympics"*.

Метафорика новостного дискурса, отражающая атмосферу, судейство, обстановку, в которой проводятся Олимпийские Игры, зачастую транслирует отрицательный эмоциональный образ реципиенту. Напр.: *a dangerous time, carrying ruinous losses, going through so much rubbish, weary worn-down people, to deploy sports as ammunition in a cynical culture war, stoke hostility or equate political leanings with athlete performance, the catacombs of sport*.

На освещение события в русскоязычных Интернет-СМИ повлияла политическая атмосфера, преобладавшая в стране и мире к началу Олимпийских игр. Наряду с освещением в отечественных СМИ в Интернете собственно спортивных событий, содержащих минимум эмоциональности и максимум беспристрастности, реципиенту предлагаются оценочные суждения авторов публикаций. Например, в публикациях ИТАР-ТАСС: *она сожалеет, что они прошли без зрителей; казалось, будто флаг России располагается на спине; сенсационно не удалось победить в художественной гимнастике; Синхронистки - просто космос; Украденное золото; Не те художества*.

Скандальность является отличительной чертой ряда публикаций 24СМИ: *медали россиян, завоеванные вопреки; русский допинг, депортация Тимановской и другие скандалы; скандал с судейством выступлений; россиянок засудили*.

Эмоциональность публикаций Интернет-источников РИА-новости Спорт и Russia Today на русском языке оказывает воздействие на восприятие событий читателем: *медали за наглость, многие восприняли эти победы в штыки, возмутила экипировка сборной, акция протеста против Олимпиады, неспортивное поведение на Олимпиаде-2020, Олимпиада-2020 в Токио стала местом политических игр и разборок, Лондонский призрак Исинбаевой*.

Очевидно, что новостной дискурс полифункционален, но основополагающими являются функции информирования и воздействия.

Медиа пространство, являясь по своей природе диалогичным, выступает в роли посредника, организующего представление о мире у потребителя массовой информации, при этом коммуникативная функция сообщений Интернет-СМИ может преобладать над информационной. Коммуникативное событие как один из центральных компонентов коммуникативной ситуации, отражаемой СМИ, как правило, модально окрашено. Оценочность и эмотивность медиа текстов служат факторами воздействия на читателя.

Список литературы

1 Арнольд, И.В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова / И.В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 350–363.

2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: КомКнига, 2005. 320 с.

3. Матвеева, Л.В. Влияние феномена разорванной коммуникации в СМИ на границы информационно-психологической безопасности / Л.В. Матвеева // Вестник Московского университета. – 2007 – № 1 – С. 119–132. – (Сер. 14 Психология).

4. Полборн, Р. Образ и предвкушение / Р. Полборн. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.

5. Федоров, А.А. Современный роман: опыт исследования / А.А. Федоров. – М.: Наука, 1990. – 288 с.

6. Шестак, Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография / Л.А. Шестак. – Волгоград: Перемена, 2003. – 312 с.

Сведения об авторах:

Долгова Елена Викторовна; кандидат филологических наук, сотрудник Академии ФСО, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302015, г. Орёл, ул. Приборостроительная, д. 35; elenadolg76@mail.ru; 89050466156.

Dolgoва Elena Victorovna, PhD (Philology), Staff Member, the Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Priborostroitelnaya st.,35, Oryol 302015, the Russian Federation; elenadolg76@mail.ru; 89050466156.

Кравцова Анастасия Алексеевна; старший преподаватель кафедры иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95;

kravtsovastacy2012@yandex.ru; 89102082864

Kravtsova Anastasiya Alekseevna, senior lecturer, the Oryol State University after I. S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, the Russian Federation; kravtsovastacy2012@yandex.ru; 89102082864.

УДК 81'27:81'42

**РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ
НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА В НОВЫХ МЕДИА (на примере
компьютерных игр Tomb Raider (2013) и The Rise of the Tomb
Raider (2015))**

Иванишин Д.А.

*Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация: в данной статье проводится анализ того, как стереотипный негативный образ может формироваться посредством ситуации или же контекста, наряду, а то и в большей степени, чем сугубо лингвистическими средствами, в таких новых медиа как компьютерные игры.

Ключевые слова: контекстуальное речевое воздействие, стереотипизация, формирование негативного образа, новые медиа, компьютерные игры.

Abstract: the article analyzes how a negative stereotype can be formed contextually in the same or even greater degree than by direct linguistic means in such new media as computer games.

Key words: contextual persuasion, stereotypization, image-building, new media, computer games.

В современном цифровизированном и компьютеризированном мире всё большее распространение, а значит, и влияние приобретают так называемые новые медиа. Термин новые медиа (англ. *new media*) появился в конце XX века для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации для обозначения отличий от традиционных средств массовой информации. Как правило, под термином новые медиа понимаются цифровые и сетевые технологии и коммуникации. Помимо традиционных медиа, переведённых в онлайн-формат, к новым медиа относят также любые интернет-сервисы и компьютерные программы, видеоигры и сетевые базы данных. [5]

Одним из ключевых характеристик новых медиа в целом и компьютерных игр в частности является интерактивность. Так, Л.Манович отмечает важную роль действий и активности пользователя для конструирования смыслов в процессе манипуляции объектами новых медиа [8]. Интерактивность означает способность цифровой системы реагировать на действия пользователя, в результате которых происходят трансформации визуальных и/или аудиальных компонентов новых медиа, что обеспечивает большую вовлеченность пользователя и, как следствие, более быстрое и лучшее усвоение информации. Однако, «опыт, получаемый пользователями от взаимодействия с компьютерными программами, от обмена информацией в социальных сетях, от выполнения игровых миссий в компьютерных играх не ограничен лишь эмоциональным или интеллектуальным взаимодействием. Этот опыт, прежде всего – опыт физического взаимодействия, в котором участвует всё тело пользователя. То есть, «новые медиа» задействуют не только аудиальный и визуальный каналы передачи информации. Они также способствуют генерации тактильного и кинестетического опыта пользователя» [5].

Учитывая всё это, встаёт вопрос о том, какая именно информация усваивается в процессе взаимодействия пользователя и новых медиа. Принимая

во внимание, что ряд компьютерных игр позволяет почувствовать себя совершенно другим, более привлекательным, бесстрашным, мужественным, чем в реальности человеком, пользователь начинает невольно смотреть на мир взглядом игрового персонажа [7]. Игровой персонаж начинает формировать мышление и мировоззрение пользователя, что подводит нас к очень важному вопросу: какие именно образы могут формироваться посредством такого взаимодействия.

Так как компьютерные игры относятся к медиа, логично предположить, что как и традиционные медиа, они могут выполнять все те же функции, включая оказание речевого воздействия и формирование как позитивного, так и негативного стереотипизированного образа. Под речевым воздействием обычно понимается воздействие на поведение, установки, оценки индивида и/или группы лиц средствами языка. Оно изучается как комплексное явление, как взаимодействие языковых и социальных феноменов в связке «язык-общество». Речевое воздействие рассматривается в современных научных концепциях об эффективном речевом общении, а также как одно из средств осуществления власти в обществе [2, 3, 4].

Учитывая, что каждый образ связан с языком, их формирование может быть отслежено путём лингвистических исследований. Как отмечает А.В. Кирилина, «при лингвистическом исследовании внимание обращено на особенности языковой системы, на всё многообразие форм и условий коммуникации, на то, какими средствами располагает язык для конструирования идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и типах дискурса и с какой интенсивностью совершается конструирование, какие экстра- и интралингвистические факторы воздействуют на этот процесс» [6].

Образы, как и стереотипы могут анализироваться с точки зрения трёх разных составляющих языковой структуры [1]:

10. с точки зрения использования конкретных лексических средств (речь может идти о метафоре, употреблении оценочной лексики, употреблении иноязычного слова, оксюморона, обыгрывании идиом),

11. с точки зрения использования определённых грамматических конструкций (можно говорить об использовании противопоставлений, повторов, обыгрывании прецедентных фраз),

12. с точки зрения собственно дискурсивных приемов – как на уровне микро-, так и на уровне макроструктуры дискурса.

На уровне текста можно выделить следующие стратегии оформления образов и стереотипов, связанные с семантикой развернутых элементов или организацией текста [1]:

1) определённые вкрапления в структуру нарратива («лишние» элементы с точки зрения связности повествования и экономии средств);

2) ирония;

3) приём парадокса/эффекта обманутых ожиданий (например, когда конец статьи противоречит началу);

4) ситуация, когда выражение мнения о другой лингвокультурной группе невольно раскрывает ситуацию в «своей» лингвокультуре;

5) косвенная подача стереотипа: подбор ситуации, которая являлась бы иллюстрацией того или иного стереотипа (подача стереотипа без слов).

В этой связи интересным будет пример серии компьютерных игр Tomb Raider (2013 и 2015 года выпуска), в первой части которой главная героиня Лара Крофт и её команда исследователей попадают после кораблекрушения на затерянный остров Ямагай, где встречаются с жестокими и бесчеловечными членами Братства Солнца, а в продолжении игры 2015 года Лара Крофт борется с тайным Орденом Троицы, преследующим свои тайные цели ещё с древних времен. Примечательным является то, что и члены Братства Солнца и Ордена Троицы в большинстве своём носят русские имена, такие как, Николай, Владимир, Дмитрий и т.д. Действия их в процессе игры как правило жестоки и беспощадны, члены данных обществ готовы пойти на убийство и фанатичны в достижении своих целей. И хотя нигде напрямую не говорится, что они русские, имена и военная техника, которую они используют, говорят об их национальной принадлежности, а контекст и модус поведения, который им свойственен в игре,

создают образ русских как агрессивных и фанатичных убийц, членов обособленного тайного общества, готовых пойти на крайние меры ради достижения своих «чёрных» целей. Учитывая, что здесь почти не задействованы сугубо лингвистические средства, кроме номинации посредством имен собственных и визуальных составляющих игр, можно говорить о косвенном создании образа с помощью контекста, ситуации, в которой оперируют персонажи, и их действий.

Однако, лингвистические, в частности лексико-грамматические средства также дополняют картину. Одним из элементов игры является поиск и обнаружение затерянных документов, в которых те или иные персонажи рассказывают игроку о себе и о мире, в котором они находятся. Рассмотрим несколько таких документов: *«Нас когда на эту скалу выбросило, так кроме дождя-ветра, мы ничего много дней и не видали там. Мы натурально даже шевельнуться не могли, не то что там шалаши построить или еду добыть. Нас как будто силой какой в землю впечатало. Потом уже, когда буря стихла, отец Матиас пришёл. Ну, спокойный такой, ласковый. Вроде бы он уже всё про нас знал там — имена там, откуда мы, чё... Главное, на нашем языке разговаривал. Ну, рассказал всё об этом острове, а в конце выбор предложил. Говорит: короче, пацаны, или спасение, или... смерть. Ну, кое-кто отказался там. Он вообще долго не думал, он взял и убил их тут же. Отец Матиас — он вообще, он решительный... он спокойный такой — я никогда не видал, чтоб он понты дешёвые кидал. Ну вот я когда стоял на песке, а он такой... в крови весь, пропитался, в общем, я тогда решил — пойду за ним до конца».* Комментарий главной героини после прочтения данного документа: *«Дневник ещё одного обитателя острова по имени Николай. Здесь упомянут некий отец Матиас. Неужели это тот самый человек?»* Здесь мы видим, что воздействие на игрока ведётся несколькими способами. По имени мы видим, что персонаж русский — Николай. На лексическом уровне мы видим определенную прилагательность и отсутствие интеллигентности, что видно за счёт выражений с определённой коннотацией («понты дешёвые кидать», «натурально»),

сокращенного, разговорного вариант слов, свойственных менее культурной прослойке населения («чё»), паузы в предложениях и повторы, как будто он подбирает слова и не всегда может сразу сформулировать мысль («он вообще, он решительный... он спокойный такой»). Контекстуально мы видим, что он восхищается жестоким человеком и принимает решение пойти за ним и присоединиться к его Братству. Следующий документ от лица Николая укрепляет игрока в мыслях о жестокости, недалекости и опасности людей из Братства: *«Короче, непонятно, чем это всё закончится, но я теперь с отцом Матиасом. Ну, а чё — если мы тут навсегда, надо как-то устроиваться, да? Он меня первым братом называет... Вообще-то Матиас с головой не дружит, да, это понятно, но вот чего не отнять — он умный, он опасный. И он об острове всё знает. Если удастся отсюда свалить, то вот это точняк только с его подачи. Ну, так чё, мы как бы довольны: еда есть, оружие есть. Чё шторм на берег вынес — наше. Насчёт новых если пассажиров надо порешать — тоже мы... Хотя чё там решать — кто не согласен, того в расход. Короче, мы здесь хозяева»*. Комментарий главной героини: *«Секта Матиаса, эти братья Солнца... одержимые жаждой власти. Этот остров стал для них тюрьмой. Они опасны.»* В данном случае игроку уже напрямую говорят об опасности членов братства. На лексическом уровне количество блатных, просторечных, разговорных элементов увеличивается («точняк», «чё», «свалить»), всё так же прослеживается восхищение их лидером и упоение тем, что они там хозяева, так как вольны делать всё, что хотят. В игре 2015 года The Rise of the Tomb Raider оба главных антагониста носят имена Константин и Анна, при этом все положительные персонажи носят англосаксонские имена, что опять же формирует образ русских в негативном ключе: как жестоких, недалёких, жаждущих власти и господства, готовых пойти на убийство ради достижения цели.

Все эти примеры показывают, что как прямыми, так и косвенными — контекстуальными - средствами новые медиа (в данном случае компьютерные игры) могут формировать яркий, но ложный и негативный стереотипный образ,

который в силу интерактивности новых медиа может оказывать большее влияние на сознание получателя информации, чем посредством традиционных медиа.

Список литературы:

1. Бергельсон М.Б., Некрасова А.Е. Лингвистический анализ стереотипов: баланс между текстом и смыслом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Т. 9. Вып. 16. - М.: РГГУ. 2010. - с. 30 — 35.

4) Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - с.88 — 125.

5) Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - с.44 — 87.

6) Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. - М.: Либроком, 2013. - 344 с.

7) Деникин А.А. О некоторых особенностях Новых медиа // Художественная культура. - № 4 (13). - 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа [<http://artculturestudies.sias.ru/2014-4/yazyki/3642.html>]

8) Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 1999. — 189 с.

9) Попова Н.М. Компьютерные игры: взгляд психоаналитика. [Электронный ресурс] Режим доступа [<http://psychoanalitiki.ru/computers-games.html>]

10) Manovich L. Post-media Aesthetics // ZKM, Zentrum fur Kunst und Medientechnologie (ed.). DisLocations, - 2001. [Электронный ресурс] Режим доступа [http://manovich.net/content/04-projects/029-post-media-aesthetics/29_article_2001.pdf.]

Сведения об авторе:

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,

302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

Ivanishin Dmitriy Aleksandrovich; Candidate of Philology, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

УДК 070:004.738:316.77

ПРЕВЬЮ КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Ничипорчик Е.В.

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины

г. Гомель, Беларусь

Слушатели внимательно относятся к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному, поэтому следует внушать слушателям, что речь идёт о подобных предметах

(Аристотель)

Аннотация: Статья посвящена анализу знаковых единиц, используемых в превью кулинарных контентов с манипулятивной целью. Определяются когнитивные признаки концепта «Пицца», репрезентация которых в превью обусловлена их связью с мотивационно-потребностной сферой психики потенциального пользователя кулинарного контента. Оценивается валидность выявленных презентем в организации глоттонического дискурса.

Ключевые слова: коммуникация, глоттонический дискурс, кулинарный контент, превью, презентема

Abstract: *The article is devoted to the analysis of sign-oriented units used in preview of culinary contents with a manipulative purpose. The cognitive features of the concept «Food» are determined, the representation of which in the preview is due to their connection with the motivational and need sphere of the psyche of a potential user of culinary content. The validity of the identified presenthemas in the organization of the gluttony discourse is assessed.*

Key words: *communication, gluttony discourse, culinary content, preview, presenthema*

По мнению известного российского ученого М. Л. Макарова, автора целого ряда работ по теории дискурса, любому исследователю необходимо прежде всего «установить систему координат, с помощью которой локализуются объекты исследования» [3, с. 17]. М. Л. Макаров считает, что в противовес старой онтологии, в которой роль таких координат играют пространственно-временные рамки, для дискурсивных изысканий решающее значение имеют не столько физическое время и место феномена общения, хотя и они важны, сколько знание о том, *кто* говорит, *кому*, *как*, *о чем*, *с какой целью* [Там же]. Среда дискурсивных явлений – это в первую очередь социально-психологическое человеческое пространство [Там же], и с этим положением нельзя не согласиться. Очевидно, что содержание коммуникации определяется сферой человеческой деятельности, в которой происходит речевое взаимодействие, ролями общающихся (по определению М. Л. Макарова, это коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли [Там же]), целями коммуникантов, а следовательно, имеет непосредственное отношение к мотивационно-потребностной составляющей человеческой психики. Таким образом, комплексное изучение коммуникации, направленное на создание единой ее теории, не может осуществляться вне соприкосновения с семиосоциопсихологией.

Семиосоциопсихологический аспект исследования коммуникации предполагает изучение человеческого общения как «глубинного социально-

психологического механизма», состоящего «в мотивированном и целенаправленном обмене действиями порождения и интерпретации текстов между социальными субъектами» [2, с. 16]. «Этот универсальный механизм, – пишет основоположник семиосоциопсихологии Т. М. Дридзе, – характеризует знаковое общение как целостный (т. е. не расчлененный на «сферы владения» отдельных дисциплин) объект, один из факторов формирования общественной психологии» [Там же]. Семиосоциопсихологические исследования коммуникации, по Т. М. Дридзе, способствуют пониманию «смысловых механизмов социального взаимодействия людей» [2, с. 47] и объяснению того, как текстовая деятельность, представляя самостоятельно мотивированную и целенаправленную предметную деятельность, в свою очередь влияет на механизмы регуляции социальной деятельности и поведения [Там же].

Из сказанного выше следует, что основными категориями анализа коммуникации в семиосоциопсихологическом аспекте являются понятия «общество», «социальный субъект», «ценность», «потребность», «мотив», «цель», «деятельность», «текст», «смысл».

В качестве основного метода в семиосоциопсихологии предлагается интенциональный (информативно-целевой / мотивационно-целевой) анализ текста. Такой анализ «направлен на “реконструкцию” соотносимой с замыслом общения ориентировочно-деятельностной основы его содержательно-смысловой структуры, на прогнозирование его возможных смысловых интерпретаций» [2, с. 82]. Последовательность применения метода такова: «прежде всего выясняются мотив и цель (точнее – интенция как равнодействующая мотивов и цели) деятельности общения, в которой порождается и интерпретируется текст, а уже затем рассматривается тот материал (тема), на котором этот мотив и эта цель реализуются» [2, с. 82].

Важнейшей категорией для изучения коммуникации в семиосоциопсихологическом аспекте является также категория «воздействия». В социальной психологии принято выделять четыре психологических механизма воздействия на сознание и поведение людей. Это убеждение,

внушение, эмоциональное заражение и подражание [1, с. 53.] Разнообразие механизмов воздействия подразумевает и разнообразие знаковых единиц, выступающих средством воздействия, то есть воздействие может осуществляться не только средствами языка, но и иными средствами осмысленной деятельности человека, наделяемыми знаковой функцией. Неслучайно Т. М. Дридзе при обозначении сформированного ею подхода к изучению текстовой деятельности предпочтение отдает термину «семиосоциопсихологический», а не «лингвосоциопсихологический», так как находит второй термин более узким по значению [2, с. 45].

Инструментарий семиотики, как можно убедиться при изучении тенденций в развитии наук гуманитарного цикла, востребован сегодня не только лингвистами, литературоведами, культурологами, но и социологами, психологами, политологами. Исследователи И. В. Фомин, М. В. Ильин, отвечая на ими же поставленный вопрос «Зачем семиотика политологам?», вслед за Ч. Пирсом, ратуют за то, чтобы именно семиотика (не приватизированная отдельными науками, а «чистая» семиотика, лишенная особенно ощутимой лингвистической «наследственности») использовалась ныне в качестве метанаучного интегратора, объединяющего весь комплекс социально-гуманитарных наук [6, с. 14, 19], и именно семиотика как «обществоведческая математика» способствовала бы полноценному проведению дискурс-анализа – анализа, охватывающего «всю символическую деятельность людей» [6, с. 22, 25].

Опираясь на данные теоретические посылки, охарактеризуем в семиосоциопсихологическом аспекте глоттонический дискурс. Глоттонический (или гастрономический) дискурс, по мнению его исследователей, является одним из наиболее распространенных в социальной коммуникации, но в настоящее время еще мало изучен [4, с. 393; 5, с. 4].

Глоттонический дискурс, как и любой другой дискурс, в который вовлекается массовый реципиент, изобилует презентемами. Согласно презентационной теории дискурса А. В. Олянич, презентема – это «мельчайшая информационная единица воздействия, представляющая собой

сложный лингвосемиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него» [4, с. 213]. Базовый принцип выделения презентем А. В. Олянич определяет как лингвосемиотический, поскольку для реализации презентационных задач коммуникантами используются разные типы знаковых комплексов: вербальные, невербальные и вербально-невербальные [4, с. 214].

В центре нашего исследовательского внимания – превью к видеороликам кулинарного канала «Webspoon Plus» (адрес канала на платформе YouTube – <https://www.youtube.com/c/WebspoonPLUS/videos>). Webspoon Plus – это один из многочисленных кулинарных каналов, который, хотя и имеет относительно небольшое количество подписчиков (1,84 млн), характеризуется миллионными просмотрами значительного числа контентов. Возможно, причиной такого успеха является не только мастерство шеф-повара, качественная операторская работа, но и тексты превью. Превью – это лаконичная запись под уменьшенной картинкой видеоролика, доступная для восприятия при быстром просмотре; в данной записи заключена предварительная информация, которая дает представление о содержании скрытого информационного массива.

Согласно последовательности интенционального анализа текста определим прежде всего потребности, мотивы и цели, которые детерминируют коммуникативное поведение влогеров (авторов видеоблогов) вообще и, собственно, подвигают их к созданию контентов. Блогерская деятельность, как известно, позволяет человеку реализовать одну из важнейших личностных потребностей – потребность в самореализации. Стимулом выступает то, что эта деятельность приводит к известности и приносит немалый доход. Цель создания кулинарного контента – поделиться опытом приготовления блюд, однако эта цель может быть далеко не основной. В процессе продвижения кулинарного канала в медийном пространстве цели могут изменяться: на первый план может выйти стремление к получению максимального количества

фолловеров, самопрезентация, презентация своего дома, новой кухни, реклама кухонных атрибутов, подаренных спонсорами, и пр.

Превью – главное средство привлечения внимания пользователей интернета к кулинарному контенту и вовлечения их в иницилируемый влогером глоттонический дискурс. В рамках небольшой статьи невозможно проанализировать все типы презентем, используемых в превью, поэтому внимание сосредоточено в основном на вербальных презентемах. За рамками анализа оставлены невербальные знаковые единицы, в иллюстративном же материале, приводимом в статье, все графические (написания слов с включенной функцией caps lock) и пунктуационные презентемы сохранены.

Ключевая роль в завоевании публики в глоттоническом дискурсе отводится таким характеристикам процесса приготовления пищи, как «Быстро» / «Несложно» и «Дешево» / «Недорого» / «Экономно». Все эти характеристики можно определить как когнитивные признаки концепта «Пища» и, в частности, признаки тех ментальных репрезентаций, которые связываются с представлениями о процессах приготовления блюд. Выдвижение влогером данных характеристик приготовления блюд на передний план – манипулятивный прием, основанный на знании ценностей и потребностей адресата – потенциального потребителя кулинарного контента: *УЖИН без возни, ОБЕД без заморочек! Сразу 5 простых РЕЦЕПТОВ из любимых продуктов!; Так сможет каждый!; 7 простейших рецептов, которые облегчат вашу жизнь!; Просто, дешево и вкусно! 3 рецепта из курицы, которые невозможно испортить!; Простой рецепт ЗА КОПЕЙКИ, который УДИВИТ ваши вкусовые рецепторы!* Рубленость слога превью, соответствующая предлагаемой «быстрой» и «простой» модели приготовления пищи, подкрепляет внушаемую адресату контента мысль, что приготовление рекомендуемого блюда будет невероятно легким в плане временных и финансовых затрат: *Готовлю Так и Экономлю 500 рублей в день!; Готовлю ПО НОЧАМ для ресторанов! Распродают по 40 порций в день!!!!; Вкусно – не*

значит дорого!!! Удиви гостей за 500 рублей! Максимум удовольствия – минимум хлопот.

Об эффективности применения подобного рода манипулятивных тактик говорит невероятно высокое количество просмотров, которые набирают контентны с превью, содержащими соответствующие презентемы: *Просто смешав кефир со сметаной, через 2 дня вы сразите ВСЕХ за столом!* – 11 680 182 просмотра от 27 июля 2019 г.; *Бессовестно просто!!! 5 рецептов из обычной пюрешки, которые непременно удивят!* – 6 543 647 просмотров от 20 октября 2019 г.; *Как накормить толпу гостей одним лавашом: 4 простых рецепта, чтобы быстро утолить голод!* – 2 772 463 просмотра от 3 мая 2020 г.

Еще одним когнитивным признаком, репрезентация которого в тексте превью используется с манипулятивной целью, является признак «Много»: *Замесил ВЕДРО и сразу в духовку!; Готовлю сразу ящиками уже 5 лет!!!; ГОРА ЯИЦ и мясорубка! Фермерский рецепт устроил переполох во всём мире!; Съели с женой ведро за вечер!!!; Съедаются ДЕСЯТКАМИ!* В отдельных случаях спутником презентемы когнитивного признака «Много» выступает презентема когнитивного признака «Малокалорийно»: *Жена съедает по 8 КУСКОВ и не поправляется!!!*

Для выражения количественных значений, имеющих, как правило, отношение к квантитативным кодам русской культуры, используются и цифровые обозначения: *3 рецепта, которые будут жить на вашей кухне!; Сразу 3 рецепта из картошки, которыми ещё никто не делился!; 7 Безумных трюков из дрожжевого теста, о которых вы не знали!; 5 Трюков с грудкой сделают ужин КОРОЛЕВСКИМ!* В зависимости от того, какую цель ставит перед собой блогер – завышение квантитативных характеристик или, напротив, их занижение – избираются и соответствующие цифровые презентемы: *В 100 раз лучше любой пиццы!; Баклажан, как Шашлык, проглотить язык! За зиму съедаем 20 банок; Съели 2 кг за вечер!; 4 блюда из двух стаканов вкуснее праздничных блюд; Круче ЭКЛЕРОВ за 8 минут! Ешь и ешь, Нереально остановиться! Никто не верит, что НОЛЬ калорий!!!*

Убеждающая сила цифр (а цифровые данные традиционно квалифицируются как основа для сильной аргументации) подтверждается при анализе количества просмотров контентов с удачными квантитативными презентемами в тексте превью: *Вкусно – не значит дорого!!! Удиви гостей за 500 рублей! Новогодний стол, который хочется повторить!* – 1 510 778 просмотров от 24 ноября 2019 г.; *Круче Чёрной ИКРЫ! Ешь и ешь, невозможно оторваться! Никто не верит, что за 70 рублей!* – 1 109 260 просмотров от 27 декабря 2020 г.

Создатели контентов «Webspoon Plus» поражают изобретательностью и в использовании темпоральных презентем. Здесь представлена игра на укорененных в обыденном сознании когнитивных стереотипах ‘давно применяется – значит, надежно’, ‘долго искали – значит, ценно’, ‘каждый день используется – значит, не приедается’, ‘ночью готовится – значит, что-то экстраординарное’: *Готовлю уже 5 лет!; Вкусно так, что наготовил до лета!; Так буду готовить, пока снег не выпадет!; 3 гениальных рецепта, которые вы будете готовить каждый день!; Готовлю для близких 7 дней в неделю!; Мечтал об ЭТОМ РЕЦЕПТЕ с 90-х!!!; Я 1,5 ГОДА искал этот рецепт!!!; Готовлю ИХ даже в 3 ЧАСА НОЧИ!; Сварил 4 кастрюли! Ели всю ночь со всеми соседями!*

Репрезентация блюд немислима без апелляции к такому когнитивному признаку концепта «Пища», как «Вкусно». В превью кулинарных контентов отмечается значительное разнообразие презентем, ассоциируемых с удовлетворением густальных потребностей человека: *Когда я так готовлю завтрак, дети буквально вылизывают тарелки!; Вкусно, хоть тарелку грызи!; Вкусно, как в раю!; Вкусно, аж танцевать хочется!; Не вкус, а крик Восторга!!!; ЕШЬ и ПЛАЧЕШЬ от ВОСТОРГА!; Даже косточки тают во рту!; Съедаются подчистую!*

Тонко улавливается влогерами и необходимость апелляции в превью к ценности семьи. Приготовление пищи в домашних условиях, по мысли создателей кулинарных контентов, интересует в первую очередь женщин и

мужчин, имеющих семьи. Этим объясняется частотное обращение в превью к терминам родства и семейных отношений: *Готовлю Только в ИЮЛЕ!!! Дети ждут Их большие Черешни!!!; Готовил детям в школу, весь класс просит рецепт!; Жена просит ещё и ещё!; Бабушка готовила каждое ЛЕТО, я тоже решил попробовать!!!; Ленивый рецепт, как советовал дед!*

В превью отмечается значительное количество презентационных дескриптивов с мелиоративной оценкой, намекающих на удовлетворение гедонистических и иных потребностей пользователя контента: *удивительный / душевный / безупречный / гениальный рецепт, фееричные рецепты, вкусный / незабываемый / королевский ужин, шикарный торт, оригинально, нереальное удовольствие*, и др. На завышение оценок работают и компаративные формы дескриптивов: *Вкуснее, чем в любой кондитерской!; ВКУСНЕЕ котлет!!!; Круче ЭКЛЕРОВ!; Сочнее, чем с МАНГАЛА!!!; Проще Шарлотки, вкуснее Наполеона!; Круче Чёрной ИКРЫ!; В 100 раз ЛУЧШЕ любой ШАУРМЫ!* Заметно и то, что чем интенсивнее оценка, выраженная презентемой, тем большее число просмотров.

Описанные здесь презентемы составляют далеко не полный перечень знаковых единиц, которые используются создателями кулинарных контентов с целью привлечения внимания пользователей интернета. Употребление презентем в тексте превью рассчитано на апелляцию к потребностям пользователей кулинарных каналов и детерминировано, в свою очередь, потребностями создателей этих каналов. Фудвлогеры хорошо понимают, что в настоящее время таким превью, которое состоит только из названия блюда или названия основного ингредиента для приготовления блюда, никого не удивишь, подписчиков не получишь и миллионные просмотры не наберешь, и потому поступают сообразно с ситуацией, а не сообразно с логикой вещей. Кроме того, фудвлогеры учитывают и то обстоятельство, что цель просмотров кулинарных каналов для многих пользователей интернета стала совсем иной: кулинарные видеоконтенты стали настоящим источником для получения эстетического удовольствия. Отсюда столь пестрые оценки манипулятивных превью к

кулинарным контентам, да и самих контентов в комментариях посетителей каналов; сравн.: Две Луны: *Что вообще случилось с русским кулинарным сегментом? Невозможно стало найти нужный рецепт, потому что в названии не пишут, собственно, название блюда. Нет чтоб написать по-людски, пишут что-то невразумительное типа «Едим это всей семьёй по три ведра в день», или «Вы потеряете сознание от этого блюда». Как находить среди таких названий то, что нужно?;* Олеся Королевская: *Я игнорировала полгода ваши видео из-за названий, и только когда случайно, не читая, посмотрела первый раз – зависла;* Ангелина: *Рецепты огонь, но названия видео, конечно, кринж));* Шеф-повар Василий Емельяненко: *Ох... Вы боги названий 😊😊😊 🔥🔥🔥;* Ольга Дымова: *Ну как тут лайк не поставить! И Бог с ней, с этой едой – тут зрелище, глаз не отвести;* Елена Бессонова: *Это просто какой-то релакс на ночь... невозможно оторваться ... тянет на Оскар!;* Топу Вianса: *Ваш канал смотрю уже чаще, чем худфильмы));* Светлана Мандрыченко: *Есть те, кто готовил, а не просто восхищался?;* Рысь: *Наблюдаю, как театральное действие, где всё великолепно оформлено, профессионально, работа оператора вообще высший класс, но не аппетитно, просто искусство, но не кулинария;* Владимир Абрамович: *Тратил время на алкоголь и игры, попав на ваш канал поставил цель опробовать все рецепты. Спасибо.*

Все эти комментарии только подтверждают, что создание текстов и их потребление в медийном пространстве, шире – инициация и развертывание медийного дискурса, находятся в прямой зависимости от мотивационно-потребностной сферы психики людей, вступающих в общение, их установок и предпочтений, способности / неспособности верно дешифровать намерения импакторов коммуникации, противостоять убеждению, внушению, эмоциональному заражению. Как видим, воздействующая сила текста в широком – семиотическом – смысле этого термина бывает такова, что предсказать характер влияния текста на его адресата бывает сложно.

Список литературы

1. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Психология массовой политической коммуникации: учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 304 с.
2. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоципсихологии. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507с.
5. Ундрицова М. В. Глоттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – 2015. – 290 с.
6. Фомин И. В., Ильин М.В. Зачем семиотика политологам // Политическая наука. – М., 2016. – No 3. Политическая семиотика; ред.-сост. номера С. Т. Золян, И. В. Фомин. – 276 с.

Сведения об авторе:

Ничипорчик Елена Владимировна; доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, 246046, Беларусь, Гомель, МЖК «Солнечный», кор. 1., кв. 95; evnich@gmail.com; +375293988349.

Nichiporchik, Elena Vladimirovna, Dr. habil. in Linguistics, Docent, Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, 246046, Belarus, Gomel, MZHK «Solnechny», k.1, kv. 88, evnich@gmail.com, +375293988349.

**ТЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ПУБЛИКАЦИЯХ ПРЕССЫ САМАРСКОЙ
ГУБЕРНИИ О ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.**

Тимошина С.А.

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Россия

Аннотация. Цель статьи заключается в том, чтобы исследовать материалы о зарубежье, опубликованные в Самарских губернских печатных периодических изданиях в начале 1920-х гг. и выявить их доминантную тематику и основные закономерности описания зарубежной действительности во внешнеполитических статьях.

Ключевые слова: средства массовой информации, внешнеполитические события, зарубежная действительность, губернская пресса, тематика войны и мира.

Abstract. The purpose of the article is to study materials about life abroad, published in Samara provincial printed periodicals in the early 1920s and identify their dominant themes and the main patterns of describing foreign reality in foreign policy articles.

Keywords: mass media, foreign policy events, foreign reality, provincial press, themes of war and peace.

Для выявления доминантной тематики и основных закономерностей описания зарубежной действительности во внешнеполитических статьях губернской прессы необходимо проанализировать структуру средств массовой информации и стратегию ее управления в начале 1920-х гг. Одной из важнейших характеристик системы средств массовой информации того

времени являлась четкая структурированность. В 1918 г. появились государственные организации, в сфере ответственности которых находилось сопровождение и управление центральной и местной прессой. Российское телеграфное агентство или сокращенно РОСТА, деятельность которого подразумевала информационное обеспечение, и Центропечать, отвечавшая за распространение печатных периодических изданий, являлись одними из основных звеньев цепи руководства прессой, однако краеугольным камнем в системе руководства печатными периодическими изданиями являлся Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б). В 1922 г. в СССР руководством страны была утверждена государственная сеть печатных периодических изданий.

В начале 1920-х гг. тематика войны и мира являлась доминантной на страницах центральных периодических изданий и периодической печати, издаваемой в регионах. В частности, проблемы войны и мира регулярно поднимались на страницах газеты «Коммуна» [5, С.1; 9, С.1; 3, С.1; 10, С.1; 6, С.1; 11, С.1; 2, С.1; 4, С.1; 1, С. 1], являвшейся в тот период периодическим изданием Самарского Губернского Комитета РКП(б) и Губернского Исполнительного Комитета Советов. Здесь необходимо отметить, что выбор подобной проблематики редакцией газеты в материалах о жизни за рубежом был вовсе не случайным, он диктовался особенностями внешнеполитической обстановки того периода. По мнению отечественных ученых [12] в то время само появление и развитие молодого советского государства расценивалось как вызов для всех капиталистических государств, и по этой причине советские журналисты позиционировали страны Запада в качестве потенциальных противников СССР, что находило отражение в публикациях как центральной, так и губернской прессы. В качестве типичного примера внешнеполитического материала с подобным содержанием можно привести статью, опубликованную в газете «Коммуна» 5 января 1921 года и озаглавленную «Усиление Советской России» [7, С.1.]. Основной посыл этой статьи заключается в том, что несмотря на укрепление положения молодого советского государства на международной

арене, расширение торговых отношений с нейтральными странами, например, Швецией и развитие революционного движения среди рабочих в капиталистических державах, не стоит забывать об угрозе, исходящей от стран Запада.

Однако следует добавить, что наряду со статьями, обсуждавшими перспективы военных угроз со стороны капиталистических стран, на страницах самарской «Коммуны» также выходили публикации и о мирном сотрудничестве со странами Запада, написанные оптимистичным и жизнеутверждающим тоном. Так, например, 21 января 1921 года редакция «Коммуны» опубликовала статью под названием «Мирные отношения с Финляндией» [8, С.1.], посвященную развитию дипломатических и торговых связей между двумя странами, в которой говорилось о том, что «Финляндия готова искренно соблюдать мирный договор и стремится к тому, чтобы мир стал продолжительным и плодотворным». Как видно из вышеупомянутого примера, стиль этого материала отличается внешнеполитических статей, в которых говорилось о военных угрозах. Публикация подобных материалов была вызвана диверсификацией отношений советского государства с другими странами на международной арене и осознанием руководства страны необходимости сотрудничества с другими государствами.

Таким образом, проанализировав содержание публикаций самарского издания «Коммуна» в начале 1920-х гг., необходимо сделать вывод о том, что в освещении проблем войны и мира губернская пресса была ограничена материалами РОСТА. Информационный поток о развитии новых военных конфликтов не был единообразен, и статьи о перспективах развертывания новых войн и военных угрозах соседствовали с материалами на тему мирного сосуществования молодого советского государства с капиталистическими странами. Распространение новостей о потенциальных военных конфликтах в Самарской губернии осуществлялось в соответствии с основными стратегиями, разработанными руководством страны. Необходимо отметить, что с момента становления системы средств массовой информации существовала жесткая

вертикаль власти управления системой советских СМИ, в этой ситуации местная пресса не имела какой-либо свободы в принятии решений по поводу содержания публикаций и была вынуждена лишь выполнять указания, поступавшие сверху.

Список литературы:

1. Английские вождения // Коммуна. 1921. № 627.
2. В наш лагерь // Коммуна. 1921. № 625.
3. Вопреки Ллойд Джорджу // Коммуна. 1921. № 621.
4. Готовятся ввозить товары // Коммуна. 1921. № 626.
5. Италия за Советскую Россию // Коммуна. 1921. № 619.
6. К англо-русским переговорам // Коммуна. 1921. № 623.
7. Коммуна. 1921. № 618.
8. Коммуна. 1921. № 629.
9. Коммунистическая демонстрация в Берлине // Коммуна. 1921. № 624.
10. Корни мировой революции // Коммуна. 1921. № 622.
11. Речь Клары Цеткиной // Коммуна. 1921. № 621.
12. Сенявская Е. С. «Образ врага» в условиях войны как предмет историко-психологического исследования [Электронный ресурс] // Противники России в войнах XX века (эволюция «образа врага» в сознании армии и общества). Режим доступа [URL: http://litrus.net/book/read/3541/Protivniki_Rossii_v_vojnah_XX_veka_%28Evoljucija_%C2%ABobraza_vraga%C2%BB_v_soznanii_armii_i_obshhestva%29?p=5]

Сведения об авторе:

Тимошина Светлана Анатольевна; преподаватель СПО кафедры «Английский язык» Пензенского государственного университета, 440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40; timoshina_svetla@mail.ru; 89093169780

Timoshina Svetlana Anatolyevna; teacher of the secondary vocational education of the “English Language” department of Penza State University, Krasnaya st., 40, Penza, 440026, Russian Federation; timoshina_svetla@mail.ru; 89093169780

УДК 811.111

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА СОЦИУМА

Филичкина Т. П.

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
г. Орёл, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается медиадискурс как инструмент создания картины мира и идеологической обработки социума. Медийный дискурс как коммуникативно-когнитивное явление представляет собой текст во взаимодействии с экстралингвистическими факторами. Единицы языка медиатекста содержат различные модальности, которые способствуют определённому восприятию событий и являются средством манипулирования общественным мнением.

Ключевые слова: медийный дискурс, социум, медиатекст, коммуникативный аспект, когнитивный аспект.

Abstract: The article deals with media discourse as a tool for creating a world view and ideological processing of society. Media discourse as a communicative and cognitive phenomenon is the interaction of the text with extra-linguistic factors. Language units of a media text contain various modalities that contribute to a certain perception of events and are a means of manipulating public opinion.

Key words: media discourse, society, mediatext, communicative aspect, cognitive aspect.

Медийный дискурс как коммуникативно-когнитивное явление играет ведущую социальную роль в современном обществе. Средства массовой информации определяют наши взгляды, идеи, поведение в социуме. Медийная сфера – это пространство экономической, политической, идеологической борьбы, место, где создаются и разрушаются образы политических и общественных деятелей, партий, организаций, целых стран. Именно медийные ресурсы являются инструментом когнитивной обработки отдельных индивидов и средством формирования картины мира социума.

В современной лингвистике дискурс исследуется в различных ракурсах. Т. А. Ван Дейк понимает дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [2, с. 7]. В. В. Красных также акцентирует внимание на двойственной сущности дискурса и определяет его «как вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [3, с. 200].

Исходя из этих определений, медиадискурс следует рассматривать как текст в его взаимосвязи с внелингвистическими факторами, включающими экономическую, политическую ситуацию в государстве, идеологию, доминирующую в обществе, текущие и предшествующие события, позицию автора текста и издания. В настоящее время дискурсивный подход к анализу и исследованию медийных текстов является актуальным, поскольку "задача дискурсивной лингвистики – изучать язык в действии, в процессе организации, хранения и обработки информации" [1, с. 260].

С точки зрения представления событий в медийном дискурсе выделяют три типа презентаций: "отражение", "реконструкция", "миф". "Отражение" – это наиболее объективное воспроизведение событий. При "реконструкции" происходящее комментируется и оценивается, с учётом политических и идеологических взглядов автора и редакции. Презентация "миф" создает образ

события далёкий от реальности. Цель "мифа" – манипулировать общественным мнением для достижения политических целей и создания определенной картины мира социума [4, с. 260].

В медийном дискурсе взаимосвязаны и взаимодействуют когнитивно-идеологические и вербально-семиотические элементы. К когнитивно-идеологическим элементам относятся ценностные установки социума, политическая и идеологическая обстановка в стране и в мире. Вербально-семиотические элементы – это изобразительно-выразительные языковые единицы, используемые в тексте для создания определённого восприятия события и его участников.

Изобразительно-выразительные единицы языка – это средства репрезентации действительности и её оценивания. Изобразительно-выразительные средства языка содержат различные оценки, которые определяют коммуникативную стратегию автора медиатекста, нацеленную на создание положительного или отрицательного отношения к происходящим событиям и их участникам.

Коннотативные (оценочные) слова и фразеологизмы содержат различные субъективные модальности (аксиологическую, эмотивную, деонтическую), которые создают определённый образ события у адресата.

Аксиологическая модальность – это рациональная оценка действительности, то есть "хорошо", "плохо", "нейтрально". Эмотивная модальность представляет эмоциональную оценку ("одобрение", "осуждение", "восхищение", "порицание"). Деонтическая модальность определяет поведение людей в социуме ("разрешено", "запрещено") и включает различные деонтические нормы (нравственные, правовые, этические), которые необходимы для функционирования общества.

Коммуникативный аспект медийного дискурса реализуется с помощью изобразительно-выразительных вербальных единиц языка для выражения замысла и достижения коммуникативной цели. Когнитивный аспект

медиадискурса предусматривает воздействие на восприятие адресатом предлагаемой информации и создание определённого образа происходящего.

Таким образом, медийный дискурс в современном мире является основным инструментом манипулирования общественным мнением и создания картины мира социума в целом.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Семиологический потенциал дискурса // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах. Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – С. 31-38.

2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

3. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

4. Филичкина Т. П. Идеологическая модальность фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе. Вестник Брянского государственного университета. №2 (32) 2017: исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. – Брянск: РИО БГУ, 2017. – С. 260-264.

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна; кандидат филологических наук, сотрудник, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302034, Российская Федерация, г. Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; filitchkina_orel@mail.ru; +7 9803674857.

**РАЗДЕЛ №7: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И
ПАРЕМИОЛОГИИ**

UDC 81'373

**BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN MEDIA TEXTS AND THE
SPECIFICS OF THEIR TRANSLATION**

Bakina A.D.

Oryol State University named after I.S. Turgenev

Oryol, Russia

***Abstract:** The article discusses the questions pertaining to the functioning specificity of biblical phraseological units in media discourse with attention to the ways and methods of their translation from English into Russian. The employed methods of the research are the method of phraseological identification and phraseological description, the comparative method and the contextual method. The results of the study demonstrate that various translation techniques are to be used to achieve adequate translation, such as equivalent method, modulation, omission, explicit translation with a commentary.*

***Key words:** biblicism, biblical phraseological unit, media text, translation methods and techniques, equivalent.*

Introduction. The Holy Scripture remains one of the most popular sources of phraseological fund replenishment. The specificity of the biblical phraseological units is manifested, first of all, in their unbroken connection with the source text, which is precedent and reproducible to the same extent in different languages and cultures, thereby ensuring the semantic and pragmatic universalism of biblical phraseologisms. Phraseological units of biblical etymology are actively used in various types of discourse, namely, in fiction, in historical, political, cultural texts and, of course, in the texts of mass communication [1, p. 32]. See also: "... due to its ethical value and

emotional richness and expressiveness, biblical phraseology has become an integral part of different functional styles of modern European languages [2, p.5].

By biblical phraseological unit we understand “a stable, reproduced in speech combination of words or a sentence with a fully or partially transferred meaning, which arose on the basis of a biblical prototype and goes back to the text of the Bible or a biblical plot” [3, p.23]. At the same time, while retaining all the characteristics of phraseological units, BPU form a separate phraseological microsystem with a common genetic source – the Bible [4].

The main part. Addressing and analysing modern media texts taken from the English-language press we singled out the most common sources of references / allusions:

- 1) the Bible
- 2) W. Shakespeare’s texts
- 3) Mythology
- 4) Cinematography / television
- 5) Literature

Since the area of our research interest is biblical phraseology, allow us to offer a list of common, frequently used phraseological units of biblical origin for review:

- **Verbal phrases:** to bear/carry one's cross; to condemn oneself out of one's mouth; to kill the fatted calf; to cast/throw pearls before swine; to cast bread upon waters; to keep as the apples of somebody's eye; to hide one's light upon a bushel; to eat one's words; to have somebody's blood on one's head; to gnash the teeth; to have itching ears, etc.

- **Nominal, attributive and adverbial phrases:** the apple of Sodom; gall and wormwood; Whatever man sows, that shall he reap; forbidden fruit; Job's comforter; Juda's kiss; A prodigal son; vanity of vanities; all and sundry; at the eleventh hour; a drop in the bucket; a doubting Thomas; the land of promise; filthy lucre; the root of the evil; Alpha and omega, etc.

Having identified biblical units in media texts and analysed the ways of them being rendered into Russian we should conclude that the cases of equivalent translation are quite numerous. The existing equivalent in the Russian language is employed to render the meaning of the biblicalism:

By the sweat of one's brow – в поте лица, тяжким трудом

● *In this, the spread of maize farming is like the spread of agriculture itself. It, too, displaced a society whose individuals were healthier but less numerous -- the archaeological and anthropological evidence suggests that hunters lead longer, healthier and happier lives than farmers, at least than the sort of farmers who live or die **by the sweat of** their brows. But once embarked upon, the journey from hunting to farming was one from which there is no return [The Economist].*

Manna from heaven – манна небесная

● *The hush-hush builder's blueprint, which gave details of an undercover police station being built in the Palace grounds, later turned up in Kilburn, North London -- a stronghold of IRA sympathisers. Their loss was not reported to police or the royal household -- and work carried on as if nothing had happened. But last night a senior SAS source described the bungle as '**manna from Heaven** for the IRA.' [The Daily Mirror].*

● *Silk Slippers may not enable Sangster to challenge the Arab supremacy, but an English Classic success after a five-year gap would come like **manna from heaven**. Silk Slippers certainly looks the part, being a staying filly with speed in the mould of Midway Lady, who took the 1,000 and Oaks three years ago [The Independent].*

To serve two masters – служить двум господам

● *It would swiftly encounter, as it has done before, a wages explosion, and lose us our edge over Europe on labour costs. Industry in this country will find itself*

called upon to serve two masters, the EC and a Labour government, both with markedly dirigiste tendencies [The Daily Telegraph].

Prodigal son / the return of the prodigal son – блудный сын, возвращение блудного сына

- “No Sonny Bill, ‘six again’ rule and the return of a prodigal son: Super League is back” [60].

The article focuses on the return of the Super League, the US Rugby Championship, after a long hiatus due to the coronavirus pandemic. The article deals with the return to the team of James Graham.

The title uses the expression “the return of a prodigal son”, which is well known to Russian-speaking readers. The “prodigal son” is a person who leaves home to lead a wasteful life, but later returns home in repentance. We propose to use the equivalent in the translation language. Translation option: «Суперлига по регби: без Сонни Билла, с новыми правилами и возвращением блудного сына».

The following examples illustrate other means of translation:

- “President Obama’s Eleventh-Hour Conservation Efforts” [The Times].

The article focuses on the Idaho Wildlife Conservation Decrees that President Barack Obama signed at the end of his presidential term. The allusion “at eleventh hour” means “at the last minute”. This expression originally referred to the parable of Jesus of workers hired at the end of the day to work in the vineyard (Matthew 20: 1–16), in which workers hired at the eleventh hour of the twelve hour workday received the same wages as the workers, who started working in the first hour. Since this phrase is not very common in our language, we suggest omitting this allusion. «Президент Обама решил напоследок спасти дикую природу». Modulation was applied.

- *"Mainstream media treat Biden as 'the second coming' as he spends trillions"* [SkyNews.com].

The article refers to US President Joe Biden, who spent billions of dollars in infrastructure projects and social programs in the first months of his term. At this time, popular media in the US non-stop praising his initiatives, even if his spending is not always justified.

The title contains an allusion to 'the second coming', which brings us to the biblical legend of the second coming of Jesus Christ to Earth. This expression is used in relation to a person when they want to emphasize what a huge positive influence he has, his appearance is considered a "miracle" or "salvation." We propose to omit the allusion, since its Russian equivalent does not really fit in the context of the article. Thus, translation option is the following: «Байдена боготворят, пока он растрчивает миллиарды». Modulation was used in the translation.

Conclusion. Translating biblical phraseological units that are considered as intertextual elements can be tricky. There is no single classification of translation techniques; it all depends on the decision of the translator. If the semantics and degree of popularity of such biblicisms are the same in both languages, translation is carried out using equivalents. If it is impossible to find an equivalent or it is inappropriate in the context, one should adhere to an explicit translation with a commentary or select a functional analogue of the expression in the translation language.

To conclude, the translation of phraseological units of biblical origin requires further research. Such phenomena tend to arise, change or disappear completely from use. The close interconnection of biblicisms with modern trends in various spheres, the culture of native speakers and the development of society as a whole comes to the fore. It becomes necessary to regularly study phraseological phenomena, to describe their nature and frequency of use both in the original language and in the target language. The translator's work will be facilitated by the creation and constant updating of personal glossaries containing currently relevant biblical phraseologisms,

an explanation of a precedent phenomenon, goals and examples of the use of them in written and oral speech. Unconditional for a translator is the desire to broaden their horizons, to ensure constant professional development and self-improvement.

References:

1. Бакина, А.Д. To the problem of variability of biblical phraseological units // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов / Под ред. Е.М. Шастиной, В.М. Панфиловой. – Елабуга, 2020. – 280 с.
2. Fedulenkova T.N., Martushova E.V., Bönne-mark M. English German-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology / T.N. Fedulenkova, E.V. Martushova, M. Bönne-mark. Arkhangelsk, 2008. 167 p.;
3. Федуленкова, Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 146 с.
4. Федуленкова Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6. № 2. С. 83–96).

Сведения об авторе:

Бакина Анна Дмитриевна; кандидат филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95,

E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Bakina Anna Dmitrievna; PhD in philological sciences, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation;

E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

**НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В
ХОДЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА**

Василенко А.П.

Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского

г. Брянск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается фразеология как средство формирования социокультурного единства и межэтнической толерантности у обучающихся. Излагая методические взгляды на примерах французских и английских устойчивых оборотов, автор статьи отмечает значительную роль фразеологии в процессе современного обучения иностранному языку.

Ключевые слова: фразеологизм, культура, обучение, значение, смысл.

Abstract: *The article considers phraseology as a means of forming socio-cultural unity and interethnic tolerance among students. Presenting methodological views on the examples of French and English stable turns, the author of the article notes the significant role of phraseology in the process of modern foreign language teaching.*

Key words: *phraseology, culture, training, meaning, meaning.*

В процессе формирования чувства социокультурного единства на уроках иностранного языка необходимо особое внимание уделить фразеологическому пласту, поскольку он является наиболее самобытной в культурно-языковом плане частью номинативного состава языка, следовательно, согласно [8, с. 13], большая часть фразеологических единиц (далее ФЕ) обладает культурно-национальным своеобразием.

Во фразеологическом фонде языка в знаковой форме отражаются реалии материальной и духовной культуры нации, ценностные ориентации того или иного социума, демонстрирующие характерные черты менталитета

конкретного этноса. Так, фразеологизмы различных типов – паремии, идиомы, устойчивые компаративы – представляют собой уникальную форму отражения объективной реальности в сознании носителей того или иного языка [5, с. 22].

Таким образом, в рамках интернационального воспитания приоритетным направлением можно признать изучение фразеологической картины мира, т.к. она представляет собой сосредоточение общечеловеческих и национальных знаний о мире. Соответственно, введение фразеологизмов в процесс обучения иностранному языку способствует приобщению учащихся к богатому культурному наследию человечества, формированию толерантного сознания, воспитанию в духе диалога культур.

Как представляется, аспекты интернационального воспитания видятся, прежде всего, в изучении национально-маркированных фразеологизмов иностранного языка, а также рассмотрении оборотов, которые являются универсальными для понимания в общезыковом ключе.

Рассмотрим данный аспект на примерах из французского и английского языков.

Элементы интернационального воспитания могут быть интегрированы в уроки французского языка через изучение культурно-маркированных французских ФЕ. Поскольку французская нация славится своим кулинарно-гастрономическим достоянием, что находит яркое отражение в языке, наиболее благоприятной основой для формирования чувства социокультурного единства представляется тема «Еда». Так, урок французского языка по данной тематике можно начать с устойчивого выражения *vivre à la même table* (букв. жить за одним столом), что означает 'вместе питаться' (здесь и далее большинство примеров французских фразеологизмов приводятся по [9]). Стоит обратить внимание учащихся на то, что форма и содержание упомянутой ФЕ иллюстрируют культ еды для французского народа.

Фразеологический фонд французского языка располагает немалым количеством национально-маркированных устойчивых оборотов, которые могут быть использованы на занятиях. Например: *avoir une casserole sur le feu* –

avoir du pain sur la planche – иметь работы по горло; *mettre la main à la pâte* – приняться за работу; *on ne fait pas d'omelette sans casser des œufs* – не разбив яиц не сделаешь яичницы

Анализ семантики изложенных выше фразеологизмов позволяет сделать вывод о том, что французы придают значение труду и проводят параллели между работой и кулинарией, что, в свою очередь, свидетельствует о национальной особенности французского менталитета.

На уроках французского языка также могут быть использованы ФЕ, обозначающие финансовое благополучие: *avoir du blé* – быть богатым; *vivre comme un coq en pâte* – кататься как сыр в масле, ведь они демонстрируют национальную ассоциацию еды с богатством. Еще одним показательным оборотом является *être de la Champagne pouilleuse* [3], что, наоборот, означает 'быть бедняком'. Вероятнее всего, его значение происходит из значимости виноделия для французского народа. Роль гастрономии в жизни французов настолько велика, что при помощи фразеологизмов, содержащих компоненты еды, они описывают людей: *une bonne pâte* – человек-добрая душа; *rapet parcheminé* – невыразительный человек [4].

В целях развития чувства социокультурного единства учащимся следует продемонстрировать, что во французском языке есть устойчивые обороты, отражающие и универсальные реалии, используя, например, следующие выражения: *glisser sur une peau de banane* – поступить необдуманно, сделать глупую ошибку; *apporter des oranges* – навестить больного [7].

Рассказывая школьникам о французской традиции приемов пищи, можно употребить ФЕ *entre la poire et le fromage* – между делом, объяснив, что фрукты, десерты и сыры обычно идут после основного блюда.

Уроки английского языка также представляют массу возможностей для реализации интернационального воспитания. Рассмотрим, какие существуют национально-маркированные ФЕ во фразеологическом составе английского языка и как их можно интегрировать в учебно-образовательный процесс с целью формирования у обучающихся толерантного сознания.

Следует отметить, что английский язык также располагает устойчивыми оборотами с компонентами еды, в которых четко прослеживается британская национальная идентичность. Например, общеизвестна британская любовь к бекону и бобам на завтрак, а также к чаю, что нашло выражение в таких оборотах, как *bring home the bacon* – зарабатывать на жизнь; *spill the beans* – выдавать секрет, проболтаться; *find a bean in the cake* – иметь удачу; *not my cup of tea* – не мое; *no, that doesn't interest me* (здесь и далее примеры английских фразеологизмов по [1] и [6]).

При изучении темы «Внешность» на занятиях английского языка в средней школе может быть использован ряд национально-маркированных устойчивых компаративов. Например, выражение *as yellow as a guinea* – желтый как гинейя происходит от цвета старинной английской золотой монеты гинейя ценностью в 1,05 фунта, а в основу компаратива *as nutty as a fruitcake* – сумасшедший как фруктовый пирог легло название национально-специфичного фруктового пирога из сухофруктов и орехов, который британцы часто едят на Рождество. Еще одним показательным фразеологизмом по данной тематике может стать *to look / to feel like million dollars* – выглядеть/ чувствовать себя очень хорошо [2]. Для описания человеческого портрета изучающим английский язык могут быть полезны и такие фразеологические обороты, как *a black sheep* – белая ворона; *a man of straw* – несерьезный человек; *the man in the street* – заурядный человек.

Нами было обнаружено достаточное количество национально-маркированных ФЕ, содержащих имена собственные, тем или иным образом связанные с литературой и историей Великобритании. Например: *grin like a Cheshire cat* – улыбаться как Чеширский кот; *turn the best side to London* – проявить себя с наилучшей стороны; *keep up with the Joneses* – стараться быть не хуже других; *all work and no play makes Jack a dull boy* – работа без отдыха; *put on the Ritz* – роскошно одеваться; *not for all the tea in China* – ни за что на свете; *meet one's Waterloo* – потерпеть поражение; *build castles in*

Spain – планировать невозможное; *talk like a Dutch uncle* – зло высказывать сильное неодобрение; *double Dutch* – совершенно непонятная речь.

Указанные выше фразеологизмы ярко отражают французскую и британскую национальную сущность, актуальные реалии данных народов. Следовательно, использование ФЕ на уроках иностранного языка может способствовать развитию у обучающихся умения позитивного межэтнического общения в поликультурной среде.

Как можно заметить, за каждым фразеологическим оборотом находится уникальная национальная идентичность. Соответственно, введение устойчивых выражений, помимо реализации целей интернационального воспитания, способствует еще и реализации лингвострановедческой направленности обучения иностранному языку.

Список литературы

1. Академик, словарь справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<https://academic.ru/>]
2. Долгова А.О. Национальная маркированность русских, английских и немецких устойчивых сравнений // Славянский край в Европе. – Прага, 2010. – С. 237–245.
3. Кравцов С.М., Максимец С.В. Ценностная парадигма лингвокультурного сообщества в зеркале фразеологии (на материале русского и французского языков). – Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2018. – 143 с.
4. Моисеева С.А., Волошкина И.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии // Вестник Том. гос. ун-та. – 2009. – №321. – С.22-29.
5. Моисеева С.А., Волошкина И.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии // Вестник Том. гос. ун-та. – 2009. – №321. – С.22-29.
6. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. — М.: КИОРУС, 2014. – 254 с.

7. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, романской и германской группы). – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1982. – 199 с.

8. Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: «Языки русской культуры». – 1999. – 336с.

9. Французско-русский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<http://www.classes.ru/all-french/dictionary-french-russian-phrase.htm>]

Сведения об авторе:

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор института русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», 241013, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14, Телефон: +7(4832) 66-64-55; e-mail: institut_filolog@mail.ru

Anatoly Vasilenko, doctor of Philology, Professor of the Institute of Russian and Romano-Germanic Philology, Bryansk state University. I. G. Petrovsky Academy, 14 Bezhitskaya str., Bryansk, 241013, Russia, Phone: +7 (4832) 66-64-55; e-mail: institut_filolog@mail.ru

АНАЛИЗ И КОММЕНТИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Ващекина Т.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

Аннотация: Для чтения, анализа и понимания любого произведения классической литературы необходимы разные виды комментариев, в частности социокультурный комментарий, позволяющий иностранным читателям расширить их словарный запас, понять слова, вышедшие из употребления и из жизни народа, обеспечить полное понимание текста, раскрыть замысел писателя.

Ключевые слова: художественный текст, социокультурный комментарий, конфликт культур, детали минувших эпох, словарный запас

Abstract: For reading, analyzing and understanding any work of classical literature we need to use different types of comments, in particular sociocultural commentary, which permits to expand for foreign readers their vocabulary, to understand words, which dropped out of use and out of people lives, to thorough understanding of the text, to unravel a plan of the writer.

Key words: literary text, sociocultural comment, conflict of cultures, details of past epochs, vocabulary reserve.

Занятия с использованием художественного текста, который является наиболее сложным видом учебного текстового материала для иностранных студентов, «требует от преподавателя серьезной филологической подготовки, знакомства с особенностями психологии восприятия художественной литературы, знаний из области методической науки, а также хорошего

литературного вкуса и тонкого языкового чутья» [Битехтина, Горбаневская, Доменко и др., 2012, с. 96].

При работе с художественным текстом чаще всего используется прием последовательного комментирования единиц текста. Следует отметить, что зачастую литературоведческий и лингвистический подходы к анализу текста не всегда разделяются. Однако, несмотря на то, что лингвистика и литературоведение хотя и находятся в отношениях пересечения, все же имеют разные объекты исследования: литературоведы используют термин «художественное произведение», а лингвисты – «художественный текст». Поиск «золотой середины» можно встретить в трудах по изучению языка художественного произведения (художественного текста), где к единицам исследования подходят с позиций лингвопоэтики, принимая во внимание взаимодействие уровня речевой художественной формы и уровня образной художественной формы [Ващекина, 2015, с. 326].

Общеизвестно, что чтение и анализ художественных текстов для иностранцев представляет определенную трудность, особенно если уровень языковой подготовки еще недостаточно высокий. Также вызывает немалые трудности «недостаточное знание “мира слова”, того бесконечного смыслового пространства, которое за художественным словом находится и которое называется русская жизнь» [Григорьева, Магомедова, 2000, с. 3].

Для полного и адекватного понимания текста в иностранной аудитории необходимо исключить возможность коммуникативной неудачи, неточного восприятия и объяснения той или иной языковой единицы. Особенно важно избежать неадекватности понимания текста на лексическом уровне организации художественного текста, поэтому необходимо пояснять иностранным студентам лексическое значение историзмов и архаизмов, особенно тех, которые относятся к пассивному словарному запасу. Вспомним строчки из «Евгения Онегина»: *Мечтой, то грустной, то прелестной*, его встревожен поздний сон ...

Выделенное словосочетание кажется несколько странным, «ведь современный автор никогда не соединит слова *грустный* и *мечта*, потому что мечта вдохновляет, радует, вселяет веру. Однако во времена А.С. Пушкина такое сочетание было возможно. В чем же дело? Очевидно, для А.С. Пушкин слово *мечта* означало не предмет желаний, стремлений, как в современном русском языке, а нечто иное – «создание воображения, видение, мысль» Это давало право поэту писать, например, в «Цыганах»: ... Я видел *страшные мечты!*» [Розенталь, Голуб, 1999, с. 61-62].

Кроме того, необходимо также объяснить студентам-иностранцам и то, что в современном языке эти значения слова *мечта* забыты, хотя само это слово употребляется, но в другом значении, а именно *мечта* – это «нечто созданное воображением, мысленно представляемое» (см. словарь С.И. Ожегова). Современное толкование слова *мечта* можно встретить у писателей конца XIX века. Например, у А.П. Чехова: «*Тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе маленькую усадобку где-нибудь на берегу реки или озера*» («Крыжовник»).

Чтение классической художественной литературы и понимание ее невозможно без комментария, который «выполняет роль моста над пропастью, разделяющей “наше “ и “ то“ время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох» [Тер-Минасова, 2004: 112].

Наиболее распространенным комментарием можно считать такой, когда необходимо объяснить студенту-иностранцу (да и не только иностранцу) детали быта, которые уже устарели, гражданские чины, существовавшие, например, во времена А.П. Чехова. Вспомним рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий» (1883). Студенты, прочитав этот рассказ, сначала не поняли, почему тонкий, узнав о том, кем работает толстый, «*вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный*

подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...». Преподавателю пришлось прибегнуть к социокультурному комментарию, чтобы объяснить иностранным учащимся ключевые понятия этого отрывка, в частности рассказать о том, что представляют собой словосочетания **тайный советник и коллежский асессор**.

Оказалось, что коллежский асессор, которым служил тонкий, – это гражданский чин (с 1717 по 1917 гг.), занимавший с 1722 года место VIII класса в Табели о рангах царской России и соответствовал до 1884 г. чину майора. Обладатели такого чина обычно служили в должности регистратора, секретаря или советника. Название чина происходило от должности асессора, то есть заседателя в петровских коллегиях, в Сенате, губернских судах. Тайный советник, до которого дослужился толстый, это гражданский чин III класса Табели о рангах, он соответствовал чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала. Лица, его имевшие, занимали высшие государственные должности, например, министр или товарищ министра, руководитель крупного департамента, сенатор, академики Императорской Академии Наук, в III классе были и некоторые губернаторы, долго управляющие своей губернией и произведённые в тайные советники в знак признания особых заслуг и перед переводом с повышением в столицу [Ващекина, 2015, с. 327].

Комментарий к этим выражениям показал студентам-иностранцам, что эти понятия означают очень важный момент в жизни каждого чиновника в царской России: тайный советник в отличие от коллежского асессора обозначает высший гражданский чин. Знание этого факта раскрывает читателю глаза на те перемены, которые произошли не только с тонким и членами его семьи, но и их вещами, и на поведение тонкого.

Таким образом, «социокультурный комментарий, имеющий целью обеспечить наиболее полное понимание текста, восполнить недостаток фоновых знаний у читателя, разрешить конфликт культур и перевести его в диалог, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, остро необходим как иностранному

читателю при изучении русского языка, так и современному русскому читателю» [Тер-Минасова, 2004: 113].

Список литературы:

1. Битехтина Н.Б., Горбаневская Г.В., Доменко Н.В. и др. Методическая мастерская. Образцы уроков по русскому языку как иностранному. – 2 –е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 176 с.
2. Ващекина Т.В. Художественный текст – уникальный объект исследования в иностранной аудитории // Многомерные миры языка: избранные труды международной научной конференции. – М.:РУДН, 2015, – 409 с. : ил.
3. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Русский язык, 1989. – 152 с.
4. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. – М.: Рольф, Айрис-пресс, 1999 – 208 с.- (домашний репетитор).
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с., ил. – (классический университетский учебник).

Сведения об авторе:

Ващекина Татьяна Владимировна; кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра сопоставительного изучения языков; E-mail: vascjulia@yandex.ru; +79265253783; 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д.6, корп. 2, кв.17.

Author's personal data: Tatiana V. Vaschekina, candidate of philological sciences. docent, Lomonosov Moscow State University, foreign language and regional research department, chair of language comparative study, E-mail: vascjulia@yandex.ru; +79265253783; 115419, Moscow, street Ordzhonikidze, 6/2 – 17

**О РУССКОЙ ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА НА ФОНЕ
ДРУГИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (НА
МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ ПОСЛОВИЦ)**

Котова М. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Русская пословичная картина мира как часть русской языковой картины мира включает пословичные стереотипы оценок разных ситуаций. Эти ситуации дифференцируются в нашей тематической классификации. В докладе будет рассмотрена одна из тематических групп этой классификации – «Взаимоотношения людей», как она представлена в наших словарях пословиц (в ее двенадцати тематических подгруппах). Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц дает возможность для сопоставления русской пословичной картины мира с белорусским и украинским языками. Целью данного исследования является выявление совпадений и различий восточнославянских пословичных параллелей русских пословиц указанной тематической группы как части русской пословичной картины мира. Материал для исследования получен методом социолингвистического паремиологического эксперимента и тематического паремиографирования. Данное сопоставление на указанном материале предпринимается впервые. В заключении приводятся результаты анализа по группам пословичных параллелей (полные параллели, аналоги и лакуны).

Ключевые слова: восточнославянские пословицы, пословичная картина мира, тематическая классификация, взаимоотношения людей, электронный словарь пословиц.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (№ 20-012-00105).

Abstract: *Russian proverbial vision of the world as part of the Russian language vision of the world includes verbal stereotypes of assessments of different situations. These situations are differentiated in our thematic classification. The paper will consider one of the thematic groups of this classification – "The relationship between people", as it is presented in our dictionaries of proverbs (in its 12 thematic subgroups). The Electronic dictionary of current active East Slavonic proverbs makes it possible to compare the Russian proverbial vision of the world with the Belarusian and Ukrainian languages. The purpose of this research is to identify the coincidences and differences of the East Slavonic proverbial parallels of the Russian proverbs of the specified thematic group as a part of the Russian proverbial vision of the world. The material for the study was obtained by the method of sociolinguistic paremiological experiment and thematic pare-miography. This comparison is being made for the first time on the specified material. In conclusion, the results of the analysis of groups of proverbial parallels (full parallels, analogues and lacunae) are represented.*

Key words: *East Slavonic proverbs, Electronic dictionary of proverbs, proverbial vision of the world, relationship between people, thematic classification.*

Вступление

В нашем «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» [1] (далее – РССПАС) в разделе «Тематический указатель русских пословиц» [1, с. 182-203] активные русские пословицы из паремиологического минимума Г. Л. Пермякова [3, с. 154-166] представлены в нашей тематической классификации в двенадцати тематических главах.

Русские пословицы из некоторых тематических групп указанной классификации (как сегментов русской пословичной картины мира) в сравнении с другими языками ранее рассматривались в исследованиях А. А.

Колпаковой, М. Ю. Котовой, И. Зимони-Калининой [4; 5; 7] и др. Методологический опыт этих исследований, в которых были использованы одни и те же источники (РССПАС и выпуски наших «Тетрадей паремнографа» - далее ТП), лег в основу данной статьи, в которой исследуется как материал из РССПАС и ТП, так и Электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц (далее – ЭССАВП) [1; 2].

Целью нынешнего исследования является сопоставление русской пословичной картины мира в пределах тематической группы «Взаимоотношения людей» с ее белорусским и украинским пословичным отражением (на материале ЭССАВП).

Структура и особенности тематической группы русских пословиц «Взаимоотношения людей»

Тематическая глава «Взаимоотношения людей» разделена на двенадцать подразделов, внутри которых пословицы представлены в виде противопоставленных по смыслу групп (столбцах) или в середине страницы, если противопоставление содержится внутри самой пословицы [1, с. 195-198]. В эту тематическую группу включено 104 русские пословицы, что составляет 20 % от всех русских пословиц в словаре. Перечислим эти подгруппы рассматриваемой тематической главы:

- 1) Хороший – плохой человек в отношениях с другими людьми
- 2) Благодарность – неблагодарность за помощь
- 3) Единство личности и общества – обособленность личности от общества
- 4) Общность – иждивенчество
- 5) Щедрый подарок – скупой
- 6) Сытый – голодный
- 7) Своё – чужое
- 8) Встреча – расставание
- 9) Смирение – гордость (высокомерие)

- 10) Сочувствие – равнодушие
- 11) Обещание – выполнение обещания
- 12) Начальник – подчиненные.

В левом столбце в каждой тематической подгруппе даются русские пословицы с позитивными коннотациями, содержащими: яркую положительную оценочность (подгруппы 1, 3, 4, 5, 8), рекомендацию (подгруппы 2, 9), предостережение (подгруппы 2, 5, 6, 7, 9, 11), констатацию объективных обстоятельств (подгруппы 3, 7, 9).

В правом столбце каждой тематической подгруппы представлены русские пословицы с пейоративной окрашенностью, характеризующие характер человека: в подгруппе 1 - чёрствость, самовлюбленность, хищность, неблагодарность, двуличие, подлость, невежество, эгоизм; в подгруппе 3 - обособленность, в подгруппе 4 – иждивенчество, в подгруппе 5 – скупость, в подгруппе 10 – равнодушие, в подгруппе 11 – невыполнение обещания и пр.

Согласно нашим предыдущим выводам, тематические подгруппы с большим количеством синонимов или/и антонимов оказались доминирующими сегментами русской пословичной картины мира. Эти подгруппы выделяют наиболее яркие черты русского мироощущения, воплощенного в пословицах [6]. В тематической группе «Взаимоотношения людей» такими доминирующими подгруппами являются вторая, третья и пятая подгруппа.

Русские пословицы в сопоставлении с их активными белорусскими и украинскими пословичными параллелями

Белорусские и украинские пословичные параллели русских пословиц в ЭССАВП являются современными активными употребительными пословицами, так как все они прошли через наши социолингвистические паремиологические эксперименты, а затем были подкреплены контекстами употреблений [2; 8].

При сопоставлении русских пословиц из тематической группы «Взаимоотношения людей» с их белорусскими и украинскими пословичными параллелями в ЭССАВП обратим внимание на то, что выявлено:

- полных пословичных параллелей (полное совпадение образности, компонентов и структуры): 89 белорусских (например: рус. *Сытый голодного не разумеет* - белорус. *Сыты галоднаму не спагадае*) и 77 украинских (например, рус. *Своя рубашка ближе к телу* – укр. *Своя сорочка до тіла ближче*);

- пословичных аналогов (с отличающейся от русской пословицы образной основой): 14 белорусских пословичных параллелей (например: рус. *Не дорог подарок, дорога любовь* – белорус. *Не дораг абед, а дораг прывет*) и 12 украинских пословичных параллелей (например: рус. *Каков привет, таков и ответ* – укр. *Який добри день, такий і бувай здоров*);

- несколько лакун: 6 лакун в белорусском языке (например, к русской пословице */Во всём/ Виноват стрелочник*) и 15 лакун в украинском языке (например, к русской пословице *Москва слезам не верит*);

- совпадение типов белорусских и украинских параллелей в 78 случаев (например, одновременно полные параллели (72): рус. *Дорога ложка к обеду* - белорус. *Дарагая лыжка да абеду* – укр. *Дорога ложка до обіду*; в белорусском и украинском аналоги (4): рус. *Не мытьём, так катаньем* - белорус. *Не кіем, дык палкай*– укр. *Не кієм, так палицею*; в обоих языках лакуны (2), например, к русской пословице *Ему разжуй и в рот положи*).

Заключение

Самым распространенным типом параллелей при анализе тематической группы «Взаимоотношения людей» на материале ЭССАВП оказались полные пословичные параллели (89 белорусских и 77 украинских), что позволяет сделать вывод о том, что русская пословичная картина мира в данном сегменте, в основном, находит полное отражение в белорусской и украинской пословичных картинах мира.

Белорусские и украинские пословичные параллели с иной образностью, не совпадающей с русскими пословицами -14 белорусских пословичных аналогов и 12 украинских пословичных аналогов - являются знаками идентичных ситуаций. Они демонстрируют специфику внутренней формы белорусских и украинских пословиц, но при этом показывают совпадение оценочных стереотипов одних и тех же ситуаций, обозначенных пословицами трех языков.

Отсутствие активной пословичной параллели (наличие в нашем материале шести белорусских и пятнадцати украинских лакун) позволяет предположить, что при характеристике ситуаций, зафиксированных русскими пословицами, белорусский и украинский языки пользуются другими языковыми средствами - не на паремиологическом уровне языка, а на других языковых уровнях.

Список литературы

1. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с. (РССПАС)
2. Котова М. Ю., Боева Н. Е. Тетради паремиографа. Выпуск 5. Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: Учебно-методическое пособие для студентов / Под ред. М. Ю. Котовой. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2019. – 304 с. (ТП)
3. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
4. Kolpakova, A.(2020). Russian proverbs about Love and their paremiological reflection in Bulgarian and Polish cultures // Bulgarian Language and Literature. Volume 62, Number 6, P. 577-584.
5. Kotova M., Kolpakova A. (2018). Russian-Bulgarian-English Proverbial Parallels on Wealth and Poverty // 11 Coloquio Interdisciplinar sobre Proverbios / 11th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs: Actas ICP 17 Proceedings. Tavira:

Assosiacao Internacional de Paremiologia / International Association of Paremiology (AIP – IAP. P. 392 – 403.

6. Kotova M. Yu., Raina O. V. (2020). Towards a linguistic vision of the world at the paremiological level of language. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 17 (3): 487–504.

7. Zimonyi-Kalinyina I. (2021): Hungarian parallels of the Russian paremiological minimum, thematic group Time. Patience // *Lingua Viva* 32, Katedry Jazyků Pedagogické Fakulty Jihočeské Univerzity v Českých Budějovicích. Česke Budějovice 2021 pp. 9-18.

8. Украинские пословицы: Соціолінгвістичний пареміологічний експеримент [Электронный ресурс] Режим доступа к опросу [URL https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdH_qyzoYCNGaxvFviucA2xDnEv72e-CoKajJs1oAU1f4xsQ/viewform]

Сведения об авторе:

Котова Марина Юрьевна; доктор филологических наук, профессор, кафедра славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; m.kotova@spbu.ru; +79213690644.

Kotova Marina Yurievna; Doctor of Philology, Professor, Department of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; m.kotova@spbu.ru; +79213690644.

**ПРОБЛЕМАТИКА ПОДБОРА ПОСЛОВИЧНЫХ
УКРАИНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ
СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
ПОСЛОВИЦ**

Мущинская В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема подбора украинских пословичных параллелей к русским пословицам в «Электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц» на основе социалингвистического эксперимента. Данные эксперимента позволяют выявить степень употребительности украинских пословиц среди носителей языка.

Ключевые слова: пословица, пословичная параллель, социалингвистический эксперимент, украинский язык, электронный словарь

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00105/21. Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00105/21.

Abstract: The article considers the problem of choosing a Ukrainian proverbial parallels to Russian proverbs in the "Electronic Dictionary of Modern Active East Slavic Proverbs" based on a sociolinguistic experiment. The data of the experiment allow us to identify the degree of use of Ukrainian proverbs among native speakers.

Keywords: electronic dictionary, proverb, proverbial parallel, Russian language, sociolinguistic paremiological experiment, Ukrainian language.

Одной из основных задач проекта «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (далее – ЭССАВП) - это выявление

активных современных украинских пословичных параллелей для русских пословиц с целью определения восточнославянского паремиологического ядра.

Материалом для ЭССАВП является «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее - РССПАС), созданный на базе паремиологического минимума Г. Л. Пермякова и данные украинского паремиологического социолингвистического эксперимента [1, 3, 4]. В РССПАС общее количество украинских пословиц составляет 826 единиц, русских пословиц – 500 единиц, то есть одной русской пословице в РССПАС соответствует несколько украинских пословичных параллелей из различных словарей.

Общие результаты украинского социолингвистического эксперимента (далее - УЭ) представлены в работе М. Ю. Котовой «К вопросу о восточнославянском паремиологическом ядре» [2, с. 1424-1425].

В настоящем исследовании рассматривается проблема подбора пословичных украинских параллелей для активных русских пословиц. Для того, чтобы определить действительно ли украинские пословичные параллели употребляются в современном украинском языке, они были пропущены через поиск их контекстных употреблений в интернет-источниках.

Приведем пример.

Русской пословице *Куда иголка, туда и нитка* со значением ‘о следовании того человека, который зависит от другого, за тем, кто лидирует и определяет направление’ в РССПАС соответствует полная украинская пословичная параллель *Куди голка, туди й нитка* [2, 65], что подтверждается контекстом:

У Павлівці п'ять років тому замешкало подружжя Марії Козуч і Матіаса Гонфнера. Це вони перетворили давно занедбану колгоспну стайню на... великий голубник. Голуби — давня пристрасть німецького підприємця. Тож, коли він переїхав жити в Україну, батьківщину дружини, то привіз із собою і найдорожче — птахів. Треба сказати, що пані Марія спочатку зовсім

не була у захваті від чоловікового хобі — і витрат чимало, і праці. **Проте, куди голка — туди й нитка.** <http://report.if.ua/socium/Hto-shvydshe-dodomu/>

Для социолингвистического паремиологического эксперимента было отобрано 193 украинских пословиц, которые зафиксированы в различных словарях, к которым не обнаружены контекстные употребления в интернет-источниках [4].

Подбор украинской пословичной параллели на основе УЭ не вызывает сложности, если все информанты дали один вариант, например рус. *Дважды два - четыре* и укр. *Два на два - чотири* [4].

Однако большая часть украинских пословиц в РССПАС отмечена не как основная пословичная параллель, а как синонимическая.

Приведем пример.

Русской пословице *Кошка из дому, мышки в пляс* со значением '1) О детях, которые начинают озорничать, как только родители уходят из дому. 2) О подчинённых, которые в отсутствие начальника делают то, что в его присутствии запрещено' в РССПАС соответствует относительное пословичное соответствие, содержащее близкий к исходной пословице образ *Коли миші kota не чують, то собі безпечно гарцюють; Кицька з дому - мишкам благодать* [2, с. 77]. Пословица относится к тематической группе «Взаимоотношения людей» в разделе «начальник - подчиненные» [2, с. 197].

Иллюстративный материал, извлекаемый из сети Интернет и художественной литературы конца XX - начала XXI вв., подтверждающий употребление украинских пословиц *Коли миші kota не чують, то собі безпечно гарцюють; Кицька з дому - мишкам благодать*, не обнаружен.

В социолингвистический паремиологический эксперимент в интернете с участием информантов-носителей украинского языка по выявлению украинских пословичных параллелей к русским пословицам были включены пословицы *Кицька з дому - мишкам благодать* и *Коли миші kota не чують, то собі безпечно гарцюють*, у которых была усечена постпозиционная часть для того, чтобы информанты могли дописать свой вариант этих пословиц.

Данные социолингвистического эксперимента (12 ответов из 21) показывают, что русской пословице *Кошка из дому, мышки в пляс* соответствуют 9 вариантов украинских пословичных параллелей:

Кицька з дому - мишам благодать (1 инф.)

Кицька з дому - миші в танець (2 инф.)

Кицька з дому - миші у танець (1 инф.)

Кицька з дому - миші в танок (2 инф.)

Кицька з дому - миші в хату (2 инф.)

Кицька з дому - миші в дім (1 инф.)

Кицька з дому - миші на стіл (1 инф.)

Кицька з дому - миші раді (1 инф.)

Кицька з дому - мишкам гарно (1 инф.)

Пословицы *Кицька з дому - миші в танець* и *Кицька з дому - миші у танець* можно считать одним вариантом, так как в украинском языке предлоги *у* и *в* морфологически тождественны и употребляются согласно правилам благозвучия: если слово заканчивается на согласный звук, употребляется предлог *у*, если слово заканчивается на гласный, употребляется предлог *в*. Данные пословицы являются полными пословичными параллелями к русской пословице *Кошка из дому, мышки в пляс*.

В украинских пословичных параллелях *Кицька з дому - миші в танець* и *Кицька з дому - миші в танок* и *Кицька з дому - миші в хату* и *Кицька з дому - миші в дім* происходит лексическая вариантность - замена синонимом.

В остальных пословичных параллелях вторая часть подвергается замене. Таким образом их можно отнести к новообразованиям.

Данные социолингвистического эксперимента (8 ответов из 21) показывают, что русской пословице *Кошка из дому, мышки в пляс* соответствует 8 вариантов украинской пословичной параллели *Коли миші кота не чують, то собі безпечно гарцюють*:

Коли миші кота не чують, то собі безпечно гарцюють (4 инф.)

Коли миші кота не чують, то безпечно гарцюють (1 инф.)

Коли миші kota не чують, то танцюють (1 инф.)

Коли миші kota не чують, то хазяйнують (1 инф.)

Коли миші kota не чують, то кіт ласо поїсть (1 инф.)

В пословицах *Коли миші kota не чують, то собі безпечно гарцюють* и *Коли миші kota не чують, то безпечно гарцюють* наблюдается синтаксическая вариантность.

В пословице *Коли миші kota не чують, то танцюють* проявляется как лексическая вариантность, так как одно из значений слова *гарцювати* ‘танцевать’, так и синтаксическая вариантность.

Пословицы *Коли миші kota не чують, то хазяйнують*, *Коли миші kota не чують, то кіт ласо поїсть* можно отнести к новообразованиям, поскольку вторая часть подвергается изменению.

В электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц по результатам УЭ можно включить украинскую пословицу *Кицька з дому - миші в (у) танець (танок)* в качестве полной пословичной параллели русской пословицы *Кошка из дому, мышки в пляс*, а пословицу *Коли миші kota не чують, то (собі безпечно) гарцюють (танцюють)* включить в качестве синонимичной.

Таким образом исследование показало, что социолингвистический эксперимент является важной составляющей проекта «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц». Данные социолингвистического эксперимента позволяют подобрать украинские пословицы по степени их употребительности среди носителей языка. Это отчетливо проявляется в случае, когда русской пословице соответствует относительное пословичное соответствие, содержащее близкий к исходной пословице образ.

Список литературы:

1. Котова М. Ю. К вопросу о восточнославянском паремиологическом ядре // Материалы Международной конференции по естественным и гуманитарным наукам «Science SPbU – 2020». С. 1424-1425.
2. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. - 360 с.
3. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. - 236 с.
4. Украинские пословицы: Соціолінгвістичний пареміологічний експеримент [Электронный ресурс] Режим доступа к опросу [URL https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdH_qyzoYCNGaxvFviucA2xDnEv72e-CoKajJs1oAUI1f4xsQ/viewform]

Сведения об авторе:

Мушинская Виктория Владиславовна; кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; v.mushinskaya@spbu.ru +79219987858

Mushchinskaiia Viktoriia Vladislavovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 199034, Russian Federation, Saint Petersburg, University embankment, 11; v.mushinskaya@spbu.ru +79219987858

ВАРИАТИВНОСТЬ ИНФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА АНТИПОСЛОВИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Н. В. Кирюхина

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

г. Орёл, Россия

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию семантики постфольклорных текстов антипословиц и направлена на установление наиболее коммуникативно релевантных и продуктивных типов инференции инновационных паремических текстов, а также освещению проблемы соотношению терминов «антипословица» и «универсальное высказывание».

Abstract: This article is devoted to the study of the semantics of post-folklore texts of anti-proverbs and is aimed at establishing the most communicatively relevant and productive types of inference of innovative proverbial texts, as well as highlighting the problem of correlation of the terms "anti-proverbs" and "universal saying".

Ключевые слова: пословица, антипословица, импликатура, инференция, универсальное высказывание.

Key words: proverb, anti-proverb, implicature, inference, universal saying.

Антипословицы выступают в качестве специфической формы пародии на традиционные пословицы и призваны высмеивать и подвергать сомнению так называемую традиционную истину, обрамленную в пословицу. Как справедливо подчёркивают Х. Вальтер и В. М. Мокиенко, «переделки пословиц являются такими же древними, как и сами пословицы» [9, с. 8]. Массовое распространение пародийных пословиц находит свое отражение в интернациональных публицистических и художественных текстах XX века: *Marry in haste, and pay alimony at leisure; Lügen haben schöne Beine; Голод не тетка - в лес не убежит*. В научной литературе можно встретить различные термины для обозначения антипословицы: переделка, пародия, трансформация, вариация, саркастическое замечание, намеренная пословичная инновация, мутация и др. [7, с. 15].

Целью же настоящей работы является определение наиболее коммуникативно востребованной группы антипословиц, разделенных на три содержательных секции «в зависимости от их инференциального потенциала, т. е. вероятных осмыслений, вытекающих из их содержания» [4, с. 231]. Для достижения обозначенной цели в работе рассматривается содержание термина «антипословица» и проводится систематизация антипословиц по группам в зависимости от выводимого смысла антипословичного высказывания.

Стоит отметить, что границы термина «антипословица» всё ещё являются размытыми, что само по себе требует тщательного исследования антипословичного жанра как такового. В строгом смысле, антипословица – это индивидуальный речетворческий продукт, модифицирующий семантико-синтаксическую структуру традиционной пословицы-донора (*Ср.* «*A man's home is his castle*» - «*A married man's home is his castle, with him being his vassal*»). Однако существует большое количество антипословиц, построенных не на базе традиционной пословицы, а образованных по заданным синтаксическим провербиальным моделям, что, в свою очередь, обуславливает жанровую принадлежность антипословицы. Например, пословицы «*Жена прядёт, а муж пляшет*», «*Жена мелет, а муж спит*» имеют чётко выраженную оппозиционную структуру, на основе которой образуется антипословица «*Женщина из двух зол выбирает умного, а мужчина – красивую*». Таким образом, в отечественной и зарубежной паремиологии сосуществуют два подхода к пониманию термина «антипословица»: узкий и широкий. Сторонниками узкого подхода выступают зарубежные исследователи паремиологического фонда языка В. Мидер и А. Т. Литовкина, рассматривающие под антипословицей умозаключение, сформированное на базе традиционной пословицы и модифицирующее ее значение [8]. Согласно второму подходу, которого придерживаются Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко, антипословицы – это модификации традиционных пословиц, афоризмов и других прецедентных текстов [1]. Как подчёркивает Е. Е. Иванов, исходной базой для провербиальной инновации может выступать не только

отдельно взятая пословица, но и пословичный жанр вообще, «его основные функции (дидактическая, аргументативная и др.), когнитивные доминанты провербиальной картины мира (состав отображаемых социокультурных реалий, система концептов и категорий, ценностных установок и др.)» [3, с. 38]. Так, например, в традиционной английской пословичной картине мира транслируется *неконвенциональная* или же *коммуникативная импликатура* [6] «умение обращаться с деньгами»: «*A fool and his money are soon parted*»; «*A penny saved is a penny earned*»; «*Better give a shilling than lend a half-crown*». Однако согласно новым социокультурным реалиям, вербализуемыми антипословицами, данная национальная ценность теряет свое актуальность, поскольку человеку необязательно быть умным и уметь совершать выгодные вложения, чтобы сохранить свои деньги: «*If a fool and his money are soon parted, why are there so many rich fools?*», «*A fool and his money are soon parting*». Можно утверждать, что антипословицы также обладают дидактическим, нравоучительным и предупредительным потенциалом, только транслируемые антипословичными текстами ценности раскрываются под другим углом, обнажая новую грань мудрости социума, актуальную на данном этапе развития того или иного общества.

Несмотря на тот факт, что антипословицы не имплементированы в единую когнитивную базу того или иного общества, в отличие от традиционных пословиц, их (предположительно) можно отнести к разделу *универсальных высказываний* [2]. Важной семантической характеристикой пословиц выступает их способность выражать законченную мысль. Как отмечает Е. Н. Гаврилова, универсальные высказывания – это высказывания, обладающие «генерализированной семантикой, обеспечивающей самодостаточность их смысла, полноту содержащейся в них информации» [5, с. 139]. Относительно синтаксической структуры таких высказываний, Е. Н. Гаврилова подчёркивает: «содержание универсальных высказываний безотносительно к способу выражения и может быть оформлено всеми известными типами традиционно выделяемых простых и сложных

предложений». [5, с. 138]. Таким образом, именно функциональный подход является основным дифференцирующим критерием для отделения универсальных высказываний от конкретизированных. Отечественный лингвист В. И. Карасик объясняет самодостаточность пословиц следующим образом: «автосемантические высказывания функционируют в качестве аргументов, предназначенных для убеждения и/ или развлечения аудитории, их содержание самодостаточно и применимо к широкому спектру ситуаций» [4, с. 230].

Итак, первый класс универсальных антипословичных высказываний составляют те антипословицы, которые диктуют единственный вариант прочтения, т. е. характеризуются низкой инференциальной вариативностью: «*A fool and her money are soon courted*» (Ср. «*A fool and his money are soon parted*»). Данная антипословица имеет единственно возможный вариант трактования – за глупой, но богатой девушкой всегда кто-то ухаживает (очевидно, потому что ей свойственна чрезмерная наивность, в связи с чем мужчине легко обмануть её и завладеть её деньгами). Перечислим еще несколько примеров антипословиц первого типа: «*A Miss is as good as a Mrs*» (женщины бывают привлекательными и вне зависимости от их семейного положения), «*All work and no pay makes a housewife*» (если вам не платят за работу – вы домохозяйка). Антипословицы с низкой инференциальной вариативностью обладают прозрачным смыслом, легко воспринимаются коммуникантом и не требуют дальнейшего декодирования авторского изречения. К данному типу антипословиц относится большинство антипословиц английского языка.

Второй класс составляют те антипословицы, значение которых закодировано и обладает повышенной инференциальной вариативностью, что объясняется наличием двух и более вариантов прочтения антипословицы. Например, антипословицу «*Behind every beautiful woman, there's a beautiful woman*» можно интерпретировать как минимум тремя различными способами: 1) стать красивой женщине помогла другая красивая женщина (очевидно, владеющая азами косметологии); 2) за одной красивой женщиной

стоит другая красивая женщина (т. е. обе состоят в любовных отношениях); 3) совет-напутствие мужчине – не переживать из-за разрыва отношений с красивой женщиной, поскольку её место легко может занять другая красивая женщина.

Третий тип по степени выводимости смысла составляют антипословицы, значение которых паролно, то есть не подлежит декодированию путем привлечения здравого смысла. Интерпретация антипословиц данного типа вносит явный когнитивный диссонанс в процесс коммуникации, когда референциальные связи не осознаются коммуникантом, поскольку значение антипословицы не выводится из слов-компонентов антипословицы. Например, кажется, что антипословица *«You can tell a lot about a person by the time she keeps»* совершенно лишено смысла. Однако если ознакомиться с оригинальным контекстом употребления данной антипословицы, то мы узнаем, что она является рекламным слоганом марки часов «Omega». Только при знании контекста употребления данной антипословицы возможна адекватная пониманию интерпретация данного выражения, а именно, если женщина носит часы бренда «Omega», то она обладает хорошим вкусом и деньгами.

Стоит заметить, что последняя группа антипословиц обладает высоко замаскированным значением, не поддающимся логическому объяснению без знания коммуникативной среды употребления той или иной пословицы. В данную группу антипословиц также входят следующие примеры: *«A working mothers's best friend is her Maytag»* (*Maytag advertisement*), *«Do unto mothers»* (*Mother's Day advertisement*). В отличие от традиционных пословиц, принадлежащих к третьему типу инференциальной вариативности, антипословицы из этой группы не могут претендовать на статус универсальных высказываний. Пословицы с высокой степенью идиоматичности обрели свое паролное значение 1) с утратой нескольких слов-компонентов, которые изначально и какое-то время входили в её синтаксис, например, изначально пословица *«A miss is as good as a mile»* имела структуру *«A miss in an inch is as good as a miss in a mile»*; 2) со сменой поколений и культурных реалий: *«Люби*

жену, как душу, трясси её, как грушу»», в славянской культуре дерево груша было символом материнства и плодородия, поэтому данная пословица вовсе не несёт в себе директива «бить жену», наоборот, данная пословица означает, что муж любит жену и хочет от неё детей. Очевиден тот факт, что антипословицы третьей группы в отличие от пословиц третьей группы обладают конкретизирующим значением, привязанным к обстоятельствам употребления в речи.

Благодаря исследованию свыше 400 антипословиц из словаря антипословиц английского языка В. Мидера и А. Т. Литовкиной удалось установить, что наиболее коммуникативно востребованной выступает первая группа антипословиц, обладающая низкой инференциальной вариативностью, мотивирующей мгновенное понимание антипословичного высказывания коммуникантом. Вторая группа антипословиц, обладающих повышенной инференциальной вариативностью, встречается в словарях антипословиц реже, однако этот факт также свидетельствует о сниженной социальной потребности в антипословицах подобного типа. И, наконец, третья группа антипословиц, обладающая паролным, не выводимым смыслом путем логического анализа высказывания, является редкой в английской коммуникативной среде и пока не может считаться универсальным высказыванием, что обуславливается необходимостью наличия контекста для дешифровки антипословичного изречения с момента генезиса того или иного антипословичного конструкта.

Список литературы

1. Антипословицы русского народа: [словарь] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; ОЛМА медиагруп. - СПб. : Нева, 2005. – 573 с.
2. Гаврилова Е.Н. Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения // Филологические науки. 1986 № 3 С.56-62.
3. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма: учебно-методическое пособие / Е. Е. Иванов. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.

4. Карасик В.И. Выводимый смысл универсальных высказываний // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции / под ред. Л.А. Миловановой. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2017 С.230-238.

5. Лингвистика афоризма. Хрестоматия: учебное пособие / составитель Е. Е. Иванов. – Минск: Вышэйшая школа, 2018. – 303 с.

6. Grice P. Presupposition and Conversational Implicature / P. Grice // Radic. Pragmat. / ed. by P. Cole. — New York: Academic Press, 1981. — P. 183–198.

7. Litovkina Anna T. Teaching Proverbs and Anti-Proverbs, Komárom 2017. – 260 p.

8. Mieder W., Litovkina A. T. Twisted Wisdom. Modern Anti-proverbs. Burlington: The University of Vermont, 2002. – 254 p.

9. Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter: Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. - Greifswald, 2002. – 153 S.

Сведения об авторе:

Кирюхина Надежда Владимировна – ассистент кафедры английской филологии института иностранных языков, «ОГУ им. И.С. Тургенева (Орёл, Россия). E-mail: mila0870@yandex.ru

Kirjuchina Nadezhda Vladimirovna – an assistant lecturer of Oryol State University named after I.S. Turgenev (Oryol, Russia). E-mail: mila0870@yandex.ru

**БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ И
ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ**

Соловьева Е.Е., Бакина А.Д.

*Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
Орел, Россия*

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы, связанные с выявлением ключевых специфических черт библейских фразеологизмов, их статус в системе языка, а также их функции, обусловленные этой спецификой.

Ключевые слова: Библия, библеизм, библейский фразеологизм,

Abstract: The article discusses the questions related to identifying key specific features of biblical phraseological units, their status in the language system, as well as their functions connected to this specificity.

Key words: Bible. Biblicism, biblical phraseological unit, functions

Библия оказала большое влияние на многие народы мира, которые коснулись однажды христианской культуры. Библия – это величайшее произведение. Его колоссальное влияние на многочисленные языки не раз обсуждалось в научной литературе. На протяжении целых веков Библия была самой читаемой и цитируемой книгой в Англии. В связи с этим в английский язык вошли отдельные слова, словосочетания и целые выражения. Единицы, заимствованные многими языками из Библии, относятся к христианской культуре, они имеют библейское происхождение и называются «библеизмами» [1: 93]. Библия определила культуру и языковую картину миру многих европейских народов, включая как католиков Германии и США, так и протестантов Европы. Обогащение фразеологии этих языков посредством библейских мотивов происходило разными путями. Это является причиной

того, что многие фразеологические обороты претерпели значительные изменения своего исходного значения.

Следует отметить, что проникновение библейской лексики в пласт английской фразеологии происходило не только под непосредственным влиянием текста Библии, но и благодаря художественной литературе, которая по сей день вбирает в себя библейские выражения и доносит их до читателя [9: 1170].

Чаще всего фразеологизмы библейского происхождения тесно связаны с греческой и римской мифологией, с мировой культурой. Эта связь является одной из основных причин появления интернациональной библейской фразеологии, используемой во многих языках мира [4: 3].

Итак, понятие «библейзм» используется как по отношению к слову библейского происхождения, так и по отношению к фразеологизмам. При этом разные ученые предлагают разное понимание данного термина, но чаще всего объединяют в понятия библеизма и лексику, и фразеологию.

С точки зрения Е.М. Верещагина, библеизмы представляют собой отдельные слова, устойчивые словосочетания, выражения или даже целые фразы, которые заимствованы из Библии либо подвергаются семантическому воздействию библейских текстов, даже если они в современном языковом сознании не ассоциируются с Библией [3: 91].

По мнению Г.И. Климовской, под библеизмом необходимо понимать «библейское слово или фразеологическое выражение, заимствованное из Священного писания и вошедшее в общее употребление в статусе именно фразеологизма» [6: 264].

Т.Н. Федуленкова определяет библеизм, точнее «фразеологическую единицу библейского происхождения», как «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением, возникшее на основе библейского прототипа и восходящее к тексту Библии или библейскому сюжету» [10: 23].

Довольно подробное определение библеизма приводится в статье А.О. Жолобовой: фразеологический библеизм – это «фразеологическая единица, которая связана с текстом Библии непосредственно, через словесную форму

или ассоциативно, через образ или сюжет», которая «восходит к сегментам библейского текста как с прямым, так и с переносным, образным значением, а также к библейскому повествованию как в буквальном, историческом смысле, так и иносказательном» [4: 5].

Таким образом, библейские фразеологизмы – это устойчивые словосочетания или предложения, которые возникли на основе свободных словосочетаний из Библии (или являлись уже фразеологизированными словосочетаниями в тексте Библии и заимствовались из нее), базируются на определенном библейском сюжете или образе и являются единицами фразеологического фонда языка.

Библеизмы в разных языках могут отличаться друг от друга. Данные различия обусловлены переводческим аспектом. Так, в английском языке, как и в большинстве европейских языков, в качестве материала для заимствования использовалась латинская версия Библии [8: 65]. Частотность использования библеизмов в разных языках может быть различной. Так, по утверждению Б.А. Ильиша, в английском языке библеизмы намного более частотны по своему употреблению, чем в русском языке. Он приводит в пример выражение *the writing on the wall*, которое является очень употребительным в английском языке (даже участвует в создании игры слов, в процессах словообразования), в то время как в русском языке данный сюжет для образования фразеологизмов практически не используется [5: 243].

Английский язык превосходит по численности библеизмов не только русский язык, но и многие западноевропейские языки. По утверждению О.К. Мжельской, библеизмы являются самым частотным источником англоязычной фразеологии, в то время как на втором месте в рамках основы для фразеологизмов используются произведения У. Шекспира. Доходит до того, что часть библейских выражений становятся настолько употребительными, что их библейское происхождение забывается, и они становятся своего рода клише. Их библейское происхождение может быть выделено только благодаря их архаичной орфографии и фонетике. Например, *the Mammon of unrighteousness* (богатство неправедное); *their name is Legion* (имя им – Легион); *the flesh-pots of Egypt* (материальные блага) [8: 65]. Иногда библеизмы имеют указание на

содержащийся в них библейский сюжет. Только по этому сюжету их библейское происхождение еще узнаваемо в английской фразеологии.

Таким образом, под библейской фразеологией мы понимаем совокупность фразеологизмов, заимствованных из библейских текстов, вошедших в общее употребление как с прямым, так и с переносным и образным значением, а также соотносящихся с библейским повествованием как в буквальном, так и в иносказательном смысле.

В современном английском языке библейские фразеологизмы обладают рядом ключевых черт, которые позволяют идентифицировать их в контексте и относить их к этой группе фразеологических единиц. Многие ключевые черты библейской фразеологии кладутся в основу их классификации.

Одной из главных черт библейских фразеологизмов является их связь с Библией и текстами библейского характера. Однако эта связь может быть различной в разных фразеологических единицах.

По мнению Л.К. Байрамовой, согласно связи фразеологизмов с Библией выделяются: прямые и косвенные библеизмы [2: 17]. В прямых библеизмах происходит непосредственная связь с Библией, поскольку они представляют собой цитаты из Священного Писания, отрывки из цитат и библейские сюжеты. Косвенные библеизмы связаны с Библией не напрямую. Это выражения, которых нет в Библии, однако они опираются на библейские сюжеты по одному их компоненту, имеющему ассоциативные связи с Библией.

А.О. Жолобова выделяет три типа библеизмов по их связи с Библией:

1. Выдержки из библейского текста в прямом значении.

Данные библеизмы возникли в результате метафорического или метонимического переноса с прямого значения библейской фразы. Например, *thirty pieces of silver* – тридцать сребреников, *a crown of thorns* – терновый венец.

2. Цитаты метафорического характера.

Данные фразеологизмы являются цитатами из библейского текста, которые уже в Библии имеют метафорический характер, т.е. имеют осложненную семантику.

3. Сюжетные библеизмы.

Данная группа библеизмов представлена выражениями, которые созданы

в языке на основе определенного библейского сюжета. Например, *Manna from heaven* – манна небесная [4: 7-8].

В классификации Э.Б. Праведниковой уже присутствует пять видов библеизмов в зависимости от их связи с Библией. Помимо уже указанных типов, здесь присутствует группа библеизмов, основанных на переосмыслении значения прототипа. Если библейский прототип используется в своем прямом значении, то фразеологизм, образованный от него, создается при помощи его некоторого переосмысления, которое может также сопровождаться незначительными изменениями формы прототипа, как в случае с фразеологизмом *be all things to all people*, прототипом которого является фраза *I am made all things to all men*.

Также этот исследователь упоминает библеизмы, которые возникли на основе одного библейского стиха, хотя отмечает, что таких фразеологизмов в английском языке немного. К примеру, в Книге Второзакония Ветхого Завета есть эпизод, в котором Господь проводит народ Моисея через пустыню. Приведем данный стих: *He found him in a desert land, and in the waste howling wilderness; he led him about, he instructed him, he kept him as the apple of his eye*. На основе данного стиха образовались два фразеологизма: *howling wilderness* в значении дикой, пустынной местности и *apple of one's eye* в значении зеницы ока.

Наиболее подробная классификация английских фразеологизмов по их связи с Библией предлагается в труде А.В. Кунина. Приведем его классификацию полностью:

1. Фразеологизмы со свободным библейским прототипом, т.е. фразеологизмы с переменным сочетанием слов, использующимся в буквальном значении. К примеру, фразеологизм *cast the first stone at somebody* основан на сюжете из Библии, когда книжники и фарисеи, искушая Иисуса, привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии, на что Иисус им ответил: *He that is without sin among you let him first cast a stone at her*. Данная фраза основывается на казни в Иудее путем забрасывания преступника камнями.

2. Вариант библейского прототипа является фразеологизмом. К примеру, для образования фразеологизма *live on the fat of the land* (жить в роскоши) имеет библейский прототип *eat the fat of the land*, который не вошел во всеобщее

употребление.

3. Изменение формы образного библейского фразеологизма. Например, англоязычный фразеологизм *be weighed in the balance and found wanting* (оказаться неподходящим, недостаточным, не оправдать надежд) в Библии имеет вид: *thou art weighed in the balances, and art found wanting*.

4. Искажение библейских оборотов как результат неправильного цитирования. К примеру, фразеологизм *he that runs may read* (всякий поймет, всякому доступно) возник из-за неправильного цитирования отрывка из Библии: *And the Lord answered me, and said, Write the vision and make it plain upon tables, that he may run that readeth it*.

5. Компоненты фразеологизма используется в Библии в буквальном значении, однако не образуют переменного сочетания. Например, фразеологический оборот *loaves and fishes* имеет значение «земные блага». В это же время единицы *loaves* (хлебы) и *fishes* (рыбы) используются в Евангелие в предании о том, как Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами сотни людей. Т.е. в Библии данные слова используются по отдельности, но не в совокупности.

6. Часть фразеологизмов английского языка основана на библейском сюжете, но не имеют библейского прототипа. К примеру, фразеологизм *a dead letter* (мертвая буква) основан на отрывке из Библии: *Who also hath made us able ministers of the New Testament: not of the letter, but of the spirit: for the letter killeth, but the spirit saveth life*.

7. Фразеологизм образуется по аналогии с библейским оборотом или является результатом игры слов, как, например, фразеологический оборот *the light of one's countenance* (ирон. благосклонность, расположение) образован в связи с библейским оборотом «свет лица господня»: *Lord, lift thou up the light of my countenance upon us* [7: 59-65].

Другой особенностью библейских фразеологизмов является их связь в разных языках. Другими словами, при сопоставлении библеизмов, являющихся фразеологизмами разных языков, выделяются группы фразеологических единиц разной степени смежности:

1. Фразеологизмы, которые имеются во многих языках и соотносятся друг

с другом по значению. Например, английский фразеологизм *Manna from heaven* имеет эквиваленты в русском (*манна небесная*), французском (*Manne celeste*) и немецком (*Manna von Himmel*) языках.

2. Фразеологизмы, использующие лишь в ряде языков, однако отсутствующие в других культурах. К примеру, английский фразеологизм *Strain at a gnat* имеет эквивалент в русском (*оцеживать комара*) и в немецком (*Mücken sehen*) языках, однако не используется во французском языке.

3. Фразеологизмы, специфические для одного языка из группы, т.е. которые не имеют эквивалентов в других языках. К примеру, только в английском языке есть фразеологизм *in deep water* (находиться в затруднении, столкнуться с трудностями), который восходит к Евангелию от Луки, притче о пахаре [9: 483-484].

Многие библейские фразеологизмы имеют национально-культурную специфику и не имеют эквивалентов в других языках. Чаще всего подобные фразеологизмы содержат в своем составе имена собственные. К примеру, *Job* (многострадальный, покорный человек, Иов); *Job's post* (человек, приносящий дурные вести); *Job's news* (печальные новости) и т.д. [8: 66].

Основные особенности библейских фразеологизмов заключаются в их стилистической коннотации. Отмечается, что библеизмы редко используются с нейтральной стилистической окраской. Чаще всего они либо «возвышают» контекст, либо придают ему юмористическую (сатирическую) окраску. К примеру, в английском языке имя *Cain* имеет в основном значение «братоубийца, предатель». С другой стороны, это имя также используется в значении «бунтарь» [8: 152].

Многие английские библеизмы обладают экспрессивной стилистической окраской, поскольку они образно характеризуют предметы и явления действительности. Экспрессивными фразеологизмами библейского происхождения являются *the Alpha and Omega* (начало и конец), *the land of promise* (земля обетованная) [11: 648].

Помимо этого, библейские фразеологизмы английского языка имеют оценочную коннотацию, поскольку они несут мощный оценочный заряд. Причем в большинстве случаев либо положительная, либо отрицательная

оценка уже заложена в Библии.

С другой стороны, как отмечает А.О. Жолобова, в английском языке большему количеству библеизмов свойственна стилистическая нейтральность, в отличие от русского языка, в котором библеизмы относятся, как правило, к книжному стилю, или испанского языка, где библеизмы являются по большей части разговорными оборотами [4: 9].

Другой характерной чертой библейских фразеологизмов является их многофункциональность в тексте. Среди функций библейских фразеологизмов в английском языке выделяются:

1. Эмоциональная функция (положительная, отрицательная, ироническая, торжественная окраска), например, *a lion in the way* (ирон. мнимая опасность), *a wolf in sheep's clothing* (нег. волк в овечьей шкуре).

2. Экспрессивно-оценочная функция, поскольку зачастую в фразеологических единицах присутствует оценочный компонент. Например, *the olive branch* (символ мира, попытка к примирению, положительная оценка), *the salt of the earth* (соль земли, положительная оценка).

3. Образная функция, поскольку они частично или полностью переосмыслены в английском языке. С другой стороны, в английском языке есть фразеологизмы, в которых нет образного компонента, например, *dust and ashes* (прах и пепел).

4. Функция персонификации неодушевленных предметов и явлений, например, *one's guiding star* (путеводная звезда).

5. Функция преувеличения в фразеологизмах, основанных на гиперболе, например, *a cloud of witnesses* (множество свидетелей).

6. Функция умолчания неприятных слов или фактов. Чаще всего данная функция используется в фразеологизмах, описывающих смерть, например, *the valley of the shadow* (грань между жизнь и смертью) [11: 649-650].

Функции библеизмов напрямую зависят от их характерных особенностей в английском языке.

Таким образом, можно обобщить ключевые черты библейских фразеологизмов, которые имеют большое значение в методическом аспекте:

- прямая или косвенная связь с Библией и библейскими сюжетами;

- метафоричность;
- частая интернациональность;
- разное время образования;
- окказиональные образования;
- наличие стилистической окраски;
- многофункциональность.

Список литературы:

1. Апетян М.К. Библизмы в английском языке // Молодой ученый. – 2014. – №14. – С. 93-95.
2. Байрамова Л.К. Эквивалентность библейских аксиологических фразеологизмов // Филология и культура. – 2013. – № 1. – С. 17-22.
3. Верещагин Е.М. Библическая стихия русского языка: сборник научных статей. – 1993. – № 1. – С. 90-98.
4. Жолобова А.О. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2005. – 18 с.
5. Ильиш Б.А. Современный английский язык. – М.: Лит.на ин. яз., 1948. – 321 с.
6. Климовская Г.И. Старославянский язык. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2011. – 420 с.
7. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. – М.: Международные отношения, 1972. – 289 с.
8. Мжельская О.К. Актуальные проблемы перевода библизмов // Омский научный вестник. – 2007. – № 2 (54). – С. 151-152.
9. Праведникова Э.Б. Тождественность современных фразеологизмов библейской этимологии оригинальным текстам // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 4. – Т. 18. – С. 1170-1174.
10. Федуленикова, Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 146 с.

11. Федуленкова Т. Н. Связи функционирования библейских фразеологизмов английского языка как признак системности // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 12-3. – С. 648-651.

Сведения об авторах:

Соловьева Екатерина Евгеньевна, магистрант, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, solowyowakaterina@yandex.ru

Solovjova Yekaterina Yevgenyevna, Master's student, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, solowyowakaterina@yandex.ru

Бакина Анна Дмитриевна; кандидат филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95,

E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Bakina Anna Dmitrievna; PhD in philological sciences, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation;

E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

16+

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

Сборник научных трудов
V Международной научно-практической конференции
14-15 октября 2021 года, г.Орёл

Подписано в печать 25.10.2021 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 34 усл. печ. л. Тираж 30 экз. Заказ № 257

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru